18+

2026

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

УРАЛ

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2026 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: https://www.pressa-rf.ru/ или https://www.akc.ru/ (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Июнь’ 2026

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

УРАЛ

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области «Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий КАЗАРИН. Вдоль воды. *Стихи* **3**

Елена ВОЛЬНЫХ. Небесный стрелок. *Повесть* **8**

Юлия КОКОШКО. Так падает свет. *Стихи* **34**

Евгения КИСЕЛЕВА. Мне очень жаль. *Рассказ* **39**

Павел ПРОСКУРЯКОВ. Сказки с присказками. *Стихи* **45**

Наталья ВИКТОРОВА. Чайки, чайники, чаинки. *Роман (окончание)* **49**

Сергей БУДЯКОВ. И отстоялось время. *Стихи* **131**

Сергей ПЛАТОН. Погуляем-ка! *Миниатюры из книги «Город Бург 300+»* **135**

Алексей МОШКОВ. В лимбе. *Стихи* **161**

Маргарита ГОЛЕНКО. Шизаня и рыцари. *Рассказ* **165**

Эдуард СИМОНОВ. Полки готовой еды. *Рассказ* **168**

АРХИВ

Рустам ВАЛЕЕВ. Мамка. *Рассказ. (Публикация Айвара Валеева)* **171**

ПОЧТИ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Виктор САВИЦКИЙ. Животные на войне **181**

Екатеринбург

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ОГНЕВ. «Бомба» Бембеля, которая ждет своего часа сорок лет **183**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей АНАШКИН. Пути аутсайдеров. *Кинематограф Дмитрия Давыдова* **204**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Борис КУТЕНКОВ. До весны в материнской утробе.
Константин Куприянов. Помолвка. — М.: Стеклограф, 2026 **221**

Кирилл ЯМЩИКОВ. Разыскивая горечь.
Полина Щербак. Пожирающий. — М.: Самокат, 2025 **224**

Анна АЛИКЕВИЧ. Смерть и немного любви.
Борис Кутенков. Простите, Омаровна. — М.: Выргород, 2026 **227**

Марина ШАРАПОВА. Вот так в этот мир и приходят стихи...
Ирина Колесникова. Останется. — Екатеринбург: Астер, 2026 **229**

Артем КОМАРОВ. Через морскую воду...
Лев Данилкин. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2025 **232**

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Лидия ГОРТИНСКАЯ. А выхода-то и нет, или Читая Илью Кочергина.
Илья Кочергин. Запасный выход. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025 **234**

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

Сергей СИРОТИН. Женщины, пересекающие границы.
Гитанджали Шри. Растворяясь в песках. — М.: Эксмо, Inspiria, 2024 **236**

© Журнал «Урал», 2026.

Юрий Казарин

Вдоль воды

***

Анастасии

Очки на столе распахнуты, как стрекоза,
и смотрят глаза в глаза
очами ночного бога
прямо — и вкось немного.
Трогаешь оком ночь: трава
под свежей поленницей шевельнётся
едва-едва,
и ведро из колодца,
утопшее года два
назад,
голосом господа отзовётся.
Голова закружилась у сада — сад
к северу отвернётся.

***

На хрустальной сковороде —
гладят голое краснопёрки —
камешек блинчиком по воде:
две восьмёрки —
для июня, для божества,
для мальчишки —
вдоль воды, над водой листва —
мальчик, ангельские штанишки,
по хрустальной сковороде —
мальчик шастает по воде,
мальчик всюду, всегда, нигде…

Юрий Казарин — поэт, исследователь поэзии, языковед. Автор многих книг стихотворений и прозы. Стихи публиковались в периодике в России и за рубежом. Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Живут ладони вдоль лица —
так отпусти на волю зренье —
и вечной памятью творенье
увидит своего творца:
начала ночь, и свет конца,
и небывалого растенья
первопричинная пыльца,
чтоб тьму твою не пить с лица,
перемолчат стихотворенье.

***

На стекле подморозка — арабская вязь,
электрические провода.
Высыхая, вода
выливается ввысь, становясь
не водой, а водицей воды,
водицей звезды и пустоты,
водой поворота, где ты
копишь снег для посева
переполненной только собой пустоты.
Ветви молний летучего древа
отклоняются влево —
ближе к сердцу пространства, где ты
выгораешь из гнева.
Без любви и нагрева
умирающей высоты.

***

Ты приезжаешь никогда —
и как трава растёт вода
большая,
незримая, как призрак льда,
себя не воскрешая,
но сотворяя хлябь и лёд,
в который только бог войдёт,
воды не нарушая.

Тень

Снежная полупрозрачная вата.
Свет недозревшей луны.
Тень беспредметная, но тесновата —
плющит рекой валуны,
плещет, полощет волну. Горбуны
ельника: брат умирает за брата —
от топора запылает заплата:
ниже небесного бледное злато,
звёздная тень глубины…

***

Тень — память света,
не тепла, не предмета,
не руки,
дрогнувшей в конце строки:
тень света иного —
блудного, проходного, —
у неба карманов нет.
Тень мысли и слова,
начинающих новый свет…
Нагревается в пальцах фонарик-фонарь,
значит, уже январь…

***

Остаток глины, мизинец замеса
тронет серебряное в бороде:
призрак леса
ищет себя в воде,
тень леса расслабляется и длится везде:
до навеса
тучнеющих от эфира звёзд,
до навеса
зрения, слёз, железа,
пустоты в полный рост,
кувшин и бездна знают,
как ласточки замерзают:
око возносит слепящий куст —
это огня деревянный хруст
прямо из первых уст.

***

Снег облетает, снег облетает,
переметает, переметает,
через толкучее перелетает
и против шерсти метёт
степь, заглотавшую лёд,
чтоб шелушилась, как шар
дождиком моросящим —
где прикасается жар
будущим-настоящим.
Это твоя ладонь
дрожью твоей шершава,
словно сошла в огонь
смерти моей держава…

Степь снегопадом встаёт —
и против сердца метёт…

***

Так скрипит животный волосок
или небо трогает песок
и висок, росу пересыпая
в землю из хрустального сарая.

Из тумана выросли деревья,
небо наизнанку: птичьи перья:
то ли пух водицы, то ли снег —
ничего не помнит человек.

Музыка не жажда и не хляби:
тридцать граммов водки в белой бабе,
тридцать граммов неба на кресте
изгороди в низкой высоте…

***

Смотри меня сквозь боль,
сквозь позвонки познанья,
сквозь сумрачную соль
и слёзы мирозданья.

Смотри меня сквозь смерть
и головокруженье,
сквозь зеркало и сеть
морщин и трещин: жженье
того, что не узреть,
вдыхая отраженье

очами, чтоб успеть
дышать, молчать и петь…

***

Пока за душой темно,
снежинки твоё окно
царапают, набухая,
как кошки в конце Китая.
Постанывает вода,
становится зримой, льда
касается, остывая
до обморока, всегда
глубокая, хоровая;
незримое в декабре,
всё небо в твоем окошке:
хрусталик Христа в ведре —
чешуйки на серебре
с малиною на ладошке.

***

Тьма сотворения неуследима
медленно вспыхнет она
и образуется дерево дыма
выше густого окна.

Дерево выгорит в пень
Дерево выгорит в тень
Дерево выгорит в день
Неуследимо неуследимо
дерево дыма дерево дыма

Третий

Здание не знает тебя, но помнит;
в здании пять комнат,
а в строении — семь или восемь;
в пятой комнате
есть кто-то ещё, кто?
Кроме тебя и тебя незнаемого,
кто-то третий: дышит не дыша,
думает всей комнатой,
которая — вся сразу — есть
все миры: первый, второй,
пятый — десятый. И третий:
главное и главный —
Третий…

Елена Вольных

Небесный стрелок

Повесть

Пролог

В офисе для связи ему выдали такой допотопный смартфон, что было даже удивительно, как это на нем еще уцелел экран.

— Зато с защищенной связью, — словно в оправдание, пояснил шеф в своем захламленном кабинетике. И без всякого перехода сообщил, что на днях в отдел поступила анонимка. Простая и вместе с тем грозная. Что, мол, ученик одной из элитных шанхайских школ, не выдержав давления, слетел с катушек и планирует устроить стрельбу. Андрей Глебов сразу понял, куда клонится дело, и спросил напрямую:

— Почему я?

— У тебя есть опыт работы с китайцами, — так же без обиняков ответил шеф.

«Так это когда было», — хотел было возразить Андрей, но встретился взглядом с шефом и промолчал. Видимо, все уже решено, и на Андрея со всей своей неудержимостью стал надвигаться огромный Шанхай, город над морем. Андрей немедленно ощутил себя маленьким человеком и сделал еще одну попытку отвертеться от командировки:

— Но я же не работал с подростками.

— Да они такие же, как все остальные люди, — постарался заверить его шеф, из чего стало очевидно, что он тоже обычно не имел дела с детьми. — А главное, ты хорошо знаешь китайский. Единственное пожелание — постарайся успеть хотя бы до конца осени.

Андрею захотелось выругаться, однако здесь, пожалуй, это было не совсем уместно, и он только вздохнул. Шеф принял это за знак согласия, повеселел и обещал оказать всяческое содействие. И в принципе не обманул. В Шанхае Андрея поселили в общежитие для иностранных специалистов в четырехэтажной бетонной коробке в районе Баошань[1] и устроили на временную должность открытого недавно в частной гимназии дополнительного факультатива по русской литературе.

В открытое окно общежития залетали самые разные звуки — шум чэнгуя[2], звон колокольчика сборщика мусора, треньканье велосипедного звонка, гудки машин и резкие выкрики переговаривающихся прохожих, которые

Елена Вольных (Дебова) — работает редактором. Печаталась в журналах «Юность», «Эдит», «Урал». Лауреат премии журнала «Урала» за повесть «Март в “Фейсбуке”» (2023). Живет в Москве.

[1] Баошань находится в северной части Шанхая, в дельте реки Янцзы при впадении в нее реки Хуанпу.

[2] Шанхайское наземное метро.

сплетались в один разноголосый гомон. Жэнао — кажется, так называется? Весь тот шум, который создает большая оживленная толпа, суматоха, зрелище, — словом, энергия жизни.

У соседей сверху голосила шанхайская опера из телевизора. Соседка снизу — милая пожилая японка — в полдень принесла ему маньтоу[3] в честь знакомства и сказала что-то на местном диалекте, кажется, шанхайхуа.

— Спасибо, — сказал Андрей по-русски и повторил по-английски. А потом легко оделся и вышел на улицу. В ближайшем маленьком магазине — шандяне он купил сигарет. Сентябрь выдался теплый, хотя с платанов вдоль дорог уже начали опадать листья, и в кустах верещали цикады. А главное, еще вовсю резвилась кусачая мошкара. Шум скутеров, мопедов и машин в разы усилился. Во дворе пожилые китайцы занимались по утрам «тайцзи»[4]. На лавочках в тени платанов и кипарисов сидели девушки с зонтиками и дамы с веерами.

— Ну что же, — сказал себе Андрей не слишком уверенно, — пожалуй, пора собираться в школу.

Вот уж не думал после 11-го класса, что снова сюда вернется.

Глава 1

По легенде, именно дракон послужил причиной гибели великого китайского поэта Цюя Юаня (ок. 340–278 до н.э.). В 278 до н.э. столица его родины Чу была захвачена военачальником Бай Ци. Узнав об этом, Цюй Юань написал «Плач о столице Ин» и покончил с собой, бросившись в воды реки Мило́ (современная провинция Хунань). Местные крестьяне пытались спасти поэта, но безуспешно. Затем они стали разыскивать его тело, стараясь отпугнуть от него речных духов и рыб — плеском лодочных вёсел и барабанным грохотом. Наконец они начали кидать в реку рис — как жертвоприношение духу поэта, а также чтобы отвлечь рыб от его тела. Дух Цюй Юаня явился однажды ночью друзьям и поведал, что причиной его смерти стал речной дракон. Дух попросил бросать в реку рис, завернутый в треугольные шелковые пакеты, — дабы отпугнуть дракона. Таково, по легенде, происхождение традиционных рисовых голубцов «цзунцзы». Впоследствии шелк заменили на тростниковые листья, в которых рис проваривался до готовности. «Поиски тела на реке» со временем приняли форму состязаний в гребле, и на носах лодок изображались драконьи головы. И день смерти поэта стали ежегодно отмечать гонкой «драконьих лодок» — в пятый день пятого месяца по китайскому лунному календарю.

Как оказалось, китайские школьники учатся даже больше, чем учился он. 12 лет, 12 классов[5]. Начинался день с поднятия флага и распевания китайского гимна, а всего ученики проводили в школе не меньше 8 часов, правда, разрешалось и даже рекомендовалось поспать после обеда. Школа была элитная, частная, и в рамках объявленного года культуры руководство школы решило открыть еще один дополнительный курс. Директор в августе спросил у посла, нельзя ли прислать учителя русской литературы для факультатива? Почему бы нет, ответил посол, и прислали Андрея.

Расписание было и без того плотным, и факультатив, недолго думая, впихнули в конец уроков, после сдвоенной физкультуры, три раза в неделю — в понедельник, среду и пятницу. И ученики едва ли были довольны этим обстоятельством.

---

[3] Булочки, сделанные на пару.

[4] «Мягкое» боевое искусство, вид ушу.

[5] Первые 9 лет обучения в государственной школе проходят бесплатно, а за оставшиеся три года в «старшей» приходится оплачивать.

На уже вечерний первый урок школьники пришли взъерошенные после забега и заметно уставшие. Все-таки восемь часов в школе — это, на взгляд Андрея, было чересчур.

— Нихао, — тем не менее начал он бодро и продолжил по-английски, как было принято в этой школе: — Я ваш новый учитель Андрей, можно Дей, и мы начинаем курс по русской литературе. — Когда он приехал, ему в шанхайском отделе выписали документ с именем Дей. И теперь, не тратя время на перекличку — все равно пока всех не запомнит, — он сразу же начал с темы урока. — Итак, вы должны были заранее прочитать что-то одно из заданного списка. — Он повертел в руках распечатанный список произведений, который им следовало пройти за год. Седьмой класс — первый класс средней школы: *Л.Н. Толстой — «Бедные люди», «Семь бриллиантов»; С.А. Есенин — «Береза»; А.П. Чехов — «Ванька»; М.М. Пришвин — «Дедушкин валенок»; А.С. Пушкин — «Если жизнь тебя обманет»; М.Ю. Лермонтов — «Родина»; И.С. Тургенев — «Лазурное царство»; М. Горький — «Детство», «Песня о Буревестнике»; Д. Драгунский — «Друг детства», А.П. Чехов — «Хамелеон» и т.д.* Достоевского в списке не было — видимо, в школе посчитали, что рановато ученикам знакомиться с депрессивными нотами русской прозы. Впрочем, ученики все равно угрюмо молчали — видимо, все еще не отошли от физкультуры.

В ближайшее время Андрей намеревался вызывать учеников и во время их ответов стараться запомнить их имена и приметные детали, но для этого нужно было, чтобы хоть кто-то начал отвечать.

— Вы ведь что-нибудь прочитали? — не дождавшись ответа, продолжил Андрей. — Хоть одно стихотворение?

Молчание затягивалось, и, когда Андрей начал подумывать, что все же стоит сделать перекличку, какой-то нахальный мальчишка с небрежно повязанным форменным галстуком подал голос:

— Наверняка метис Лень Сань читал.

— А тебя как зовут? — оживился Андрей.

— Меня Ли Кан, — представился мальчишка, — но ответит метис Лень Сань.

Каков наглец — пытается выбрать за учителя, кому отвечать.

— Почему ты назвал его метисом? — поинтересовался Андрей не без раздражения.

— Потому что у всех волосы черные, а у него рыжие!

На самом деле волосы у Лень Саня были темно-каштановыми, но когда справедливость удерживала подростков от хлестких прозвищ? С трудом подавив желание отчитать нахала — пожалуй, действовать сгоряча не стоило, — Андрей решил, что сейчас важнее получить какой-никакой ответ, чтобы закрепить образ положительного поведения на уроке, и сдержанно произнес:

— А сам почему не хочешь ответить?

— Скучно читать, — прямо признался Ли Кан.

Ага, машинально отметил Андрей, нелады с учебой — первый признак потенциального стрелка.

— Ли Кан, оправь форму, пока тебя не стали прозывать неряхой. Лень Сань, поднимись с места.

С самой дальней парты третьего ряда поднялся невысокий паренек. Он был там один, тогда как на остальных партах сидели по двое. Никто из класса, видимо, не ожидал, что первым для вопроса учитель выберет самого далеко сидящего ученика, ну а сам Лень Сань ожидал этого меньше всего, судя по испуганному виду.

— Итак, что ты читал? — подбодрил его Андрей. Так, нужно срочно запомнить: самый мелкий — Лень Сань. Почти как Леня-Саня.

— «Родину», — не поднимая головы, тихонько произнес малорослый ученик.

— И что ты можешь сказать по этому поводу?

— В стихотворении «Родина» поэт Михаил Лермонтов описывает красивый ночной пейзаж и рассказывает о том, что делали люди в эту ночь. С помощью такого описания поэт выражает свою любовь к родине, — выпалив все это, Сань перевел дух и снова опустил голову.

— Спасибо, — похвалил Андрей. Он и не надеялся на такой развернутый ответ. — Как думаешь, почему поэт так пишет?

Лень Сань удивленно на него посмотрел, будто прежде еще никто не спрашивал его личное мнение по какому-либо вопросу.

— Ну, — он закашлялся. — Наверно… он любит природу так же сильно, как и родину. Любит родные пейзажи?

— Неплохо, — кивнул Андрей. Что еще можно сказать про это стихотворение, он и сам хорошенько не знал, но что-то говорить было нужно, поэтому он решил сместить акцент с помощью нехитрого приема.

— Ты что-то еще читал из предложенного списка?

Лень Сань молча кивнул.

— И что тебя зацепило из прочитанного?

— Вам нужен весь перечень? — все так же не поднимая головы, уточнил ученик.

Ага, «перечень» — это явно не одно и не два произведения.

— Расскажи, что произвело на тебя самое большое впечатление?

Ученики начали шептаться, ведь тема урока необъяснимо смещалась не в ту степь. Андрей и сам это понимал, ему просто стало интересно, насколько паренек вовлечен в русскую культуру в целом и литературу в частности.

На этот раз Лень Сань молчал недолго и произнес хотя и по-прежнему тихо, но вполне отчетливо:

— «Белые ночи».

— Ты читал «Белые ночи»? — удивился Андрей. Этого произведения даже не было в программе. — Достоевского? И чем оно тебя зацепило?

Лень Сань молчал, словно и сам толком не знал. Что его, подростка 21-го века, южанина-шанхайца, вообще могло зацепить в описании печальных судеб непонятных северян из далекого города? Собственно, Андрей и сам никогда не мог дать отчет, чем его задевал тот или иной роман, картина или песня. Это ведь вопрос неуловимого впечатления и индивидуального восприятия.

— И какова, на твой взгляд, его главная тема? — спросил он уже вполне официально-учительским тоном.

— Одиночество, — после еще одной паузы ответил паренек одними губами, и у Андрея возникло стойкое ощущение, что это слово расслышал только он, да и то потому, что за годы службы неплохо навострился читать по губам.

Глава 2

У Небесного императора и его жены Си Хэ были сыновья — десять солнц. Они должны были по очереди выходить на небосвод, и Си Хэ их сопровождала. Ночью солнца спали на волшебной шелковице — дереве Фусан — в образе трехногих воронов. Но однажды сыновья расшалились и все вместе выкатились на небо. Наступила страшная жара и засуха, урожай погибал, животные и люди страдали. Тогда велел Небесный император своему доверенному стрелку Хоу И разобраться с этой проблемой. Хоу И вместе с женой, феей Чанъэ, спустился на землю. Он был отличным стрелком — даже его левая рука была немного длиннее, чтобы удобнее было стрелять. И он по очереди перестрелял лишних девять солнц, так что они серебряными шарами закатились в реки и озера. Однако Небесный император пожалел своих сыновей и запретил Хоу И возвращаться на небо. И остался Небесный стрелок на земле вместе с женой жить простым смертным и стариться.

Заплакала фея Чанъэ — не хотелось ей потерять свою волшебную красоту. Отправился тогда Небесный стрелок в путь к богине Сиванму за эликсиром бессмертия. По дороге он убил многих чудовищ, вылезших из лесов во время засухи и досаждавших людям, и последним — огромного свирепого кабана. И за эти подвиги Сиванму даровала ему чудесный эликсир. Если выпить его полностью — станешь божеством, а если половину — то останешься человеком, но получишь бессмертие. Хоу И хотел разделить напиток с женой, но ей так хотелось вернуться на небо, что она украдкой выпила весь эликсир и стала подниматься ввысь. Слишком поздно увидел это Хоу. В большом гневе за такое коварство он вытащил свой знаменитый лук и даже пустил стрелу, но все-таки он любил жену, и рука его впервые в жизни дрогнула.

Он промахнулся, и Чанъэ поднялась к самому небу. Однако Небесный император не отменил своей опалы и не пустил ее в небесное царство, так что пришлось ей лететь на Луну. До сих пор живет там Чанъэ, и из питомцев у нее только белые кролики. Целыми днями она толчет в агатовой ступе яшмовым пестиком корицу и листья коричневого дерева гуйхуа для пилюль бессмертия, а потом раз в год, в Праздник середины осени, встречается со своим мужем Хоу И и передает ему пилюлю. Пусть она сбежала на Луну, но разлюбить его не смогла и с тех пор скучает в разлуке. И все готовит и готовит новые пилюли к их ежегодным встречам — и, по слухам, лишние могут перепасть и людям.

Соседи Андрея предпочитали переговариваться друг с другом с помощью криков с балконов, и он к этому почти уже привык. На другом берегу реки Янцзы виднелись трубы заводов и башенные краны. Там кипела стройка и деловито сновали туда-сюда грузовики и самосвалы со своим строительным грузом и мусором. Стройка не унималась даже по ночам: вначале в землю вгрызались экскаваторы, а после трех в дело вступали коперы и начинали от души вбивать сваи.

В самой комнатке общежития умещались только кровать, стол и шкаф, а туалет с душем имелся один на четыре комнаты.

Письмо из офиса пришло вечером, после первого урока. В сообщении было одно фото, на котором изображалась бумажка с написанным от руки иероглифом, — очевидно, это была односложная фамилия будущего стрелка. Китайские фамилии, к слову, в основном и были короткими, если же встречались двусложные — это был знак принадлежности к непростому роду.

Но и этот один иероглиф был написан как-то криво. Андрей крутил экран и так и этак и в итоге кое-как опознал иероглиф «ли» — сила. Судя по журналу, учеников с фамилией Ли в классе было целых два, как раз из тех, кого он успел запомнить. Ли Кан — наглец с плохо повязанным галстуком — и его сестра Ли Цзи, которая внешне была на него похожа, но одевалась опрятнее и сидела на первой парте. Кто же из них? Едва ли хрупкая девочка станет стрелком, хотя... В общем, к обоим следовало хорошенько присмотреться.

Главное помнить, он тут просто временный преподаватель, и не выходить за рамки роли, а не то эта командировка тоже рискует неадекватно растянуться во времени и причинить дополнительные неудобства.

Второй урок факультатива был через день, в среду.

— Тема сегодняшнего урока — стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Если жизнь тебя обманет», — бодро начал Андрей. — Читая его дома, вы должны были заметить, что в этом стихе нет ни одного конкретного персонажа, но поэт все-таки кого-то уговаривает. Внимание, вопрос. Как вы думаете, кого уговаривает автор? — Он обвел взглядом класс, притихший от столь стремительного вступления, и остановил взгляд на галерке. Желающих ответить на вопрос о прочитанном снова не нашлось. Андрей решил повторить недавнюю схему: — Отвечает Лень Сань.

По крайней мере, паренек вроде читает тексты, а это уже было полдела.

Ученик встал, одернул форму и каким-то механическим тоном ответил:

— В этом стихотворении используется обращение в обобщенно-личном значении, то есть совет, даваемый как возможному собеседнику или альтер-эго, так и всем читателям сразу.

Интересно, что он вообще знал слова «обобщенно-личный» и «альтер-эго».

— Верно, продолжай, — подбодрил его Андрей. — Как думаешь, это выполнимый совет — не печалиться и не сердиться, а вместо этого набраться смирения и верить: день веселья еще настанет?

Лень Сань снова послушно заговорил, держа руки вдоль туловища и все с теми же механическими интонациями:

— Этот совет подходит всем…

— А как думаешь лично ты?

Лень Сань помолчал, потом почему-то сжал кулаки и хотел что-то ответить, но не успел, его перебил Ли Кан:

— А вот Небесный стрелок не ждал никакого смирения, а действовал наперед!

Вот оно, понял Андрей. Этот Ли Кан любит истории про стрелка — значит, не прочь и последовать примеру.

— Да, история Небесного стрелка Хоу И[6], — ловко подхватил он тему, — послужила основой для многих легенд и сказаний, которые позже вошли в народные опусы и литературные произведения, в том числе в «Мифы и легенды Китая» Чжан Тунъяна…

Ли Цзи закатила глаза и тихонько сказала:

— Это персонаж из игр.

Да, молодежь в Шанхае тоже была не прочь порубиться в компьютерные игры в интернет-кафе, причем некоторые рубились даже дни напролет, в ущерб школе. И хотя заходить в Сеть детям можно было лишь с восьми до девяти с пятницы по воскреСанье по паспортному доступу, школьники не унывали и проходили и в другие дни и часы — по паспортам мягкосердечных родственников.

Андрей не растерялся:

— А легенды и книги, в свою очередь, послужили основой для многих игр. Так-то, детки. Кто знает больше литературных сюжетов и источников, тот всегда будет на шаг впереди своих игровых конкурентов!

Во взгляде Ли Кана прорезалось нечто похожее на интерес, и он даже непроизвольно подался вперед.

— У нас же иностранная литература, — вдруг подал басовитый голос Рюкатагаво с третьей парты. Это был первый раз, когда Андрей вообще его услышал, хотя фамилию уже знал — про него директор предупредил, что шансы на обучение тут маловаты.

У Саня единственного из класса волосы были каштановыми, а не черными, и поэтому его безосновательно дразнили метисом. А настоящим метисом — с отцом-японцем — был Рюкатагаво (Андрей пока еще не успел запомнить его фамилию, слишком уж длинное имя), однако его никто так не называл. Может, потому что Рюкатагаво пользовался заслуженной репутацией пофигиста, и с ним в принципе мало кто вступал в диалог. Единственное, одноклассники звали его просто Лю, ведь китайцам не особенно давался звук «р», но ему от этого, кажется, было ни горячо, ни холодно. Почти весь урок этот увалень просмотрел в окно, не удостаивая взглядом учителя. По сообщению директора Цзиня, мама у Рюкатагаво была из южных провинций, а папа из Токио, и, видимо, с японской стороны мальчишка и получил имя и склонность к субкультуре хикикомори[7]. Однако вопрос Рю-

---

[6] Герой древнекитайских легенд, полугерой-полубог, спустившийся в мир людей.

[7] Субкультура, объединяющая людей, отказывающихся от социальной жизни и зачастую стремящихся к уединению.

катагаво был, что называется, по существу — тема урока сильно уклонилась от учебной программы.

— А мне вот интересно про стрелка, — громко возразила Ли Цзи. Так, все-таки ее тоже рановато выписывать из списка потенциальных подозреваемых, она ведь девочка, с чего бы такой интерес к лучникам? Она повернулась к Андрею: — У него ведь была любимая?

— Была, конечно, — кивнул Андрей. — Правда, однажды не выдержала земного быта и сбежала на Луну, где стала разводить белых кроликов, но с разлукой их любовь не угасла.

— Значит, вечная любовь существует? — Ли Цзи как будто совершенно отвлеклась от темы стрельбы, и в глазах мелькнуло мечтательное выражение.

— Если жить на расстоянии друг от друга и встречаться раз в год, в праздник середины осени, почему бы и нет, — подумав, отозвался Андрей. Он решил не рассказывать вторую версию их расставания — что жена стрелка, убежав от него на небо, превратилась в лягушку, — чтобы не вызывать неконтролируемые приступы веселья у утомленных подростков.

— Если от него свалила жена, — подал вдруг голос Ли Кан, — значит, он был лузером. Вот как Сань.

— А ну встань, — Андрей в конце концов потерял терпение. Все-таки разборки подростков — это очень утомительно. — Кто дал тебе право обзывать одноклассника?

— Все знают, что на задней парте сидят только лузеры, — громко пояснил Ли Кан, даже не думая подниматься. В классе послышалось негромкое хихиканье. Все-таки китайцы были довольно сдержанным народом, даже подростки. Хотя пошуметь в принципе любили.

— Так, — сказал Андрей и вытянул указку в сторону хулигана, — встань, я сказал. Или продолжим разговор у директора?

Ли Кан нехотя поднялся.

— Собирай вещички и садить к Лень Саню, — велел Андрей.

Ли Кан заметно побледнел и не сдвинулся с места. Хихиканье в классе стало отчетливее.

— Ты хорошо слышишь?

— Можно мне подойти, учитель? — Не дожидаясь разрешения, Ли Кан быстро подошел к нему и сказал шепотом: — Я не могу туда сесть, ведь я только что сказал…

— А не сядешь — я вызову родителей в школу.

Ли Кан расплылся в торжествующей улыбке:

— Ну, вызывайте. Всё равно они в отъезде. Через месяц вернутся и снова уедут.

— Тогда, — не растерялся Андрей, — велю завтра писать эссе по «Другу детства».

— Но мы еще этого не проходили!

— Сегодня должны были, — сымпровизировал Андрей, — но из-за плохой дисциплины не успели. Придется вам самим дома почитать.

— Ну и задавайте, всё равно не сяду, — мотнул головой Ли Кан. — Я стану танпинем[8], как Лю.

— Отлично, — кивнул Глебов, — а классу я скажу, что эссе мы пишем из-за твоего упрямства. От коллектива не должно быть секретов. Ведь коллектив — как кулак, пока един — непобедим.

Ли Кан побледнел еще больше, кинул на Андрея злобный взгляд, а потом собрал вещи и пересел на «галерку». Андрей выдохнул про себя, сразу бы так. Пойти на попятный он в разгар спора уже не мог, но про себя начал переживать, как бы у ученика не вышло обострения.

---

[8] В переводе «лежать плашмя», движение «ленивых».

После урока Лень Сань, выходивший последним, неожиданно задержался возле его стола.

— Учитель Дей, — несмело позвал он по-китайски, когда все ученики вышли, — можно вопрос?

— Конечно, спрашивай, — Андрей повернулся и чуть наклонил голову. Китайский он действительно знал и даже мог говорить на нем почти сносно, хотя и с четким акцентом.

— А вот Хоу И, про которого вы рассказывали, который застрелил девять солнц, — он ведь сделал хорошее дело, раз спас землю от засухи? Хоть это и были сыновья Небесного императора.

Хм, дилемма.

Что тут можно сказать? Андрей попытался сменить тему:

— Почему, когда говоришь, ты не смотришь в лицо?

Подросток вздрогнул и поднял на него покрасневшие глаза. В углу губ была видна запекшаяся ссадина. В принципе, все было понятно, и Андрею стало неловко за свой вопрос.

— Обижают? — еще более неловко спросил он.

Лень Сань не ответил и выпрямил спину, как только мог.

— Ничего, меня тоже когда-то обижали, — ляпнул Андрей. Лень Сань даже округлил глаза в изумлении:

— Вас, учитель? Кто посмел вас обижать?

— Неважно, — уклончиво ответил Андрей, — где сейчас они, и где сейчас я?

Собственно, едва ли можно было гордиться тем, что судьба занесла его в шанхайскую школу, однако он постарался сказать эту фразу таким серьезным голосом, что впору было бы забеспокоиться о том, где же тогда могут быть пресловутые «они».

Лень Сань задумался, пришел к каким-то своим выводам и посмотрел на него с еще большим уважением, чем обычно.

Глава 3

Однажды императора Тай Цзуна (7 в. н.э) по ночам стали мучить кошмары. Ему снилось, что за ним гоняются разгневанные гуи — неупокоенные души тех, кого он одолел. Сны были настолько реальными, что правитель думал, будто ужасы происходят наяву. Он стал плохо спать и вскоре обратился за помощью к лекарю. Врач объяснил, что причина плохого сна в злых духах. Тогда император приказал двум лучшим воинам охранять двери своих покоев во время сна. Это помогло, и Тай Цзун стал лучше спать. Через некоторое время правитель повелел заменить живых солдат нарисованными — нанести на дверь покоев цветные изображения стражей. В то время считалось, что рисунки обладают магической силой и тоже способны противостоять духам. Весть о стражах императорских покоев распространилась по Китаю, и люди начали повторять за правителем: наносить на дверях комнат изображения свирепого воина, которого стали называть Меньшэнем.

В субботу Андрей с новыми коллегами отмечал день рожденья директора Цзиня в ресторане на центральной улице Нанкин. Учителя дарили своему лаобаню[9] красные конверты с деньгами — хунбао и открытки — чаще всего с черепахами, символизирующими долголетие. Андрей тоже заранее подготовился и вручил, как полагается, свой конверт обеими руками. Стол ломился от разных блюд: были там и «цзяоцзы»[10], и специфические закуски,

[9] В переводе с китайского — «начальник».

[10] Блюдо китайской кухни, вид пельменных изделий.

и тебань нюжоу[11], и разные сорта вина «хуйцзю» — желтоватого и розоватого цветов, и, конечно, маотай[12]. Другие учителя, расслабившись в непринужденной обстановке, то и дело называли его лаоваем[13], но не пренебрежительно, а скорее с доброй иронией, поэтому Андрей не обижался. Он, в принципе, придерживался мнения, что глупо тратить время на обиды, даже если жизнь тебе выпадает феноменально длинная. То и дело раздавались возгласы «ганбэй!» — «пей до дна!», однако директор и коллеги хитрили, отпивали из своих стопок понемногу, так что вскоре Андрей почувствовал себя самым набравшимся и, прежде чем дошло бы до конфуза, откланялся одним из первых. И остаток вечера просидел в кипарисовой роще, выходившей на берег Хуанпу. Иногда раздавались гудки судов, идущих по реке, и казалось, в такт им колышут своими поредевшими кронами ивы, склонившиеся почти к самой воде.

В воскреСанье Андрей съездил в центр — прогулялся по Сычуанлу[14], прошел через мост над рекой Сучжоу и оказался на пешеходной Нанкинлу. Вдоль улицы росли вечнозеленые пальмы, кипарисы и платаны, которые уже почти полностью опали. Потом он добрался и до набережной Вайтань и заглянул в маленькую закусочную цаньтин, чем-то напомнившую ему шавермную. По дороге он видел и сычуанскую закусочную, но обошел ее стороной — говорят, кухня там слишком уж острая. Словом, прогулка вышла насыщенная — только к вечеру Андрей добрел до Народной площади, зашел в магазин шоколада «Херши» — просто посмотреть, потом в лапшичную и уже оттуда отправился на метро домой, в район Баошань.

Недалеко от своего общежития он зашел в шандян и прихватил пару банок пива «Циндао». И, поразмыслив, купил еще байцзю[15] — бутылочку в 150 мл. Недорогой марки — не маотай для застолий, а вполне себе народную эрготоу[16]. Купил чисто попробовать — и, пожалуй, это стало ошибкой. Потому что наступившей ночью впервые за много лет Андрею приснился какой-то тоскливый сон. Может, и не полноценный кошмар, но определенно непривычный негатив.

В этом сне Андрей долго куда-то шел — по узкой окраинной улице с узкими же двориками, рынками-развалами и мелкими магазинчиками, над которой витал запах вонючего жареного тофу и еще почему-то чая «пуэр». Мимо тянулись бесконечные дома-коробки с балконами, на шестах которых сушилось белье (в том числе и исподнее). Кажется, он ищет кого-то… стрелка? Почему же не в школе? Андрей проснулся, как показалось, от сухого щелчка выстрела. Выстрел был не оглушительным, но от его звука перехватило дыхание, и он даже закашлялся спросонья — наверно, это был знак, что пора уже заняться делом. А именно — повнимательнее присмотреться к семейке Ли.

С этой целью в понедельник Андрей и попросил их остаться после уроков и сделал неожиданное объявление:

— Такое дело, ребята, поступило ответственное задание. Вам предстоит побороться за честь класса в городском литературном квизе. Это такая викторина, — пояснил он на всякий случай.

На самом деле всё это было чистой импровизацией. Но по собственной учебе он смутно помнил, что по разным предметам иногда случались всякие игровые викторины помимо скучных экзаменов. Почему бы и этим школь-

---

[11] Блюдо китайской кухни, жареная говядина по-кантонски. Традиционно подается на тебане — это небольшая чугунная сковорода, вмещающая одну порцию.

[12] Премиум-водка, проходящая несколько степеней очистки и выдерживающаяся несколько лет. Используется для свадеб, банкетов.

[13] В переводе с китайского — «иностранец».

[14] Сычуанлу — значит «улица Сычуан».

[15] «Белый алкоголь» — китайская водка, довольно крепкая — от 35 до 70 гр.

[16] Недорогая водка, которую делают из различных злаковых.

никам не попробовать оторваться в свободное время от своих компьютерных игр? Китайцы ведь народ любознательный, даже тинейджеры. А Андрей получит законное право узнать чуть больше об их досуге и условиях проживания. Что там, в частности, с родителями и внутрисемейными отношениями? По статистике, на стрельбу учеников толкают не только сложности с учебой, но и давление значимых взрослых.

— По какой еще викторине? — предсказуемо удивился Ли Кан.

— По факультативу нет обязательного экзамена, — продолжал вдохновенно сочинять Андрей, — но как-то же нужно оценить мою работу и ваши успехи в учении? Вот в честь дня культуры и решили провести городской литературный квиз.

— А где это будет проводиться? — тихо спросил подошедший к учительскому столу Лень Сань.

Андрей мысленно хлопнул себя по лбу. Он и забыл, что Сань выбирается с уроков последним — видимо, чтобы провести поменьше времени в суматошной школьной раздевалке. И теперь неудобно бы вышло, если бы учитель не позвал поучаствовать в квизе самого способного ученика.

— Лень Сань тоже в команде, — сориентировался Андрей, — если что, направит и подстрахует. Назначаю его капитаном.

Все трое недоверчиво на него уставились.

— Его? — на всякий случай переспросил Ли Кан. Лень Саня не брали в команды даже на физкультуре, и для Кана это был наивысший знак непригодности.

— С Санем я буду участвовать, — кивнула Ли Цзи. Она была довольно высокой для своего возраста, с длинной шеей, темными бровями, выразительными глазами «подковкой» и аккуратным носиком. — Но только не с Каном.

— Кан тебя чем-то обидел? — уточнил Андрей.

— Нет, просто он мой брат и придурок.

— Сама дура, — огрызнулся Ли Кан.

Андрей простонал про себя — ох уж эти подростки, а вслух сказал как можно строже:

— Так, разговорчики. Это не обсуждается, нужно постоять за честь школы.

А Сань чуть выпрямился и тихо произнес:

— Учитель, но в команде по квизу должно быть не меньше четырех участников.

Тут раздался тонкий всхрап, и над партой показалась заспанная физиономия Рюкатагаво. Андрей до сих пор не запомнил его фамилии — достаточно было самого длинного в классе имени. Рю провел пятерней по шевелюре, еще сильнее ее разлохматил и широко зевнул. Ага, начал подремывать еще и на уроке — мало ему обеденного перерыва.

— А вот и четвертый, — бодро сказал Андрей. Теперь на него потрясенно смотрели уже четыре пары глаз.

— Просто для численности, — пояснил Андрей, — ну и для подстраховки. Хотя, уверен, вы и втроем прекрасно управитесь. — И, пока ученики не опомнились, поспешил занять их другим вопросом: — Место проведения будет сообщено отдельно, как и количество команд. А пока есть идеи по поводу названия?

Сам он собирался предложить вариант «Березы» — как раз в классе обсуждали одноименное стихотворение С. Есенина и в конце резюмировали, что это дерево символизирует родину и стойкость. Однако у Саня внезапно оказался свой вариант.

— Может, «Буревестники»? — предложил он негромко и, как обычно, опустил глаза в пол.

Теперь не оставалось сомнений, что он прочел уже все рекомендованные произведения из списка и, может, даже из списка со звездочкой.

Глава 4

Зимы на севере Китая были суровыми и там носили шубы («цю»). Знатные люди — из меха лисы и соболя, наиболее ценился каракуль, а люди попроще — из козьего, собачьего или обезьяньего меха. На юге же летняя жара сменялась холодом в зимнее время. И в таких условиях неудивительно, что китайцы привыкли согреваться еще и чаем.

Как писал Лу Юй[17]*, чай в Древнем Китае не заваривали, а варили. Сначала заварку промывали холодной водой. Затем из чайника сливали несколько чашек закипавшей воды. Дождавшись, когда оставшаяся часть забурлит, их возвращали обратно. И наконец до очередного бурного кипения в чайник опускали свернутые в комок листья и в момент появления больших пузырей снимали чайник с огня. А самый первый чай заварил Огненный император Янь Ди, который, по легенде, родился от союза женщины и дракона.*

За оСань Андрей с классом прошли почти всю программу, и назревала необходимость ее дополнения и расширения. В первый день зимы (это была пятница) он весь вечер просидел, пытаясь накидать новый список — такой, который можно было бы утвердить у руководства гимназии, — и лег спать уже за полночь. И, по ощущениям, как будто через несколько минут его разбудил торопливый стук в дверь. Он подскочил на кровати — мало того что стройка, так еще теперь и в дом по ночам взяли моду ломиться. Спросонья он почему-то решил, что это строители, выпив байцзю и распоясавшись, решили окончательно испортить ему жизнь. Он кое-как натянул штаны и побрел открывать. Однако на пороге, против всех ожиданий, оказались не строители, а Лень Сань. Он стоял, обхватив себя руками за плечи, и выглядел самым несчастным человеком на земле. Как будто это его только что разбудили.

— В чем дело? — спросил Андрей хрипло со сна и не очень-то любезно.

— Учитель Дей, — сказал Сань по-китайски и что-то добавил — однако Андрей не расслышал, потому что как раз в эту минуту на стройке проснулись коперы. Значит, перевалило уже за полчетвертого. Андрей машинально потянулся в карман за пачкой «Шанхая» (15 юаней!) и закурил, хотя в общежитии это было строго запрещено.

Из сбивчивых объяснений Лень Саня он разобрал, что комендант не разрешил ему выбраться в воскреСанье в город и даже литературную викторину не счел достаточно уважительным поводом, вот и пришлось дать деру — не мог же он, Сань, подвести команду.

Андрей замер с сигаретой в руке. Он совсем забыл. Забыл, что квиз должен состояться именно в первое воскреСанье зимы. А у него даже конь не валялся в плане подготовки!

Надо ехать в посольство, понял он. Там наверняка что-нибудь придумают и организуют хотя бы подобие олимпиады. Ему еще в отделе сказали — будут проблемы, обращайся к консулу или в крайнем случае к его помощникам. А сейчас у него, кажется, намечаются большие проблемы: несколько подростков (среди которых и будущий стрелок), обманутых в своих лучших чувствах и ожиданиях.

— Как ты нашел сюда дорогу? — поинтересовался он, больше чтобы потянуть время.

— Вы упомянули, что живете в общежитии недалеко от метро Баошань-роуд[18], вот я и поехал сюда. Хорошо, что у вас второй этаж, — добавил Лень Сань, подумав.

---

[17] Лу Юй (733–804) — китайский поэт и писатель времен империи Тан, создатель первого письменного трактата о чае «Чайный канон»; позже почитался как чайное божество.

[18] Станция Баошань-роуд находится на 3–4 линиях шанхайского метро.

Получается, малец сбежал из общежития ещё вечером и полночи бродил по этому району? Потому что близость к метро была тут весьма условной. Андрей с досады крякнул. В любом случае никак нельзя оставить его у себя. Ученик, ночующий у одинокого преподавателя, — это был бы нонсенс. Но на улице шел дождь, и с куртки Саня стекали ручейки. Дома было довольно прохладно — Шанхай, как южный город, не пользовался благами центрального отопления[19], поэтому Андрею пришлось купить на рынке обогреватель, как только в конце ноября температура опустилась ниже пяти градусов, а еще одеяло с подогревом и пару запасных свитеров. Без отопления зима в Шанхае оказалась довольно неприятная, промозглая и ветреная, пусть и вместо снега с неба то и дело сыпал мелкий дождь. Электричество стоило дорого, поэтому включать обогреватели в общежитии категорически не рекомендовалось (но Андрей все равно иногда включал).

Мальчишку срочно требовалось переодеть, но никаких подростковых вещей у Андрея, само собой, не имелось. Оставалось только просушить те, что есть, на электрообогревателе и только тогда уже думать, в какое безопасное место поселить неприкаянного ученика.

— Снимай-ка всё с себя, — мрачно велел Андрей.

Пацан воспринял приказ слишком буквально и тут же на пороге стащил с себя сразу и куртку, и пиджак, и рубашку, крутанувшись на месте. Все руки у пацана были истыканы мелкими порезами, причем шрамы были как свежие, так и давно зарубцевавшиеся. Андрей выругался про себя. Раньше он такого не замечал, да и немудрено: у гимназической формы были длинные рукава. Белая рубашка, темно-синий пиджак и брюки (у девочек юбки) в неприметную клеточку.

— Кто так тебя? — тихо спросил он.

— Никто, — поспешно ответил Сань и начал снова надевать рубашку, — я сам.

— Но зачем?

— Ну, — Сань неопределенно пожал плечами, помолчал. — Так легче, когда… становится грустно.

Судя по тому, как густо усеяли его предплечья маленькие порезы, грустно Саню становилось частенько.

— Вот что, — решил Андрей, — отдай-ка мне свой перочинный ножик или что там у тебя.

Сань пару секунд поколебался, а потом, пожав плечами, нашарил что-то в кармане и протянул учителю с независимым видом. Это оказалась тонкая и остро заточенная бамбуковая палочка. При желании таких можно сделать еще десяток.

Андрей переломил тонкую палочку пополам и произнес, будто в пространство:

— Говорят, настоящая свобода начинается тогда, когда перестаешь контролировать других людей и сосредоточиваешься на самоконтроле.

Сань глянул на него с уважением:

— Откуда цитата, учитель?

— Ну, — Андрей не смог бы так сразу сказать откуда. — Как-то так мудрость распределилась равномерно по разным временам и народам.

— Значит, ваша, — уважение во взгляде Саня переросло почти в восхищение.

Андрей решил не загружать сейчас пацана разговорами про пассионарность. Вместо этого пожарил на скорую руку яичницу с колбасой и заварил улун, который подарил кто-то из родителей учеников на праздник середины осени.

---

[19] В 50-х годах правительство КНР разделило страну по линии гор Циньлин и реки Хуанхе. Все территории севернее этой границы имеют центральное отопление, на юге отопления нет.

За чаем с яичницей Сань вдруг спросил негромко, по привычке глянув исподлобья:

— Учитель, а расскажите про войну.

Андрей даже опешил:

— С чего ты взял, что я что-то знаю про войну?

— Ну, вы же из России, — Сань пожал плечами. — Все знают, что русские боевой народ. — И без паузы продолжил: — Говорят, что в драке лучше напасть первым, так больше шансов.

— Э… — На языке крутилось «мал еще для таких вопросов», но, пожалуй, это было бы не слишком вежливо, да и не мал уже был Сань для драк. — В первую очередь воин не должен сутулиться.

Лень Сань порывисто расправил плечи.

— Как говорил писатель Чехов, в человеке все должно быть красиво — и походка, и осанка, и даже почерк. Так что тренируйся, разрабатывай пока осанку. — И, поддавшись порыву вдохновения, добавил уже от себя: — Того, кто стоит прямо, задирать станут меньше, так что отпадет нужда и лезть в драку.

Сань глянул на него недоверчиво, однако промолчал. Он сидел в продавленном кресле, сжимая в ладонях чашку.

— А вот море, — сказал он после паузы, — оно какое?

Интересно, что он жил в Шанхае — «городе над морем»[20] — и задавал подобные вопросы. А ведь Лень Сань не мог быть из бедной семьи, хоть и производил впечатление круглого сироты, — он же учился в коммерческой, элитной школе. И обучение полностью оплачивалось родителями или опекунами. Очевидно, его родители живут где-то далеко или постоянно находятся в разъездах и командировках, как у Ли Кана.

— Оно разное, — подумав, ответил Андрей. — При солнце — синее, при облаках — бирюзовое, в грозу — зеленое, а в сумерках — фиолетовое. А ты что, разве не был на море? В каком городе живет твоя семья?

— Здесь, в Шанхае, учитель.

— Вот как? — удивился Андрей. — Что ж ты выходные коротаешь в интернате? Они в отъезде?

— Нет, просто... — Сань снова опустил голову. — Ну, слишком заняты.

После этого он замолчал уже надолго и уставился в окно, шумно отпивая чай из чашки.

Так они и сидели, пока одежда не высохла на обогревателе и под утюгом. Как раз пробило половину шестого, и, значит, открылось метро[21]. Метро в Шанхае отгрохали всего несколько десятилетий назад, и оно было суперсовременное: поезда типа «Сапсана», закрытые вестибюли, как в Питере, умопомрачительная скорость.

Но открыться-то оно открылось, да только до станции еще нужно было добраться, а так как еще не рассвело (в это время года светало лишь без пятнадцати семь), по дороге к станции Андрей угодил-таки в одну из ям, вырытых экскаваторами. Так и знал, что ему не избежать этой ловушки.

— Учитель! — с беспокойством окликнул его Лень Сань, который шел чуть позади. — Вы не ударились?

Андрей показал большой палец и заверил, что все в порядке.

Андрей помнил, что Ли Кан с Ли Цзи жили в самом центре, в районе высоток («дома с шарами», Цзиньмао) и в пяти минутах ходьбы от телебашни. Да, это вам не окраина, где царит вечная стройка, а дорогой район. Ли Цзи вчера обмолвилась, что их родители снова в отъезде, а когда они отсутствовали, подростки жили по факту одни — гувернантка и водитель приходили только к восьми, а уходили в девять вечера, а в выходные и вовсе отсутствовали.

---

[20] Шанхай переводится с китайского как «над морем».

[21] Метро в Шанхае открывается в 5–5.30, закрывается в 22.30.

Всю дорогу к метро Андрей убеждал Саня, что внедряет его в квартиру одноклассников не просто так, а с заданием. Он, мол, должен втереться к ним в доверие и сыграть роль хорошего приятеля, чтобы помочь подтянуть короткие эссе — без умения писать их на квизе никуда.

— Это же викторина, — удивился Сань.

— Не простая викторина, а специальная городская. Чтобы получить доступ на нее, нужно подтвердить свои способности, а лучше всего это сделать в эссе, — снова сымпровизировал Андрей. Сань удивленно на него поглядел, но сказал про другое:

— Не хочу я притворяться его приятелем. Да и как? Он меня с дерьмом мешает.

— Думай прежде всего о цели, — посоветовал Андрей. — Представь, что ты актер. Хотя бы попытайся.

Сань нахохлился и опустил голову. Андрей понадеялся, что он так начал вживаться в роль.

— У тебя есть преимущество — ты привык пользоваться своим мозгом, — сказал он скорее наугад, ориентируясь лишь на то, что мальчишка как-то сумел разыскать его в районе, где живет больше двух миллионов жителей. — И сперва можно подружиться с Ли Цзи.

При упоминании о сестре Сань еще ниже опустил голову и сказал почти шёпотом:

— Всё равно не хочу притворяться.

— Споришь с учителем? — Андрей в конце концов потерял терпение. — Ещё одно возражение — и будешь весь урок писать свое имя на русский лад. Александр Алексеев. И на кириллице, — многозначительно добавил он.

И то ли угроза подействовала, то ли Сань уже выдохся, но остаток пути они проехали молча.

Ли Кан с сестрой жили в Пудуне — современном районе Шанхая на восточном берегу реки Хуанпу. Квартира оказалась просторная, двухуровневая — в такой можно существовать автономно и почти не пересекаться. Недавно у секретарши Андрей выяснил, что подростки Ли месяцами фактически жили одни: гувернантка и водитель приходили к ним по будням в восемь утра, уходили в девять вечера, а в выходные отдыхали, пока родители по делам своего общего бизнеса находились в разъездах. Так что пока подозрения подтверждались — Ли Кан мало того что неважно вел себя на уроках, так еще и фактически был брошен родителями на посторонних людей. Ему явно не хватало внимания и воспитания. Из таких и вырастают стрелки. Пожалуй, пары хороших друзей — вот чего ему сейчас не хватало, но где же их взять? Если на то пошло, Андрею бы и самому они не помешали. Но факт оставался фактом — за всю жизнь он сумел разжиться всего одним надежным товарищем.

— Лень Сань в эти выходные поживет здесь, — сказал на пороге Андрей с уверенностью, которой не испытывал.

— С какой это стати? — предсказуемо удивился Ли Кан. Ли Цзи красноречиво фыркнула и отправилась к себе — очевидно, досыпать.

— С такой стати, что у тебя видимый пробел в мировой литературе, — веско произнес Андрей. — Так что мы не можем позволить себе рисковать. Вот и позанимаетесь с Лень Санем домашней работой сообща.

Ли Кан ожидаемо поморщился:

— Зачем мне этот геморрой?

— Затем, что я так сказал, — Андрей показал кулак. Он хотел напомнить, что они должны держаться вместе, чтобы быть непобедимыми, но Ли Кан, кажется, понял как-то по-другому. Отступил, пропуская их, и сказал уже тише:

— Не нужны мне никакие сочинения.

— Это ты пока так говоришь. А что скажут твои родители, когда вернутся и узнают, что из-за тебя команда проиграла в квизе? Наверняка они будут очень недовольны, и я не стал бы их за это судить!

На это Ли Кан не нашел что возразить.

— И вот еще что, — Андрей помялся, преодолевая неловкость, и все-таки решительно закончил: — У вас есть на сегодня еда?

— В холодильнике остались баозцы[22], — донесся из глубины коридора угрюмый голос Ли Цзи.

— Тогда угостите Саня, а я тороплюсь по важному делу, — громко сказал Андрей, выходя за дверь. Вот ведь передалась-таки ему эта раздражающая манера повышать голос при разговоре. Ему предстояло уладить два срочных вопроса: дать знать родителям Саня, что мальчику не нравится жить в интернате, а также съездить в консульство и закинуть удочку насчет возможности провести завтра какое-нибудь подобие викторины.

Поразмыслив, первым делом он решил позвонить матери Саня, чтобы обрисовать ситуацию. Как у и.о. главного учителя у него были контакты всех родителей, и после короткого приветствия и обмена любезностями он пригласил ее подъехать в кафе рядом с российским консульством (чтобы потом сразу же заняться делом номер два).

К острой местной кухне Андрей до сих пор не привык, поэтому ужинать предпочитал в «Макдональдсе», или в кафе европейского типа во французском квартале, или в крайнем случае в лапшичных, где заказывал заварную лапшу. Собственно, ему приглянулась всего одна в переулке рядом с Народной площадью — но туда ведь нужно было еще доехать.

Ресторан, куда он пригласил для серьезного разговора госпожу Лень Ми, назывался «Утренний Шанхай» и располагался прямо напротив российского консульства — в отеле «Астор» рядом с мостом Уайдаду. Рядом было еще кафе попроще, «Чайкино место», — у самой реки Хуанпу, откуда открывался отличный вид на набережную, и один Андрей предпочел бы пообедать именно там, однако в ресторане атмосфера была более строгая и благородная: белые скатерти на столах, метрдотель и, главное, яркий свет, который мог бы помочь настроить беседу на нужный лад. Андрей заказал себе маринованную утку, а госпожа Лень — рыбу в кисло-сладком соусе.

Госпожа Лень оказалась миниатюрной женщиной с тонкими чертами лица и со стрижкой «бабетта». Волосы густые, черные — темнее, чем у Саня. Китайцы вообще отличались в своем большинстве довольно густой, а временами и прямо роскошной шевелюрой, и женщины обычно предпочитали собирать волосы в хвост.

После основного блюда и перед чаем с десертом он рассказал госпоже Лень о возможных психологических травмах, которые ее сын мог получить в интернате, и предложил подумать о дневной форме обучения. Как и почти все китайцы, она хоть и негромко, но чавкала за едой. Потом шумно, как и Сань, отпила чаю, посмотрела куда-то вдаль и произнесла мелодичным голосом:

— Я слышала, в Пекине есть отличный колледж с проживанием для программистов. Ведь за программированием — будущее, не так ли? Я уже несколько времени думаю о том, чтобы перевести его туда.

— Но, видите ли, вашему сыну блестяще даются гуманитарные науки, языки и литература, и мне кажется, было бы поспешным…

Госпожа Лень слегка дернула рукой, будто отмахиваясь от мухи. Мол, где программирование и где литература — глупо даже сравнивать.

А ведь, кажется, единственной отдушиной для Саня была литература, и теперь эта женщина намеревалась отобрать и её. Как будто мало было того, что у Саня отобрали и дом, и семью. Вдруг из него вырос бы второй Харуки Мураками? Или даже Рю.

Андрей не смог сдержаться:

— Он вам случаем не пасынок?

---

[22] Вид китайских паровых пельменей.

— Что вы, единственный сын! — Женщина даже сложила руки в молитвенном жесте в знак своей серьезности и искренности. Теперь стало еще непонятнее. Кто же так обращается с единственным сыном?

Важное логическое звено по-прежнему не давалось Андрею, ускользало, как невидимый угорь между рук. Вот, казалось бы, перед ним сидит трезвомыслящая женщина, хорошо одетая и в меру накрашенная, что говорит о социальной успешности, — чем же можно объяснить заброшенность сына?

— Что же он живет, как сирота? — решил спросить он напрямую, устав ходить вокруг да около.

— Я сейчас все объясню. Сань родился в полночь, была ещё страшная гроза. И повитуха, принимавшая роды, сказала, что это плохой знак. Знак того, что он станет убийцей и даже опозорит свой род...

— Что? Из-за каких-то бредовых сказок вы сослали его в интернат? — Андрей ушам своим не верил. Вроде бы современная городская дама, а несёт такую дичь.

— Не из-за самого предсказания, а из-за его отца, — вздохнула дама. Потому что, как мальчику исполнилось пять, ему от родного отца житья не стало. Полный решимости переломить судьбу и воспитать приличного человека, он принялся лупить сына почем зря за любую провинность. Вот она и решила, что надо Саню как можно реже бывать дома, чтобы не нарываться. И в выходные, и в короткие новогодние каникулы тоже. Только на летние два месяца увозила его к своей маме в деревню в горах.

Господи, подумал Андрей, бедный ребенок. Родился в 21-м веке, а всё равно пострадал от мракобесия и древних предрассудков.

— Будущее еще не произошло, а ваш сын нуждается в заботе уже сейчас.

Госпожа Лень хотела что-то сказать, но не успела.

— Если не хотите упустить мальчишку, забирайте поскорее домой, — надавил еще Андрей. Обычно он не лез к людям со своим ценным мнением, если это не касалось работы, но сейчас просто кипел от возмущения. Как знать, насколько меньше в мире стало бы преступлений, если бы не подобные дремучие воспитательные методы? — Знаете что? Завтра в четыре в библиотеке при российском консульстве на Хуанпулу состоится квиз, и Сань назначен капитаном команды. Подъезжайте, будьте любезны, ему не помешает поддержка.

Госпожа Лень как будто снова хотела возразить, но подумала и молча кивнула.

Глава 5

«Есть великий бог, могущественнее Паньгу[23] и Призрачной Матери, его называют Светоносный Дракон Чжулун, а также — Фонарь Девяти Теней. У него лицо человека и тело змеи красно-коричневого цвета. Тело простирается на тысячи миль. Глаза у него необычные, иногда похожи на выпрямленную оливку, иногда на прямую горизонтальную линию.

Светоносный Дракон очень силен, тело его бессмертно, и он не нуждается в еде и отдыхе; когда он открывает свои глаза, то в небе и на земле наступает день, когда закрывает — мир погружается во мрак. Утро и вечер — время, когда Светоносный Дракон моргает; когда он делает вдох, приходит зима, когда выдыхает — приходит жаркое лето. Он держит фонарь (свечу), который можно было зажечь даже под Девятью Тенями. Поэтому люди также называют его свечой девяти инь». «Книга гор и морей»[24].

---

[23] В китайской мифологии бог творения и первый человек на Земле.

[24] «Книга гор и морей» — древнекитайский трактат по географии Китая и других земель, реальной и вымышленной, авторство которого приписывали еще Юю Великому.

Первое дело, считай, удалось только наполовину: Андрей дал знать госпоже Лень, где в данный момент пребывает ее сын, а также заручился ее согласием на то, чтобы он временно погостил у одноклассника в безопасном месте (госпожа была так добра сама разобраться с интернатом), однако она в основном помалкивала, и Андрей так и не понял, заберет ли она в конце концов сына домой. Зато второе дело удалось на все сто процентов.

Российское консульство находилось на улице Хуанпу в районе Хункоу. Вот уже более ста лет оно занимало небольшой старинный серый особняк с темно-красной крышей, и при нем была библиотека. Туда-то Андрей сейчас и направился. Насколько он знал по соцсетям знакомых, именно в этой библиотеке работала Маргарита — кузина его давнего университетского товарища Александра. Вчера Андрей увлеченно гуглил про квизы и викторины и сегодня, вооруженный двумя десятками цитат и крылатых фраз, чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы спросить: может, Маргарита смогла бы устроить нечто вроде соревнования по знанию российской литературы среди школьников? Оказалось, библиотека работает только по вторникам и четвергам, причем по два часа.

— Я, конечно, могу созвать в четверг, в четыре, внеочередное собрание шахматного клуба, — сказала Маргарита с явным сомнением. Она немного располнела и носила теперь очки и короткую стрижку вместо былой девичьей косы, но в целом оставалась все такой же отзывчивой.

— Это вышло бы лучше некуда, — Андрей улыбнулся с большой признательностью. — А что за шахматный клуб?

— В него входят дети сотрудников консульства, — пояснила Маргарита. — Только они не принимали участия в викторинах. Кажется, они увлекаются маньхуа. Может, устроить квиз по маньхуа?

— Я натаскивал своих на Пушкина и Чехова, — покачал головой Андрей, который пока не разобрался не то что в японской, но и в современной китайской литературе и до сих пор путал жанры «санься» и «уся», хотя однажды на уроке Ли Цзи и попыталась ему растолковать. — И еще, нельзя ли устроить это завтра?

— Прямо-таки завтра? — Маргарита глянула на него с большим сомнением. — Ну, я, конечно, могу уточнить у консула, но…

— Да-да, уточни, пожалуйста, — попросил Андрей, — и добавь, что речь идет о чести всей русской литературы.

Последняя фраза прозвучала как-то чересчур напыщенно, и он сам понял, что подзагнул, и хотел было смягчить пафос шуткой, но Маргарита серьезно на него посмотрела, отвернулась и набрала что-то на наручном лэптопе. Спустя минуту она обернулась и кивнула:

— Консул не возражает, если библиотека ненадолго откроется в воскресенье, но с одним условием: расстарайтесь уж как следует за честь русской литературы.

— Сделаю все, что в моих силах, — клятвенно заверил он, тем временем уже прикидывая, что могло бы стать призом для победителей.

По дороге в Пудун он заехал на небольшой уличный рынок в районе Сычуанлу, который заприметил еще раньше, побродил там, поторговался и в итоге приобрел четыре приза — три посеребренные жестяные медальки и одну позолоченную для капитана.

Когда он вернулся в апартаменты в Пудуне, дверь была не заперта. Ли Цзи смотрела какой-то корейский сериал в гостиной по большой плазме, а Ли Кан с Лень Санем стояли посреди комнаты, тыкая пальцами друг другу чуть ли не в лицо, и истошно орали по-китайски.

Вот тебе и безопасное место. Но на сей раз Сань хотя бы держал спину прямо.

— Так, — Андрей вступил между оппонентами, — я же сказал, никаких драк, пока участвуем в квизе!

— Этот крысеныш, — сказал Ли Кан, запыхавшись, — вздумал положить глаз на мою сестру!

— Неважно, пока вы, считай, на задании и должны прикрывать друг друга, — Андрей сжал ладонь в кулак, и Ли Кан тоже машинально вжал голову в плечи. — Вот так, как кулак, чтобы никто не одолел.

— Сань не сделал ничего плохого, — Ли Цзи наконец удостоила их своим вниманием, отвернув голову от экрана. — Просто позвал нас прогуляться по Нанкин и набережной[25].

— Позвал тебя, — уточнил Ли Кан по-прежнему громко.

— Он сказал, обращаясь к нам. — Очевидно сочтя свою миссию миротворца выполненной, Ли Цзи снова уставилась в большой плоский экран.

— А еще он сказал, — продолжил ябедничать Кан, — что когда-нибудь взворвет нас всех или перестреляет!

«Классический перенос», — решил Андрей, а вслух сказал:

— Это он пошутил.

— Что это за шутки такие?!

— Шутки бывают разные, — ответил Андрей и подумал, что нужно срочно чем-то занять подростков, пока не случилось нового витка противостояния.

Ладно, главное — продержаться до завтра. Мамаша Лень обещала-таки забрать наконец сына домой, даром что папаша поехал в очередную командировку в Пекин. Он работал каким-то чиновником в министерстве образования, утверждал какие-то регламенты и уставы, и Андрею было даже страшно подумать, что он там мог нарегламентировать со своим мракобесием.

— Давайте-ка лучше сыграем в маджонг, — предложил Андрей, как мог миролюбиво. Не далее как на прошлой неделе соседский старичок, прежде замеченный в занятиях тайцзи, запросто подошел к нему в узеньком дворе перед общагой и предложил сыграть в маджонг, а на Андреевы ссылки на неумение предложил немедленно научить. И действительно два часа честно учил. — Где тут у вас игральные кости?

Подростки как-то угрюмо на него посмотрели — очевидно, маджонг был популярен у более зрелых слоев населения.

— Может, тогда караоке? — предложил тогда Андрей. Еще по дороге в Шанхай он, листая в самолете брошюру, узнал из неё, что китайцы очень любят петь.

На сей раз реакция оказалась более красноречивой: Ли Цзи закатила глаза, а Сань неожиданно предложил:

— Давайте лучше пробежимся по основным моментам программы? — Видать, действительно проникся важностью порученного дела.

Спустя пару часов, когда все произведения из списка со звездочкой были обсуждены, Андрей вышел покурить на балкон. Он давно уже выяснил сам, что китайцы действительно очень любят петь, особенно на улицах и по утрам, но никак не ожидал услышать отголоски народных китайских мотивов и в центре. Видимо, где-то поблизости располагалось не очень дорогое караоке со средней звукоизоляцией.

Он уже думал, что градус напряженности немного спал и можно собираться домой, однако не тут-то было. Стоило ему докурить, как на балкон вдруг выскочила Ли Цзи, причем выглядела она как-то необычно.

Через секунду Андрей понял, в чем дело. Она нацепила на себя ханьфу — алый халат.

— Я так и не успела рассказать, — хрипловато начала Ли Цзи, — в чем разница между сянься, уся и сюаньхуань.

— И в чем же? — вежливо спросил Андрей.

---

[25] Нанкин — центральная улица Шанхая, Вайтань — набережная.

— В сянься главное — совершенствование духовных сил, в уся — развитие физических сил, энергии ци, а в сюаньхуань, думаю, важнее всего чувства… — Ли Цзи прикрыла глаза и облизала губы. — Учитель Андрей, я давно хотела сказать… еще с того дня, как вы пересадили Кана на заднюю парту… Я… Вы ведь в курсе, насколько вы крут?

Андрей слегка смутился:

— Не стоит преувеличивать мои заслуги, Цзи, любой на моем месте сослал бы Кана на галерку.

— Нет, не любой, — с жаром возразила она. И, помолчав, внезапно выпалила: — Если бы мне кто-то и мог понравиться, то только вы! — Лишь теперь Андрей рассмотрел, что она еще и накрашена. Благодаря ханьфу и краске она выглядела старше, но всё равно это была двенадцатилетняя девочка. — Потому что вы красивый, и умный, и смелый...

— Так, стоп, отставить разговорчики, — перебил Андрей и на всякий случай отодвинулся, — вовсе я не такой.

— А какой? — живо спросила Ли Цзи.

Андрей так привык жить на работе и выкладываться на заданиях, что теперь и сам хорошенько не знал, какой он.

— Я учитель, — наконец нашелся он, — потому как не важно, какой я, важно, чему я могу научить.

— Да, не важно, — кивнула Ла Цзи, — я и так знаю, какой вы. Вы лучший. Я согласна всему у вас учиться. И если нам судьба быть вместе...

Похоже, она слегка перечитала свои сянься и уся.

— Ли Цзи, этого никогда не будет, — произнес Андрей как мог тверже. Вот только обвинения в совращении малолетней ему здесь и не хватало. Он не какой-то там географ с глобусом или, боже упаси, Гумберт Гумберт. — Мы из разных миров, понимаешь?

Он имел в виду скорее возраст, чем разные страны и национальности, однако Ли Цзи поняла его как-то по-своему, и ее глаза подковкой вмиг наполнились слезами:

— Это потому что я некрасивая? Толстая?

— Нет, что ты, — поспешно возразил Андрей. Он никогда не умел утешать плачущих девочек. — Ты очень красивая…

— Правда? — Из глаз Цзи снова полыхнуло надеждой. Поистине ее настроение было переменчивым, как погода в летнем Шанхае.

Андрей торопливо продолжал:

— Просто видишь ли... — Он хотел сказать «за это мне светит срок», но неожиданно даже для себя выдал другое: — Там, в стране далекой… тьфу ты, на родине, у меня кое-кто есть…

— Девушка? — грустно спросила Ли Цзи.

— Да, ее зовут Лия. — Лия действительно была, еще со школы, но так получилось, что в отношениях с ней Андрей увяз в многолетней френдзоне, и их взаимодействие обычно заключалось в том, что он привозил и отвозил вещи, нужные Лие, помогал с ремонтом и всячески выручал. Но это, конечно, было бы слишком сложно, чтобы объяснять на чужом языке взволнованной девочке.

Ли Цзи уже не всхлипывала, однако по щеке ползла тяжелая прозрачная капля.

— Не плачь, — мягко попросил Андрей.

— А то что? — спросила она, отвернувшись.

— А то... У нас есть сказка про золотую слезу, — сымпровизировал он.

— Что еще за сказка?

— Что у каждого человека есть запас слез, и последней скатится золотая слеза, и после нее уж человек не сможет плакать, и придется проживать печаль на сухую, а от этого портится характер.

— А от слез, говорят, портится и кожа, — сказала Ли Цзи немного гундосо.

— Я бы предпочел, чтобы у моей жены оставался нежным характер.

— Повезло вашей Лие, — вздохнула девочка, наконец обернувшись. Ее глаза чуть покраснели, а в целом и не скажешь, что плакала.

— Вряд ли она об этом думает, — отозвался Андрей, и в этом не покривил против правды.

Глава 6

Китайцы называли свою страну Чжунго, что значит «Срединное государство». Страна была ограничена со всех сторон естественными преградами: степями с севера, морями с юга и востока и неприступными горами с запада, поэтому жителям казалось, что они проживают в самой середине мира. Другое старинное название Китая — Поднебесная (Тянь Ся). Земля считалась квадратной, а небо круглым, и свою милость, по поверьям, оно распространяло лишь на тот квадрат, где жили китайцы, или, как они себя называли, чжунгожэни — «люди Срединного государства». На варварские племена, проживавшие по краям (ди, джуны и другие), небесного благоволения как будто уже не хватало.

Хотя Андрей по телефону предупредил Рю быть готовым к трем, все равно парень казался несобранным и невыспавшимся, когда они заехали за ним на такси, — будто прилег на послеобеденный отдых, совершенно позабыв о квизе.

На полдороге к консульству он вдруг хлопнул себя по лбу и вскричал:

— Я забыл покормить Ежика!

— У тебя живет еж? — удивился Андрей.

— Это фазза, — вставил Лень Сань. — Домашняя мышь.

— Нет, это акомис[26], — возразил Рю, — у него на спине иголки. А фаззу[27] зовут Вермишелька.

Ли Цзи прыснула от такого прозвища. По случаю она принарядилась — надела под пальто ципао с серебряными цветами и павлинами[28].

— Просто она рыжая и кудрявая, — повернулся к ней Рю.

— У тебя живут мыши? — переспросил Андрей. Уж на что мыши неприхотливые создания, а все равно нужно не забывать их кормить.

Рю кивнул и ответил, как обычно, немногословно:

— Ага, живут. — Подумал и вдруг продолжил: — Они занятные и забавные. А еще иероглиф «летучая мышь» приносит удачу, — добавил он, видимо, специально для Андрея как иностранца.

— Мое имя тоже значит «удача», — кокетливо произнесла Ли Цзи.

— А фамилия «Ли» означает «сила», — со значением сообщил Ли Кан. — Ну а «Кан» — спокойствие.

«Какое неподходящее имя», — подумал Андрей. С утра все четверо участников все-таки выслали ему на почту по краткому эссе, даже Рю. И у Рю оно вышло предсказуемо самым коротким: вариация на тему «на свете счастья нет, но есть покой и воля»[29]. Но ведь не зря еще Антон Павлович говорил, что краткость — сестра таланта, — по крайней мере, оно не отняло много времени. А самое пронзительное эссе оказалось у Саня. Он написал про море и одиночество и причудливым образом вплел туда не только Лермонтова с байроновскими мотивами, но даже и жизнерадостного Александра Сергеевича Пушкина. Андрей прочитал все сочинения уже в метро по дороге к Пудуну, воспользовавшись переводческим приложением, и прислал в ответ по дружелюбному смайлику.

---

[26] Иглистая мышь — ее спина покрыта иголками.

[27] Пуховая мышь — мышь с тонким полупрозрачным покровом пуховых волос.

[28] Традиционная женская китайская одежда с застежкой на плече.

[29] А.С. Пушкин. «Пора, мой друг, пора!..»

Лень Сань не стал пояснять, что означают его имя или фамилия. Закрыв глаза, он беззвучно шевелил губами — наверно, перебирал в уме сложные для запоминания имена-отчества вроде «Настасья Филипповна».

Они проезжали над эстакадой, над скоплением подсвеченных в тумане небоскребов.

Едва выйдя из такси, Ли Кан от души харкнул на тротуар. Андрей почти уже привык к этой китайской привычке плеваться на улицах, как и к потокам мыльной воды от ручной стирки на окраинных улочках в теплое время года, и к развешанному там же на улочках белью, и перестал обращать внимание. Чинным шагом они прошествовали к консульской библиотеке, дружно поклонились открывшей им Маргарите и вошли внутрь.

На импровизированной сцене в библиотеке консульства стояли два круглых стола, покрытые светлыми кружевными скатертями. На книжных полках помимо собственно книг виднелись вазы с усатыми драконами. А главное, на установленных возле «сцены» сиденьях кроме Риты расположилась еще и госпожа Лень.

— Мама приехала, — пробормотал Сань, будто сам этому не верил.

Как выяснилось, российские школьники — любители маньхуа организовались в команду «Дружинники». Их тоже оказалось немного — три девочки и мальчик, всем лет по 12–13 на вид.

— Их четверо, и вас тоже четверо, — решил Андрей. — Рю, садись за стол.

— Если честно, я не успел все прочитать по списку, — искренне сказал Рюкатагаво. Пожалуй, было бы уже достижением, если бы он прочитал что-то одно.

— Я же говорил, просто для массовки, — успокоил его Андрей.

«Дружинники», даром что любители маньхуа, показали отличное знание и русской литературы. Андрей специально заготовил цитаты из тех книг, которые успел обсудить с учениками на уроках, но и «Дружинники» отвечали на них не менее ловко, особенно капитан команды, синеглазая Ольга.

Сань ожидаемо отвечал чаще всех из своей команды и почти не отставал от Ольги, но и остальные «Буревестники» принимали участие в обсуждении, и даже Рю неожиданно отгадал не самую распространенную цитату Гончарова из «Обломова» («А хитрость — как мышь: обежит вокруг, прячется…») — может, потому что она была связана с его внезапно проявленным увлечением? Очевидно, все-таки что-то он схватывал на занятиях.

В финале «Буревестники» отгадали цитату из «Палаты номер шесть» Чехова («Книги — это ноты, а беседа — пение»), а «Дружинники» — из «Денискиных рассказов» Драгунского («Разве можно по ночам кричать неправду?»). Потом «Дружинники» первыми отгадали цитату из «Хаджи Абрека» Лермонтова («Поверь мне — счастье только там, где любят нас, где верят нам») и опередили китайцев на два балла, и Андрей понял, что нужно срочно что-то придумать сверх программы.

Их команде, а конкретно Саню, очень нужна была эта победа, потому что сюда пришла его мама, и Андрей решил пойти на блеф. Счет был десять — двенадцать, и Рита уже несколько раз многозначительно кашлянула, намекая, что пока и честь знать.

— В финале есть еще вопрос со звездочкой, — сказал он. — Кто угадает авторов и их произведения по цитате, получает четыре балла за два вопроса, но только вызваться нужно вслепую, перед вопросом. А в случае проигрыша соперникам будет присуждено три балла.

Ольга рискнула и вздернула руку, а Сань предсказуемо засомневался. И правильно засомневался — он бы и не узнал, Андрей при всем желании не успел пройти с детьми еще и книги Крапивина.

— «Не в умении владеть шпагой заключается доблесть и честь человека. Она в самом человеке».

Ольга удивленно на него посмотрела и ответила:

— «Виконт де Бражелон», Александр Дюма. Но у нас же тема…

— Правильно, — не дав ей договорить, перебил Андрей, — и вот вторая: «Но он еще держится, Митька Кольцов. Он все еще верит в себя. И тут даже не надо поддаваться. Просто немного расслабиться. Ведь и он, Сережка Каховский, имеет право уставать...»

В ее синих глазах мелькнуло понимание. Андрей знал, что она узнала и, более того, поняла смысл. Вот только захочется ли ей сыграть в благородного шпажиста и уступить победу китайцам просто за здорово живешь и, возможно, заслужить насмешки за «незнание» родной литературы?

Она опустила голову и решительно тряхнула собранными в хвост волосами.

— Что-то знакомое, но не могу вспомнить название книги.

Секунду было тихо, игроки переваривали услышанное, а потом раздались разочарованные вздохи «Дружинников» и отчаянный свист и радостные выкрики «Буревестников» — то самое трудно выразимое «жэнао», энергия жизни, которая словно сама собой создается, как Феникс из огня, через разноголосый гомон и шум. А когда Андрей повесил на грудь всем «Буревестникам» по купленной вчера на уличном рынке медальке — три посеребренные и одну позолоченную для капитана, — Ли Цзи вдруг торжественно запела родной гимн.

— Давайте сыграем еще и в шахматы, — предложил кто-то из «Дружинников» в очевидной жажде реванша, однако Андрей покачал головой — он лучше многих знал, когда удачнее всего поставить точку. Таким образом, радостные «Буревестники» выкатились наружу, а расстроенные «Дружинники» уговорили Риту дать им еще немного времени, чтобы обсудить свежевышедшие маньхуа.

Победители двинулись всей гурьбой по Хуанпулу, миновали несколько магазинчиков и двери с крутящимся столбиком — знаком парикмахерской. Вообще цирюлен в Шанхае было довольно много: китайцы, как обладатели преимущественно густых шевелюр, вдохновенно любили стричься и делать прически, особенно молодежь.

— Ты молодец, — сказала по дороге госпожа Лень, и глаза Саня подозрительно заблестели. Он нес перед собой позолоченную медаль как знамя, с видом гордым и немного растерянным, будто сам не верил, что в кои-то веки сумел победить. — В каникулы мы тобой обязательно съездим в Сучжоу[30]. А пока… пока вот что! У меня есть идея. В честь победы я хочу угостить всех гунбао цзидин[31]. Пойду пока переставлю машину, через пять минут подъеду — стойте здесь! — И каблучки ее сапог торопливо зацокали по асфальту.

Бесснежная шанхайская зима — что бесслезная грусть, и напряжение временами прорывалось то мелким дождем, то непонятной моросью. Вот и сейчас с неба вдруг посыпалась морось, а из переулка вдруг выскочил и перегородил им дорогу молодой человек.

Прическа у него смело могла называться «взрыв на макаронной фабрике» — вот кому бы точно не помешало заглянуть в цирюльню. А главное, в руке он сжимал блестящий и черный, какого-то старинного вида пистолет, похожий на маузер. Великоватый для его возраста и роста, пожалуй.

Потому что самому стрелку на вид было лет семнадцать, от силы восемнадцать. Наверняка только что окончил школу и, может, еще даже не сдал гао као. Еще один не выдержал экзаменационного напряжения? А вообще это был нонсенс для Шанхая, известного небольшой криминальной активностью по части грабежей (больше были распространены мошенничество и воровство).

— Ты, мелкий, отдай медаль, — сказал он, вперив взгляд в Саня. И наставил револьвер четко в его сердце.

---

[30] Курортный город в часе езды от Шанхая.

[31] Мелко порубленное мясо курицы с арахисом в кисло-сладком соусе.

Глава 7

В отличие от западной мифологии, где драконы коварные, опасные и огнедышащие, в китайской культуре отношение к ним было намного лояльнее. Дракон считался самым могущественным зверем и символизировал удачу. С древних времен он олицетворял единение инь и ян, справедливую могучую силу, а также был символом китайской нации в целом, ведь, по легенде, великий Желтый император Хуан Ди под конец жизни обратился в дракона и взмыл в небеса. После этого дракон стал считаться символом власти и самого правителя, и уже к VII веку до н. э. его изображение встречается на одеждах, воротах, музыкальных инструментах, зданиях, рукоятках мечей и посуде. Как считалось, зачастую драконы обитали в реках, озерах и морях и потому ассоциировались со стихией воды, хотя порой предпочитали жить и на горных хребтах.

Хули-цзину[32] Чан У исполнилось лишь пятьдесят лет, и он мог обращаться пока только в мужчину[33] Больше всего силу лисиц-оборотней подпитывала живительная энергия ян, страх окружающих и старинные амулеты, таящие способности ушедших в прошлое духов и божков. Чан У, в силу молодости, охотился в основном за амулетами, но на своем пути не отказывался и от человеческих эмоций. И то, что он повстречал именно четверку подростков и учителя-лаоши в тот вечер, он однозначно расценил как необычайное везение. Мало того что их можно было легко запугать, так еще и у самого мелкого в руках оказался один из тех древних талисманов, которые так увлеченно искал Чан У.

Разумеется, показываться открыто было нельзя, поэтому Чан принял вид обычного грабителя. Не совсем обычного, к слову, ведь в Шанхае тупо грабить прохожих как-то не принято, куда приличнее считается просто стащить что-нибудь из кармана у зазевавшегося туриста.

Он взвел курок и наставил пистолет на самого мелкого из пятерки.

— Давай медаль, — хрипло повторил он. Совершенно необязательно лишать человека жизни, чтобы похитить радость, иногда бывает достаточно просто сломать.

— Сань, отдай ему медаль, — сказал учитель напряженно. Наверняка думал, что медаль эта просто подделка под золото, что фактически ничего не стоит, если не считать за стоимость ее значение. А Чан меж тем моментально успел считать — по слабой ауре духа дерева, все еще исходившей от нее, что медаль сделана из дерева гинкго, которому минуло не менее двух тысяч лет. Потому что в нем как раз и успел завестись упомянутый дух пэн-хао[34]. Это старое дерево гинкго росло на северо-востоке — где когда-то располагалось княжество Цинь, и, хотя было уже срублено, продолжало существовать в виде таких вот сувениров, медалек и статуэток, которые при удаче и определенной сноровке можно отрыть на многочисленных уличных рынках. Сноровки Чану было не занимать, а вот везло крайне редко.

Однако мелкий не послушал учителя и не отдал медаль. Как будто знал, сколько ей лет и сколько она стоит на самом деле.

— Не могу, — сказал он звенящим будто от сдерживаемых слез голосом, — я обещал отдать ее маме!

---

[32] В китайской традиционной мифологии волшебная лиса, лисица-оборотень.

[33] По легенде, хули-цзины могли оборачиваться в женщину, лишь достигнув ста лет.

[34] Пэн-хао — по старинным китайским поверьям, духи дерева, не злые, но любители подшутить над случайными странниками: выглянуть из дупла, когда кто-нибудь проходит мимо, в своем обличье бесхвостой черной собаки с человеческим лицом.

Учитель сказал что-то на непонятном языке и, вдруг сделав резкое движение, выбил оружие из рук Чана. В былые времена, когда скорость реакции была еще при Чане, он бы моментально завладел им снова, однако на сей раз не успел — мальчишка проявил внезапную сноровку и сам подхватил оружие.

А в следующую секунду вскинул руку с пистолетом и выстрелил в Чана.

С его головы сдуло кепку, а сам он машинально закрыл лицо руками.

Не то чтобы Чан боялся смерти, но было обидно оказаться снова без тела — еще неизвестно, когда удастся разжиться новым, а главное, это могло лишить его последних остатков сил.

— Во второй раз, — сипло выговорил Сань, — выбью глаз.

Губы его дрожали и голос срывался, но пистолет он держал крепко.

Чан сумел оценить степень владения оружием, поэтому не стал дальше испытывать судьбу, развернулся и юркнул обратно в переулок.

— Ты нарочно целил в кепку или просто промахнулся? — спросил после паузы Андрей.

Сань вжал голову в плечи и не ответил. Среди вариантов ответов не было хорошего — если промахнулся, значит, целил человеку в голову, а если попал, куда целил, — где же он так навострился стрелять? Главное, действовал без раздумий и без страха перед оружием.

— Мы иногда с классом ходили в тир, — подал вдруг голос Ли Кан. — Да, Цзи?

— Вроде бы, — отозвалась Ли Цзи, однако не очень-то уверенно. И вздернула аккуратный носик, будто хотела заплакать или чихнуть, но не сделала ни того, ни другого, а просто кивнула. Рюкатагаво стоял в сторонке и восхищенно разглядывал валявшуюся на земле гильзу, и было ощущение, что ему нет сейчас дела ни до чего другого. Кажется, фамилия у Рю была Минь. Точно Минь.

В памяти Андрея всплыли собственные слова: «Будущее еще не произошло». Он одернул пиджак, задравшийся при падении. Судя по прохожим, шанхайцам не было принято заморачиваться с глажкой (вот со стиркой — да, но не с глажкой), однако Андрей как и.о. учителя не мог позволить себе ходить в невыглаженной одежде.

— Ладно, — после паузы сказал он, — ты молодец, Сань. Только в будущем постарайся не поднимать с земли чужих вещей. На них могут оказаться заклятия.

Сань медленно перевел на него взгляд, и сейчас этот взгляд напоминал взоры героев аниме в их лучших традициях.

Это был первый раз, когда Андрей согласился закрыть глаза на преступление. Может, его немного оправдывало лишь то, что преступление это было еще не совершенное, а пока просто предсказанное.

Да еще и предсказанное таким ненадежным источником, как ИИ.

Эпилог

Новый год в Китае называется Праздником весны, считается семейным и в общей сложности длится две недели. Самым популярным подарком считается красный конверт — хунбао, в котором дарят деньги. Как и все другие подарки, он преподносится двумя руками, а красный цвет символизирует пожелание удачи. А на пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю отмечается Праздник фонарей (Юаньсяоцзе). В этот день принято проводить красочные шоу и театрализованные гуляния, развешивать на улицах фонарики и запускать фейерверки (впрочем, в Китае по любому поводу любят пускать салюты), а также разгадывать загадки, написанные на фонариках.

Родители развелись, и отец уехал в Пекин насовсем, но Сань совершенно из-за этого не грустил. Главное, он жил теперь снова дома с мамой, а не в интернате, где было так одиноко и серо, несмотря даже на уютные комнаты и яркие диваны в холлах и на этажах.

Наступил канун некитайского Нового года, 31 декабря. Сань вышел из той закрытой группы в «Тик-токе», где обсуждались варианты самостоятельного приготовления разных веществ и начинок, и по электронной почте отправил учителю Дею обстоятельнейшее поздравление. Пожелав ему всех мыслимых успехов и удач, Сань перешел к бытовой части и так же обстоятельно описал, что в пятницу вместе с Рю пойдет к Кану и его сестре на вечеринку — первую вечеринку в своей жизни, а в конце добавил: «Во шань ни»[35]. Потом стер и закончил фразу строго и деловито: «До встречи!»

Потом открыл рассказ Пришвина «Золотой луг» и начал читать. Просто удивительно, как в таком коротком рассказе про скромные одуванчики можно было уместить так много? Он дошел до последней фразы «С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что они спать ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали» и сам не заметил, как задремал.

В ту же ночь Саню приснился необычный сон. Будто учитель Андрей вернулся не в Москву, а на какой-то серебряный луч в небе. Он был достаточно широк, и на нем смогли уместиться двое — учитель Дей и еще какой-то человек, почти такой же высокий.

— По-моему, это с самого начала была какая-то профанация, — убежденно говорил учитель Дей. Он говорил на иностранном языке, но Сань почему-то понимал. — Сань никогда бы не устроил стрельбу. Я все думал, почему на это задание послали именно меня. Ну какой из меня учитель?

— Не важно, главное — ты здесь уже бывал, — отозвался его собеседник.

— Ты тоже.

— Но именно ты когда-то принимал участие в создании этой письменности. Кто бы мог подумать, что ты не узнаешь иероглиф?

— Это в министерстве написали его неправильно. Кто бы мог подумать, что иероглифы так изменятся за прошедшие годы?

— Годы? — хмыкнул спутник учителя Дея.

— Ну, века. А ты никогда не думал, что эти наши вмешательства в прошлое не запланированы логикой миропорядка? — спросил вдруг учитель Дей что-то непонятное.

— Думаю, если они происходят, то уже заранее были заложены в вероятностные цепочки, — уверенно ответил незнакомец. — Ведь этот Сань мог стать не просто стрелком, а бомбистом, и вместе со школой на воздух взлетел бы будущий ученый-физик, который при хорошем раскладе должен был получить «Нобеля» за изобретение принципа путешествий во времени…

— Да помню, — перебил учитель Дей с досадой. — Просто я иногда думаю: мы все копаемся в прошлом, пока другие делают собственные изобретения и шагают вперед, заглядывая за край мироздания. Это что, навсегда?

— Напомнить про проигрыш в ралли?

Учитель поморщился:

— Память у меня не хуже твоей.

— И с тех пор по условиям пари нам нужно выполнить хоть одно задание вовремя, уложившись в сроки и не застряв в прошлом сверх положенного.

— Только пока не выходит не застревать, — признал учитель Дей со вздохом. — Но какие-то нереалистичные у министерства сроки. То тут нужна помощь, то там остается незавершенное дело — как всё бросить? А в прошлый раз вообще из-за тебя опоздали.

---

[35] Я по вам скучаю (кит. мандаринский диалект).

— Не опоздали бы, — качнул головой другой человек, — если б не та вечеринка.

— Та вечеринка, на которую никто не пришел?[36]

— Я пришел, — гордо сказал собеседник учителя. — Кто же мог знать, что хозяин к тому времени уже заснет, оставив нетронутыми горы еды и напитков? Нехорошо было уйти, ничего не отведав. И не важно, что потом все свалили на слуг.

Учитель Дей хмыкнул:

— Я тогда даже не был удивлен. Не припомню ни одного случая в универе, Санек, чтобы ты пропустил хоть какую-нибудь тусу. Но обидно, всего полдня промедления…

— В этот раз было два дня, — ворчливо отозвался неведомый Санек, — надеюсь, теперь тебе не так обидно. А помнишь, однажды мы задержались в долине реки Хуанхэ, потому что тебе пришла охота устроить соревнования по стрельбе из лука? После этого люди и начали сочинять о небесном стрелке.

— Я вспомнил один старый сериал про Робин Гуда, — отозвался учитель как будто смущенно, — еще давно, из детства, и… ну, сам понимаешь…

Голоса их стали стихать, по мере того как они уходили все дальше по широкому серебряному лучу, и Сань не смог разобрать окончания фразы — хотя и очень старался, как будто это было очень важно услышать.

А главное, никак не получалось отделаться от горькой мысли, что они уходят навсегда…

---

[36] Ссылка на эксперимент Стивена Хокинга. Суть заключалась в том, что он устроил «вечеринку для путешественников во времени» и объявил о ней только на следующий день.

Юлия Кокошко

Так падает свет

***

Так падает свет
из-под полуприкрытых вежд
переселившихся в небо деревень,
наискось, нисходя — летуч и благословен,
а может, сыплется из заветных снов,
а что не освещено,
скользит по наклонной из комнаты за окно
и падает между снежных снастей
на улицу Уклонистов
и в переулок сдутых с горы Альпинистов,
или в спешащую мимо колесницу —
ту или эту единицу,
в крайнем случае в их отставшую тень,
что повернула на площадь Всех Страстей…
И что там еще припасено
в этом покатом золотом рукаве,
какие сюрпризы?

Так падает свет
из полусомкнувшихся завес —
наискось, нисходя, словно все уже решено,
и освещает лишь то, что тебе дано.
Но будем храбриться.

***

Оттого, что мои дороги
столько раз бросали на кон, как кости,
и опять запихивали в коробку,
все случились ушатаны до хромого корня,

Юлия Кокошко — прозаик, поэт, автор книг «Шествовать. Прихватить рог» (2008), «За мной следят дым и песок» (2014), «Под мостом и над мостом» (2016) и др. Печаталась в журналах «Знамя», «Комментарии», «Урал», «Новый берег» и др. Лауреат литературных премий им. Андрея Белого и им. Павла Бажова.

даже те, которые только снились,
облысели, осыпались, накренились,
стоптались почти до ада —
и давно обратились в старых хрычовок,
от которых осталась одна бравада.
И за ужином эти рецидивистки,
чтоб подкрутить нервишки,
чокаются и милуются с чёртом.

Посему как теперь ни пришпоривай тощих,
не почешутся ни венцом, ни шпилем,
не подхватятся ни копытцем,
чтоб на всех парах, разрывая пыли,
привести меня в то застолье,
в те волшебные времена, в которых…

Черт шепнул, что прыти на эти старые кости —
как рыданий у тети кошки.
Но готовы мотать меня по кругу,
а не то, сорвав с языка колоколец,
вдруг сметут с какой-нибудь кручи.

***

Согласно предсказателю, у всех, кто в исходе
ноября повстречает зеленую собаку, вскоре
исполнится заветное желание. Увы, зеленые собаки —
и вся масть в прощальный день осени меня не догнали,
но зеленый терьер пожаловал ко мне в ночь. Однако,
заслушав мою просьбу — пусть время, не теряя
времени, остановится! — зеленый покрыл меня
иерихонским лаем. Пришлось срочно катапультироваться
из места под носом (пастью) мага — в ночную тьму.
Меня приняла тишина пятого часа, замкнутая
на все задвижки: поток сквернословий удалось отсечь.
Возможно, время припустило от него еще резвей.

В подъезде, спускаясь с лестницы, я наступила на
занесенный бог знает чьим башмаком опавший лист.
И испугалась: а вдруг сей лист подпихнет под мои
подошвы — свой маршрут?
Я оказалась у реки. Которая решила обратиться
в каменную, но прежде — возвратить все книги,
что когда-то ей посвящали. Некто рядом объяснял
мне, что книги, которые прочитала река, после
читать нельзя, эта сентиментальная обливает
слезами каждую страницу. Если книги, собранные
из букв, пересобрали из слез, читаемые свернули —
в нечитаемые, значит, шевеление-копошение
продолжалось?

Впереди на камнях мне привиделся — застывший
голубь, то ли сбитый неосторожным авто, то ли
его распахнула река, перепутав с книгой. Но едва

я приблизилась, голубь превратился в пустой сосуд
с голубой этикеткой, от горлышка перечеркнутой
зигзагом молнии.

На улице меня остановила темно-красная старуха:
квадратное пальто, берет, ботинки и даже перчатки —
все было цвета вампир. И, выспросив, который час,
она ткнула посохом влево и проговорила:
— А раньше там была институция, где я и один
полубог примерно двадцати шести лет и двух
месяцев скрепили священный союз. А через два
здания квартировали аисты, которые принесли
нам сына. Его лицевой диск имел форму сердца,
как у ночной птицы. Я приехала сюда увидеть
того и другого. Взглянуть им в глаза.
Кстати, еще через несколько метров был — музей
местного изобретателя древностей. От которых —
и камня на камне... как и от всего прочего. Непременно
посетите этот музей, весьма поучительно!

Если мадам Бордо столь ясно видела то, чего нет,
время все же скомкало бег? Или только на левой
стороне, поскольку бежать через руины надсадно!
А может, здесь явился и говорил ко мне куст
в десять багряноцветущих посохов? Полыхающий
куст — в ноябре? Но цвета, как птицы небесные,
вселяются в любые приглянувшиеся объекты — и когда
хотят. Скорей это был колчан огненных стрел,
указующий — то на дом священных союзов, то —
на товарищество аистов… Точнее, пускающий
в них огненные стрелы. Может, оттого здесь
все и сгорело? Или на этой странной дороге
в одних предметах прозревают — другие?
Не сюжет ли это — из какой-нибудь книги,
что выбросила река? О бесноватом размножении
зеленых и красных? Но если мне снились сны —
и один теснил другой, значит, время двигалось?
А если встало, смогу ли я выбраться из снов?
Видно, каждый сам роет себе ловушку.

***

Кто выстриг из похищенного фрака
полет стрижей и парочки расстриг
над полосатым станом автострады,
был тоже между крыл и виражей
и брал под козырек чужих вещей —
расстрига-первый (*прим*)
и фифа тень — и оба под парами.
Прибившись к хору, он зудел и цвиркал,
нанизывал на ножку арабеск…
Стремился утолить пустые виды
ниспосланных небес?

Слетался на вершине с предсказаньем —
что в человеках быть густой косьбе?
А может, полагал себя вязанкой
печальных строк —
и, мысля истребить сей гадкий свиток,
как штоф, с утра введенный в оборот,
ловил на корпус пули алфавита...

Он был во всех мирах трескучий трагик,
кто взят за неозвученный тариф
на роль — уже сто пятым
(в программке — минус-шрифт)…
Короче, он был бит, как материк,
внезапным выпаденьем синих пятен,
когда не тем фраппирующим фрачным,
кто выкрал у небес расположенье
на первое расположенье —
в когда-то слитном, как поля и брани,
как стражи и разводка,
в двуостром лирохвостом…

***

Время выхода барышни-феи — к трамвайной петле,
заарканившей вместо вагонов — кручу осенних вод.
Барышня Ф. чертит ручкой зазывное: ау, старые
мокрушники, хватит прятаться от дождя под деревьями
с драной кроной, мой зонт «Спасение размываемых»
распахнул себя — вам.
Потянувшиеся под прикрытие пытаются оправдаться,
какого черта вытащились на воды без грибка над собой.
Один не разглядел погоду в неумытом окне. Другой
посеял зонт в такси. У третьего — отнят смерчем
и унесен в волшебную страну. Четвертый посетил
накануне цирк, а у жонглера не хватало для номера
аккурат одного зонта. Пятый жертвовал изделие —
таинственным силам, чтобы зарядили наконечник ядом
и невзначай кололи в толпе — коммандос. А зонтом
шестого выпалили из пушки в окно ночных музык,
чтобы не мешало трудящимся соснуть меж рабочими
сменами… И кто усомнится, что виновные не выставят
себя в лучшем свете? Не рассиропят показания —
щедрыми эпизодами своего жития? И чем излияния
беззонтичных отличны — от излияний небесных?
Воды в их текстах точно не меньше.

Одна староспасенная вместе с зонтом соскребла
из памяти собственные лета — и встретила проливную
осень блаженной улыбкой и соломенной шляпкой,
а юбка так и мечет из-под штормовки — пышные
подсолнухи и георгины.
Кое-кто намекает свою загадочность: история его
началась куда раньше, чем все думают… И, пока
никто не успел подумать, раскупоривает прошлое столетие.

Старикан-завсегдатай трамвайной петли
в заношенном камуфляже и с сумкой-планшетом,
да-да, мы военная косточка, кто перед трамвайной
дверью вечно оттягивает пальцами нос, чтоб
извергнуть содержимое — и путешествовать налегке,
и теперь, втискиваясь под кров, исполняет тот же
трюк. И со знанием крупного стратега плачется
барышне, что отсутствие транспорта не позволит
развернуть полномасштабную боевую операцию.
Но особенно сомнителен для спасения — грязнейший,
в спецовке с эмблемой: «Лига коммунальных экспертов»,
кому давно пора сойтись с чем-нибудь прорвавшимся
и неостановимым, однако предпочитает — общество.

Пятеро и семеро под одним колпаком, октет и уже
нонет… Зонт «Спасение», под которым все трещат
и наперебой закрикивают потоки, вырастает в парашют.
Хотя кому-то кажется, что — капля за каплей — все
превращаются в африканский оркестр с барабанами
из высушенных тыкв.
И приходит трамвай с открытой платформой,
и оркестранты погружаются на платформу.
Барышня Ф. схлопывает зонт — в дирижерский скипетр
и отмахивает ритм. И дождь, ловко пристроясь
меж стукачами, тоже тюкает, бацает и долбит
то в один, то в другой барабан.
Словом, все уезжают в гастрольное турне…

Евгения Киселева

Мне очень жаль

Рассказ

Вдруг я осознала, что не вижу вокруг знакомых лиц. Моих спутников похитила пёстрая толпа, толстой змеёй обвивавшая Тадж-Махал. Первое удивление сменилось неожиданным, но явственным облегчением, как если бы мне удалось миновать угрозу, которая уже показалась на горизонте, но внезапно скрылась, не дав себя распознать.

Нет, мне нравилась моя компания. Всё это были люди спокойные и рассудительные. Каждое утро гид приветствовала нас и взмахом руки приглашала пройти в неизменный автобус. Мы, в свою очередь, здоровались с гидом и водителем, складывая руки в традиционном индийском приветствии «Намасте». Войдя в автобус, мы занимали одни и те же места в порядке, сложившемся случайным образом в первый день нашего совместного путешествия. Я садилась у окна в самой середине салона. Гид с улыбкой пересчитывала нас по головам, как овец, и командовала: «Чало!» «Чало!», как она же нам и рассказала, означало: «Поехали!» Параллели между «чало» и глаголом «чалить» в разных его значениях стали нашим излюбленным поводом для шуток. Долгими днями мы неразлучно бродили по разным городам Индии, а вечерами все вместе ужинали и пили вино, по-светски делясь впечатлениями. Мы называли друг друга по именам, но в души не лезли. Это простое негласное правило стало основой настолько приятного и лёгкого общения, насколько только пустота может быть легка и приятна.

Теперь же меня смутило то, что, лишившись привычного окружения, я не испытала ни малейшей тревоги, но вскоре с благодарностью приняла радость освобождения от условностей, неизбежно и неразрывно вплетающихся в любое ограниченное сообщество. Не без труда выискав свободное место, я расположилась на широкой мраморной платформе в основании Тадж-Махала. Вокруг сидели и возлежали десятки людей: светловолосые голубоглазые европейцы в одеждах цвета хаки, звонкие азиаты, обвешанные фотоаппаратами, переливавшееся драгоценным блеском африканское семейство, непохожие друг на друга индийцы, объединённые глубокой любовью к своей стране. В узких проходах между человеческими телами

Евгения Киселева (1984) — родилась в Москве. Окончила Московскую медицинскую академию им. И.М. Сеченова. Работает в сфере здравоохранения. Участник литературных семинаров и мастер-классов. Многократно входила в лонг- и шорт-листы литературных конкурсов в прозаических номинациях. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Нижний Новгород», «Веси» и др. Дебютный роман «Круги человечьи» вышел в издательстве «Руграм» / «Пальмира» в 2026 году.

громоздились объемные рюкзаки, сновали дети разных народов мира, не спеша пробирались страждущие найти свою пядь в этом странном зале ожидания.

Пребывая в одиночестве и в толпе единовременно, я зачарованно любовалась игрой лучей солнца на гладких стенах, изучала кружево каменной резьбы, преследовала взором то одну, то другую линию. Над моей головой млело в свете безупречно голубое небо, воды реки, извивавшейся в окрестных полях, приветливо искрились. Мои мысли тоже будто перемещались в пространстве, с обезьяньей ловкостью взбирались вверх по своду арки, далее − бегом по изгибу луковицы купола к самому кончику шпиля, и вот они уже отбрасывают хвосты и устремляются к птицам. Я не поспевала за ними, и мне пришлось отпустить их путешествовать. Наградой мне стало ощущение неведомой ранее чистоты, как если бы я очутилась в свежеприбранном доме, из которого тщательно вымели всю грязь и выбросили весь хлам, отчего сами стены в нём стали тоньше. Это сделало меня уязвимой, но ненадолго, так как мельчайшие частицы мрамора, витавшие в воздухе, уже облепляли мою кожу, формируя новый сосуд для иного человека. Бредя по пыльной улице, укутанная тяжёлым и плотным, как ватное одеяло, зноем, я осязала хрупкость, но в то же время цельность моей новоприобретенной формы.

Стоянка автобусов выглядела заброшенной. Туристы ещё не возвращались, а водители, должно быть, прятались от жары в одном из кафе поблизости. И только железные кони молча обреченно плавились, стремясь слиться в одно целое с размягчённым асфальтом. Я осмотрелась, но не увидела подходящего укрытия, и потому лишь немного отошла от сосредоточия раскалённого металла — на небольшой пустырь. Вокруг кренились одноэтажные каменные домики с выцветшими фасадами. Обветшалые и замызганные, они ещё хранили на себе следы лучшей поры — кусочки орнаментов, клочки росписей, крошки лепнины. Я старательно выискивала взглядом эти осколки времени, но их всё же оказалось слишком мало, чтобы вызвать из памяти места первоначальный облик зданий. А рядом текла вялая жизнь. Пожилые женщины клевали носами над лотками с поделками, тянули на руках повозки тощие рикши. Подошли несколько чужих мне путников. Отбившись, как и я, от своих стад, они принялись бесцельно бродить кругами невдалеке.

Минуты тянулись болезненно медленно. Солнце заливало глаза, с силой смыкало веки. Заметив, что кто-то или что-то движется в мою сторону, я не смогла понять, откуда именно оно появилось, как если бы нечто материализовалось на дороге из света и густого жаркого воздуха. Постепенно подступила догадка, что то была группа людей, перемещавшихся тесным полукругом. Одетые в схожие светлые одежды, они представлялись в лучах жёлтого карлика единой массой, в которой невозможно было взглядом отделить одну фигуру от другой. Впереди на уровне их коленей двигался кто-то еще, и мне подумалось, что это собаки: по Индии бродит множество рыжих псов. Вся композиция имела неровный силуэт и притом странным образом покачивалась, будто невидимые волны подкашивали её то с одной, то с другой стороны. Приближаясь, они постепенно обозначались, прорисовывались в моей голове, как на фотографии при проявке проступают сначала контуры объектов, а затем их наполнение.

Они уже были не дальше пятнадцати метров, когда я осознала, что с ними не так. Понимание происходящего пробилось ко мне не сразу, но настойчиво стучалось в виски, царапало горло, секло по глазам и, прорвавшись, разом стянуло все мои мышцы в единой судороге. Был ли это ужас? Вероятно, в какой-то миг ужас прошёл сквозь меня навылет. В тот самый миг, когда я невольно отшатнулась. Но тут же рука стыда придушила во

мне росток трусости, и я усилием воли отменила собственное бегство.

Арифметика меня всегда успокаивала, и я не раз пересчитала их: их было двадцать, все − мужского пола и не старше тридцати лет. Все они были сгорблены, скрючены, покорёжены. Их большие головы покоились на узких плечах, худые, искривлённые тела заканчивались тонкими, как веревки, ногами с завязанными посередине узлами — коленками. У многих пятые точки были отклячены, а спины — почти параллельны земле. Костлявыми руками они усердно опирались на разноразмерные костыли, не раз перевязанные и переклеенные. А впереди всех прочих двигались трое молодых мужчин, изуродованных настолько, что они перемещались, лёжа на толстых досках, снабжённых колёсиками. Они располагались на них либо на животе, либо полубоком с опорой на одну из тазовых костей. Скукоженные, атрофированные нижние конечности были безвольно распластаны по плоскости их нехитрого транспорта. Они катились ко мне, отталкиваясь ладонями от земли, и для шести рук у них нашлась лишь одна перчатка.

Я лихорадочно пыталась осознать, принять нереальность их телодвижений, поз, сложения их тел, нереальность самого факта их существования, дыхания, жизни в центре до боли будничного пейзажа городской окраины. Моё лицо горело. На смену порыву к бегству пришло оцепенение, прочно сковавшее меня в одной позе, в одной точке пространства. Само время будто отринуло свой прямой как стрела путь, отошло на обочину, где свернулось возле моих ног калачиком и затихло.

Они остановились шагах в пяти передо мной, оставаясь всё той же слепленной воедино группой. Теперь я могла рассмотреть их лица, по большей части продолговатые, с небольшими темными глазами и полными губами. Все они улыбались: одни — широко и солнечно, другие же неестественно кривили рот, но их ясные взгляды однозначно подтверждали — то были их улыбки, самые искренние, самые улыбчивые улыбки, на которые они способны. Всё ещё не в силах шевельнуться, я приказала себе улыбаться в ответ. Едва ли моя улыбка была естественной, но, господи, надеюсь, она не была карикатурной.

С минуту они молча смотрели на меня. Кто-то внимательно изучал мою одежду и обувь, и их взгляды блуждали по мне сверху вниз и обратно, изредка задерживаясь на той или иной детали. Другие же неотрывно вглядывались в моё лицо, как если бы стремились выучить его построчно наизусть, как стихотворение. Позднее я множество раз с тошнотой на сердце размышляла, что именно они могли считать с моего лица тогда. Был ли на нём страх? Или, что ещё хуже, отвращение? Оставаясь наедине с собой, я зажмуривалась в корче стыда, коря себя за каждую неловкость, каждую тень малодушия, за каждую невольную слабость, проявленную в те минуты.

Прервав молчание, они недолго тихонько переговаривались краткими фразами, после чего один из них, широко улыбнувшись, сделал небольшой шажок вперёд и шлёпнул ладонью по своей узкой груди. Это был мальчик, на вид самый младший из их группы — лет десяти от роду. Еще раньше я отметила, что он подволакивал правую ногу. Но на общем фоне его походка была наиболее уверенной. Должно быть, ему приходилось сдерживаться, чтобы не выделяться среди прочих. Над смуглым лбом его топорщились во все стороны тёмные вихры давно не чёсанных волос. Взгляд его был взглядом ребёнка, светящимся и озорным, и он спасительным маяком вывел меня из ступора.

— Дост, — произнес он звонким голосом.

— Дост? — опешивши, переспросила я.

Мальчуган повторил всё действо заново: шажок, шлепок.

— Дост, — повторил он громче и чётче.

Я горячо желала понять его. Чувствуя важность сказанного им для него самого, я вместе с тем предугадывала, что найдётся в том слове что-то и для меня. Но я была не в состоянии истолковать его. Снова и снова, как крупные капли прохладного дождя, сыпалось это слово: «Дост! Дост! Дост!» Потом малыш неожиданно замолчал, сдвинул бровки и грустно посмотрел прямо мне в глаза. Нет, только не разочарование, только не это! Но он лишь робко протянул:

— Фрееенд…

Как же это просто. И мудро. Он догадался. Я — нет. Я мгновенно устыдилась своей несообразительности, но теплый ручей человеческого стремления к общению и дружбе уже обнимал меня, успокаивал, подсказывал.

Сделав глубокий вдох, я ударила себя в грудь и наскоро проговорила:

— Френд! Френд! Френд!

И все они закивали и замотали головами, энергично и невпопад, и засмеялись. Маленький парламентёр хохотал звонче всех, не без гордости оглядываясь на своих товарищей. И они, одобрительно восклицая, засвидетельствовали значимость его достижения.

Едва эффект от моих первых слов начал спадать, я решилась на новый шаг. Опять шлёпнув себя по грудной клетке, я как можно твёрже и отчетливее произнесла:

— Дост!

Вся компания заходила ходуном от восторга. Они махали руками и потрясали костылями. Некоторые пытались подпрыгнуть на месте. Те, кто подъехали ко мне на досках с колёсиками, колотили ладонями по земле, взбивая красноватую пыль, и издавали протяжные мычащие звуки, мучительным гулом отзывавшиеся в сердце. Единственно, мальчуган стих: приоткрыв рот, он оказался не в силах произнести ни звука. Видимо, в силу малого возраста такой поворот событий выбил его из колеи. Но вскоре он оживился и, подхватив общее настроение, попытался кружиться на месте, но тут же едва не упал. Пошатнувшись, но удержавшись на ногах, он сначала рассмеялся, как если бы вспомнил отличную старую шутку, когда-то вылетевшую у него из головы, но с радостью обретённую вновь. Затем малыш указательным пальцем ткнул себя в правую ногу.

— Полио, — отчеканил он и заглянул мне в глаза. Я не отвела взгляда. Это слово я поняла. Позже я думала, что иначе и быть не могло. Мои собеседники будто сошли со страниц книги. Вот только в той книге писалось, что полиомиелит давно побеждён.

Вся группа притихла. Ребёнок же непрестанно показывал то на одного своего товарища, то на другого. И при этом повторял:

— Полио! Полио! Полио!

Он охватил почти всех, но времени, затраченного на эту жуткую перекличку, всё равно было ничтожно мало для принятия. Что могла я сказать им? Какие осмысления, ободрения, обещания приличествует высказать компании, физически напоминающей стаю. Людям, не ведающим прямохождения, как если бы их взрастили животные, ведь разве что глухой, непролазный лес или джунгли, полнящиеся бессловесными зверями, могли допустить само их возникновение. Как Маугли, они все будто стремились к земле, встать на неё всеми четырьмя лапами и, быстро-быстро перебирая ими, помчаться вперёд, обгоняя ветер. Просто их человеческая природа не позволила им завершить превращение, и они остались где-то между, в своём мире, который ныне они трепетно оберегали, стоя плечом к плечу, нога к ноге. Я смотрела на них влажным от бессилия взором, а они струились радостью, подкреплённой актом преподнесения в дар частички своей жизни, неизбежно объединяющим и окрыляющим.

«Мне очень жаль» − мне очень жаль, что этих слов не было со мной тогда. Тогда они ещё были скрыты от меня в моём будущем.

Постепенно сторонние звуки и силуэты стали проникать в мой новый маленький мир. Стали слышны голоса, тараторившие на всех языках сразу. Люди делились впечатлениями, восторженно демонстрировали друг другу фотографии, жаловались на жару, обговаривали предстоящий ужин и прочие удовольствия, неминуемые после столь утомительной культурной программы. Мои уши наполнились оглушающим человеческим щебетом. Я закрывала и снова открывала глаза, добиваясь, чтобы мельтешение цветастых фигур улеглось и приобрело признаки осмысленного движения.

Я не знаю, в какой момент к автобусу вернулись мои прежние спутники, растерянные парой часов ранее. Должно быть, ещё раньше прочих вернулся наш водитель, но он ничем себя не выдал. Наконец я с усилием заставила себя оглядеться и вскоре заметила знакомые футболки.

Переминаясь и активно жестикулируя, они что-то увлечённо обсуждали неподалёку от нас. Мне подумалось, что Тадж-Махал произвёл на них некое особое действие, так как обычное их поведение было много сдержаннее. И от этой мысли мне стало радостно, так как она наделяла других богатствами, родственными с моими собственными приобретениями. Я не придала значения взглядам, которые пулями летели в нашу сторону. Позже я вспоминала их, но они так и не обрели значимости, оставшись лёгким, почти невидимым штрихом на портрете человеческого сообщества.

Я снова повернулась к моему маленькому парламентёру и его друзьям. Мальчуган, неловко приблизившись ко мне, вытянул руку на всю длину и кончиками пальцев легонько коснулся нижнего края тонкого шарфика, свисавшего с моей шеи.

— Индия, — полувопросительно с придыханием прошептал он.

— Индия, — подтвердила я. По счастью, это было чистейшей правдой: тот шарфик, небесно-голубой, я приобрела всего за пару дней до этого в Дели. Все опять встрепенулись, тихо зашелестели неизвестными мне словами. Я с нетерпением ждала, что же будет дальше, я размышляла, не следует ли мне самой сделать следующий шаг. Но какой? Я вслушивалась в их беседу, чуждую, но успокоительную. Затем я попыталась взглянуть на нас со стороны, впервые постигнув, сколь удивительно то, что совершалось с нами.

Вдруг я ощутила чью-то руку на своём локте. Вернее, поначалу я решила, что за что-то зацепилась, и машинально встряхнула рукой, попытавшись избавиться от неудобства.

Но вместо избавления пришло осознание того, что кто-то крепко держит меня. Оглянувшись, я увидела серьёзное, озабоченное лицо одного из моих спутников, тех самых, с которыми мы, то ли тем же утром, то ли в иной жизни, вместе в одном автобусе прибыли на это самое место. Бросив взгляд на остальные футболки, я увидела, как они старательно машут руками, призывая примкнуть к ним. Я было подумала, что нам пора уезжать, но тут же убедилась, что гид ещё не вернулась, а значит, спешить некуда.

Переживание внутренних изменений, неких структурных перестроек внутри самой себя, ещё не исследованных, но ясно слышимых, всё ещё мерцало во мне. Но никто другой не мог знать о произошедшем, а я сама была не в силах объяснить этого, так как процесс ещё не был окончен. Да и слишком сокровенными были мои открытия, не предназначенные для тех, от кого в моей памяти останутся лишь имена и футболки.

Я с усилием стряхнула чужую руку и вновь обратилась к братии на костылях, но они уже окутались поволокой грусти, и я чувствительно ударилась об неё в стремлении за неминуемо последними мгновениями нашей дружбы.

Впрочем, мы всегда знали, что нам придётся разойтись в любую минуту, и даже слова уже были без надобности, как это часто бывает в кругу близких людей. Весь наш танец с первого мгновения готовил нас к расставанию, которого могло и не быть, не встреться мы, разминись мы на карте или на циферблате, не найди малыш тех самых нужных всем слов. Но всё это случилось с нами, со мной и ими, одно мгновение в пустыне жизни, полное до краёв. Вся группа разом повернулась ко мне спинами и начала обратный путь в никуда, откуда однажды пришла ко мне в пыли и солнечном свете.

Войдя в автобус последней, я обнаружила, что наш извечный порядок нарушен. Свободными местами оставались лишь кресла за спиной водителя. Все остальные сиденья оказались заняты либо самими футболками, либо их сумками и рюкзаками, которые раньше мы обычно возили на коленях или на багажной полке. Я с лёгким, почти радостным равнодушием приняла нововведение, отметив, что это спокойствие так же ново для меня, и вместе с тем, что оно мне нравится.

Гид привычно принялась пересчитывать своих овец. Едва она закончила, в её сумочке раздался звонок. Наскоро извинившись перед пустотой, она поднесла телефон к уху.

Я же привстала, нагнулась чуть ближе к водителю, чтобы не повышать голос, и решительно произнесла: «Чало!» Он вздрогнул, оглянулся, недоуменно посмотрел сначала на меня, затем – на гида. Она кивнула. Водитель опять воззрился на меня. Он, очевидно, был сбит с толку, обескуражен, но при этом в его глазах читалось ожидание, сопряженное с готовностью к действию.

И я твёрдо повторила: «Чало!»

Через несколько секунд автобус начал движение.

Павел Проскуряков

Сказки с присказками

1

Чтобы написать обо всём на свете
и целом мире,
нужно писать о себе
и своих близких.

Когда на ужин была целая курица,
бабушка находила в ней
маленькую косточку,
похожую на рога.
Мы её разламывали надвое —
каждый тянул за свой рог.
Бабушка говорила:
— Бери да помни.
Начиналась игра.
Теперь, если кто-то из нас
что-нибудь друг другу давал,
надо было сказать:
— Беру да помню.
Бабушка тут же мне
что-нибудь подавала,
говорила:
— Бери да помни!
И я проигрывал.

2

Я во всём вижу знаки.
Правой ногой запнулся — повезёт!
Левой — нет.
Перешла дорогу чёрная кошка — нет.

Павел Проскуряков — родился в д. Ежова Свердловской области. Окончил Свердловский юридический институт. Юрист, нотариус. Автор поэтических книг «Хрустальная трава», «Глиняный человек», «Полынь» и др. Стихи публиковались в журнале «Урал», в коллективных сборниках. Живёт и работает в Екатеринбурге.

Счастливый номер у впереди идущей дороги — да.
Это, как раньше, все искали счастливый билетик,
ждали его, как давно обещанное счастье.
В школе во второй части
начиналась спортивная гимнастика.
Двойняшки Червяковы вдвоём
забрасывали меня на перекладину
(подъём переворотом).
Надо мной потешались.
Я страдал.
И стал подтягиваться каждый вечер
на кончиках пальцев, вцепившись в верхнюю планку
дверной обналички.
По одному, по два раза,
но чтобы всего было 50.
Заводил голову под нижнюю перекладину спинки
железной панцирной кровати,
хватался за верхнюю, закругленную,
двумя руками
и делал подъем переворотом.
Поднимал одной рукой венский стул
за переднюю ножку.
Держал уголок на спинке кровати.
И так всю зиму.
Весной в огороде смастерил турник.
У меня начало получаться.
И вот май месяц, десятый класс,
школьный стадион,
и Кралин-приколист кричит:
— Паша, на турник!
Я вышел силой на две руки,
сделал наверху уголок
и почувствовал, что за моей спиной
полощутся крылья.
Покрутился на двух коленях,
на одном, на локтях.
Повис вниз головой
и спрыгнул с кувырком.
Услышал удивленную тишину
и был просто счастлив.

3

Бабушка Агния
перед смертью говорила:
— Мне так жалко
оставлять вас одних.

Бабушка так горестно плакала
над младшим сыном,
дядей Толей.
Ей было 92.
Мама говорила:

— Зачем она так долго живёт,
она же всех переживёт.
И было стыдно за маму.
А потом маме исполнилось 90.
Я говорил те же слова,
и не было стыдно.
Бабушка умерла через год
после дяди Толи.
А мама через сорок дней
после 90-летия.

4

Опять звоню с утра домой,
не отвечают, боже мой.
Так много маме моей лет,
а вдруг её уже и нет.

Когда мама осталась одна
и долго жила одна,
она сидела у окна
в любимом кресле
и пела песню одиночества:
охо хо-хо хо-хо хо-о-о-о,
охо хо-хо хо-хо хо-о,
охо хо-хо хо-хо хо-о-о-о,
охо хо-хо хо-хо хо-о

***

Мне осталось жить
совсем немножко.

Подобрал я
мамину бадожку.

***

Ледяная вода
цвета снега
и льда

***

В море Балтийское
выпустили буревестника.

Честное пионерское,
без фигушки и без крестика.

Романс

В классическом стиле

Сергею Ивкину

Я всё простить тебе могу,
твоим словам спешу поверить.
Так покоренные врагу
смиренно отворяют двери.

Вот только что я клял тебя,
и гнев, как меч тяжёлый, прятал.
Но усмирила ты шутя
меня одним зелёным взглядом.

Упреком смелость отняла,
улыбкой ревность растопила,
своим любимым назвала
и в недоверье обвинила.
И всё, тобой я побежден,
забыл и гнев, и подозренья.
И, как мальчишка, пристыжен
и у тебя прошу прощенья.

Наталья Викторова

Чайки, чайники, чаинки[1]

Роман

Третья часть

Настоящая африканская жизнь

Глава первая

Училка в Алжире

Начало

Непонятно, как это сделать, уехать так, чтобы нельзя было вернуться. Всю жизнь ты сбегала отовсюду в непредвиденный час, недолго томясь неподвижностью, садилась в самолет, поезд, автобус, и пожалуйста — дома. И только теперь подчинишься таким условиям, что легкомыслие исключается, сесть и уехать в любой момент не получится.

Меня ждет неизвестность, далекая, недобрая, и я, малодушно цепенея, погружаюсь в черную реку безвременья — здесь душа моя и полушки не стоит. Твердого бы чего-нибудь, точку какую-нибудь, но ни точки опоры, ни зацепки для взгляда, ничего длящегося дольше минуты. Я уплываю, прощайте.

Но всё, что я предчувствовала, заранее переживая будущее, ни на йоту не приближается к правде одиночества на берегу Mediterranee. Года через четыре после возвращения мне приснился сон: я стою на берегу бескрайнего моря, а вокруг — ни в море, ни на земле — никого.

Сон. На самом деле народу хватает. Всё наш народ из разных наших стран. Худой азербайджанец, грузин, погруженный в тоску по родине и плохо понимающий по-русски. Два толстяка, один из Молдавии, другой из Таджикистана, — это начальство кафедры, две вершины руководящего треугольника, и, наконец, в треугольнике третья вершина, главная, — заведующий кафедрой Генрих, степенный, малоподвижный армянин. Как ни придешь к нему на виллу по какому-нибудь бумажному делу, жена лепит пироги, а он спит. Теперь понимаю, что именно такой спящий заведующий — лучшее, что может предложить природа коллективу нервных математиков.

Но я забегаю вперед. Африка. Что это? Это запах, поражающий тебя прямо на трапе самолета. Пахнет трава, непривычно сильно, остро. Потом разгляжу на полях, в рощах, около дорог белые сочные луковицы аниса, этот запах я знала и дома. Других трав и деревьев не знаю имен. Разве что повсюду на холмах эвкалипты, они позже будут цвести всюду пушистыми желтыми цветами, так похожими на мимозы.

---

[1] Окончание. Начало в предыдущем номере.

В аэропорту, конечно, кое-что добавлено к запахам растений. Кто-то где-то посыпал еду перцем и пряностями. Тонкие струи этих ароматов вплетаются в букет, ошеломительно новый.

Субтильный мужчина, похожий на француза, грека, турка и дворника, улыбается: «Ça va?» Отвечаю «Ça va», но тут же перехожу в ведомство специально посланных своих.

Моя вилла стоит в центре городка, где через улицу главные магазины. Налево под навесом бочки с черными и зелеными маслинами, вот эти ягоды и будут моей частой и самой любимой едой. Направо одноэтажный магазин, центральный и большой. Там всегда толпятся не меньше трех человек.

Всего в городе два магазина, они не похожи на наши. Ощущение легкости, несерьезности питания аборигенов. Такое впечатление, что местные, а вслед за ними и мы, все питаются перцем, батонами, узкими, длинными, с пустотой в середине, и шоколадом, начиненным воздушным рисом. Батоны вкусные, шоколад того пуще, а перчить мне нечего. Разве что помидоры.

Овощи мы покупаем на рынке. Утром выходишь из дома, последние батиманы города — и тебя обнимает светящееся небо. Еще метров четыреста, и появляется, вереща и что-то выкрикивая, куча мала торговцев, товаров, фургончиков, на которых прибыли маршаны — не на верблюдах же им ездить, — грязноватое и соблазнительное нагроможденье юбок, штанов, сумок, часов, мочалок, крючков. Ульем жужжит, гудит кипящим котлом, празднично клубится толпа. Рынок — это всегда праздник, маленькое первое мая, где незнакомцы и друзья переплетены в сгусток живой силы.

Мне — овощи. Толстые, мясистые помидоры, толстый зеленый лук и апельсины, апельсины, большие и маленькие, красные и желтые.

Наш народ ходит туда веселиться, чтобы потом засесть за работу. Мохер — вот символ веры и оправданье нашей жизни. Если день холодный, то самоделку на прохожем заметишь всегда, в глазах осталась нежно-оранжевая, цвета апельсиновой мякоти, кофта-полупальто из мохера с начесом. Чего только нет: шапка, пиджак, пальто, сумка и шаль. За два дня наша труженица натрикочет (tricoter — вязать) вам такую красоту, что только руками разведешь. Особенно популярна шаль, привычная вечерняя роскошь. Квадратных три метра усидчивая женщина изготовит за сутки. Это способ провезти домой больше лимита — распусти и получишь дополнительные мотки шерсти. Мужчины, приехавшие без жен, иногда тоже увлеченно вязали, правда, изделиями своими гордились тайно от всех.

Вы поняли уже, что Африка — это не Тверь и не Ступино. Поэтому продолжим про Африку.

Мои студенты

Вот они, двадцать пар глаз, горящих страстью к математике — хочется думать. Жгуче-черных. Нет, один юноша с узким задумчивым лицом — обладатель зеленых, наподобие крыжовника, глаз. Говорят, так выглядят кабилы, коренное население Алжира.

Объяснив материал, пробую узнать, что понято. Ничего не понято. Объясняю другим способом — все те же горящие глаза. (Если вы думаете, что московские студенты понимают с первого раза, вы ошибаетесь. Разница только в том, что у наших не горят глаза. После арабских студентов наши выглядят мешками с мукой.) Пробую третий раз, бессильно умолкаю, подхожу к окну, гляжу на море. Оно волшебно спокойно, поворачиваюсь к аудитории, спрашиваю, что такое вот эта функция. Тишина длится, и наконец из глубины аудитории: «un monstre». Все вместе хохочем. Ну, вот,

первый выделенный юноша, Азиз, невысокий, не очень опрятный мальчик, похожий на добрую, смешливую маму пятерых детей. Я чувствую, что отношение его ко мне не испортится, даже если в группе что-то пойдет не так. Группа целиком мужская.

Группа с девочками выглядит более аристократично. Вообще в Москве тоже если нет девочек, то группа напоминает зверинец. Быстро среди мальчиков вылезают грубые отношения соперничества, не подумайте, что в учебе. Даже входить в такую аудиторию нельзя расслабленной, хотя всё зависит от того, кто лидер. Как правило, это устойчивый середнячок, и он — не худший вариант, хотя рвения к учебе в аудитории не жди. Опасней насмешливый, возможно, способный юноша со стремлением оттянуться совсем не по поводу занятий. Тогда группа глуха и слепа ко всему доброму и вечному.

Здесь, конечно, другое. Во-первых, студент плохо подготовлен и к тому же смотрит на меня как на диковинку, ведь женщин-преподавателей всего две-три на нашу «нефтянку», то есть нефтяной институт. От того, какую оценку я поставлю в конце семестра, зависит распределение, а значит, и материальное благополучие. Поэтому на контрольной никто не даст соседу списать, всеми силами отгораживаясь от него. Это уже рыночные отношения, здесь любовь к ближнему обязана, скромно потупив глаза, уступить место другим чувствам. Да и за текущую неуспеваемость студент мог загреметь в армию, воюющую тогда в Сахаре. Однажды на стене в коридоре вывесили результаты последней контрольной. Мой студент с неудовлетворительной оценкой в толпе своих товарищей, не видя меня, сказал: «Я не хочу надевать высокие ботинки, не издевайся надо мной, мадам». В голосе звучала угроза.

Дома в это время шла кампания завышения оценок. За двойки беседа куратора курса с преподавателем в деканате, даже тройка не приветствовалась, нужны были четверки и пятерки. Начинался преддемократический маразм. Тут, в Африке, можно было не идти против совести. Но привычка свыше нам дана, и один интеллигентный преподаватель был выслан из страны алжирской администрацией за регулярное завышение оценок.

Девочки в группе химиков — а это тебе не бурение — разные, но одинаково старательные. Встретив одну после долгого перерыва, я увидела, что она тянется ко мне с поцелуем. И я поцеловала ее в щечку. Ведь мы, люди с полинезийских островов, не привыкли мелочиться. Она слегка коснулась меня щекой. Уж очень всерьез мы принимаем западный этикет.

Если посмотреть на моих студентов несколько сверху, то увидишь простосердечных очень небогатых юношей. Девушек слишком мало, чтоб принимать их во внимание, но они производят впечатление большего благополучия, чистенькие, аккуратные, одетые по-европейски.

Никогда не видела толстых или даже упитанных молодых людей. После занятий на улицах часто встречаешь студентов, палочкой выковыривающих йогурт из крошечной коробочки. Одеты они, если прохладно, во что-то вроде накидки из мешковины, вязаной, нашу лыжную шапочку с помпоном и на ногах неизменные резиновые шлепанцы через палец. Зимой температура 10 градусов по большей части, однажды выпал снег, но часа через два растаял. Цыганское безразличие к холоду и голоду — это, наверно, культурный код номадов, всадников, голые ступни которых погружены в теплую шерсть верблюдов.

Первый семестр давался с трудом. Все время уходило на подготовку к занятиям. Через две недели я знала всех в трех моих группах по имени-фамилии, отличать имя от фамилии я не умела. Например, Абу Азиз. И где что? Так что толку от этого получилось мало. Контакт вяло провисал. Тяжело врубалась в их магрибский французский. Вопросы с места при-

ходилось переспрашивать. Моя привычная требовательность, может быть, даже авторитарность пробуксовывала.

И вот однажды случилось. Я подготовила контрольную, но группа выразила недовольство. Что они бормотали тихими голосами, я не понимала и — дрогнула. Собрала свои бумажонки и удалилась. Шла домой в аромате цветущих кустов под ласковым солнцем и ненавидела всё окружающее. Никак не могла остыть, дрожала от негодования, и редкие жгучие слезы вытекали из глаз — хорошо, никого не встретила.

Жаловалась заведующему, просила снять с меня группу. Он, как казалось, пошел мне навстречу, но вместо группы приладил к кафедральному письменному столу, будучи уверен, что женщину к студентам пускать нельзя. Пришло настоящее несчастье, когда по четыре часа я искала бумажку, только что мелькнувшую перед глазами. Как я сочувствую нежным девушкам и юношам, всем включенным в безличную команду офисного планктона. Напряженная работа с бессмысленным сделает из них инвалидов.

Попросила отпустить меня домой. Это шокировало, но ни что-либо решать, ни выступить с инициативой наш математический треугольник с избытком тупых углов не мог себе позволить. Я вернулась к преподаванию. Постепенно все утряслось и начало медленно раскручиваться в привычку. Я продолжала готовиться к занятиям, искала синонимы, учила слова для поощрения и поругания. Bien, конечно, можно произнести на тысячу ладов, но хотелось бы большей точности выражений.

На кафедре и около

Первые месяцы, когда преподавание было единственной моей заботой, не считая сложностей быта, русло дней так сузилось, что приходилось биться головой в каменные его берега. Необходим в таких обстоятельствах выход в другие леса, перелески, луга существования. Что-нибудь фантастическое, романтическое. Занялась стихами. Работа как работа. Начала:

Светало. Ранняя весна…

Я переносилась в Боброво. Март. Очень крепкий наст. Перед десятком изб большое выпуклое поле, падающее в кусты оврага. Вот эти утренние сумерки и есть моя настоящая африканская жизнь.

Светало. Ранняя весна
В иголки странно превращалась,
И осторожно начиналась,
Похрустывая, тишина.
Дома, не выставляя бревен,
Гнездились в густоте берез,
И между двух заснувших звёзд
Шёл к лесу путь, широк и чёрен.
В лесу кустарник тихо спал,
Укрытый воздухом лохматым,
И ствол стволу казался братом
И из тумана брата звал.

Жарко. Безвкусный закат бьется в деревянные жалюзи. А у меня март, молитвенная весна деревни Боброво. Кажется, это первое стихотворение, написанное осознанно.

В тридцать с небольшим я обнаружила, что могу долго, не замечая времени, заниматься словами. В детстве я так же на много часов ныряла в ма-

тематические задачи и не представляла себе, что есть что-то другое такое же увлекательное, как математика.

И слова, и математика требуют погружения, но по сравнению с математикой литература почти на поверхности (это, конечно, только для меня). Итак, я вынырнула, занялась словами, лишь бы свободного времени было побольше, и математика с тех пор меня не интересовала. Хотелось уйти с работы, но не хватало смелости, и не могла маму «убить», как она это называла.

В моих стихах хотелось бы обойтись без романтизма, так, чтоб стихи выражали последнюю правду, — я ведь математик, но переломить себя через коленку — распрощаться с жизнью. Поросенок должен визжать по-поросячьи.

На мой взгляд, сознание наше так мизерно, что затуманивать его нечестно. Оно и так, шаг в сторону — рождает чудищ. Доступная нам ясность сознания — это лучшее достижение человечества, а мистика — это уход из ясного сознания в туман неопределенности, и уход этот врачует травму, нанесенную ясностью.

Травмирующая ясность — оксюморон? И всё же живешь, живешь — и вдруг, о ужас, видишь, что все вокруг другие, не такие, как ты думала. Что делать? Как что? Напустить себе в голову мистики в обертке романтизма. Вот тебе и жизнь без травматизма.

А на нашей кафедре мне сюрприз. Наконец-то Москва лаборанта в подарок на кафедру шлет. Я теперь полноправный член кафедры, славный Славик на моем прежнем месте восседает. Каждой бумажке свой уголок нашел и запомнил, воздал трем начальникам должное, — это работа.

В школу вожатым пошел, так он исполнил завет руководства — каждый общественным делом обязан сиять. Я, например, просияла хористкой. Но Славику мало. Футболистом прослыл в команде «быков» или «тигров», словом, самой великой в округе. Всё? Но кто же, но кто же Игорю, математику из Сибири, выдал невидимых пару рогов. С жизнью каждый справляется как может.

Славика поселили в квартиру «холостяков». Их трое: Алик, наш Славик и Вася. Из троицы с точки зрения ясности сознания на последнем месте Вася. Какая уж тут ясность, если он интеллигент, спокоен, в Союзе живет любимая жена, да хоть бы и не любимая, — интеллигент не бывает заряжен сексом, как кассетная бомба травмирующими деталями. С ним можно разговаривать, но, как настоящий интеллектуал, он не следит за своей внешностью и ест в больших количествах полезные лук и чеснок. Хорошо бы с ним беседовать через защитный экранчик. Васе единственному я читала свои стихи. Несколько дней он думал и выдал информацию: «Твои стихи никто читать не будет, потому что они слишком субъективны». Хорошо. Встретившись случайно с Васей, мы улыбаемся, шутим и часто смеемся. Так что Вася, пусть с недостатками, — свой.

Славик — такой гуттаперчевый, ласковый котик. Мне с ним хорошо. С точки зрения сознания? Сознание без знания — удобная вещь. Во-первых, ничего лишнего. Во-вторых, нет у тебя врагов, потому что всех ты понимаешь, и все тебя понимают. Славик поладит с любым крокодилом. Славик в пещеру циклопа войдет… и выйдет спокойно.

С первого знакомства я ставила их рядом: Славика и моего не моего Ваню, хотя внешне они противоположности. Ваня о славе в искусстве мечтает, Славик о брюках удобных и вкусной еде, и сам он удобен, приятен — начальником станет отличным, хоть, может быть, в шайке воров. Ум невысокий, но плотный, и Бендера гены играют. Он свободен, предвзятости нет и следа. И меня тоже любит, как всех остальных.

Вот оно что. И Слава, и Ваня от женщин любых без ума. Нет, точнее, они ювелиры высшего класса в оценке, огранке женских достоинств. В их

руках женщина видит себя королевой, бесценной красавицей первой. Не это ль восторг?

А голос! Только по голосу есть основанье удачно найти жениха. Счастья не жди, если голос партнера козлиный. С резким голосом встреча даже в несчастье тебя не повергнет — большое. Как ни старайся, на козлиной руладе не вырастишь вечной любви. Голос козлиный рассудит, скомандует, толпы построит, но из чувств сострадательно-нежных вызовет разве что жалость, если слушаешь резкое блеянье несколько суток. Зато мягкий лидера голос не гору — гордыню осилит и козла, и барана, и дурня.

Про что это я? Да про Ваню и Славика. Много лет я любила не Ваню, а голос его, тающий не в ушах, а скорее в гортани, запредельно любимый голос мерещился мне в метро, автобусе, на улице. Он открывал мне всё самое тайное в любимом, до промелька какого-то образа, до нечаянного вздоха. Услышав этот голос, я забывала себя и жила неделю, если не месяц, придуманной мною для него жизнью, превращаясь в его тень.

Теперь, когда я вспоминаю звук его голоса, обнаруживаю, что он не всегда одинаковый. Первый — тот самый, и я в любой момент могу, вообразив, его услышать. Но есть еще и второй. Если вспомнить его голос в споре с кем-нибудь, просто в толпе, то это классический козлиный голос. Что делать? От правды не уйдешь.

Но Славик если тембром козлиным и владел, то не использовал его — зачем ему надрываться. Он рожден для игры, для еды, для футбола. Да мало ли чем можно еще насладиться? Иной, плюнув, удовольствия столько получит, что другому хватило б на целую жизнь.

Время со Славиком проводить мне приятно. Ездили вроде по делу в Алжир. По-французски мой спутник ни-ни, но ему и не надо. Выскочит дядя арабский из лавочки, мол, просим, купите. Спутник спокойно: «Мерсюнчики, мы не возьмем». Дядя всё понял, из экстаза вернулся, довольный, пошел отдыхать.

Да, ведь в институтской футбольной команде наш секретарь кафедральный. Однажды при сильном скопленье народа шел матч эпохальный. Вячеслав в нападении. Внезапно с расстоянья в два шага кто-то пасует несчастному в голову. Самоотверженность — вот в чем нашего друга прекрасное свойство. Точным движеньем мяч он направил в ворота. Гол! Друг мой лежит бездыханный. Вслед за Анной Карениной я в обморок тоже… нет, не упала. Но сердце щемило.

После на кафедре близкие люди могли феномен наблюдать. Секретарь наш демонстрировал нам потихоньку, как язык сбился вбок после травмы футбольной и не может в середину попасть. Ахнешь, увидишь, а Слава как будто и горд.

Другой раз ходили в Фигье с классом, где Славик вожатый. Только на берег морской вышли, дети уж тащат прозрачное тело паучье, — скорпиончика мертвого держит девчушка в руке. Будешь тысячу лет по берегу рыскать, такой красоты не найдешь, пионеры — в минуту. Толстый мальчик по ладошке с диковинкой снизу ударил, всё — нет скорпиона. Мальчик воззвал: «Идемте! Мы — тучка, не дети!»

Вот французский подросток сидит на песке с осьминога детенышем чудным. Присосочки присасываются, мальчик отдирает, смеясь. Просим попробовать. Тоже смеемся. Резино-галошный зверек, пылесосу подобный. Потом все вместе смотрели, как в воде осьминожек отпущенный скрылся.

Пришли. Фигье — поселок французский с домами, садами на горке. Все чисто, красиво без роскоши. Птичкам небесным, Франциска посланницам, замок не нужен, а жителям именно с ними хотелось бы тихо дружить и беседовать мирно. Фиг нам в Фигье поселиться — мы казаки.

Утрачено Сорского Нила наследье. И новым казакам с их роскошью варварской так не устроить, и сладкие фиги на нашей земле не растут.

Да, Славик — славный малый, футболист и вожатый.

Ну, и третий — Алик. Алик — крюк, на котором повеситься можно.

Кому повеситься? — Тебе. Это ты не соответствуешь африканским страстям под знойным солнцем. Кровь твоя — вода Белого моря. Страсти твои — белые чайки, что на побережье вопят неприятно, у людей такие голоса сочувствия не вызывают.

Сначала симпатия. Здоров он и духом и телом и весел душой, так казалось. Мне нравилось жить под внимательным взглядом, но, что там за ним, не хотелось и думать. Болтали, смеялись — так, ни над чем. Лишь раз удивилась. Усмехнувшись и будто гордясь, рассказал, что студентка одна, каждый раз прикасаясь рукою к руке, тока удар вызывает... Возможно, и молнию видят.

Скорее всего, сближенье с Аликом и стало причиной, что вошла, както вторглась в кружок незамужних, мужчин холостых и примкнувших семейных.

Но прежде добавить хотела б про наших. Славик и Игорь — оба только что кончили вузы и в треугольник попали, в силки. Славик свободен, Игорь, молодой математик Сибири, с Катей, женой, и младенцем приехал работать в Алжир.

Игорь, он славный, сдержан, серьезен. Cours d`essai, на кафедре пробный урок мой, окончен, — Игорь тихонько подходит, говорит, что французское «con» — переводится матерным словом. Пять «con»-ов, я вижу, доску украшают, ведь тема сходимость рядов, convergence. Игорь хороший, больше на кафедре о новенькой некому думать, пусть позором покроет себя выскочка эта. Женщина я, а это если не преступленье, то нарушенье порядка.

Игорь и жена его Катя после случая этого иногда приходили ко мне, потом Игорь исчез, и Катя являлась одна. Чаю попить, отдохнуть от ребенка — сердобольной соседке спихнув свое чадо, якобы ждут ее для игры в волейбол неотложной. Катя нравилась мне отсутствием комплексов. Простота, откровенность граничили с легким расстройством. Вот однажды услышала я такое.

«Только мне Игорь что-то не то — вскипаю, как чайник. Он весь перекосится, губы провалятся. И тут — бахнула дверь, он смотался.

Как новый гривенник является. Плечами пожму и каждый раз, уж по привычке, ему: «Ты мужчинка с тропинкой». Правда, потом иногда улыбалась. А однажды он с улыбкою жалкой всё те же слова начинает, а я — сковородкой. Промахнулась чуть-чуть, а вмятину в нашем шкафу могу показать. Это здесь уже было. Ну, вот. Подходит ко мне, хватает в охапку и за дверь выставляет, да еще с прибауткой: «Тропинку ищи. Будешь блондинкой с тропинкой». Замерзла, остыла и позвонила. Вошла, и неделю молчали. Теперь, чуть что, уходит гулять, но я ни про какие тропинки не вспоминаю».

— Катюня, тебе его не жалко? — говорю я.

— Жалко? А что он такой? Он для меня, как утюг на голову. Поставила себе утюг на голову, когда за него дурой двадцатилетней вышла, так и живу. Здесь я не могу ни выгнать его, ни уйти куда-нибудь, а в Москве у меня квартира — моя, ребенок мой, так я его в два счета, одним щелчком.

— Зачем же выходила?

— Как все, — беременная.

— От Игоря?

— Какая разница?

Катюня ушла, а мне, как и прежде, Игоря жалко. Можно считать это столкновением цивилизаций. Москва — излет культуры. Здесь цивилизация высохшей старческой рукой вышвыривает молодых провинциалов, чужаков, если в них осталась русская культура, скромность, порядочность. Для «настоящих москвичей» с их бешеным ритмом жизни, скаредной расчетливостью в делах провинция — отстой.

Игорь спокоен, Славик тем паче. Только Катюня, сибирская пленница, — сверхчеловек. Как я узнала, что Игорь — олень? В новогоднюю ночь.

Полвторого. Дети уснули, Свету-хозяйку сморило. Что-то мы все перед тортом несвязно кричим. Звонок вдруг, Валентина идет открывать. Только сегодня я обнаружила, что у Славы с ней что-то как будто чуть зреет.

На пороге с громкими воплями с чем-то немыслимо вкусным Катюня с подругой по спорту. Катя в комнату, Катя на кухню — Славик, склоненный над блюдом, в секунду исчез. Девушка в ярости рыщет повсюду. «Где Славик?» — вопит. Наконец Света-мама зашла посмотреть на детей. Слава там, оправдался, что дети пищали, он на помощь пришел. Так до меня доходить начало.

Слава добрый, Игорь добрый: злых мужиков не бывает, как кусачих собак в песне доброй.

Та новогодняя ночь закончилась для меня бесславно и прозаично. Алик, сосед Славы, засасывал мое лицо в свой губастый огромный рот и стучал моею головой в стенку, повторяя: «Лада моя, лада». Не понравилось мне, и он отпустил, с горечью молвив: «Ты не орлица». Не учел, что не думала я, не мечтала о карьере птицы хищной, тигрицы или хотя бы женщины-вамп.

То, что произошло в ту ночь, конечно, от взаимного непонимания. Он не понял, кто перед ним, мне же льстило его внимание, хотя и видела, что это человек сначала инстинкта, а потом всего остального. А вот почему он во мне не увидел чужую, это загадка. Или он считал себя суперменом, или вообще мужчинам такого сорта не свойственно видеть окружающих.

Почему так неправильно строятся люди? Вот с Аликом Катя — так пара орлов. Парили бы вместе, а то…

На кафедре как-то лаборанта увидела с книгой. Интересно. Подошла, повернула обложкой, Слава объяснил: «Ерунда, хрень собачья». Еще интересней. Обложка бумагой закрыта, я в руки взяла: «Так говорил Заратустра».

Вспомнила, вместе с Катюшей на рынок я шла. Говорили о книгах. С последней серьезностью дева призналась, что Слава ее понимает, и больше никто. Что двое их, высшего свойства людей. Что с Ницше он согласился, что он в восхищенье и ей благодарен за книгу, за мысли, за то, что их двое, не слитых с толпой, а великих. Катюня раскрылась, поскольку себя просиявшей во тьме ощутила.

Алик не такой. Вменяем, разума крупною солью посыпан, но в нем деве Катюне равновеликое чую. Вот им бы летать.

Я из другого карраса, но что-то горячее он разбудил, благостный сон мой встревожил. Чувственность? Вот гадство. Негритянские страсти прекрасны, но мавр — благородный, головой Дездемоны он стену пробить не пытался. Он сразу — душил. Алик не Отелло, и это подарок судьбы. Теперь, не орлица, я тихую жизнь продолжаю.

Но сегодня, сегодня это фиаско. Только в приятной компании я оказалась, пожалуйста, первый день года, — и снова одна.

В той квартире таинственный сумрак уставшего праздника тлеет, то смехом детей оживляясь, то вспыхнув ритмичною музыкой — кто-то запись врубил, сон отгоняя. Музыку прочь. Костя что-то из жизни расскажет, чтоб было смешно, из той, из московской. Гитару возьмет Люба с

хорошею песней, но Петя голосом звучным — будто глушителем — песню загубит, потому что без слуха. Хотелось бы с ними песни кричать и чем-то своим поделиться, но просто физически, знаю, пойти я туда не могу.

Кажется, компания оранжевыми голосами иноземных путешественников зовет меня сняться с места и куда-то лететь. Если не лететь, то идти вдаль плечом к плечу с близкими друзьями, уставиться взглядом в милые лица и смеяться, смеяться. И люди-то вокруг хорошие, но вот пробиться к ним — никак. Они друг друга понимают, пьют водку, играют в волейбол, едут в Алжир, в кино или на концерт. Я могу быть рядом с ними, но никогда — одной из них.

Наверно, мне и надо быть одной, и мне это нравится, но как же хочется смеяться вместе со всеми, с теми, кто полюбил тебя хотя бы на день. Остро чувствую, что осталась одна. К ласковой Свете хочу, а иду я домой.

Теперь можно и пострадать. Вся наша литература пишется и теперь, и раньше, чтобы пострадать. Даже трэш — он для того же: белые ро-озы, белые ро-озы.

Москва с глазами козы

Пришла после новогоднего праздника домой, заснула.

Приснилось лето. Луг. Тропа в траве скоро исчезает. Подхожу к обрыву. Верно, карьер заброшенный. Под обрывом озеро.

Спустилась на берег. И тут что-то оглушительно треснуло. Гром прокатился по обрыву. Крупные капли посыпались в воду. Тучи влетают в карьер прямо на меня и исчезают сзади. Я не свожу с них глаз и, лишь когда рядом ударяет гром, смотрю вниз и вижу, что вода и впрямь ощетинилась, словно черные жесткие волосы выросли на ее поверхности. И тут чувствую, что туча не ушла, осталась в карьере и теперь медленно спускается прямо на меня.

Проснулась, цепенея от страха. Сердце колотится, потом затихает.

Что это ты, говорю я себе, из-за чего? Ну, туча живая, но почему — смерть? Это выходит, что смерть живая, вот что выходит. Глупость сплошная. Это та же вера в потустороннюю жизнь. Но ведь жизнь. Как же они не видели противоречия? Интересно!

Господи, как прекрасно было людям с этой верой! Как медаль подержал, повернул другой стороной. Если один раз повернул, то и еще раз можно. И прийти в этот мир хочешь — волком, хочешь — дельфином. Понятно, что это вздор.

Устраиваюсь поудобней, закрываю глаза... И вот иду по знакомой тропе, иду, не останавливаясь.

Вот и пруд. В воду, в воду. Прикосновение воды к лицу, ко всему телу — наслаждение. Вода, тяжелая и приставучая, прижмется к глазам и заговорит кошачьим голосом. Что скажешь, вода? — «Я здесь, я везде, навсегда».

Вода — навсегда? Ерунда. Мир потому и существует, что в нем нет «навсегда». Посторонись! Дорогу свеженькому! Он всё равно лучше тебя, хоть и не похож на человека в твоем смысле. Ему нужен другой смысл. Да, тот самый, который ты называешь дебилизмом. Тебе не понять. Он? Не достоин?

Э-э… лучше не смотреть на него, теряешь чувство собственного достоинства.

Человеческое достоинство. А что это такое? Может ли человек быть недостойным того, чтобы быть человеком? Абсурд. Человек — сумма его опыта. Но не арифметическая, а комбинация с коэффициентами, данными

ему природой и историей его жизни. Значит, то, что называют в нем пороком, было бы добродетелью, будь это событие на чуть-чуть побольше, а вот это — на чуть-чуть поменьше. Загвоздка вся в коэффициентах, потому что мы едва ли можем их осознать. Отсюда ощущение, что не события с нами происходят, а мы по своей воле делаем выбор, своими руками строим свою биографию, я имею в виду биографию души. Значит, все-таки ты и все-все — цветы?

Или у тебя претензия, что ты то ковер, то гортензия? И зла нет? Совсем? И добра, значит, тоже? Пусть бы их и не было. Пусть бы никто не сопротивлялся злу насилием, но ты-то знаешь, что зло в тебе. Зло внутри, и без насилия никак. Насилие над собой — без этого не стать святым. Думаешь, станешь? А что значит быть святым? Каждый разумный человек стремится именно к святости. Если он это забыл, и забыл окончательно, последует болезнь, явная или скрытая, от которой сам человек страдает больше, чем окружающие.

Вот наши святые отцы… Нил Сорский занимался насилием над собой? Или святость дана ему природой?

Алеша Карамазов, а вдруг в нем папино сладострастие проснется? Возможно? Значит, всё-таки насилие?

Существуют иконы, и их немало, где добычей чертей становятся священники. Гордыня: я выше окружающих людей — это грех, зернышко фашизма, не исчерпанного в Европе в первую очередь. Я благородный человек, а ты… извини.

Лечение от «благородства» — юродство? Юродство в разной степени почти во всех героях Достоевского, особенно много его в наших любимых, в самых знаменитых персонажах. Поступить себе во вред осознанно, по непреложной надобности — это способ покаяния, это рывок к чистоте.

Толстой только декларирует стремление своих персонажей к такому очищению (уход Протасова из семьи, от «стыда»), Достоевский рисует это внутри характеров, и если подумать, то это богоискательство.

В наше время юродивые — злые и агрессивные — бомжи. Мы извратили даже юродство. Не осталось у нас такого лекарства от фарисейства.

Может быть, в том, что мы считаем себя недостойными, виноват Бог? Да, кто недостоин, так это Он. Назови Его природой или еще как, недостойна, ложна Его идея разумного существа. Вот человек глядит на небо. Оно же рядом, надо мной. Наглядеться бы на небо до смерти. Щекой бы его коснуться и языком попробовать. Но где же я? Глаза бы в него вбить, как гвозди, чтоб не отодрать, но где они, твои глаза?

Никак, никак тебе себя там, перед небом, не отыскать. Не может человек соотнести себя с небом. Всячески его всуе поминает, дотягивается до него рукой, а соотнести не может, и небо, небо над ним совсем бесцветное.

Вот тебе и разумность. Все остальные существа согласны с небом вполне. Перед ними не стоит такая задача. А человек? Только и забот, что натягивать новую домотканую рубашку моральных постановлений для того, чтобы тут же начать исподтишка рвать ее на себе.

Пусть он начинает размышлять. Кто его ведет? Бог, черт, боль, страх? И до чего он додумается? Если он вооружен знанием, то, возможно, занят наукой. Исследование, проникновение в природу, — поиски бога. Любое новое знание, не ставшее общим достоянием, знание внутри головы, — бог. Но, доступное другим, оно чаще всего становится извращением, поскольку природа социума не ангельская…

Хорошо, пусть теперь он швыряет ржавые ключи логики на землю и начинает не жить, а чувствовать. Что более пагубного можно себе представить? Он одержим идеей благостности своего состояния. Страсть —

огонь. Огонь очищает. Деревянное, глиняное — футляр — сгорает. И вот она, сердцевина, — ангельская белизна-чистота. Здравствуй, святость... Но что это? Мало того что он сам становится умственно неполноценным, он убивает всё, к чему прикасается. Разумное существо, где твой разум?

Это крайности, а если человек чего-то достиг и прошел уже через крайности, то какая глубокая печаль, переходящая в оцепенение, им овладевает. Отчего? — Ложность разумного существа. Оттого и жизнь наша часто кажется нам ложной, хоть этого и быть не может на самом деле.

Вот возьми твою жизнь. Что в ней?

Кто ты, вот это для тебя и тайна, бывает, выбрала одно, получила другое.

Всё. Точка. Перестань травить душу. Будь достойна своего одиночества.

Одиноки ты, я, он, она. И все не виноваты …

Пусть она идет по родному городу. В этом городе каждый шаг может вернуть тебя на два, пять, десять лет назад. Ступила, а место заколдованное. Ночь, и всё перемешано бордовой мглой. Какое время года? Сколько тебе лет? Ничто не рискует к тебе приблизиться. Твое сердце сканирует ночь, чтобы хранить ее, наверно, до своего конца. И не ты ею владеешь, а, наоборот, она сама, когда и где захочет, берет тебя к себе. И ты снова, как тогда, бежишь по переходам под землею, из-под земли, в проулки мимо глухих стен. Углы домов, лобастые троллейбусы, узкоглазые фонари. А ты бежишь, чтобы всё осталось. Остановишься, и ничего не станет. Стоит ей остановиться, и всё рухнет, и обрушатся на неё стены. Но она бежит, потому что еще можно всё спасти. И знает, что спасет, потому что остался один шанс из тысячи, а это очень, еще очень много.

Вопрос в лоб. Спасла или не спасла? Но дело-то не в этом. Дело в том, что она действовала нелепо с точки зрения здравого смысла, но действовала, не раздумывая. Оправдание действием. В тяжелой ситуации подругому нельзя, вот в чем дело. А теперь она уже не может разучиться думать, значит, не умеет действовать, и трудности не для неё. Такие, как город. Город труден сам по себе, поэтому пусть будет деревня.

Поле. Снег. Избы. Неторопливые. Неразговорчивые. Два крыла крыши не стиснуты, не распластаны, лежат, белые, на черных бревнах. Лететь в небо — далеко не улетишь, а петушиться на месте — так и труда не стоит. Лишний раз не улыбнутся, только и прогнать меня не прогонят. Да, брейгелевских утесов на заднем плане жаль. Нет утесов. И очень все от этого не закончено, путь вдаль бесконечен. И от этого холм, поле, я — все одиноки. Только деревья и запах мокрого снега, смешанный с дыханием печных труб. Это запах бесконечности жизни, не бессмертья, нет. Сиюминутный и вечный. Этим запахом любого человека можно вылечить, меня, например. Этот запах можно пощупать руками. Он на ощупь — соломинка. Ведешь, ведешь пальцем по шелковой трубочке, и вдруг укол и заноза. И тебе смешно, и ты не подозреваешь, что всю жизнь этот запах держится в тебе, хочешь того или нет, все равно, каким бы воздухом ты ни дышала.

Особенно силен запах по ночам в марте. И звезды над забором тоже вдыхают его. И вот-вот моргнут, и талая вода сбежит по оконному стеклу… Ах, нет, нет, нельзя так волноваться. Это только мысль, мысль. Нет никаких капель, и ты должна держать себя в руках.

Держать себя в руках? Если кто не пробовал сходить с ума, откуда он знает, что в своем уме. Если чувствуешь блаженство, так только потому, что был ад. Я — за блаженство, пусть ад будет в нагрузку. Ведь, пока ты не вышла из комнаты, всё в порядке… Но приходит ад — и ты съеживаешься до своего крошечного тельца.

Скорее всего, тебя совсем нет. Ты не субъект. Тобою никто не заражен. Но как объект — пожалуйста. Ты — это, например, Москва.

Есть такие в ней точки, что нет даже воспоминаний, только смотришь прежними глазами, как будто случайно тогда-сейчас наткнулась на знакомое место. И теплая печаль. Да скорее не молодеешь, а согреваешься. Потому что все эти места уже не те места.

Где она, Москва? На Гоголевском? Только не на старом Арбате, чужом и неприятном.

Гоголевский и точки города — маленькие окрестные площади, дома, скверы. Москвы как целого — нет. Не на что опереться, не о чем подумать. Ты одна. Капают, капают стальные минуты в духоту, тесноту комнаты. Где-то гундосят автомобили. Москва неподвижными выпуклыми глазами козы уставилась на тебя. Чучело Москвы. А была ведь козленком. Малыш прыгал с Мытной на Серпуховку, смеялся над милицией, стоял в очередях в «Ударник». Козленок вырос. Козу зарезали. Остались только карие неподвижные глаза, по ночам они смотрят в твое окно, и доносится слабое гламурное блеяние. Пусть кого-то радуют развлечения в интернете, у нас — Москва с глазами козы.

Единственное, что вечно и неизменно, это метро. По вводящей кишке — эскалатору — спускаешься в огромное чрево города. Вскипает поезд. Приливная волна толпы, и ты внутри вагона. «Осторожно, двери закрываются». Несколько раз, похлопав резиновыми челюстями, двери стискиваются. Толпа, как один человек, отклоняется назад, потом возвращается в прежнее положение и замирает. Каждый уходит в себя. Может быть, может быть, за три человека от тебя стоит твой друг, потерянный десять лет назад, или любимый, тот, которого не встретишь еще пять лет. Но ты не озираешься по сторонам. Вглядеться в соседнее лицо — это может позволить себе только чужой, тот, кто не знает самого первого закона метро. Закона неприсутствия. Закона одиночества толпы. Здесь можно найти только самого себя. Поэтому, если вам тяжело с собой, пожалуйста, не садитесь в метро. Езжайте автобусом, а еще лучше такси. Метро — это для гордых и одиноких. Здесь за ничтожную сумму денег можно повторить лучшие минуты своей жизни, или еще раз весь прожитый день, или мысленно так поговорить с кем-нибудь, что наяву, и на дневном свету, и даже в темноте, вряд ли удастся когда-нибудь. Конечно, в сутолоке города метро — это лечебница. Ведь известно, что в лечебницах люди и болеют.

Лечебница — вздор. Ты можешь стать свободной в любой момент. Безо всякой смерти. Закрываю глаза, потом их открываю, но уже не здесь.

И тут приходит она. Мама. В руках распахнутый букет черемухи. Она идет упруго, легко и не видит ее. Девочка. Скорей я теперь ей мать.

Можно даже поставить рядом маму ту и эту. Две матери, живущие на расстоянии в тридцать лет. Они смотрят друг на друга, и в глазах теперешней — неодобрение. Мама с возрастом приобрела склонность осуждать тех, кто на нее не похож. Тогда пусть со мной останется молодая. Боже, как она прекрасна. Ее руки. Никогда больше я не видела таких пальцев. Они как маленькие человечки: теплые и дышат. А на правой руке, на указательном пальце, если только он отойдет от остальных, вот, сейчас увижу, — родинка. Конечно, куда ж она могла деться. «Нет, нет, погоди. Дай я еще погляжу. И если можно, можно, я до нее дотронусь?»

Да, об этом я забыла. Мой палец груб и бесчувственен. Кожа на нем как кора. Верно, ты вся стала деревянной. Когда тебя отсюда выпустят, надо добраться до леса, встать там и ждать, чтоб выросли молодые побеги.

Стоя не получится. Стоя долго не выдержишь. Надо лечь в траву. Лечь и глядеть в небо через листья.

И тогда приходит ветер. Листва встрепенулась. Она поражена, она не знает, что делать с этими непостижимыми новостями из бог весть каких мест. Скорей, скорей избавиться от новости — передать ее дальше, дальше.

И уходит ветер. И ты понимаешь, что никакое ты не дерево. Потому что все это тобою выдумано. Тебе надо на самом деле послушать этот глубокий и замкнутый в себе шум, шум, шум.

Иначе здесь вообразишь себя деревом, а всякая навязчивая идея так недостойна деревьев. Человеческое достоинство должно включать в себя достоинство дерева.

Хватит «философии».

Что будет здесь со мною? Во взрослые отношения с людьми вступаю под прессом разумности. Тем не менее эмоции, непреодолимо бесплодные, продолжают топить меня в своих волнах. Но критическое к себе, да и к своей любви отношение уже вышло из пеленок и не позволит растоптать здравый смысл. Всё шло так, как должно идти. Ушло моё мехматское детство. Больше нет уверенности в том, что силы мои бесконечны, а жизнь и создана для того, чтоб мне подчиняться. Теперь гордыня, как плохой зуб, покачивается и болит.

Ну, обойдешься, будет, будет у тебя любовь, красивая, опять смертельная, но не долгая. Ведь ты поэт, обмануть тебя ничего не стоит.

Сейчас, с высоты прожитых лет (а может быть, из глубины или даже из ямы), я понимаю себя в то время всё меньше. По существу, по внутреннему состоянию я вышла тогда на много лет из окружающей жизни, ушла в панки. Не бросила работу, только чтобы не травмировать маму, полностью была безразлична, что меня не двигают по служебной лестнице, — минимальная зарплата, конечно, честнее, а должностное повышение — отвратительней. Как-то, живя в Измайлове с бабушкой, тратила на еду один рубль в день. Любимый брикет горохового, мозговых сортов, супа и пачка творога, любимые надолго. Что касается рабочих отношений, обязанностей, заседаний, — всё казалось диким и смешным. Общение со студентами тоже считала бессмысленным. Слово «научить» без окончания «ся» — нонсенс. Как-то написала стихотворение, начинавшееся так: «Из моей головы растет дерево». И дерево росло, и я знала, что студенты видят его, знала, что их головы тоже выращивали деревья.

Конечно, дерево растет и в 2021 году, хотя искривилось и сильно похужело. Но без него никак.

Мое состояние в те времена я определила бы так: пропала от любви. Читать могла только поэзию. Прозу не воспринимала никакую, кроме Достоевского. Для классики, например Толстого, нужна глубокая осадка, скорей всего, его читатели — это люди, медленно подплывающие к зрелости, старости, смерти. Для Достоевского — только раненые души. Не думаю, что таких, как я, людей мало. Девочки и мальчики в любой момент могут пропасть от любви на десять лет, да еще с возможностью продолжения. Но мы ведь не считаем себя больными. Если серьезно посмотреть на то, что у человека в жизни веселого, тут тебя печаль и скрутит.

Как от избытка лекарств организм часто самостоятельно не может бороться с болезнью, так, выкидывая кусок жизни из памяти, мы ампутируем часть своей личности. Я говорила себе: травма должна быть изжита, и раньше времени забывать нельзя. Это — в некоторые моменты. Но много чаще я надеялась, что он вернется... Хотя это тоже неправда — не может быть правдой свидетельство очевидца. Я всегда знала, что его возвращение невозможно потому, что моя к нему любовь не лежит в реальной плоскости. И прощать предательство я не умею. И назвать предательством всё, что произошло, мне не приходило в голову.

Как не было тебя давно, ты — Осень,
сладкий мертвый воздух,
где света слабое вино
расходуют в мельчайших дозах.

Зима, зловредная карга, завоет —
кончится терпенье…
И только чуткая пурга
услышит ангельское пенье

Аннета

Дома сидеть неуютно. Раз к Свете нельзя, попробовать к Анне?

Иду однажды с работы, из ближней виллы выскакивает высокая блондинка в чем-то ярко-зеленом, воздушном и кричит мне: «Мы тоже из Москвы, из вашего вуза. Меня зовут Аннета». Так мы познакомились. Она из нежно-рыжих. Настоящие рыжие блондины, белоснежные и веснушчатые, всегда казались мне обнаженными. Хочется надеть на них какой-нибудь балахон, на голову шляпу, чтоб солнце не ранило, самих же поместить в защитный бункер.

Дома Анна служила в музее, возможно, в Кремле. Манера говорить, смеяться, походка и жесты — всё казалось слегка театральным, надуманным, женским чрезмерно. В алжирской глубинке кто это мог оценить? Технический вуз — то ботан, то чиновник. Не чувствуют люди, не развит их вкус, искусство не ценят.

Только Аня кого-то найдет, свечку зажжет, понадеется жизнь обрести, хлоп, погас огонек, темно, неуютно, и хочется просто молчать. Нет, не подумайте, девушек — свита, и юноши пламя желанья не гасят, но скучно. Больше скажу, целыми днями длились периоды гадкого чувства: уйдите, исчезните все.

А муж, что же муж? Он — константа. Главное, сын семиклассник — вот оно: соль земли, связь времен, долгая радость заботы. И всё-таки сын не решенье. Со скорбным лицом, бывало, Аннета начнет про дурное влияние школы, про мальчиков, воспитанных вовсе не так хорошо, почти уже сбили с пути, — директор на Диму, бестактный, сердит. Но стоит лишь сыну возникнуть, как она позабыла про вас, голос меняется, слышится в нем счастье любви, обожанья, словом, грехи отпускает ему на тысячу лет, до конца.

Мальчик подбегает, шутки шелками струятся, улыбки, объятья. Двое играют иль только один? Кто-то мне в первые дни хороший совет дал: если родителей трудно понять, на детей посмотри. Смотришь, люди приятные, и мальчик так мил, подходишь поближе: ломаный, лживый. Э, думаешь, осторожно. Но это не про Диму, сына Аннеты. Ему и в голову не приходило лгать, изворачиваться. Раскован и легок — цветок полевой. Учиться? Зачем? И так всё — восторг.

Анна играла в волейбол. Каждую среду, если не чаще, игра обязательно будет. Что за прелесть! Что ее может испортить? Ан нет. Неужели Катюня? Как возникает женская ненависть? — Это загадка покруче, чем как движется ток в проводах.

Катя, подлюга, Анны удар засчитать не желает (пусть соперница вдвое длиннее), сначала кричит, надрываясь, голосом тонким, потом на визг переходит, машет руками, Аню пытаясь задеть. Та, вся красная, как в Сандунах, врага отодвинуть уж руку заносит, но в то же мгновенье сбита с ног маленьким мощным корпусом Кати. Что тут сделалось! Как все вопили, рассказать не берусь.

Дня через два прибегает Катюня ко мне. Самое слово простое «сволочь» не катит в письме, ну а «рыжая длинная сволочь» за ласку сойдет. Интонация — вот что играет.

С тех пор Кате об Ане, Ане о Кате — нельзя говорить, очень строгий запрет. И что, не играют? Играют, но Катя — персона нон грата.

Время прошло, все всё забыли, но лишь Катя мелькнет у площадки, тут же Аннета, с нею пара соратниц, исчезнут. Играют и так. Желающих много.

Катюня «аристократкам» классовый враг, просто «деревня», но слово, хотя бы и вслух, что может исправить? Вот лучше бы так: две дамы (оттуда -отсюда) выходят на ринг. Каждую пятницу бой объявляется в шесть. Развлеченье мужчинам, а женщинам тема бесед.

Семьи с вилл жили как будто бы дружно. Ближе к полудню время тусить приходило. «Аристократкам», из самых нарядных, Анна примером казалась, стая наперсниц неотступно при ней. Если в какой-нибудь вилле собиралось своих больше двух, воображаемая избранность торжествовала. Там, за стеной… фи… вульгарность какая.

Чем занимались кроме игры в волейбол? Пили кофе. По двое, по трое, кучкой собравшись случайно или заранее дело придумав, сходились. Найдется всегда, что обсудить, кто с кем скандалил, мирился, сходился, события реальные, сплетаясь с придумкой (а без выдумки сдохнешь от скуки), это общая почва, общая собственность. На почве такой вырастало чувство превосходства, ведь девочки здесь непростые. Даже имя Аннета, как красивое платье, примерено было, чтоб поняли все.

«Изысканность» заглушала потребность в наивной простоте, в исповедальности, так что в конце концов подлинное засыхало и забывалось.

День рожденья Анны. Каждый желанен, каждого Анна ласкает и взглядом, и словом. Улыбки в ответ расцветают. Вилла сияет, трава перед нею блестит, соседи все здесь, но, как круг поинтимней собрался, — исчезли.

Другом ближайшим семьи, так уж давно мне говорили, считался Виталий, красавец, жених по призванью. Виталий женился фиктивно в предвкушении Африки дальней, и у супругов у каждого жизнь завязалась своя. Он носил под рубашкой красиво повязанный шейный платок, а на лице печать чужестранства. Это ль не повод нашим девушкам местным тайно вздыхать, с мужем сравнив. Виталий всегда холостяк, несмотря на жену, так казалось. Душа его не привязана сроду никем никогда. Он блуждает кометой, к Аннете упавшей в подол. Без улыбки его не видали, и без мата его не слыхали, а уж трезвым — и думать смешно.

Для всех пара Виталий и Анна если и пара, то просто в другом измеренье.

Моя неприкаянность (кого я тут знала?) невольно делала из меня наблюдателя. И вот что я увидела. Взглядом Анна Виталия не отпускала, он же абсолютно раскованным гостем бродил меж гостей. Заметила тоже, что если Виталий заговаривал с Аней или включался в тесный круг ее собеседников, то в ее голосе появлялись своеобразные вибрации и глубина. Я и раньше замечала, если рядом с женщиной появляется интересный ей мужчина, голос ее меняется. Но то же и с мужчинами, нет, нет, не с Виталием.

День рожденья в подполье ушел. Свет выключают. Торт несут, свечи жгут. Много лиц незнакомых, «текстильных», наверно. В нашем городе два равно прекрасных гнезда. «Нефтянка» для нас, «Текстиль» для соседей. Стушевалась Аннета пред звездою текстильной Ариной. Девушка крепкая костью, голосом, словом. Внучка героя Гражданской с фамилией громкой Октябрьской. На основе эсерообрядчества в ней диссидентски возрос мат могучий московской богемы и уверенность полная в си-

лах, уме, превосходстве. Девушки сорта такого встречались мне в жизни. Манят они неприступностью внятной, повадкой богинь, снизошедших до сирых и бедных.

Вдруг непонятный мне взрыв — ссора. Кто-то схватился за стул, кто-то взвизгнул. Вмиг все разбежались, наспех простившись с хозяйкой.

Что за чудо?.. О чем говорили гости весь вечер — не помню. Ни слова, хотя не пила. Осталось только это:

Слова повешенные висели в воздухе,
и потому так хотелось молчать,
иль выставить локти углами острыми
и выскочить на улицу — покричать.
Чудное чудо разбилось вдребезги,
сделали чучело, поставили к окну,
Лебединая женщина кричала «зарезали»
и обещала уйти ко дну.
Тем временем чучело научилось улыбаться,
ласково, ласково качая головой.
Нет. Мы не станем никого пугаться,
только вот речь переходит на вой.
Скажет один — слова потеряются,
выступит другой — они уже мертвы.
Мы их соберём в ожидании чуда
и сложим в огороде наподобие ботвы.

Может быть, они не отличаются?
UN HOMME ET UNE FEMME

Я не ушла, чтобы помочь Аннете с посудой.

При моем упоминании об интересной девушке Арине она скривилась и тихо ответила:

— Простота хуже воровства.

— Что ты имеешь в виду?

— Грубая она во всём, что делает и что говорит, — помолчала и добавила: — Мне такие люди неинтересны.

Аннета быстро расправлялась с изящными тарелками, изысканными чашками и прочими невиданными здесь чудесами сервировки стола. Обычные семьи (если не привезли сюда мешки посуды из дома) пользовались скудными, иногда с трещинами, приборами, оставшимися от предыдущих поколений преподавателей.

Я белоснежным полотенцем едва успевала вытирать чистые вилки, ножи и бокалы. Вадим, муж, ушел спать. Когда он вышел, Аннета перекрестилась. Я, может бестактно, спросила:

— Что он такой тяжелый?

— Нет, не тяжелый. Он пустой. Здесь у него, — Аня показала на грудь, — совсем ничего. Я однажды ехала из Твери в Москву. Долго. В одном конце вагона ехали два младенца на руках у родителей. На какой-то остановке вошла мамаша с грудничком и разместилась в другом конце вагона, и тут же ее ребенок надрывно заплакал. И неожиданно один из прежних малышей сначала тихо, потом все громче начал рыдать. Второй младенец и не думал расстраиваться, сосал свою пустышку и посматривал вокруг. Вот этот умненький и есть мой муж. Чаще всего он не понимает, о чем это я.

— Ну, ты преувеличиваешь. Он производит впечатление вполне себе. Немного, я бы сказала, у него чиновничий вид.

— Про себя я называю его синим деревом. Для меня синий цвет — признак невосприимчивости.

— Ты строга с мужем.

— Нет, конечно, я ценю его надежность. Если сказал «да», то и пошел по прямой за этим «да». Кроме «да» и «нет», больше ничего. Я воспринимаю его характер как деревянный. А вот у Виталия «да» имеет оттенок «нет», а «нет» всегда с оттенком «да». В любой момент его «да» готово перейти в «нет». Мягко так. Понимаешь?

— С трудом. Такая мягкость может ударить так, что только держись. Тебе всегда надо быть готовой к неожиданности. Или собраться в горошину, или, наоборот, расслабиться до бесчувствия.

— Знаешь, почему мы так часто мужиков ругаем. — Ей явно не хотелось говорить о Виталии. — Да потому, что они нас не слушают.

— Было б что слушать. Если вижу пару, то, как правило, предпочту иметь дело с мужем. Просто потому, что у него голова покрепче. А ум женщины так тонок, что порою неуловим.

— Правда?

И тут меня понесло.

— Женщины живут как трава. Они не понимают, зачем делают то или другое. Их мысли плавают на поверхности. Поэтому дамы так много и легко говорят. Плавающим на поверхности мыслям мешают рядом плывущие, пихают их: нужно быстро высказать и ту, и другую, и третью. Что потом, не нашего ума дело.

— Ну, ты женоненавистница… Зато мужчина делает всё, глубоко обдумав. Но, обдумывая, уходит в фантазии. И вот все, что он сделал или сказал, нереально.

— Ты хочешь сказать, что мы живем в мире, выдуманном мужчинами?

— А то?

— Ну, ты ум. Поэтому мы не понимаем, где мы живем. Ты понимаешь, например, в каком государстве живешь, почему оно так устроено, почему оно делает то-то и то-то?

— Ой, да это же занудство. Меня интересуют окружающие люди и особенно мужчины, потому что от них все беды.

Как я тебя понимаю.

— Мне кажется, ты их и даже Вадима неправильно воспринимаешь. Не забывай, что русский мужик — лучший в мире. Обычный первый встречный колхозник в нашей глубинке всегда открыт, не то что камня за пазухой, даже фиги в кармане не держит, говорит мягко, нет в нем грубости к тебе — просто малина с сахаром… Вот отсюда, из нашей человеческой природы, в русской литературе и женщина не столько сексом занимается, сколько на высоту взлетает. Ведь литература всегда мужская... А в быту… Мы ж не понимаем, почему он нас не слышит, как ты выразилась, что у него там скребется.

— Вадима я понимаю с точностью до мухи.

Сильно.

— До какой мухи?

— Представь, что он на меня за что-то сердится, дуется, как пятилетний ребенок, но старается не подать виду. Я тогда предлагаю ему что-то такое, что заведомо ему по вкусу, выпить пива, пойти к другу, съесть что-то вкусное. Он очень решительно отказывается, и я читаю в его глазах: «Тебе бы понравилось, если бы я это сделал, поэтому я этого не сделаю». Вот только если муха отвлечет его внимание, собьет с толку обиду, тогда я могу ошибиться, запутаться в мотиве. Поэтому я и говорю, что понимаю всех мужиков с точностью до мухи.

— Прям-таки всех?

— Ну, преувеличила, прости. Почему меня Виталик съел — он непредсказуем. Что муха, что другая ерунда могут его забрать целиком, я просчитаю миллион вариантов, а он придумает миллион первый.

— Это катастрофа.

— А то? Давай не будем. Как-то мне не везло, всегда жила в окружении мужчин и всегда скучала без женщин. Ну, конечно, мама в первую очередь. Но и вообще женщины. Я их люблю. Всяких.

Женщин ли? Может, поклонниц?

— Пожалуйста, они бывают двух типов. Первый: блистательные, ослепительные, неуловимые, тонкие. Второй: надежные, мягкие, добрые, они с одной стороны — дети, не имеющие ни суждений, ни логики, ни просто последовательности в поступках. Они мелочны, как маленькие, но они, мамы par excellence, в любую минуту могут встать грудью на защиту не только ребенка…

— Но и своих бриллиантов. — Лицо Ани раскраснелось. — Нет, твои типы это вот что: первый — стервы, холодные, рациональные. Одним словом — кобры. Зато второй — овцы. Они сбиваются в стада сплетниц и прекрасны только до первого слова. Слово вылетело, ясно, что это блеяние. Почти всегда женщины овцы. На них и семья, и общество. Стервы — это драгоценные редкости. Их немного, но как народ держится на праведниках, так образ женщины на стерве. Мечта любого мужчины — такая женщина. Слава богу, я не вхожу в твою коллекцию, я ни то, ни другое, следовательно, не женщина… В твоем понимании.

— Как раз в моем, ты — женщина в самом точном смысле этого слова. И особенно это ясно после того, как ты их пригвоздила. Женщина женщине всегда соперница, так ты их и воспринимаешь, ну, кто из нас женоненавистница?

— Я… я женозащитник… А к какому загону отнести Арину?

Жесткая соперница.

— М-м… Арина не женщина. Она победитель. Именно в мужском роде. В ее икс-хромосоме левая ножка подломилась и X выглядит как Y. Вот причина ее поведения.

— Ошибаешься, ее икс-хромосома рукастая, с большими крепкими ногами. С этим все в порядке. Тебе говорили? — Ее дед был легендарным командиром в Гражданскую. А это не то что на войне. Война — дисциплина, подчинение, а гражданская, бери выше, — творчество на крови.

— Хорошо, она женщина-полководец, а это как мужчина-художник, — говори, говори тривиальщину. — Если он настоящий художник, то это шаг к женщине, природа награждает его чувствительностью.

— А ты знаешь основное отличие мужчин от женщин?

— Понятия не имею. — Может, они не отличаются?

— Женщина почти всегда нравится себе, а мужчины очень редко — только красавцы павлины. Поэтому они пьют. Принял дозу и понравился себе.

— А может, это мы, женщины, виноваты? Умные жены так и поступают. Восторженно смотрят мужу в рот. Во всем соглашаются, но всё выходит так, как они хотят. Вообще от средних веков остался культ прекрасной дамы, а где же прекрасный рыцарь? Прекрасный рыцарь любит ее и не любит себя.

— Вот, вот, это недовольство собой — причина вообще всех действий. Им надо понравиться себе. Не нужно им искусство, им не интересны ни природа, ни человек. Им интересно что-то взбаламутить и стать известным. Ведь женщина в искусстве в миллион раз талантливее мужчины.

Категорично.

— А может, это оттого, что только талантливая женщина пойдет в искусство?

Аня покачала головой.

— И уйдет из него с полпути, потому что любимому неудобно. Он не потерпит рядом с собой никакого превосходства, даже нечаянно выказанного, уж не говорю, публично. Если он чуток и нежен от природы, то в душе презирает себя за это. Ведь происходят мужчины от борцов с тиграми, волками и медведями.

Так, добрались до тигров.

— Ну да, — наконец я придумала ответ. — поэтому мужчине в семье осталось две роли: подкаблучника или постороннего, ведь он не принес шкуру медведя… Подожди, сколько столетий ни тигров, ни волков.

— Да, но тигры и волки общества? Похлеще тех.

— Твои тигры в истории болезни меня вдохновили. Предлагаю перевернуть рассуждения. В политику, управлять массами, надо идти только женщинам. Мужчина-чиновник — это насмешка над природой. Чаще всего он добивается успеха, потеряв чувство собственного достоинства. Что такое коррупция, как не потеря достоинства. Охотнику на тигров не годится выполнять социальные роли, где надо интриговать, быстро нагибаться, чтоб быстро разогнуться. Это же женская природа. Поболтать, выведать подноготную, залезть без мыла куда захочется. А мужская роль при ней — дракон, он себе спокойно в загородной резиденции охотится на куропатку и, когда женщиной все обстоятельства улажены, подписывает что-нибудь, испытывая гордость от важности миссии. Если клиент сопротивляется, то возвращается «к делам», входит. Рык, треск, крушенье — сопротивленье сломлено. Мужчин надо беречь, как атомное оружие. Окружить заботой, без дела не показывать. Они есть, и это гарантия успеха. Всех мужиков выпустить на волю, Пусть пасут стаи птиц и селянок, охотятся, продолжают род.

— А у тебя чисто мужские рассуждения. Ничего реального.

— Реально после третьей мировой можно будет попробовать… Тебе не понравилось? Бог с ней, с политикой. А Виталий, ты с ним можешь быть собой? Ты же говорила, что он художник.

— Он так считает.

— По нашей с тобой логике, ты должна хорошо его понимать. Или чувствовать?

— А что толку?

— Ты на него обижена.

— Я? — Аня изобразила гримаску недоумения и пожала плечами. — Вот он как раз и не чувствителен к людям. Он так истерично любит себя, что все остальные на двадцатом плане.

— Ну, тогда надо придумать себе что-то очень, очень хорошее. Любимое. У меня вот чтение.

— Слава богу. — Анна нежно улыбнулась, как при воспоминании о любимом человеке. — Я здесь радость нашла в уборке, готовке с помощью прелестных французских тряпочек, щеточек, ножичков, венчиков и… всего такого. Я становлюсь по-настоящему счастливой, увидев, как удобна, красива новая кухонная вещица. Смейся, смейся.

— Кажется, это ты смеешься.

— Отнюдь. Я обожаю порядок и красоту и должна быть уверена, что не только вокруг меня, но и я сама совершенна. Если заметила морщинку или поправилась, становлюсь больной. Упражнения, диета — все с удвоенной силой.

— Ну что ж. Это здорово.

Я за Анну рада. Пусть будут тряпочки-щипчики. И красота.

Сахара.
LE SAHARA

Стоим в пустыне мы на самом дне,
где синь песок, а камни холодны.
Никто про нас здесь ничего не знает,
и красный глаз пустыня открывает.

Первая ночь. Вот наш номер, мой и Кати, — это прежде всего кровать под огромным покрывалом с бубенцами. Кремово-белая плотная шерсть и бубенцы — стилизация под праздничный бурнус туарегов. Я бы сказала, что это балдахин от потолка, но сомневалась бы в правдивости. Кроме кровати замечательно окно. Это почти дверь. Так низко, что легко перешагнуть и выйти на галерею вокруг отеля. Рано, еще почти ночь, но мне не спится. Спускаюсь на первый этаж и выхожу в пальмовую рощу. Шум ветра в широких лапах совсем не похож на шум листвы и слышится шелестом бумаги — никакого счастья этой пересушенной природе. Всё вокруг темно-синее, холодное, загадочно незнакомое.

С каждой минутой небо светлеет, и вот в хаосе тьмы вдруг наступает порядок — каждая вещь, отрезвев, своё очертанье находит. Смотрю назад, туда, откуда приехали: ярко-лиловые зубцы Атласа на лимонно-желтой полосе горизонта. Горы так далеко, что кажется, отель, я, бассейн перед отелем, пальмы — все мы поместились на пятикопеечной монете, уроненной в гигантский кратер.

За бассейном пустыня, близко мелкий овражек, в нем камни, большие и маленькие, — наконец дошло: да это русло высохшей реки.

Февраль, каникулы, закончились первые сутки нашего путешествия. Преподаватели снова наполняют автобус, мсье с женами и без и две мадам — это я и Катя, мужем отпущенная в экскурсию. Едем в глубь Сахары. Гор больше не будет, только в миражах, зато въезжаем в пустыню барханную.

Это красиво. Светло-желтые песчаные горы под ярким темно-синим небом. Нет, нет, не похоже на открытку. Ближний бархан очень близко, от этого обратная перспектива. Мы смотрим из пустыни наружу. Местность не виновата, что снаружи тоже пустыня до линии горизонта.

Автобус останавливается, все из него выходим. Так и остается в памяти прямая дорога, картинка вперед, картинка назад — неразличимы. Кроме нас, горстки людей из автобуса, нигде никого. Все пять дней путешествия шоссе так и выглядело: ровная пустая полоса впереди упирается в небо, сзади упирается в небо.

Мы с Катей первыми лезем на бархан. За нами потянулись остальные не стальные. Стальные остались в автобусе пить и закусывать. Каждый празднует по-своему то, чего так не хватало на берегу каждодневного моря.

Ступил и сполз, ступил и сполз. Не-ет, мы упорные. Хотя бы до половины подняться и вниз — лежа, сидя, а Вася, наверно, самый радостный, так тот два раза кувыркнулся через голову, благо волос мало.

Катя, быстро сообразив, что песок в волосах — это неприятно, скинула куртку и штанишки, несмотря на прохладный воздух, и оказалась в гимнастическом купальнике. Встала на руки, вытянув носки, прижав друг к другу ноги, повернулась на руках на 180 градусов. Вверх ногами она смотрелась интереснее, чем вверх головой. Некоторые принялись ее фотографировать. Катя снова и снова делала в воздухе шпагаты и потом становилась на мостик.

Отъезжаем, и оранжевое море застывших барханов с вершинами, завернутыми в одну сторону, скоро исчезает. Как и на море, верхушки чуть дымят, прощаясь.

Неожиданно появляется зелень — финиковые пальмы, много пальм, и зелень относительная, и деревьями можно назвать с натяжкой. Неизбежность странного мира, что раньше был только в кадушках.

Вспоминаю пальму, ту, что не раз встречала на прогулке неподалеку от Бумердеса. Идешь, идешь по привычной дороге между пахучими травами и близко на невысоком бугорке видишь дерево. Это единственная пальма нашей местности. Ствол ее огромен, ветви местами обломаны. Она напоминает слона, выгнанного из зоопарка по старости лет. Разве слоны не скопировали форму и размер ног с этого ствола. Но пальма — дерево. Она — наше дерево. Здесь не наши, не деревья. Экзотика.

На следующее утро пустыня уже малобарханная, плоская. Выходим из автобуса, разбредаемся. Первое, на что натыкаюсь, — мертвая змея, она ничуть не похожа на змею живую, больше на длинную тряпку, давно выброшенную. Да, это сброшенная змеиная кожа.

И вот, как все ожидаемое, неожиданно появляется бугорок, чуть припорошенный песком. Это именно то, что я ищу. Творчество пустыни, названное розой, — пластинки величиной с пол-ладони растут одна из другой, то сдваиваясь, то расходясь и образуя большое или маленькое тесное общежитие. Еще прохожу — опять роза, поменьше. Несем, как из лесу грибы, добычу в автобус.

И вот — кульминация путешествия, то, что невозможно забыть, — Мзаб.

Подъезжаем. В пустыне гора, на горе — стена. Если вы были в Изборске, то это арабский Изборск в пустыне. Закрой глаза — открой глаза, и города нет. А есть дорожка вверх серпантином. Наш гид, хитрый лис, легко поднимается впереди. Мы, цыплята, доверчиво шагаем за ним. В неизвестность, в небо.

Ворота за нами захлопываются — мы ибадиты, а это вокруг наша столица Гардайя, главный город Мзаба. С десятого века мы были ибадитами и останемся ими. Пусть другие мусульмане нам не доверяют.

Сохраняя свою веру и образ жизни, наши предки ушли от этих «других» в недосягаемые места, в пустыню. Как и мы, жили торговлей. Наши прекрасные женщины — так жаль, что ни одной не удалось увидеть, — ткут прекрасные ковры. Мзаб существует от их продажи, и еще диаспоры помогают. Ведь не только сюда ушли ибадиты, и в Испанию, и в другие страны Средиземноморья, а в современном Катаре они главные.

На этих словах гида мы вспомнили, что мы русские старообрядцы: сначала Белое море, Сибирь, потом Канада, Бразилия. Только наши староверы занимались в основном хлебопашеством, здесь же торговля, а торговля — общение с иными народами; что у тех и других общее — это чистота, порядок, тишина, я бы сказала, благочестие. Чтобы в агрессивной среде тебя не съели, разболтанность, так часто нами называемая свободой, исключается.

Поднимаемся по лестнице-улице к обзорной площадке. Нам навстречу спускается группа туристов, один с толстой пшеничного цвета косой на бегу на совершенном русском крикнул мне: «здесь нельзя фотографировать». Я, не обращая на него внимания, продолжала щелкать этих экзотических туристов.

Прошли несколько мальчиков лет десяти. На них то ли штанишки, то ли плиссированные темные юбочки до колен, под мышками учебники. Чинно проходят мимо нас, такие умненькие, такие ученые. Ну, сущие ибадиты.

А где же девочки, где женщины? Нет и не будет. Они ткут ковры, сказал нам гид. На хозяйстве во внутренних дворах, мы подумали.

Спрашиваем, где он работает и как удается сохранять прекрасную физическую форму. Гид весело отвечает: «Занимаюсь на батуте». Потом се-

рьезно сообщает, что водит экскурсии только в свободное время, а основное в жизни — он священнослужитель.

И вот мы у цели. Город под нами, а перед глазами каменная пустыня. Гид рассказывает, что молодые люди нередко покидают Мзаб в поисках другой жизни, но почти все на склоне лет возвращаются, а если кто-то не успел вернуться, родственники чувствуют себя обязанными привезти сюда прах. Показывает маленькую ровную площадку, косо висящую где-то внизу неподалеку от города, к ней тянется узкая дорожка, — всё выглядит сковородкой с ручкой, небрежно брошенной в пустыне. Завтра, говорит он, день поминовения родителей. Живая связь с усопшими родственниками может слабеть в повседневных заботах, поэтому в такой день все мужчины придут сюда перед рассветом и до заката будут молиться, стоя на коленях. Ушедшие родители — надежда тех, кто пока на земле. В трудных обстоятельствах можно спросить совета, в молитве найти ответ, как избежать дурного поступка. Кроме того, родители могут быть недовольны делами потомков, а это пожалуй, что и опасно.

Истовость людей, стоящих весь день на коленях под палящим солнцем, поражает воображение. Но разве мы в глубине своих ерзающих душ не теми же опасениями и надеждами мучаемся?

Наконец мы в отеле.

Неподалеку небольшая круглая мощеная площадь, примерно пятидесяти квадратных метров. Кое-где около домов сидят старики, козы щиплют траву между камнями. На втором этаже открыто окно, и, кажется, там женщины, бедные, должны день и ночь ткать ковры, ковры. Хотя, может быть, сейчас все они, маленькие и большие, молодые и старые, во внутреннем дворе заняты готовкой и уборкой.

Дома, как и весь город, нисколько не похожи на арабские дома побережья.

Приходит ночь. Какой может быть сон, если ты, не ожидая того, ночуешь в 15-м веке. В окне можно видеть только кусок горбатого пустыря, каменная почва сверкает крошечными огоньками, а над нами в черной пропасти неба несметное общество звезд играет и переговаривается со своими земными родственниками.

На следующее утро едем в другой город Мзаба на базар. Прощай, Гардайя. Такое чувство, что я прожила здесь несколько месяцев, так много впечатлений.

Яркое солнце и огромная толкучка, наконец я покупаю несколько гладких оранжевых камушков — кораллы. Представляю себе, как эта толпа народа толчется на дне моря без скафандров.

Решаю поменять свою изрядно поношенную куртку на местную домотканую кофту с капюшоном, украшенную тонким орнаментом. Продавец не соглашается на обмен, приходится доплачивать. Местные дожди не смогут промочить ее, а ветер не помешает ходить в ней на работу. Она похожа на одежду из мешковины, но в жару в ней не жарко, а в холод не холодно.

Катя выбирала арабскую куртку для меня, хотя сначала идея обмена ей не понравилась. С Катей мы жили дружно. Я, как слабое звено, больше соглашалась. С первого дня, заняв для нас хорошие места в автобусе, она пеклась о нашем удобстве. Единственное принципиальное разногласие: я жаворонок, она сова. Долгие ночные разговоры за жизнь мне не под силу, и Катя засыпала, не наговорившись. Как-то она поставила меня в известность, что с Аннетой мне не по пути.

— Как ты можешь с ней дружить? Она же вся ломаная, деланая. Слова попросту не скажет, всегда игра. Посмотри на ее подругу Олю. Не хочу

ничего плохого про нее сказать, но у нее лицо надсмотрщицы в концлагере. Не хотела бы я с ней иметь дело.

— А ты заметила, как Оля улыбается? Все монстры — падшие ангелы, и некоторые из них не забыли ангельских улыбок.

— Ты — блаженная. Не видишь, что ли, что к этому монстру подходить опасно. Какая ангельская улыбка? Да она вообще не улыбается, а как начнет смеяться, не может остановиться и даже подвывает, — тут Катя усмехнулась, довольная своей наблюдательностью. — И Анна точно такая же. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу…

Мы с Катей одних и тех же людей видим по-разному. Хорошо, пусть Анна и Ольга изображают интеллигентность, но даже с изображением легче иметь дело, чем с откровенной хамоватостью. В ту пору я не различала, действительно ли за наружностью скрывается некоторая культура или это просто надутая пустота. В Алжир съехались незнакомые люди из разных мест, и трудно было понять, что за человек перед тобой. Как бы там ни было, кроме разговоров, нам не на что было опереться в суждении о людях. Но главное, в молодости различие между людьми почти не воспринимается: все люди братья. Так было со мной, и, как вижу теперь, это прелестный признак молодости, отличающий ее от брюзжащей зрелости.

Не так с девочкой Катей. То немногое, что она знала, она знала на сто процентов и в любой момент могла отдать за это если не жизнь, то «голову на отсечение». Катя не допускала, что мнение, противоречащее ее собственному, может быть верным.

Кроме Ницше она упивалась «Тропиком Рака», и в конце концов у кого-то достала другой, «южный тропик» этого автора. Генри Миллер для нее затмил всю мировую литературу. Если я или кто-то другой пытался подсунуть Кате что-нибудь хорошее, но незнакомое, она, выталкивая под большим напором слова, как воду фонтан, бесновалась: «чушь, мерзость». Так случилось с Сашей Соколовым. С Тургеневым напор тот же, а слова другие: «кислятина, скука», думаю, та же участь ожидала любую книгу, попавшую к ней по чьей-либо рекомендации. Ведь Катя гордилась своей независимостью и особенно тем, что она не похожа ни на кого. И в самом деле, среди нас больше не было мастеров спорта по спортивной гимнастике. Но «интеллектуальное своеобразие», слава богу, хранило ее от чтения провокативной литературы, а реакция могла быть непредсказуемой.

Хотя любая усвоенная книга могла вызвать опасное брожение в ее голове.

Когда я решила показать свои стихи, у Кати не возникло двух мнений.

— Не показывай никому. Математика — это здорово, а поэт? Он что, стихи пишет? Не смешите меня. Dichterin — ужас какой. — Катя в школе учила немецкий.

Я попробовала переубедить ее, объяснив, что поэт — это тот, кто получает от всего окружающего удовольствие до степени восхищения.

— Вот я смотрю на тебя и получаю удовольствие, поэтому я поэт. Если ты смотришь на меня и не получаешь удовольствие, значит, ты не поэт.

— А я получаю.

— Значит, ты тоже поэт.

— Я, конечно, поэт тоже, не тебе же одной быть поэтом. Но после двадцати пяти надо спрятать своего поэта подальше в себе, потому что ничего, кроме занудства, после двадцати пяти в человеке не остается. И такие стихи для окружающих — отстой. Если даже они скажут: ох, ах, поэт, поэт, всё равно отвернутся и будут смеяться. Психованная, скажут, девушка и покрутят пальцем у виска.

Я никогда не стыдилась, что пишу стихи, но верность Катиного приговора буду ощущать не раз. Тот, кто хорошо ко мне относился, говорил:

— Ты это брось, знаешь, куда это может завести?
— Куда? — спрашивала.
— В психушку.

Помню, в компании инженеров как-то я упомянула слово «душа». Как все дружно поднялись против меня. А что это такое? А где она обитает?

Друзья-математики не будут громко протестовать (математики вообще люди тайные), но про себя подумают то же самое.

Пришло время возвращаться. На обратном пути чуть не прихватила песчаная буря. Проскочили, пропесочило совсем немного, зато издали видели закутанную до глаз группу номадов, всадников на верблюдах.

Следующий город уже ничем не отличался от городов побережья, соседних с нашим. Вот я, Катя, Вася и местный гид, высокий молодой человек в длинном модном пальто, — мы вчетвером идем искать мечеть. Зашла речь о кино, Вася, к слову пришлось, сказал: «Nous sommes tous cionists», то есть мы все сионисты, имея в виду — cin`eastes. Мы трое захохотали (Кате я объяснила), а гид посоветовал не признаваться в этом публично, хотя синеасты — люди кино — мы такие же, как и сионисты. Наших преподавателей учили языку, примерно как самосвал грузят песком. Весь год каждый день они учили язык, а уж кто что усвоил, увидели на работе.

Мечеть была закрыта, но удалось поговорить с муллой, простым и симпатичным. Рассказали, что восхищаемся жителями Мзаба. Назвали их пацифистами — наш гид в Гардайе так нам объяснил принцип существования области. Мулла с негодованием: не пацифисты они, а аферисты. Объяснил, что это богачи Алжира, и они не только не участвовали в военных действиях против французов, но и деньгами не захотели помочь.

Так, наверное, и есть, но до чего же здорово при жизни попасть в 15-й век, — мне кажется, что с десятого века что-нибудь всё-таки изменилось.

Итак, возвращаемся. Когда садимся в автобус, стайка детей хватает нас за одежду и кричит, выпрашивая что-нибудь. Я протягиваю пакет с сухариками. Маленькие руки хватают пакет одновременно, и из пакета высыпается горка крошек. Вот так мы их накормили. Автобус трогается.

Дорога ушла в предгорья Атласского хребта. Неожиданная остановка. «Отшельник», — говорит шофер и показывает нам высоко в скале отверстие пещеры. Оттуда появляется высокий худой араб в белой национальной одежде, спускается к нам, оживленно с водителем разговаривает на арабском и уходит, мы трогаемся.

Смотрю на Катю. Она хорошо выглядит, не то что в начале путешествия. После Нового года отношения со Славиком, видимо, ухудшились, а если у Кати плохое настроение, то первой жертвой всегда становится муж. Игорь с радостью отпустил жену на экскурсию, обещая неотлучно любить сына. В пустыне Катя расцвела. Во-первых, свобода, во-вторых, мужчин с нами едет много больше, чем женщин. Катя поочередно на остановках покуривала то с тем, то с другим, ублажая беседой милое сердце. Среди одиночек был и Виталий, «старинный» друг Аннеты.

И вот, — время позволяло, а возвращаться так не хочется, — все решили остановиться и взобраться на гору. Тут и случилось Кате подвернуть ногу, я остановилась возле нее, но она свирепо замахала на меня рукой: иди, мол, иди. Я продолжила подъем, а через какое-то время увидела, как Виталик, наш изысканный эстет, тащит Катюню вниз на спине. Ослепительная победа над врагом. Катя возвращалась триумфатором.

Ну, вот и всё, снова будни.

Ей не везет.
ELLE JOUE DE MALHEUR

Ну, посмотрим, посмотрим, сраженье не окончено.

Вот Катя летит по улице. На ней шарфик невиданной красоты и яркости. Нет сомнений, это знамя победы. Знамя не успевает за девушкой и вьется позади, поднимая в войсках противника ропот негодования.

Анна не показывала никаких эмоций, и только ближний её круг имел право осторожно возмутиться на вилле потерпевшей.

Катю меньше всего интересовали соперница и ее наперсницы. Ко мне приходила реже, всегда с Коленькой, не могу объяснить эти приходы ничем другим, как только тем, что душа требовала встречной радости. Я старалась ее не разочаровывать.

Мальчика помещали в перевернутую табуретку и в руки давали какую-нибудь игрушку. Он стоял молча, рассматривая новинку и обдумывая, как ее побыстрей сломать. Он хорошо понимал, что протест нежелателен, и счастье придет вместе с маминой улыбкой, только если он будет послушным. Но одно дело, понимать, — давно мне было сказано, что время от времени он брал свое, и тогда упрямство, воспринимаемое как злой умысел, невозможно было сломить.

Итак, Коленька в табуретке, мы с Катей за столом пьем кофе. Вообще-то Катя строгий человек, наклонности к мерехлюндиям я в ней не замечала. Но теперь имя «Виталик» не сходило с языка, девушка светилась счастьем и была готова к любым жертвам, даже отдать ему зарплату мужа целиком. Рассказывала, как виртуозно Виталик водит машину, как он красив, когда спит, как любит она смотреть на его сомкнутые ресницы. Вскользь упомянула, что он много рисует. Такую Катю я еще не видала.

Однажды он взял ее в компанию своих друзей, ездили в кабак, тайно организованный неподалеку от нашего города предприимчивым французом ли, русским или другим местным инородцем. Среди его друзей оказался Женя, парень с кафедры математики, но такие мелочи, как сплетни и самочувствие мужа, не имели права смущать высокую душу Катерины. Отнюдь не глупая, она тем не менее не хотела замечать, что ее любимый холодно наблюдает за ней, как будто что-то просчитывая, пока был еще в полутрезвом уме.

Виталика, как сильно пьющего, развозило очень быстро, и Катя — она могла выпить гораздо больше большинства мужчин, не повредив своему здоровью, — опекала друга. Как доехали, сильно набравшись, неизвестно. Все это рассказал мне Женя уже после того, как ни Кати, ни Виталия не было в Бумердесе.

Такая жизнь, главное — Витенька рядом, была девушке по душе, про Игоря, совсем потерянного, она просто забыла, не слыша, что он говорит, глядя на него как на стол, как на шкаф. С сыном расправлялась по минимуму, чаще прежнего отдавая соседке, и бежала, схватив постиранное бельё любимого, готовить ему обед. Надежда, жена Виталика, с удовольствием съедала изделия Кати, а сам он ел мало.

Но долго такая жизнь продолжаться не могла. Катя родилась огненной женщиной и к тому же чеховской Душечкой. Ей необходимо было раствориться в интересах любимого. А как это сделать? Виталику быстро надоела горячая самозабвенность новой подруги, а ее сексуальные притязания его просто травмировали. Ему казалось, что Катя в конце концов проглотит его без остатка, что она перекроет ему воздух, и он задохнется. Время от времени ему удавалось обидеть ее, назвав дурой. Но Катя воспринимала «дуру» как шутку. Если Витя под боком, значит, он принадлежит ей целиком, без остатка.

Не нравилась ему и открытость их отношений. С Аннетой они ведь просто друзья, никто никогда не имел права смеяться над ним, а теперь он чувствовал, что находится если не в центре внимания города, то очень близко к тому. Конечно, герой, это понятно, друзья если и шутили, то с долей зависти, но быть предметом обсуждения простецов — это уж слишком. И действительно, он считал ее неумной, только дураки бывают неадекватными обстоятельствам.

Если Катю представить огнем, то именем Виталий назывался бы маленький темно-коричневый пруд, в глубине его в полдень вспыхивали и играли блики солнца, но скоро пропадали. Огонь грозил высушить пруд. Виталий начал увиливать.

Аннета. Вы ее не забыли? Она, узнав об итогах экскурсии, вскипела, но, остыв, показала чудеса благоразумия. Дней десять она казалась такой оживленной и радушной, что толпа наперсниц и даже дальних подруг не иссякала.

Потом возбуждение прошло, и жизнь вошла в свою колею. Чаще обычного появлялся Виталик. Тут он и столовался, чувствуя себя как дома.

Так постепенно все увидели, что действительно победу от поражения отличать не надо. Произошло ли объяснение Виталия с Катериной и где, покрыто тайной.

Наконец Катя пришла ко мне. Больше обыкновенного собранна и молчалива. Ее горе выдавал только небольшой наклон головы, обычно с высоты своего маленького роста гордо на всех взиравшей. Сейчас её голова, похоже, не могла полностью подняться и застыла в печали и безвыходной нежности.

Девушка как будто спрашивала, что же ей делать. Но кто мог ей ответить?

Конечно же, Катин огонь никогда не погаснет, а вот Игорь, муж законный, нелюбимый, ходил в тени собственной тени. Мало того что кафедральные пересмешники лукаво улыбались, встречая его, очевидно, представляли раскидистые рога над его головой, но и вообще его характер плохо переносил повышенное к себе внимание, ходить на работу стало мукой. Сибирский математик был создан для тишины и мира. Кроме того, понимал, что на будущий год его здесь не оставят: этой жизни было не жаль, но непереносимый стыд перед начальством, друзьями, даже женой теперь сопровождал его всюду.

В эти же дни посольские друзья Аннеты, уезжая в Атласы кататься на лыжах, привезли ей из Алжира на пять дней своего царственного колли по кличке Лорд. Пес день и ночь сидел на веранде, провожая глазами все машины, отказался наотрез что-нибудь есть, только пил воду и в положенное время требовал прогулку. Аннете некогда было разгуливать, и уже на второй день эта обязанность перешла ко мне, думаю, потому что мне очень нравился Лорд. Около спуска к морю обычно к нам присоединялась тоскующая Катя. Лорд и Катя поняли друг друга. Пес доверял ей не только спину, морду, но и пасть, когда нужно было положить таблетку ему на язык. Оказалось, у Кати всегда дома были собаки.

— Странны собаки, — как-то сказала она, — ведь люди же, а говорить не умеют. Что стоило б умельцам гортань им переправить. Тогда б рассказали собаки про жизнь, про людей и про кошек. Но мы не допускаем, чтоб рядом «другие» с нами равнялись и, нюхая воздух, от псины наших поступков чихали и морщились.

— Не боишься, что они нас за моральное несовершенство будут грызть?

— Мне это не грозит.

Этот приступ романтических выдумок, в тихое время у Кати вовсе не замеченных, конечно, родился от любовных переживаний. Раньше, если я начинала что-то лирическое, например, о природе, Катя перебивала: «ты что думаешь, что ты одна это чувствуешь, я тоже всё это вижу».

Так морально совершенная Катя вступила в новую жизнь. Ей доставляло видимое удовольствие рассказывать о Виталике, она звала его Витей. Однажды рассказала о его детстве. Он рос нежным привязчивым мальчиком, но в двенадцать лет мама бросила их с папой. Его воспитала бабушка.

Теперь Виталий с трудом выносил одиночество, постоянно стремясь находиться в компании.

Катя в детстве жила всегда с мамой, папой, тетей, бабушкой, наконец с братом. Витеньку жалела за «сиротство» и никогда о нем плохо не говорила. Он остался для нее идеалом даже после разрыва.

Сама она, несмотря на «моральное совершенство», не потеряла для меня своего обаяния. Во-первых, оказалась жертвой, как большинство неосторожных хищников, но главное, она обладала неоспоримым обаянием: в каждом движении, каждой гримасе проступали непреодолимый темперамент, живость, а главное, женственность, плавность, мягкость.

Вообще лицо без недостатков — это луговой цветок ромашка среди тысячи таких же. Только недостатки лица, а у Кати их хватало, создают его индивидуальность и позволяют зрителю уловить характер.

Хотя Катя не отличалась покладистостью, зато с ней было легко иметь дело, у нее что на уме, то на языке. Жестковато, зато просто. А если что-то с тобой случилось, то раньше всех на помощь придет Катя.

Вот с сыном действительно непонятно. Всякий раз, когда я спрашивала, как сынок, она отмахивалась: «что Коля, ну что Коля»? Пренебрежение Коленькой меня задевало. Но великие люди не занимаются мелкими проблемами. Однажды призналась мне:

— Я дома как-то видела фильм про интернат. Очень здорово там детям. Вот бы приехать и отдать Кольку в такое место. Устроить свою жизнь и тогда уж забрать его.

— А скучать не будешь? — спросила я, замерев от ужаса за ребенка.

— Буду, но он чем дальше, тем больше связывает мне руки. Да и с его капризами уже не справляюсь.

— Отдай лучше Игорю.

— У…У. Еще что?

— Я уверена, что ты этого не сделаешь, не расстанешься с сыном.

— Посмотрим.

Время шло.

Аннета царила в своем государстве, где все застыло в прежней неподвижности и происшествия случались самые мизерные. Ей снова стало скучно, и помочь вряд ли кто мог.

Ее соперница не впадала в ересь уныния. Снова по-дружески стала заходить к Славику в холостяцкую квартиру, и вот неожиданно вспыхнула новая новейшая любовь. Алик и Катя обрели друг друга. А тут уж весна разгорелась, подошла-то она давно, можно сказать, перед Новым годом. Природе Средиземноморья неизвестны влажность и нежность наших краев. Климат тут под стать характеру Кати, яркий и открытый.

Теперь месяц апрель готовил свой приход ковровыми дорожками вдоль мостовых — невзрачная зелень расцвела ярко-оранжевыми раструбами вроде наших колокольчиков, но увеличенных в десять раз. Устойчивая синева неба ничем не омрачалась. День больше не заканчивался внезапной темнотой ровно в пять вечера, забрезжил конец семестра. На теннисной площадке стук раздавался с утра до вечера.

В конце марта праздновали день рожденья Славика, вожатого и футболиста. За накрытым столом собралась вся футбольная команда и друзья футболистов, все музыкально одаренные: пели, подпевали, играли на гитаре, — одним словом, гуляла активная часть молодежи нашего города. По мне, это было слишком шумно, а музыканты-футболисты так хорошо знали друг друга, что я чувствовала себя чужою. «Многолюдное одиночество» я часто переживала в разных компаниях. Люди, казалось, любят друг друга, они связаны какой-то недоступной мне общностью, и это дает им уверенность в себе, в друзьях, в том, что будет завтра. Хотя думаю, нередко кто-то чувствует себя на праздниках, примерно как я.

Через час после начала возлияний явилась Катюня. Накрашенные губки, платьице, как она любила, заметное с расстояния в километр. Выпив штрафную, тонким детским голосом спела песню Новеллы Матвеевой про кораблик. Имела успех.

А через несколько дней пришла ко мне домой и рассказала, что, сев за стол, взглянула на Алика. Тот, опустив голову, сосредоточенно стучал кулаком, пытаясь загнать непослушный орган в невидимое положение.

— Боялся, что новые брюки разорвет, — добавила, улыбаясь, Катюня.

— Ну, наконец-то у тебя достойный соратник, — порадовалась я.

— Да, Алик очень ласковый и тонко чувствующий, мы с ним понимаем друг друга, и взгляды у нас на все одинаковые. Только должна тебе сказать, мне сегодня снилось, сижу в какой-то компании, рядом, через одного, сидит, кто бы ты думала? Виталя, и бледный такой, печальный.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Значит, вот так, не срослось. А что же не так с Аликом?

— Всё так. Просто он как все. Как ты, как Слава, как Игорь. Мы все — макароны.

— Но твой Алик не такой. Он смуглый и сойдет за араба. Мне кажется, что вы разные, хотя в чем-то очень похожи. — Катя в это время сгребла чашки, отнесла их в мойку и начала тщательно мыть. — Давай я тебе построю теорию, а ты ее применишь на практике, — продолжила я. — Люди делятся на художников и логиков. Первые воспринимают красоту: мир звуков, красок, слов. Зато логика у них, как правило, обрывочна, дискретна. Соединить два-три факта они могут, после третьего — стоп, и возникает тарарабумбия. Зато они успешно шлепают логиков по голове, заставляя их прикусить язык и отвернуться.

Логики в массе безразличны что к музыке, что к живописи, сколь угодно успешно притворяясь музыкально и художественно одаренными. Мир перед ними разворачивается текстом, связной цепью событий, нагруженной удовольствиями и затрещинами. Как правило, логики с возрастом первыми выходят в черно-белый мир, лишенный радости и смысла. Ну, что скажешь?

— Скажу, ты умная, — это слово Катя произнесла, как будто выговорила «ну и дура ты». Перед ней сияли чистотой чашки, и она повернулась ко мне лицом. — Хочешь сказать, что он логик, а я художник? Но все твои рассуждения — абстракция и к жизни не имеют отношения. При чем тут цвет кожи? При чем тарарабумбия? Ты не понимаешь, что все гораздо проще, люди делятся на тех, кому дано, кто видит всё сверху, пролетая в вышине, и обывателей.

Катю трудно отнести к логикам, да и к художникам нелегко. Первая же идея, попавшая к ней в голову, уходит в пятку и не дает ей сдвинуться с места. Пожалуй, такое ближе художникам, всегда одержимым.

Алжир.
ALGER

Я — минималист. Главу «Алжир» я бы хотела такую: «Алжир — город». Больше ничего.

Пожалуй, еще одно слово: «Столица».

Вместо этого буду стараться еще раз получить удовольствие от города.

Поезд пришел. Поднимаюсь на лифте — и вот он, белый город такой красоты, что хочется туда снова и снова.

Идешь по улице, где-то там внизу море, корабли, пакгаузы, где-то там вверху Казба — старый город, куда лучше одной не ходить.

Здесь Город, место, где живут. Жить не значит бежать, нервничать, опаздывать; жить — это находиться в состоянии покоя. Спокойствие нисходит на тебя, как только сделала первые шаги.

Центральная улица, параллельная морскому берегу. Дома, как корабли, узкими носами разрезают пространство улиц, направленных то ниже, то выше на гору.

Алжир для меня был и остался огромным живым существом. Гигантскими шагами он направляется к морю, перешагивая зеленые холмы и наблюдая за своими детьми, жителями столицы.

Алжирец — это спокойный, уверенный в себе и даже хитроватый немолодой человек, обласканный морем и солнцем. Он пират, авантюрист, любитель риска, игры и легких денег, легко исчезающих. Пусть я вижу современные дома — стильно, красиво, по проекту Ле Корбюзье, — но верх и низ — холмы и море, как скобки, стискивают всё европейское, и вот уже архитектура натурализована, она местная, арабская.

Чаще всего я ездила в столицу одна, праздно шатаясь по городу и проводя так весь день. Хочешь, иди налево, хочешь, направо.

Однажды я вышла из поезда одновременно со своим студентом. Широким добродушным лицом он нисколько не походил на этот город. Поэтому я не удивилась, когда он сказал: «Я здесь такой же иностранец, как вы».

Конечно, мой студент, как и жизнь города, остался для меня загадкой. По-французски я могу спросить, ответить, понять, но арабские междометия, восклицания, случайно услышанные фразы — всё это недоступно моему пониманию, и, значит, жизнь улицы проходит мимо меня.

Да и с французским тоже непросто.

Французский язык… Вот стою в очереди в магазине и слышу: ne touche pas — молодая женщина одергивает ребенка, тянущегося к открытым полкам с шоколадом. И от нечего делать в моей голове мелькает: тушеваться, ретушировать, тушить. Дворянская культура девятнадцатого века породнила наш язык с французским.

Однажды мы с Аннетой забрели в Сакре Кёр, так называется церковь в одном из столичных районов.

Сакре Кёр — это не парижская красавица церковь. Это другое. Она построена в Алжире в середине 50-х, заменив храм святого Филиппа, превращенный в мечеть. Мне она показалась подобием шатра, широко раскинутого недалеко от центральной улицы. Увидев ее, я подумала о первых христианах, и действительно, Сакре Кёр — убежище христиан в мусульманском мире.

Мы решили зайти внутрь. Обширный зал, похожий на концертный, с рядами стульев. Напротив входа увидели орган. Мы стояли и рассматривали зал, когда раздались торжественные аккорды. Через некоторое время стало тихо, и к нам подошел молодой человек.

Рассказали, кто мы, и с первых же слов он заговорил с нами как с хорошо знакомыми, объяснил, что строит или, скорее, монтирует здесь орган

на средства прихожан. По-теперешнему волонтер, а попросту — рукастый милый парень. Потом к нам подошел солидный человек, упакованный в священническую черную форму с белым воротничком, и неожиданно после приветствия и нескольких слов сообщил, улыбнувшись, что у нас парижское произношение. Нет, нет, смутилась я. «Si, si, madame», — возразили они в два голоса. Я подумала: «Какой Париж, укладка в голове другая. Ну, да, мой французский не похож на магрибский, он скопирован с языка моего учителя на шестирублевых курсах…»

Скоро мы вышли, но это посещение осталось в памяти как свидетельство исчезновения христианского мира. Украина бомбит христианские храмы, а за головы батюшек назначает огромные суммы денег. Жаль французов, их отцы и деды родились на этой земле, как жаль русских в Прибалтике и на Украине, бегущих куда глаза глядят.

От арабизации испытывали неудобства не только мы, но и пожилые арабы. Как-то в поезде ко мне обратилась старая арабская женщина в национальной одежде с просьбой сказать, какую станцию мы проезжаем. Она всегда видела названия станций на французском, и неожиданно только по-арабски. Названий станций я не знала, но сообщила, сколько минут до столицы.

И наконец последний штрих — теперь Сакре Кёр не церковь, а библиотека.

Итак, можно пойти в кино, можно на почту, чтобы позвонить домой, но чаще всего я шла в книжный магазин. Там зарывалась в книги так прочно, что посетители обращались ко мне, принимая за продавца. Домой в Бумердес, а потом в Москву везла часто бесполезную экзотику: например, Кафка или наш Николай Бердяев по-французски. Легкомыслие и жадность заставили меня купить много лишнего.

Если устала от чтения, выходи на улицу, жмурясь от солнца. Ноги сами несут по привычному пути наверх, налево, на восток. Вскарабкалась? Там, еще выше, миниатюрный скверик с небольшими зелеными кустами, весной цветущими. Пройдя скверик, попадешь в галерею, где в нишах среди деревьев мраморная греческая скульптура, — посиди в сквере, чтобы потом внимательно вглядеться или просто пожить среди соразмерных тебе прекрасных, телесного цвета античных людей.

Поднимись еще выше и увидишь море.

Совсем недавно стоял на твоем месте пират, вглядываясь между деревьями в неширокий, но длинный язык морской глади. С этого места обязательно заметишь корабль под черным флагом. Увидел, крикнул: «Ахмет», и вдвоем тропами бросились к берегу.

А внизу ждут их в засаде злые, не уверенные в себе, закомплексованные европейцы. Ловят, стреляют, но Ахмет убегает: к счастью, рана пустяковая: «Что им от нас нужно, этим европейцам, ведь жизнь так прекрасна, все могли бы счастливо жить и любить друг друга. Нет, для них главное — выполнить приказ. А зачем приказ, что в нем хорошего, какая от него польза человеку, который в меня стрелял?»

Корсары чувствовали себя здесь так же уверенно, как теперь неторопливые жители, приехавшие туристы, как я. Люди экстремальной профессии всегда уверены в себе и умеют веселиться.

Слава богу, теперь никто не стреляет и корсары вывелись… Хотя кто его знает? В наше время, в 21-м веке, экстремалов там предостаточно.

Вернемся в город Алжир 77-го года.

С наступлением темноты начинаю волноваться. Спрашиваю у девушки, как попасть на вокзал. Удивленно на меня смотрит: «Я никогда не ездила по железной дороге, только на машине». Наконец нахожу лифт, спускаюсь к платформе, сажусь в поезд, и теперь главная забота — не проехать

свою станцию. Платформа в Бумердесе находится в овраге, огней никаких, значит, надо надеяться, что в вагоне окажутся наши студенты.

Уже в Москве много лет спустя мне снился сон: выхожу не на своей станции, поезд уходит, следующий через три часа, еду в обратном направлении, зачем, не знаю. И так болтаюсь между незнакомыми станциями, не в силах проснуться.

Но наяву все всегда кончалось благополучно.

Приезжаю домой — на пороге корсар. Удивляюсь, приглашаю зайти. Смотрю в его усатое арабское лицо и вдруг представляю, что это тот самый Ахмет, встретивший в порту парусник под черным флагом. Неожиданно для себя спрашиваю его о бизнесе, имея в виду товар, прибывший на фелюге. «Ахмет» поворачивает голову налево-направо и произносит: «бизнес-бизнес — бизнес». Наконец: «Это кино? Давно не был. Мотаюсь как белка, si vous voulez. Что делать? Иначе не проживешь, si vous voulez. И море неспокойное. Жена должна привезти дочь на «Nostalgie».

Si vous voulez — это его вводное словцо, примерно как у нас «так сказать» или «если угодно». Теперь понимаю, почему он жадно смотрел на море. Ну, конечно, жена привезет наркотики, запелёнатые в детский конвертик. Иначе не проживешь: что получает преподаватель физики в нашей нефтянке — гроши. Это нам платит могучий Советский Союз, а у них?

«Ахмет» предлагает отвезти меня завтра в Алжир, если мне туда нужно. Ну конечно, я должна сидеть в его машине для отвода глаз. Таможенники или кто там, увидев меня, забудут посмотреть на него.

Благодарю, отказываюсь, ссылаясь на то, что только что оттуда.

И еще один корсар иногда заходит ко мне. Первый раз он попал в нашу квартиру по долгу службы, с проверкой сантехники. Глаза его со втянутыми веками, казалось, постоянно видели какой-то томительный сон, вот почему в его тягучей речи возникали паузы. После первого посещения приходил ко мне, как в библиотеку, чтобы сменить книгу. Этот корсар проявлял постоянство привычки. Он читал исключительно одного автора — Ги де Кара. Я накупила этих женских детективов из-за простоты и бытовой лексики. Ахмет-два смаковал каждую книгу месяца по два. Я разрешила ему оставлять книги себе, но он обязательно нес их назад, чтобы вернуть.

Если первый корсар выполнял функции мозгового центра, отвечая за коммерческие связи пиратов, то этот, скорее всего, работал у них бухгалтером, выполняя расчеты так же тщательно и не спеша, как ухаживал за сантехникой в Бумердесе.

Но подлинный корсар содержал в нашем городе мясную лавку. Входишь, здороваешься, он с едва заметным сомнением смотрит на тебя. И вовсе не потому, что думает, у тебя нет денег, нет, он сомневается в твоей добропорядочности, в честности намерений, с которыми ты сюда приехала. Зачем ты здесь? — И в самом деле, зачем я здесь? — Почему ты в рабочее время таскаешься по магазинам, в то время как он должен зарабатывать хлеб, стоя в этой жалкой лавочке, хотя, безусловно, он более образован, утончен, культурен, чем все эти европейские номады.

S`il vous plait, прошу маленький кусочек мяса с витрины. Он виртуозно двумя длинными пальцами узкой руки берет кусок, заворачивает в фирменную бумагу, темно-коричневую, с мелким рисунком золотом, взвешивает и отдает мне с прежним каменным лицом и легким наклоном головы. От него на меня идет не ненависть, нет, презрение кроманьонца к случайному неандертальцу.

Однажды пришла купить у него газету — заодно он торговал и печатью. Негде у нас купить газету, кроме его магазина. Произношу: «El MODJAHED, пожалуйста». Но удачно, по-арабски, произнесла Н, с придыханием. Мясник, я это ясно увидела, вздрогнул, и его узкое лицо на се-

кунду оказалось напротив моего. Что он вообразил? Неужели, что я знаю арабский?

Думаю, этот корсар провел большую часть жизни в благополучной интеллигентной среде и волею судеб попал в корсары на склоне лет. Жаль.

Итак, я знакома с тремя корсарами. А мои студенты? Разве в них ничего от пиратов не осталось? Пиратство и ислам сочетались когда-то в изысканном букете. Прекрасном, потому что давно не существующем. Но, может быть, студенты-алжирцы, как наследники пиратов, отличались от приезжих студентов? Это для меня слишком тонко.

В ботанический сад я ездила частным образом. Сказочное посещение огромного этого сада пришлось на весну. Возможно, во времена французов там росло что-то невообразимое, но и теперь поражал масштаб. Три прямые аллеи с огромными деревьями разных видов долго, долго спускались к морю, их кроны смыкались над головой наподобие шатров. Аллеи утопали в цветах. Названий деревьев не помню, кроме фикусов, могучих, как наши дубы. Я не уставала щелкать розовые, лиловые, белые заросли кустов.

В завершение путешествия оказались рядом с клеткой. В ней сидели, стояли, лежали львята одного возраста и одного роста, как будто бы и котята, только лапы у них не походили на кошачьи ни величиной, ни устройством. Все семеро посматривали на нас ореховыми глазами с таким беспробудным равнодушием, будто мы даже не деревья, а что-то безумно тупое. Вспоминая эти глаза, я стала лучше понимать кошек. Не признавая в нас хоть сколько-нибудь достойных внимания существ, они используют наше неравнодушие.

Наснимала целую пленку, приехала домой и выяснила, что забыла зарядить аппарат. А ведь если бы я его не брала, то могла бы увидеть гораздо больше.

Вот мы, группа русских преподавателей, приехали в музей изобразительных искусств. Это официальная экскурсия. По-моему, он где-то в сторону ботанического сада. Колоннада, лестница к ней, и на ступеньки, не сказать, что недавно, кто-то испражнился. Может, протест против западной культуры, но думаю, вряд ли так сложно. А в галерее смотреть нечего, только не лучшие копии французских импрессионистов. И тех немного. Столица хороша с фасада. Центр удобен и чист, но чуть свернешь с главной улицы, и вот они, признаки третьего мира, — первое мое с ними знакомство, — своеобразные запахи непрочищенной канализации. Теперь эти запахи нередко встречаются в моей стране — периферия цивилизации распространяется.

Я начала рассказывать о студенте-попутчике. Так вот, он сказал:

— Мадам, я здесь чужой, как и вы. — Я отвечала, что знаю, что в журнале напротив его фамилии стоит «Ливан», и это значит, что он палестинец. Он продолжал: — Палестинцев согнали с их земли. Теперь мы живем в резервациях по разным странам. Я был очень рад, что приехал учиться, но здесь трудно: люди — чужие друг другу, ни участия, ни сочувствия ни от кого не дождешься. Мне очень трудно жить среди таких людей, арабы Востока — совсем другие: они добры и отзывчивы.

Не думаю, что его разочарование связано с тем, что здесь живут потомки пиратов. Скорей от общения с европейцами алжирцы потеряли традиционное радушие. «Люби ближнего, как самого себя» в Европе утрачено, и приходится любить людей в отведенные часы в хорошо взвешенных дозах.

Продолжая разговор, мы вышли в город и решили пойти в кино. Шел фильм по роману Воннегута «Бойня номер пять» с пятым фортепьянным

концертом Баха в качестве фона варварской бомбежки Дрездена и остальных «лирико-фантастических» эпизодов. Кинотеатр небольшой, но набитый зрителями. Женщин что-то не видно. Молодые мужчины, наверно, те самые «синеасты». Во время сеанса они входили, выходили, но кинозал устроен как крутой амфитеатр, так что никто никому не мешал.

Мой случайный спутник очень спокойный и тихий человек, это понятно было с первого взгляда, иначе я бы не пошла с ним в кино. Не все мои студенты такие. На первом году моей работы один студент исчез и появился через год. Оказалось, что его сильно ранил однокурсник из-за несовпадения взглядов на будущее палестинцев. Год он лечился, но не долечился и вернулся на занятия бледный, держась за живот.

Другой студент, отличник, по виду и языку больше француз, чем алжирец, отсутствовал месяц, а появившись, рассказал мне ужасную историю. Его мама работала во Франции на фабрике и упала в станок. Ее разрезало. Юноша, вызванный во Францию, не в силах вынести этот ужас, схватил топор и рубанул себя по ноге.

Мы находимся в третьем мире, где количество несчастий на единицу населения зашкаливает.

Других встреч со студентами не случилось. Только однажды палестинское землячество пригласило меня на свой вечер. Жалею до сих пор, что не учила арабский, знала хотя бы азы, ведь бесплатно обучали всех желающих, понимала бы, что они говорили со сцены.

После речей был концерт. Сначала вроде плавно, а потом с отрешенными лицами и очень напряженными телами они начали все вместе, разом в такт топать, подскакивая и всё убыстряясь, как будто, объединившись, решили пятками пробить пол.

Пляс, перепляс, недопляс — карасем заплескалась душа,
И зурна заплела карася между створок зерна.
Подросла в огороде душа, по весне старый лист вороша,
Но убил ее зной, хоть была весела, озорна.

Этот воинственный танец мне жутко понравился.

Глава вторая.
Утопленник

Вилла на вилах.
ON FAIT DES CANCANS

Бумердес всколыхнулся: Виталий утонул. Не все в это верили.

Поминки организовала Анна на своей вилле. Она — царица, всё сделала по высшему классу. Сильно ли она переживает, не знаю.

Насколько я могу судить из скудных сведений Ани и взахлеб восторгов Кати, Виталик не был ни умным, ни глупым. Слишком безрассуден для умного, слишком проницателен для глупого. От этого трудно понять, как он мог погибнуть. Был бы дурак, крепко выпив, полез бы в море, не рассуждая. Если бы в нем блеснул ум, он, скорее всего, пожаловался бы морю на свою бессвязную судьбу и утонул в ясности сознания.

Но трупа нет, только одежда и та не его. Значит — ни то, ни другое.

Боже мой, что это всё время спускаешься на деление «дурак — умный». Безусловно, это признак ума. Моего, разумеется, кто же кроме умников работает в этих терминах.

Я себе говорю: успокойся, ты не дура — и это печально. Потому что не дурак в девяти случаях из десяти агрессор. Ведь как страдают дураки от умных. Умные угнетают этих несчастных, не дают им развернуться, ограничивают их развитие. Дурак, если хочет что-то понять, не обратится к умному, — ну, что тот может знать, — нет, только к такому же дураку. Большая часть дураков — дурашки, такие ласковые, нежные волоокие существа или с глазами серо-синими, такими ясными, что в них можно увидеть то, что видят они. Как им тяжело с нами, умными. Они же понимают, что их обманывают, с ними не считаются, ими пренебрегают. Прощать умных — это их служебная обязанность. Только скажет: «Как нехорошо обманывать», и тут же поведется на следующий развод. Чтоб обороняться от нас, умных, им приходится объединяться, слипаться в некоторые колонии. Там они чувствуют себя в безопасности, — поют, танцуют, веселятся, — их несильный ум при поддержке такого же рядом раскрепощается, неумные выдумки расцветают, включаясь в экспансию всемирной глупости. Мне кажется, западную культуру можно отличать от нашей, если вглядеться в дураков. Их среднестатистический всегда ищет выгоды, наш — веселья.

А что же умный? Умный — это ужасная поганка, заполнившая лес. Мухоморы, бледные поганки — этих видишь издали. Но сколько других видов, подвидов, опасных, как чума.

Я родилась, конечно, дурашкой и жила дурашкой до тридцати лет. Потом начала умнеть, умнеть, и, voila, перед вами поганка. Иду по коридору, табло 26/8. Сокращаю, 13/4. Это 3 и ¼. Зачем? Может, ум — это вид дебилизма?

Да, но умные поганки если выходят замуж за дурака (женятся на дурах), то все яды быстро уходят в землю, острота ума затупляется от постоянных усилий что-то вырезать на дереве. Сколько б ты, умная, ни смеялась над своим глупым мужем, сколько бы его ни уничтожала шутками, кончится тем, что скажешь: «А не поесть ли нам грибочков?» Нет, нет, никаких бледных поганок в этой банке нет, но и трубчатых грибов в лесу не осталось.

Конечно, жалко мне несчастного Виталия, но только из-за Катюни и чуть меньше из-за Аннеты. Мое с ним знакомство шапочное, я с ним даже не разговаривала. Само исчезновение человека неприятно. Может, Америка крадет советиков со своей гнусной целью, или летающая тарелка похищает в видах изучения. Самое реальное — арабы. С финансовыми намерениями.

Москва прислала каких-то людей. Их не было видно, но в воздухе ощущалось присутствие посторонних.

Через пару дней после поминок сходила к Кате. Она ушла в свое горе, так что на поверхности ничего не осталось: с ней даже поговорить не удалось, и ребенок в полном небрежении. Этого следовало ожидать с ее характером.

Тем временем по Бумердесу пополз слух, что Виталия видели во Франции. Кто видел, когда, ничего определенного никто сказать не мог, но то и дело слух возникал с неожиданной стороны, украшенный невероятными подробностями. Волна глупых домыслов вскипала. Математики, как наиболее крепкая часть преподавателей, естественно, безмолвствовали. Слабая их половина тайно бурлила, вообще для женщин Бумердеса Марсель, а говорили, что беглеца видели именно там, стал лакомым кусочком. Его обсасывали, оттачивали остроумие, а невозможность говорить об этом вслух сильно подогревала интерес и веселое любопытство, в том числе к семье Аннеты. Ее вилла, как поднятая на вилах, оказалась центром обсуждений. Соседка, вытаращив глаза от возбужденья, сообщила мне, что Виталия убили на этой самой вилле из ревности, то ли муж, то ли жена.

Сама Анна мне казалась в те дни нездоровой, и общение наше ограничивалось тем, что я на несколько минут забегала после работы. Казалось неудобным спрашивать о Виталии, но однажды, когда Аня выглядела особенно угнетенной, я попросту спросила, не нужна ли моя помощь с Виталием или с чем-нибудь еще.

И тут Аня взорвалась. Она неестественно тихим голосом отчитала меня.

— Не лезь не в свое дело… Не ожидала от тебя…Ты тоже считаешь, что труп Виталия у меня под окном? — Потом, чуть придя в себя: — Что ты понимаешь в наших отношениях. Как тебе объяснить, если у тебя никогда такого не было и не будет.

Я ретировалась.

А что же ее соперница? На мой вопрос о слухах Катя сказала:

— Мало ли кто что болтает, кто-нибудь видел его? Нет. Значит, выдумки… Думаешь, мне просто? Вчера приснился сон. Открываю ящик комода, а там лежу я, мертвая.

Я не знала, как реагировать на такой рассказ. У психологов читала, что во сне себя мертвыми люди увидеть не могут.

— Придумываешь.

— Зачем бы это?

— Катя, но согласись, вся история с утопленником выглядит неубедительно.

— Просто у них нет сердца… И у тебя тоже.

— Ты считаешь, Марсель выдумка, но кому понадобилось это выдумывать?

— Делать им нечего. Заставить бы их выполнять норму на ткацкой, это поговорка моей бабушки, а она понимала, о чем говорит.

Но затворничество кончилось, и Катя занялась обычной жизнью. Однажды я пришла в момент, когда она кончила купание ребенка и тащила его из ванны. На хохочущего сынишку, завернутого в простыни, невозможно было смотреть, не развеселившись. Но сердце девушки продолжало скорбеть, и разве что легкая усмешка скользнула по лицу.

Когда однажды я спросила про Алика, она рубанула рукой, как бы пресекая всякое напоминание о нем. В холостяцкую квартиру больше не заглядывала. Чаще стала приходить ко мне, почти всегда с Коленькой. Учила меня жить, мол, надо найти себе пару. Я не возражала, хотя нравоучительная Катя мне нравилась существенно меньше.

Весна. Бумердес.
LE PRINTEMPS BOUMERDES

Чем хорошо воспоминание, оно разнообразит жизнь. Если вначале я в сентябрьскую жару в Бумердесе вспоминала деревню Боброво, то теперь в Москве я вспоминаю этот вечнозеленый город под шум февральской пурги.

Бумердес — это арабское название города, им начали пользоваться после освобождения от французов. Город весь маленький и огорожен сеткой. Те, кто приехали сюда на работу не в первый и не во второй раз, помнят, что в те годы над сеткой стояли вышки, а в них солдаты с ружьями охраняли кампус.

Само здание нашей нефтянки стоит на высоком берегу моря фасадом на город, а аудитории смотрят на пляжи. Перед зданием института площадь, за ней слева начинаются виллы, а справа сплошные деревья, кустарники, за сеткой лимонно-апельсиновый сад. В феврале он зацвел, и его аромат облаком висел над окрестностью. Запах неземной, то есть не нашей земли.

Во время войны наш Бумердес был курортом для французских военных и назывался Роше Нуар. Городской пляж, если смотреть из института, заканчивается справа высоким каменным мысом. Это и есть Роше Нуар — Черная скала. На скале осталась французская то ли крепость, то ли казарма. Одним словом, курорт, место реабилитации военных.

Море. Как писать о море? И побережье не назовешь пляжем. Широкая полоса песка налево, в сторону столицы, кажется бесконечной. Направо после заминки, мыса с казармой, снова та же песчаная полоса до скалистого берега, за которым поселок с названьем Фигье. Так что летом пляжем можно считать всё известное нам побережье Алжира.

Уже близко отъезд, жарче солнце. Слухи о Виталии улеглись. Его нет, как будто никогда и не было. Жизнь повернулась теплым боком. Анна тоже как будто успокоилась, глаза больше не блестели сумасшедшим блеском, и бледность прошла. Наши отношения вроде вошли в привычную, знакомую по осени колею. Однажды объяснила мне, что Виталий в Союзе и ничего плохого с ним не произошло. Я спросила не без лукавства: «То есть он не тонул». — «Нет, нет, тонул, но вышел сухим из воды», — ответила, и рот чуть-чуть скривился.

Я, почувствовав, что прощена, начала разглагольствовать. Сказала, что Виталий, хоть и преподавал что-то нефтяное, настоящий гуманитарий. А гуманитарии всегда несут в себе некоторую идеологию. Это электроны, маленькие заряженные частицы. Они обречены куда-то бежать — влево, вправо, прямо. Естественники — это протоны, крупные частицы. Если они побегут, — мало не покажется. По своему менталитету они никуда не бегут, потому что «а на фига».

— Да, мы с тобой два скучных протона, — ответила.

Сидим с ней вдвоем часов в 11 утра на пляже. Вдруг достает два листочка из кармана халата. Читай, — протягивает второй.

«…Весна разгорелась, и намек на зелень, такой по-детски застенчивый, превратился в листья, чтобы назойливо лезть в глаза салатным прагматизмом, в полном соответствии со шкурной цивилизацией современности.

Ты взрываешь мое эстетическое чувство. Я безумно хочу тебя видеть. Никого и никогда. Только тебя.

Написал, и безумие кончилось. Но я хочу тебя видеть. Если б ты была просто женщиной, я бы был просто мужчиной. Но ты, ты не женщина. Ты — живопись. Поэтому я — художник. Я должен сделать твой портрет. Это будет мой шедевр. Это будет Боттичелли. Я не умру в веках. Вот что ты такое. Вот что я такое. Так бросай всё и приезжай. Нас ждет слава. Ты родилась для кисти Боттичелли, и, если пропустишь свой шанс, я пропал. Так не должно быть».

Спрашиваю:

— Он пробовал здесь рисовать тебя?

— Пробовал. Мне кажется, у него не выйдет. Он просто истерит.

— Шанс ему дай, пусть работает.

— Да не будет он работать. Пару мазков ляпнет, и готово.

— Может, так наш современный Боттичелли и работал бы?

— Сильно сомневаюсь. Читай, читай на другой стороне.

«У меня что-то со здоровьем. Смотри опоздаешь, я умру скоро. Только вот надо красиво как-то умереть. Еще не придумал. Я, между прочим, не шучу. Какие-то ощутимые признаки. Жду. Твой. Не удалось нам с тобой в Ницце поселиться. Такие суки. Но мы с другими поганками и на Москве прорастем. Какие мы с тобой ниццуйцы, в крайнем случае, ниццеваськи».

— Ты знаешь, как его найти? Пойдешь к нему?

— Еще не решила. Я тебе письмо показала, потому что в одиночку читать такое — тяжело. А пишет он на Олю и не со своего адреса. Оле я прочитала немного, а дальше сказала — личное.

Интересно, что заставило разумную Аннету попасть в такую зависимость от… Не знаю, как его назвать. Я, наверно, сухарь, обожженный отношениями со своим «Виталиком».

Катя, Аннета не чувствовали сил и желания просто гулять по окрестностям. Ходила в походы с семьей замечательной Светы. Это именно она принимала в своей квартире гостей, всех нас, в новогоднюю ночь. Света виолончелистка, дева искусства, Гнесинку кончив, славу манящую разом сменила на Костика, первого в мире умельца. С помойки муж часто детали невзрачные нес, а потом для мальчишек своих торшер и тысячу мелких удобных вещей мастерил. Дети — прелесть, но и взрослые детям под стать.

Я, по-моему, тогда впервые столкнулась с человеком искусства. Пусть она просто домохозяйка, мама двоих мальчиков, но я в ней чувствую некоторое искреннее прямодушие, какого в других людях здесь не вижу. Она непосредственна, а меня за то же качество совсем недавно прессовали в Москве. Как-то она в разговоре со мной призналась: «Если ты играешь с кем-то хорошую вещь и этот кто-то здорово играет, то тебя охватывает такой восторг, что хочется встать перед ним на колени». Зря она бросила виолончель.

Теперь это домашняя милая женщина, про внутренние конфликты в семье я просто ничего не знала оттого, что она со мной не делилась своими переживаниями, не то что Аннета или Катерина. Но из всех мне знакомых тамошних семей ее семья оказалась через годы прочной и нерушимой, а дети успешными.

То, что было давно, смотришь ему вслед, а оно быстроходным судном, груженным дорогими тебе артефактами, уплывает от тебя. Не ухватить. Ни оправдать, ни осудить.

Что она собой представляет, почему бросила музыку эта шагающая по Алжиру женщина? Я этого не знаю и никогда не узнаю. Но теплота от нее по-прежнему идет.

Я шагаю вместе со Светой, Костей и детьми, мы идем по дороге вдоль сетки, отгораживающей Бумердес от остальной природы. Мы только что вышли за ворота города, вот видим кусок пашни, цвет земли — красный. Почему красный? Железо? Пусть железо и цвет красный. Так вышло. Так же, как мы не можем объяснить, почему цвет земли красный, так же не знаем, почему обстоятельства таковы, что мы шагаем здесь и сейчас.

Мы, по-видимому, гуляем. Малыш, младший сын, из последних силенок. Остальные бредут спустя рукава. Все по-разному, но каждый чувствует, что это путешествие — часть привычной прогулки по Подмосковью, si vous voulez. Пусть земля красная, спелые лимоны смотрят из густой зелени каждому в глаза, слоновая пальма выходит к нам навстречу в положенное время, всё равно эта прогулка — гулкое эхо тех всегдашних прогулок, да что там, мы снова в Подмосковье, только в некоторой экзотической его части.

Вот завиднелась сторожка. Больше всего она похожа на шалаш из веток. Сторож выходит навстречу туристам, но не с упреками, а скорее с жалобами на жизнь. Если и отличается от подмосковного сторожа, то еще большей бедностью жилья и одежды. В Бумердесе таких людей изредка можно видеть с большими сумками, где стоймя стоят десятки багетов и болтаются бутыли оливкового масла. На хлеб и масло в государстве Алжир стабильно низкие цены.

Дети ушли далеко вперед, а путешественников из тихого места Подмосковья рывком выбрасывает голос Кости:

— Мы тут сидим, ничего не знаем, а вчера наше начальство собиралось. Самый замечательный, просто гениальный тост произнес Абдулла, завкафедрой, не помню какой. «Люблю я вас, Иван Евдокимович, — сказал Абдулла. — Вы нам всем, обвел взглядом зал, — отец родной. Я за вас жизнь отдам. Очень хочу отдать. Позвольте, дорогой, отдать жизнь за вас».

Все притихли. Кто-то потупился. Абдулла поднял бокал, выпил и швырнул его об пол. Тут все зашумели, стали чокаться, кто-то ехидно улыбался, но многие выстроилось в очередь к нашему К., и каждый, подходя на полусогнутых, произносил, кланяясь, что-то вроде:

— Присоединяюсь к Абдулле. Я тоже…— И, задыхаясь: — Здоровья.

Или осторожнее:

— Вы же знаете, как я вас… к вам отношусь. Благодарю вас. Наша работа здесь успешна, и дай бог вам здоровья на благо нашего контракта.

Я подумала было, что Костя, как большой артист, разыгрывает нас. Представила себе Ивана Евдокимовича с чалмой на голове и маленьким, для разрезания мяса, кинжалом за поясом; он медленно кивает приближенным и протягивает им руку для поцелуя. Но в следующие дни наши насельники уже нашептывали друг другу не столько сам рассказ, но резюме: «Вы слышали, наши-то заведующие кафедрами назвали К. отцом родным. — Ну что ж делать, если он отец».

Всё происходило перед сессией, когда лаборанты уже начали разъезжаться по домам. Тут и состоялось традиционное общее собрание верхушки бомонда: заведующие кафедрами, заместители, чиновники по связям с арабской администрацией института. Сначала отчеты, потом перешли в другой зал, где были накрыты столы. Тут и начался обряд поклонения отцу родному.

Сирокко.
SIROKKO

И вот пришел ветер. Как может ветер дуть несколько суток, не меняя направления, и почему огромные массы песка поднимаются и отправляются в путешествие? Что может понять человек в этих загадках? Конечно, он объясняет: там остыло, здесь нагрелось. Остыло — нагрелось, подуло — прошло. Откуда такие масштабы? Как рождается безумие целого куска суши, и не начало ли это опесочивания Северной Африки и затем Южной Европы? Что-то чуется чужое в тонких посвистах песка, не раздолье молодое, не угрюмая тоска. Чуется нечеловеческое.

Ветер-песок. Ветер-удав. Источник сумасшествия. Мельчайшие частицы песка высушивают нос, глотку, рот. Но это не самое страшное.

Ведь пришел не ветер, а существо высшего порядка. Оно полностью располагает вами. Своей воли больше нет. Как-то надо спасаться. Возможно, нечто призывает вас к себе. Но где это? Куда направиться? Начинаю поиски. Прибегаю к Аннете. Она сидит, пьет кофе. Сажусь, пью, начинаю нести пургу, кажется, запутываюсь. В духе Достоевского в чем-то каюсь, но мысль не терпит логики. От одного высказывания до другого сорок миль пустыни, а в ней кобры, скорпионы, гремучие змеи. Аннета смотрит на меня, и в спокойном ее бледном лице выражение любопытства. Убегаю. Бегу через сад к Оле. Я знаю, что она, как и я, не переносит жару.

Она одна и занята шитьем юбки на заказ. Сейчас Оля похожа на состарившуюся куклу Мальвину в чем-то ярком, едва накинутом при моем появлении. Когда я однажды увидела ее голой, — а она ходит иногда по

вилле без трусов и прочего, — в голове у меня зазвучал набат, похоже на колокол Бухенвальда.

Оля очень гордилась своим телом, такой талии не было даже у Гурченко в «Карнавальной ночи», а легкость неожиданно меняющих направление, почти конвульсивных движений очаровывала ее саму безмерно.

Временами она казалась мне кликушей. Неожиданно впадала в панику и заставляла всех окружающих чего-то бояться.

Спрашиваю ее о самочувствии... Нет, сегодня заказная работа, и сирокко — благоприятное для Оли сочетание. Она спокойно, не прекращая работы, начинает поучительный рассказ.

— А ты не слышишь временами в носу попискивание? — спрашивает она меня и продолжает: — Я знала одну женщину, в нос ей попала песчинка и там осталась. Вокруг этой крошечки скапливались сначала мягкие ткани, потом они твердели, уплотнялись, и в конце концов рядом с мозгом начала самостоятельную жизнь маленькая горошина. Жила год, жила два, и тут нос начал распухать. Как медики объяснили, организм очухался и захотел от горошины избавиться. Начались мучения такие, что пришлось нос резать.

— Ужасы какие ты рассказываешь.

— К тому и говорю, видела, туареги лицо как закрывают? А мы все легкомысленничаем.

Привычка к семейной жизни и заботам о других никуда не делась, она откладывает работу, быстро выскакивает из-за стола и, как курица, вытянув вперед шею, устремляется на кухню, и вот опять кофе. Правда, ставит передо мной тарелку с кусочком рыбы, потом начинает хвалить Аннету, мол, и хозяйка она, и мать образцовая, и тут неожиданно рассказывает историю.

Когда они приехали, вилла была не готова. Основательно засорены спуски в ванной и в кухне. Поставили чемоданы на траву, сели на них и начали ждать начальство. Мимо проходила Аннета. Увидела, подошла и вдруг предложила перекантоваться у них, пока сантехнику не приведут в порядок. Сначала муж наотрез отказался, но, увидев глаза жены, согласился. Пришли вместе с чемоданами, и Ольга, устав с дороги, сразу легла, а Григорий, муж, ушел к московскому приятелю, где и дожил благополучно до готовности жилья.

На вилле Аннеты гостья ночевала две ночи, а дни проводили в долгих разговорах. В последний вечер Аня ушла на вечеринку, не возвращалась до ночи. Оля дремала, когда хозяйка вошла в ее комнату, наклонилась, — не сильно, но отчетливо пахнуло дорогим вином, — и поцеловала новую подругу с такой нежностью, что она запомнила поцелуй как что-то необыкновенное.

Да, не только я реагирую на сирокко. Оля пустилась в откровенные признания тоже неспроста, в обычное время она не казалась мне склонной к открытости.

И тут она заключила:

— Я так люблю Аннету, что для нее на все готова.

Потом неожиданно:

— Тебе нравится твоя работа?

Что тут ответить? Начинаю мычать. Песок внутри головы раскаляется. Накалываю рыбу на вилку, откусываю, кладу на тарелку, говорю: спасибо, не хочется. Оля стряхивает остаток рыбы в пакетик и объясняет — кошечке. Интересно, что за кошечку кормит Оля.

Кошки — это внутренняя эмиграция нашего города. Они не хотят иметь с нами ничего общего; так же, как оппозиция, сбиваются во враждебные друг другу стаи, и за каждой партией закреплен свой участок города. Есть

у них вожди, а самый крупный кот курирует большой магазин. Движения его тела, покрытого гладкой рыжеватой шерстью, ленивы и по-королевски торжественны, когда он медленно от вас уходит. С людьми этот народец не общается.

Однажды вечером подхожу к своему дому, мне наперерез мчит передовой отряд кошек, примерно десятка четыре особей. Все в одном направлении, все с одной идеей в голове. Что за идея, это загадка. Мне стало не по себе. Я остановилась и переждала этот марш внесистемной оппозиции.

Источник всей этой «котовасии» — люди. Уезжая домой, они бросали своих кошек на произвол судьбы, ведь с прививками и справками замучаешься, вот любовь и отступала.

Ну а Оля увидела одну кошку и решила ей помочь. Отряда кошек она не видела. Как-то мне объяснила, что не замечает того, что ей не нужно. А организованная оппозиция кошек ей без надобности.

Убегаю домой. Дома мочу простыню, заворачиваюсь в нее, ложусь. Через пару минут простыня хрустит сухостью с примесью песка. Одеваюсь, бегу к Кате.

Катя недовольно смотрит на меня, когда я жалуюсь ей на сирокко.

— Посмотри на маленького Кольку, он ничего плохого не чувствует. Значит, ты все придумываешь. Займись каким-нибудь делом. У меня лишние спицы, давай вязать.

От вязанья чувства начинают строиться. Сначала в один ряд — изнаночный, потом в другой — лицевой. Вяжу, вяжу, вяжу, и вдруг Катя предлагает пойти купаться. Коленьку оставляем на Игоря, заходим ко мне, и вот обе в купальниках и халатах, изнывая даже не от жары, а от какого-то дикого неуюта, тащимся на берег. Море темное, почти черное, и мелкие волны идут не на берег, а от берега. Заходим в воду, она неприятно теплая, наверно, сильно за 30. Выхожу из моря навстречу ветру и, пройдя четыре шага, понимаю, что купальник сух, пересушен до треска. Возвращаться в воду бесполезно. Чуть шипят песчинки, ударяясь в купальник, а открытые места кожи пощипывает. Нет, дома лучше. Недаром на пляже никого. Сумеречный полдень, всё небо — живая туча — как крошечные комары, летят и летят песчинки.

Дома снова заворачиваюсь в мокрую простынку и дремлю. Рассуждаю, люди же не сходят с ума. Ты просто истеричка. Надо было с утра лечь в постель и считать до 10 000 000, вот сирокко бы и кончился. Если не кончился, то обратный счет до нуля.

Сирокко прошел как дурной сон. Можно подумать о предстоящем отпуске. Впереди дорога домой. Прощай, Арабия. Что, можешь без родины? — Почти могу. Этот первый год давался трудно. Второй будет легче, наверно. Но поняла за этот год и в следующем году еще утвердилась: самое большое несчастье изо всех, что могут произойти со мной, это уехать из своей страны навсегда.

Вот выходишь из своего дома, навстречу тащится мужичонка с какой-то железякой, весь грязный, неопохмеленный и что-то бормочет на своем специфическом языке. Ты ж его понимаешь до последней ниточки. Всё, что внутри. Скверный это человек, или жестокий, или рубаха-парень, он как на ладони.

Или две толстухи на углу улицы стоят. Ты услышала обрывок фразы, и — всё. Картинка перед тобой. Не хочу сказать, что могла бы вступить с ними в контакт, но понимание дает полноту жизни, без которой и цветы не пахнут, и солнце не смеется.

Ну, что, можно про ностальгию? Каждый к ней относился по-своему. Сильнее всех на нашей кафедре страдал Амиран, математик из Тбилиси. Ностальгия его не прекращалась ни на мгновенье, несмотря на заботли-

вую жену и Гию, пятилетнего сорванца. Почти всё время на лице отражалось унынье.

Меньше всех ностальгия поражала армян. До Алжира мне казалось, что это одна грузино-армянская нация. Я невежественна в национальном вопросе, как большинство советских людей. Когда-то в общежитии на 13-м этаже знакомая девушка сказала мне, что она еврейка, и я поразилась, во-первых, потому что считала ее русской, во-вторых, потому что она об этом думает, и очень серьезно. Тогда мне казались русскими все, кроме двух индонезийцев и одного вьетнамца. С маленьким Ле Дин Тхинем я сидела за одной партой и непрерывно слышала шмыганье носом — бедный, климат ему не подходил. Вьетнамец учился на твердую четверку, а вот финн, позже появившийся в группе и казавшийся все равно с некоторым нюансом русским, оказался приличным проходимцем: если его вызывал преподаватель, со страшным акцентом выговаривал всегда одно и то же: «не понимать», хотя по-русски говорил прилично. Но мехмат не для авантюристов, и он вылетел очень скоро.

Так обстояли дела до Алжира. Теперь я начала видеть, что кроме русской существуют другие национальности, но быт у нас не соприкасался, на работе тоже редко встречались, так что отношения были ровными, а со сверстниками даже радостными. Но во время сессии у меня произошел конфликт с азербайджанским коллегой. Он неожиданно и очень настойчиво требовал, чтобы я поставила одному моему студенту положительную оценку. Он был шокирован моим отказом, я расстроена его настойчивостью. Я знала, что азербайджанцы «человечны», когда-то случайная знакомая из Баку рассказала мне, что у них в городе в метро никто не может положить свой пятачок бездушному автомату, все отдают контролеру. Но на работе «человечность» все-таки ни при чем, хотя теперь, в новое время полного всего извращения, просьба в корпоративном сообществе считается обязательной, даже если при этом нарушаются общепринятые нормы. Население всех офисов — «азербайджанцы».

Каникулы.
LES VACANCES

Ночь была ночной, а земля не земной. Часов в двенадцать ночи над дальним краем озера бесшумно вознеслось яркое зарево и сияющим столбом простояло некоторое время. «Байконур. Запуск», — объяснил кто-то.

Всё, небо погасло, из всех его щелей вылезли спелые блестящие звезды. Они окружали нас со всех сторон, так что земли больше никакой не было. Озеро тоже не существовало, только слышался слабый шелест волны. Мы с Лизаветой лежали на раскладушках у самой кромки воды, в которой мерцали те же самые светила. Звезды оставались на небе недолго. Сначала пролетела одна, прочертив в небе волосинку следа. Потом с другой стороны корябнулась вторая под острым углом к первой. И пошло. Лиза молчала. Я закрыла глаза, спокойствие и уют среди падающих звезд становились непреодолимыми. Мы уже спали.

Когда через две недели в Москве я пришла к своему Ване, он спросил: «Как там?»

И я начала про озеро на Алтае:

«Налево плоские камни, направо плоские камни, а перед тобой огромное море воды, такое большое, что кораблик, идущий в сторону Китая, кажется игрушечным.

Но самое фантастичное — соседние берега. Там нет ни травы, ни кустов, только черные каменные жерла конических башен. Каменные голые башни — это горы. Такие берега человеку не выдумать, возможно, ино-

планетяне нацелили в небо батареи орудий. Во всяком случае, никакого ляли-люли. Строго по-китайски.

Такой мы увидели местность сразу после приезда на week end. Огляделись и разбрелись по берегу, для каждого, у нас с Лизой на двоих, нашлась своя с теплой водой бухта, закрытая от других, с плоскими камнями для лежания. Вернувшись к общему костру, мы обнаружили хозяйствующих сусликов. Увидев нас, они, готовые познакомиться, встали на задние лапы, доброжелательно опустив передние, напоминая своим видом внимающих начальнику подчиненных. От тактильного контакта отказались.

Но самое главное, для чего нас на выходные принесло на озеро, это рыба. Лиза, борец за права плавающих в воде, объявила, что ловить рыбу — бесчеловечно. Беззащитных убивать — грех. Но в пять вечера вода закипела от поднявшейся голодной рыбы. Наши мужчины отплыли на лодке метров двадцать от берега и таскали жирных лещей одного за другим. Помельче пошли на жарку, покрупнее на засолку. Девушки не остались в стороне, собрались в кучку под предводительством шофера Коли. Удочек хватило всем, даже Лиза в конце концов удила. Нам, бросавшим лески с берега, попадалась только мелочь, которую тут же возвращали в озеро. В кипящей воде поплавок тонул мгновенно, рыбки брали в рот крючок вовсе без наживки, силен в них когнитивный инстинкт.

Жареная рыба, вкус ее, запах совершенно обезоруживают борцов за права сестер наших младших. В сущности, права рыб в восприятии нашего коллективного разума не отличаются от прав человека. Если людям надо убить людей, естественно из благородных соображений, права человека исчезают, как мыльные пузыри».

Выслушав рассказ, Ваня уточнил:

— Да нет. Как Африка?

Я махнула рукой:

— Что Африка? Вот Алтай!

А начиналось всё так. Сначала я и Лиза в пять утра сели в катер на подводных крыльях и до десяти вечера плыли из Усть-Каменогорска до Зыряновска. Мы не взяли с собой еды, поэтому усердно изучали технику преодоления шлюзов. Потом автобус, и в ночь на субботу мы на месте. Утром после завтрака не спеша погрузились всей командой в наш экспедиционный грузовик и отправились за грибами в сторону большого Алтая. Проселочная дорога то карабкалась на холм, то съезжала в низину. И вот, в очередной раз поднявшись повыше, мы встали. Перед нами, сколько хватало глаз, шло бесконечное мертвое пространство тайги после пожара. Холм за холмом, взлеты и провалы — все было черным с колоннами обугленных стволов.

Повернули обратно, вышли из машины, но ничего собрать не успели. Свинцовое небо осветилось молнией, грохнуло, большие капли тут же сменились проливным дождем. В открытой машине в потоках холодной воды устремились назад в свою избушку.

В воскресенье я не могла ни согнуться, ни разогнуться, больно даже шевелиться. Положили меня на доски раскладушки. Ночь пролежала, а утром, в каждом шаге выбирая менее болезненное положение ступни, поплелась в больницу. Врач предложила лечь к ним подлечиться. Это было ослепительно — остаток своего отпуска провести в бревенчатом фельдшерском пункте. Сделала мне укол анальгина, и я, по-прежнему согнутая, на цыпочках пошла обратно. По дороге надо было пройти по мостику. Хорошенький свежеструганный мостик. Сделав по нему несколько шагов, я вдруг выпрямилась и спокойно пошла на всей ступне. Никаких воспоминаний о боли. Слава тебе, сельский врач, сельская больница и свежеструганный мост.

И еще одно приключение, что-то вроде экскурсии, организовали геологи, взяв меня в шахту, не в ту, которая рядом, а в дальнюю, с которой у них договор.

Сначала долго переодеваемся, и вот мы под землей. Слава богу, вода не заливает сапоги, но идешь не по лужам, а по воде. Вода льется со стен, почти полная темнота. В клубах пыли, в адском грохоте комбайна единственное, о чем думаешь, как поскорей отсюда выбраться. Между прочим, маркшейдером в этой шахте работала женщина. Не просто провести в этих условиях хотя бы час, а трудиться день за днем?

Условия труда, по-моему, не изменились с 1725 года, с петровских времен, когда тут начались разработки. Да ещё в некоторых шахтах добывают свинец, значит, работа особенно опасна, но молодой шахтер, с которым мы разговорились на обратном пути в машине, не собирался уходить, скорее наоборот, был рад тому, что работает в таком месте, где высокая зарплата.

Для меня это знакомство с жизнью осталось в памяти экскурсией в ад. Изменился мой взгляд на шахтеров, на тех, кого я видела каждый день, ведь рядом с нами, у подножия горы находился вход в шахту. Первую ночь, еще не разобравшись в обстановке, я увидела вдали и вблизи двигающиеся огоньки. Тогда мне и объяснили, что по ночам группы шахтеров с лампочками на касках выходят на поверхность и идут домой, им на смену подходят другие.

Конечно, подумать, будто ты что-то понимаешь в местной жизни, это самообман, народ сам по себе, мы — сами по себе. И только Екатерина Аверьяновна становилась частью нашей жизни, нашей опекуншей — завтракать, обедать и ужинать мы ходили к ней на соседнюю улицу. Домашняя еда милой женщины, всегда приветливое ее лицо; никаких изысков, но суп очень вкусный, а разговор спокойный и добрый. С ее же помощью мы отправили в Москву на платформе вместе с мешочками керна — казенным имуществом — еще и бидоны меда, смородинового и малинового варенья.

Итак, мы жили в брошенной избушке по соседству с горой-шахтой. Всего-то нас было семеро: три геолога, техник, шофер, девочка-техник и я. Лиза, моя подруга, не в счет. Она приезжала за собственные деньги, а не на работу, как я.

В избушке жили все, кроме Глеба. Его палатка стояла от нас метрах в пятнадцати. Первые дни я не обращала на нее внимания. Ел он с нами, вместе со всеми ездил на работу, но в избушку не заглядывал.

Глеб был старше всех, маленького роста и такой узенький, что одежду, скорее всего, покупал в детском магазине. Игрушечный старичок с большой бородой. Борода темно-рыжая и такая густо-кудрявая, что невозможно представить себе, что ее можно расчесать, а за обедом в ней комфортно помещались кусочки капусты. Чем занимался Глеб вдали от всей жизнерадостной компании, мы не интересовались. Но пошел затяжной дождь, работы ни у кого не было, и я постучалась к нему в палатку. Он откинул полог, и пахнуло плесенью. Я вспомнила, что от Глеба всегда шел несильный, но похожий запах. Увидев меня, он сначала смутился, но очень скоро обрел себя. У старичка были голос и интонации восторженного юноши:

— В полярной экспедиции меня держали, потому что я не уставал всем восхищаться и ради этого восторга готов был терпеть любые трудности. Ты бы знала, что такое северное сияние! От этого невозможно оторваться, душа начинает петь и лететь, петь и лететь.

Я, увидев в углу на потолке паука, спросила, не хочет ли он убить его.

— Ни в коем случае, — воскликнул он с энтузиазмом — это мои лучшие друзья. Без них я бы здесь погиб. Меня съели бы мухи, комары и другие враги.

Конечно, наша избушка не ахти. Она еле держалась, стены покосились, а пол с веселым головокружительным наклоном старался подпихнуть нас в самый неожиданный момент. Но жить одному с пауками — на это у него свои причины, наверное. Мне стало интересно приходить и слушать его восторженные рассказы, но принять всё это близко к сердцу, привязаться к его оригинальности, нет. Я человек тупого, плоского общества, ценящего свой минимальный комфорт.

У нас покоя не бывает. Техник Люся только что кончила школу и всех очаровала. Если она была дома, то ее заразительный смех раздавался сразу во всех комнатах. Мы знали, что живет она с мамой, и на первую получку, на всю, купила ей духи. «Да, — ее большие карие глаза блестели восторгом самопожертвования, — пусть не хватает чего-то нужного, но любовь всего нужнее».

Мужская часть партии заглядывалась на маленькую сотрудницу с пухлыми щечками. Выбрала себе геолога Лёшу, одиночество которого с первого взгляда определялось высшей категорией. Его почти белые глаза замечательно светились, выражая одновременно удивление и осторожность. Пронзительный взгляд self-made добряка и тайного агрессора.

Люся ежедневно с утра выливала на него поток нежности, как дрессировщица на вновь поступившего тигра, и Леша к полудню подтаивал. Если выдавалась свободная минута, Люся хватала робеющего Лешу и тащила на гору. Оттуда слышался звонкий девичий хохот. Это означало, что мне идти туда гулять не следует.

Эта гора сосредоточила всю мою любовь к Алтаю, оставаясь до сих пор ярким и разнообразным воспоминанием.

Но дальние горы тоже манили нас. Однажды мы с Лизой решили подняться на самую большую гору, от нас она виднелась в той стороне, куда мы неудачно ездили за грибами. Вершина казалась невысокой и вполне достижимой, но мы не дошли и до половины пути. Лиза назвала эти заросли бушем. Хотя я при слове «буш» слышу, как арабы почти радостно произносят «бушЭ», то есть сделать ничего нельзя — в доме засор спуска канализации. Местный буш тоже не из приятных. Цепкие кусты держали намертво. С трудом выдернув из плена ногу, следовало сосредоточиться, чтобы не попасть в невидимую яму. В этих зарослях нужен топор, а к топору мужчина, прорубать путешественницам путь.

Когда Лиза уехала, я бродила уже одна. По утрам все наши уезжали на работу, я оставалась одна. Мне было поручено обрабатывать на железном «Феликсе» результаты испытаний керна по молотку (испытание породы на прочность). «Феликс» — это марка маленькой железной счетной машинки, смешно верещавшей при работе. Задание небольшое, и я с утра отправлялась в поход. Несколько шагов — и начинается подъем. С первого раза, как поднялась, я поняла, что попала в заколдованную страну. Только выходишь наверх, как тебя встречает лошадь. Первый раз от неожиданности я испугалась, зачем она здесь и что обо мне подумала? Она мгновение смотрит на меня и, неспешно кивнув головой, продолжает свой путь. Иду по тропе по верху холма. Кругом высокая трава, а вот и опять лошадь. Кроме головы, ничего не видишь, но светлая грива шевелится, снова кивок. Еще раз встречаешь лошадь неожиданно совсем рядом. Она тоже кивает тебе. Конечно, это не корова, рогов нет, но почему такая большая и так близко. Через несколько дней привыкла — свободно гуляющие лошади, пусть со связанными ногами, это часть населения Алтая.

Перевалив на другую сторону, обнаруживаешь, что весь склон покрыт смородиной. Черная смородина еще совсем бесцветная, а вот красная, если встать ниже кустов под полог деревьев, то увидишь, как в лучах солнца краснеют тысячи сияющих маленьких бусин.

Однажды досидела наверху до сумерек. С утра в небе веселились маленькие облачка с мелкими кудряшками, а к вечеру большие мрачные огурцы-переростки с подгнившими нижними боками населили небесные грядки. Верно, веселье кончилось, наступило раскаянье. Те, что с кудряшками, улетели, а каяться за неуместное веселье будут эти темные, нескладные. Они меня ни в чем не упрекали, просто пришли и встали в караул.

Тропа твердая, утоптанная, закрытая со всех сторон высокой травой, еще одна лошадь кивнула, исчезая. И тут меня засекла сова. Она делала круги и, чтобы не выпустить живой предмет из виду, поворачивала голову на цилиндрическом туловище. Мне стало не по себе, и я поспешила домой, тем более что быстро темнело. Я, слава богу, не мышонок, а вдруг сядет на голову. Зачем она так ко мне внимательна?

Алтай остался солнечным воспоминанием, и, пожалуй, самым главным там оказалась свобода. Я ходила одна всюду, только усталость могла меня остановить.

В Алжире даже в кампусе такого не было. Я не понимала этого до тех пор, пока не подверглась нападению.

В ту пору я каждый день бегала, в Москве по стадиону, а в Бумердесе выходила на холмы над морем и бегала сколько хотела. Но однажды из-за кустов выскочил странный арабчонок, не похожий на наших студентов. На нем был черный, какой-то потрепанный похоронный костюмчик, каких в нашем городе не носили. Расставив руки, он вдруг схватил меня. Я закричала, но шум моря заглушал все звуки. Он закрыл мне рот своей грязной ладошкой, и тут я со всей ненавистью укусила руку. Он отпустил, и я выскочила к морю. Там стояли на коленях трое арабов — было время молитвы. На меня они не обратили никакого внимания.

После этого случая стала бегать по дорожкам между виллами, потом на маленьком стадиончике между батиманами. Но это уже не дотягивало и до четверти счастья бегать на высоком берегу моря. С ограничением свободы мирилась тяжело.

И вот Алтай, вольный край бесконечной доброжелательности. Это и есть родина, шахтерский край, если забыть про шахты, прекрасней всей Африки.

И снова Африка.
LE RETOUR EN AFRIQUE

Меня целовать приходил муравей.
Песок загребая то в горсть, то в охапку
И плотно напялив купальную шапку,
Я стала невинной, как мой Водолей.

Мы съезжались после каникул с конца августа до середины сентября. Катя, Коленька, Игорь — все остались в Москве. На нашей кафедре несколько новых преподавателей.

Это было время купаний. Море теплое, ветер холодноват, но купаться и ходить вдоль моря — кайф. Так, в одну из пятниц, а у нас вместо воскресений пятницы, мы со Славиком, положив что-то на перекус в мою пляжную сумку, она же пляжный коврик, отправились в поход в сторону Фигье. Поднялись по тропе на скалу и, увидев внизу хорошую бухточку, решили спуститься. На полпути к морю услышали: «Мама, мама, идут совьетИки с большим панье». Панье — по-французски корзина и вообще любая сумка. Французы любят в магазин и в другие места ходить с настоящими плетеными корзинами. Мама с девочкой, мельком на нас взглянув,

как-то исчезли из виду. Мы прошли по камням чуть левее, бросили свою панье-сумку и пошли плавать.

Близкая скала, с которой мы спустились сюда, загораживает солнце. Тень так глубока, что вода кажется темно-фиолетовой, чернильной. После первого шага по торчащему из воды плоскому камню надо нырять. Вода прохладная и очень чистая. Если сравнивать с черноморской, она плотнее. Поддерживает тебя на поверхности со всех сторон и неохотно пускает внутрь. Этому я удивлялась в прошлом году, а теперь вроде так и надо.

Выплываю на солнце. Теплеет, зависаю на месте и смотрю вниз, в воду. Подо мной неровные камни, светлые, облепленные черными комками. Расстояние до них около полутора метров. Чтобы это могло быть? И тут начинается отлив, вода быстро уходит. Ба, да это морские ежи, уколы этих иголок болезненны и долго не заживают. Еще пара минут, и черные иглы вонзятся в мой живот. В панике забила руками-ногами — к берегу, к берегу.

Солнце уже осветило часть нашей бухточки, со всех сторон защищенной от осеннего ветра, и мы, пожевав бутерброды с сыром и хлебнув воды из бутылки, улеглись на солнце на большой теплый камень. После возвращения я уже чувствовала себя привычно, как раньше, но не до такой степени, чтобы можно было сказать: «Я дома». Все вокруг казалось удобным, но не родным. Не то чтобы ностальгия начала жевать меня, нет, но вся окружающая природа, все люди — всё скользит по поверхности твоей души, не имея возможности проникнуть внутрь. Это не печально, не весело — никак. Вот и живешь в никак.

Рядом с моим ковриком Славик устроился на полотенце, и, когда я перевернулась на живот, попала ногой в его коленку. Да так и осталась. Я почувствовала спокойствие и веселую уверенность в себе. А может быть, медитеранэ́ — это счастье? Хоть на второй год перестанешь нервничать? Слава не шевелился. Потом солнце припекло, и я отменила прикосновение.

Это приключение не имело продолжения, наша дружба протекала спокойно и величественно. Я ни о чем не думала, ведь наверняка у него после Кати есть какая-нибудь поклонница из того же семейства энергичных девушек. Не может быть, чтоб у такого завидного парня, футболиста-вожатого, не было тайной любви. Я при всем при этом служу костлявой ширмой.

Прошел уже месяц новой жизни, мы с Костей и семьей снова гуляем. Выйти за пределы города — это такое редкое событие, что кажется глотком свободы, побегом. Полное общение с природой бывает, только если ты одна с солнцем, деревьями и травой. В наших прогулках так это и осталось в памяти. Вот яркий запах анисовых капель. Наклоняюсь — белая луковица, собрание толстых стеблей. А вот запахло чем-то знакомым. Наверно, какая-то маленькая травка вроде чабреца, но не чабрец. Так пахло в степи Иссык-Куля? Или на Широтной станции Узбекистана на 38-й параллели? Теперь я понимаю, что Костя, Света и дети были настолько милыми и чуткими, что мы могли помолчать так, будто каждый в одиночестве вписан в эту траву, в эти невысокие деревья с оранжевыми плодами.

И тут неожиданно, — дети ушли вперед, — Костя говорит:

— А я вчера завкафедрой назвал. Никого на кафедре не было, а он передо мной долго ныл, кис и вонял, я ему и высказал: «Говно вы, Анатолий Георгиевич».

— Погоди, Костик, прошел всего месяц, а ты уже определение даешь. В конце семестра, возможно, окажется, что он совсем, совсем другое, — говорю я в задумчивости.

Светлана печалится:

— Герой. Герой. Тебе что, в Москву захотелось?

— Не горюй, слушай дальше. Он заседание кафедры объявляет, будем коллективно со всех сторон обсуждать вопрос: «это» наш зав или не «это».

— Ты в Москве таких шуток не откалывай. Работы не найдешь.

— И резолюцию вынесем, пусть говно, но специалист хороший, — это я.

Солнце светит, земля краснеет, лимоны зреют и падают. Иногда в карманы мальчиков.

Если вы заметили, что зав кафедрой математики уже не армянин, то вы меня не разоблачили. На втором году моей тамошней жизни заведующий уже другой.

Много новых людей. Многие исчезли. Жизнь идет своим чередом. Вот Костя с Аликом оказались коллегами, то бишь рыбаками. Лучшего «дела» из дома законно слинять никто не придумал.

Ночь. Темнота, моря не видно, но, если лицом повернуться к морю-небу кромешному, чувствуешь мокрое, черное и живое. Вдруг колокольчик звякнул — клюет. Кто это? Что это? — Змея. Свиваясь, к морю ползет. Еле справились всем коллективом. Назвали змеюку угрем, в ведро положили. От мрака морского, из неба густого вверх к свету, к огням батиманов внесли триумфаторы зверя. Женщинам на руки сдали чудо морское в звании рыбы. Женщины рыбу приготовили и устроили праздник еды и поминок по чуду морскому, угрюмому змею.

А как за грибами ходили, вернее, ездили куда-то за Фигье. Хотя это в апреле уже, небольшой компанией, человек восемь.

Вдоль моря дюны песчаные, сосны, под ними маслята. Конечно, все больше труха-старики, похоже, на всем континенте других грибников, кроме нас, не сыскать. Малышек, в песке перемазанных, всё же хватит на всех. Разбрелись, море бурное там, за грядой, за сосной, расшумелось, а здесь мы и грибы, словно дома.

Алжир.
ALGER

Итак, после отпуска я снова в работе. Нагрузку дали вдвое большую, чем в прошлом году, но всегда можно выбрать время спуститься на пляж. Наверху перед спуском высматриваю, кто из знакомых пришел купаться. И тут замечаю очень стильный халат, конечно, Аннета. Она уже уходит. Сзади, не менее живописно одетый в какой-то восточный балдахин, шагает незнакомый мне человек с ее сумками. Она движется под большим голубым зонтом медленно и неизбежно, как корабль под надутым парусом, а он, маленький, худенький, тычется слева-справа, слева-справа, потом некоторое время идет на постоянном от нее расстоянии в пять шагов и кажется спасательной лодочкой, привязанной к борту корабля.

Она поздоровалась со мной, представила спутника-шерпа: «Серафим», позвала зайти.

Я зашла на следующий день, — и вот снова знакомая вилла. Никого, кроме Ани, Дима остался в Москве, ведь в школе нет восьмого класса. Лицо подруги начинает плакать без слез.

— Нет дня и даже часа, — начала она, — чтоб сердце не сжалось, как Дима, не случилось ли чего.

— Что Оля? — спросила я, чтобы переменить тему.

— Оля сама по себе и всё про себя знает.

— Хочешь сказать, что она тебя забыла?

Аня посмотрела на меня озадаченно, помолчала, потом ответила:

— Кстати да. Памятью она не отличается.

— А может быть, у нее интенсивная внутренняя жизнь, и на глупости она не может отвлекаться.

— Я, думаешь, для нее мелковата?

— Не передергивай, она тебя любит, ты знаешь, но ее, возможно, гложет какая-то большая обида, или несчастье, или что-то стыдное.

— Стыдное у Оли? Ты с ума сошла, она же ангел.

— Думаю, ангелы стыдятся больше других. А может, она просто не включает память. Живет сейчас и не хочет, чтобы это «сейчас» повторялось. Память — это такая тяжелая, мокрая, прилипчивая глыба глины, ты ее тащишь, тащишь и думаешь, что это бриллиант.

— Нет, но моя память — и есть я.

— Конечно, от нее и вся благодать, но не слишком ли дорого? Вот Оля ничего и не хранит.

— Не хранит? Хорошо. Я тебе немного расскажу про Олю. Только смотри, нигде никому.

— Да с какой стати?

— С любой. Когда они только приехали, два дня она жила у меня: что-то там с виллой. Хорошо мы эти дни прожили, но дело не в этом. Видно, как-то вызрело у нее, захотелось исповедоваться, короче, рассказала про себя. — Аня отхлебнула кофе и долго сидела молча.

— И что?

— Ну, она про это не говорит никому.

— Так что?

— Мы после этих долгих разговоров у меня на вилле сблизились очень. Она оставила дома с бабушкой десятилетнего сына. И всё как-то очень тяжело.

— Так я-то ей в общем чужая. Сочувствовать не получится.

— Конечно, похоже на мою проблему. А у тебя? Безразличие — сестра беспамятности. Чаще всего из безразличия и глупость растет.

— Спасибо.

— Не правда разве?

Вдвоем мы сидели уже около часа, когда Аннета достала письмо и протянула его мне. Я начала читать.

«Ты снова в Африке, так ко мне и не зашла. Давай, давай лети, птичка. У меня такой характер, хочется того, чего нет, я думаю, большинство людей так. Ты про меня ничего не знаешь.

Когда года через три после окончания Губки понял, что я художник, послал свое техническое образование. В Африку попал по жесткому знакомству. Не то чтоб в живописи разочаровался, нет, скорее наоборот. Мои картины ценят знатоки и маршаны. Эти жуки приходят, приводят клиентов, и те берут. Мои картины теперь разлетелись по частным коллекциям Южной Америки, Европы, Азии. Меня в журналах называли гением. Я гений, да. Спокойно, так случилось, но я еще талантлив, черт возьми.

И вот за два года до Африки мне и еще двум художникам предложили сделать экспозицию и провезти ее по Нью-Йорку, Парижу, Токио. Мы собрали лучшее, еще денег собрали — и всё. Ни картин, ни маршанов. Вот тут меня и начали грызть всякие язвы, и глушить стал водкой. Ну, дальше знаешь мою Африку. Получилось, что получилось. Теперь в Москве начал работать, кое-что продал. А ты, негодяйка, не пришла ко мне. Я же твой портрет по памяти нарисовал. От моих портретов искусствоведы балдеют.

Да, ко мне приходит Катька. Приносит еду. Так что с голоду не умру. Она ничего. Только спивается.

Картина, что я так радовался, когда ее закончил, пошла не за пол-литра, нет, всего лишь за чекушку. Я выпил, ободрился, уснул, но проснулся тотчас в белом мраке. И белое не снег, не простыня, а просто шлейф небытия.

Принцесса Смерть неспешно удалялась. Я с ней вот только что встречался? Моя картина вспомнилась. Так, значит, все взаправду?

Не пугайся. Приезжай. Твой».

Помолчали. Я не знала, что ей сказать.

— Не нравится мне все это — тихо проговорила Аня. — Конечно, последний абзац придуман для красоты. А может, все до этого придумано тоже… Про Катю точно придумано. Спиться она не может. Скорее, он спивается. Решила, письмо уничтожу и думать о нем забуду. Тоже мне Гоген.

— Путаешь, он Боттичелли… А что за спутник был с тобой на пляже?

— А, Серафим. С мужем как-то пришел и остался на обед. Показалось, что он умеет чувствовать: помню его лицо, когда я говорила про разлуку с Димой. Сочувствие было мимолетным, а мимолетность подделать нельзя.

— Конечно, если начнешь притворяться, то в поисках совершенства подделки займешь ощутимый кусок времени… Итак, ты принялась его очаровывать.

— Никого я не очаровывала. Мои мужички выскакивают на меня как детская неожиданность.

— Ты хочешь сказать, что он скорее нежелателен, чем желанен?

— Ты зануда. Я хочу сказать только то, что сказала. Мне без Димы плохо, вот и вращается спутник. Пусть ты не думаешь об этом, всё равно общение — это жизнь.

— Правильно. Это когнитивный процесс в высшей степени. Самопознание.

— Тьфу на тебя. Вечно ты ледяной водой меня окатишь... Даже если хоть чуть тебя собеседник задел, порадовал, уже счастье, а если вдруг в нем видишь своё, что-то глубоко в тебе зарытое… тут уж от него не избавишься. Это уже основа любви. Любовь — это не секс, это обретение твоего сокровенного в другом. И тогда вырвать этого собеседника из души можно только вместе с душой…

— Имей в виду, подвиг самовнушения величественен и бесплоден. Я не только про любовь. Если человек внушил себе, что он великий художник, гений, то один шанс из тысячи, что он станет публичным гением, а девятьсот девяносто девять — умрет как псих. Только у любви в случае появления ребенка есть оправдание. Но тогда любовь не обязательна.

— Нельзя рожать от нелюбимого. У ребенка будет чужая кровь, и, сколько бы ты в нем не видела себя, чужая кровь поднимется и — захлестнет.

— Не буду, не буду рожать от нелюбимого. Я бедная, бедная, бедная Лиза.

— Это что?

— А если твой «сокровенный человек» уже прошел мимо?

— Ну, ты-то. Выходи замуж хоть за табуретку. Влюбись в первый попавшийся диван. С ребенком-пуфиком — справишься. Ты же позитивист.

И она процитировала:

— «И проскрипел капустный лист: позитивист, позитивист…» Это Виталик.

Я поправила, что в оригинале не позитивист, а примитивист. Потом добавила (наверно, муж-диван мне не понравился), что автор отнюдь не Виталий, и, увидев в ее глазах мольбу о пощаде, запнулась… Но тут выскочило:

— По Виталию тоскуешь?

— Нет. Ни о чем вообще больше не переживаю. Всё ушло в сны. Так всего много происходит во сне, что я иногда не могу понять, наяву это со мною или приснилось.

Даже по самым что ни на есть мелочам сны впутываются в жизнь. Например, вчера утром, проснувшись, считала, что ключи от виллы потеря-

ла, переживала, что кто-то специально взял или обронила, и асма подобрали рядом с виллой. Позавтракала, к одиннадцати часам полегче стало: ну, потеряла и потеряла. Смирилась. Потом подхожу к шкафу, где сбоку они всегда висят, а они на месте. Значит, я их во сне теряла. Чего только не снится — и про Диму, и про маму. А наяву вообще стала забывчивой, дня два назад что-то произошло, я, если вспомню, думаю об этом так, как будто было в прошлом году…

Аня задумалась и продолжила:

— Вся жизнь моя такая: только вроде все в голове улеглось, вот это так, а это так, как тут же, не прошло и недели, прежние «так» улетели на небо, а вместо них этак, этак, этак. Где причина, что хорошо, понять не получается, хоть плачь. У разбитого корыта.

Наконец призналась: ее гложет, что не сходила к Виталию. Как приехали в Москву, сразу отправились втроем в путешествие на пароходе, вернулись — собираться надо. А главное, все силы ушли на расставание с Димой. Только здесь, когда нельзя увидеть Виталия, начались угрызения совести, как она мне объяснила.

— Ведь он хуже Димы ребенок, — сказала, — за ним надо смотреть, а то, как в Бумердесе, потеряется на окраине Москвы, и никто его не найдет.

В тот день Аннета показалась мне измученной. Уж не депрессия ли?

Верховный колбасный совет. LA PREDICTION

Зашла к ней через неделю. Только села, Аннета воскликнула:

— А… вот и Серафим.

На веранде показался тот самый молодой человек с пляжа, теперь он выглядел неброско, но изысканно, и молодым его назвала бы с большой натяжкой. Рядом с ним шел сутулый, невзрачный человек с незапоминающимся лицом. Аннета еще раз представила своего друга. Оказалось, что у него другое имя, но с Серафимом он успел примириться. Рекомендовал нам второго гостя как великого человека Владимира из администрации контракта.

Пили чай с пирожными, мужчины то и дело выходили покурить, Аннета в их отсутствии спросила: «как»? Я призналась, что Серафим типаж чужой, очень манера говорить ненатуральная, чересчур «культурная», прямо до приторности.

В самом деле, с первого взгляда его лицо показалось мне каким-то стертым, если его подкорректировать, оно, наверно, стало бы даже привлекательным, но неприятное выражение заставляло рассматривать его пристрастно: один глаз чуть-чуть сполз, а все лицо, пожалуй, кроме хитрости, ничего не выражало. Позже так и оказалось, этот фарш, как крошка Цахес, всегда говорил такое, что наилучшим образом воспринималось собеседниками.

Аннета достала бутылку, ценную, московскую, беседа оживилась. Серафим долго хвалил друга, называл его провидцем и провоцировал на разговор, — Владимир отмалчивался. Заинтригованная Аня, не теряя естественности, жестами, мимикой ли у меня на глазах изменяет нашего гостя, — и Владимир сначала нехотя, потом увлекаясь начал рассказывать. По его словам, нас ожидала реставрация. Мы спросили: надолго?

— Читайте историю французской революции, — ответил, — лет на 30–40. Хотя думаю, в нашей стране может быть и меньше. Ведь мы не французы. Посмотрите, западный обыватель, выйдя на пенсию, считает себя на заслуженном отдыхе: жизнь удалась, теперь надо наслаждаться. Русский, чувствуя, что силы уходят, остановившимся взглядом смотрит на свою

жизнь как на неудачу, катастрофу. Видение смерти уничтожает значение всех его дел. Жизнь не сложилась, я ничтожество. Вспомните арзамасский ужас, когда Толстой вдруг увидел перед собой смерть. Русские люди и интеллигенция в первую очередь до последнего вздоха мечтают о чем-то справедливом, значительном. Вот поэтому наша реставрация долго не продержится. Трудно представить, что богатство для нас может стать достойной целью. Может быть, это наше православие так укоренилось, а возможно, все нашествия: придут татары, поляки, французы, немцы и всё сожгут.

Я вспомнила Катерину, для неё и ребенок представлялся не такой уж ценностью, ей, рожденной для великого, необходимо было поле деятельности: необыкновенный мужчина, невероятные обстоятельства.

«А что после реставрации?» — мы его спросили. Ответ был: «Снова, на другом витке, социализм».

Аня в ужасе:

— Что, социализм по всей земле? Американская социалистическая республика?

Мы втроем посмеялись над ее страхом, а Серафим, поддержав разговор, вроде шутил:

— Нет. Америка думает, что нет ценности, кроме колбасы, и её колбасный отдел — лучший в мире.

Владимир кивнул:

— Да, что-то вроде. Об Америке или хорошо, или ничего.

— А как же демократия — каждый думает по-своему, и никаких тебе запретов? — спросила Аня.

— Ну, это выдумки, а что кажется несомненным, — негромко продолжил Владимир, — наша реставрация послужит толчком к деградации Запада. Это значит, в нашей, как и в западной, культуре не останется никаких ценностей, кроме, грубо выражаясь, колбасных. За них будут убивать, за них предавать родину. Но самое главное, в личной жизни люди будут готовы жертвовать за кусочек сосиски всем, включая собственных детей.

— Что конкретно вы имеете в виду под колбасой? — спросила Анна, при слове «дети» сразу посерьезнев.

— Капитал, в любом виде, — ответил Владимир, — каждый человек готов будет поменять мнение по любому вопросу, если его поманят некоторой суммой. Наука в таком обществе вторична, ведь всё стоящее делается всегда самозабвенно, для чего-то высокого, не за деньги; с другой стороны, капиталистам наука, искусство сами по себе как собаке пятая нога, принесут ли они прибыль — вот что важно. Автоматически замедлится развитие науки, а искусство деградирует в сторону безобразия и уродства, успешного унижения человека...

— И все провозглашают: да здравствует колбасная цивилизация. А командует всеми верховный колбасный совет, — разошелся Серафим.

— Впрочем, каков бы ни был социальный строй, европейская цивилизация обречена. — Все глаза обратились к Владимиру, Серафим насмешливо улыбался. — Знаете, почему? Потому что нет зрелых людей. Зрелых бандитов — сколько угодно, а нравственно зрелых людей, способных взять на себя ответственность, всё меньше и меньше, и вот, простые люди и правители — все дети, они ведь не знали настоящих трудностей… кроме гнусных. Отсюда нежелание иметь потомство, отсюда агрессивность. Дети всегда решают проблему радикально: совочком по носу — и проблема решена.

— Да вы поэт-сказочник, — это Аня, — сказка про малютку с атомной бомбой.

— Нет, Владимир — философ-футуролог, завел нас в сказочный мир колбасы, — сказала я.

Владимир признался, что изучал реставрацию прошлую и будущую в специальном институте. У меня сразу подозрение: осторожно, а то будет нехорошо. Для меня все гуманитарии — это люди идеологии, не то что наш брат математик. Мы, не ввязанные в социальные битвы, близки к природе и лепим в разговоре всё, что в голову приходит. А как Анна, чувствует ли опасность? Но заговаривать с ней об этом я не буду.

В этот момент она вышла на кухню, я осталась с гостями. Говорить было не о чем, и, обратив внимание на горшок с цветком, я заметила, что у Ани получается вырастить любой цветок, она с ними умеет обращаться.

Тут Серафим стал нудно объяснять, что цветы — живые существа. Что они, как люди, все чувствуют, все знают.

— Даже про реставрацию? — спросила я.

— Вам, грубым, грубым, грубым математикам, не понять тонкую душу Анны и любого гуманитария.

— Нет, — я ответила, — мы грубы только два раза, на третий переходим к делу.

Владимир одобрительно на меня посмотрел, похоже, «друг» и не друг вдруг, а Серафим продолжил про наше родство с цветами.

Владимир парировал:

— Ты вот вегетарианец, не ешь животных, а чем же растения, такие умные родственники, перед тобой провинились, что ты их ешь? Корова может убежать, дать тебе в зубы, а морковка — сама скромность, сидит себе, только хвостиком помахивает, не подозревая, что ты на нее глаз положил.

— Тогда что же есть, — над вопросом Серафима я задумалась. Но Владимир с ходу парировал:

— Минералы, инфузории туфельки вместо пирожных, а слышали, из нефти икру делают — черную, красную…

— И кабачковую, — добавила я, — а на улицах канаты натянут, чтоб людей ветром не уносило.

— Да, когда человек съест последний пучок травы, выйдут ангелы с трубами и протрубят новое время.

— Обязательно выйдут.

Так мы с Владимиром поняли друг друга.

Серафим вышел помочь Анне, некоторое время мы помолчали, и Владимир, казалось, продолжил мысль:

— У гуманитариев в запасе множество преимуществ перед вами, но здравый смысл, как правило, отсутствует. Вы математик, поэтому не потеряли способности мыслить логически. Вы поймете… Так вот. Население земли растет, и скоро никакая система управления, кроме подобной нашей, не справится. С этой точки зрения, как на нашу страну ни смотреть, кривой, косой у нас социализм, но это — будущее земли, и реставрация — падение: чем дольше она продлится, тем гуще темнота.

Тут появилась Анна со своим спутником. Серафим нес блюдо с мясом и артишоками, и серьезные темы больше никого не волновали.

Дома, вспоминая разговор у Ани, я решила, что насчет социализма, скорей всего, заблуждение, чересчур линейное сравнение с французами. А Серафим одно из двух. Первое, он не умен. Второе, может ездить только по рельсам, так и идет стальными путями. Возможно и третье, это естественное объединение первых двух.

У меня вообще не вызывают доверия идеи гуманитариев. Ведь это люди, грубо выражаясь, мутные. Я говорю о тех, кто изучает социум, политику, экономику. Всё, что они исследуют, не поддается четкому определению, и они плутают впотьмах с редкими догадками и озарениями. Те неясные ощущения, или неожиданные вспышки, которые у гуманитария

возникли, дороги ему бесконечно. Он называет такое интуицией и бьется в попытках объяснить это миру, и в первую очередь себе. Все их «закономерности» уже опрокинулись вчера одним-единственным фактом. Но факт еще не осознан и, глядишь, не будет осознан никогда. Иногда прочтешь такую статью и не поймешь, о чем она.

Мозг естественника не загроможден кровавыми останками предчувствий, тревожно неуловимыми интуициями. Если сомневаешься в своей интуиции, построй противоречащий пример и выбрось придумку. Мы невежественны — да, мы, люди математического склада ума, отворачиваемся от достижений современных социальных наук, и это помогает нам сохранить здравый смысл. Если б кто-нибудь из таких гуманитариев согласился бы всерьез сотрудничать с математиком, его тотчас смели бы, ведь идеология колбасы — самая мощная, потому что опирается на низменные инстинкты

Сразу столько неожиданного.
LES NOUVELLES INATTENDUES

При следующей встрече с Аней я попыталась что-то из нее вытянуть о ее гостях. Ответила, что Владимир уже вернулся в Москву. От разговора увильнула, говорила только на общие темы, а потом, прикалываясь, развела теорию, что у высокого человека ум, распределяясь по всей длине тела, в голову попадает в меньших количествах. Кроме этого маленькому человеку требуется самоутвердиться, показать, что он не хуже этих чучел, стимул действует всю жизнь, приводя к неплохим результатам. Я возразила, что в основном среди маленьких людей обычных больше, чем наполеонов, и мы скоро сменили тему. Она упомянула второе письмо Виталия, но не показала. Протянула мне листок из письма Димы:

«Я знаю, что жизнь моя — армия. Ты — женщина, ты меня не поймешь. Папе напишу отдельно. Две недели назад нас вывезли в лес. Такая военная игра. Представь, зима, лес, и мы живем там, как настоящие солдаты. Представь, встал — и пошел, и целый день ты в деле. Вот тебе бы так, все твои мерехлюндии кончились бы. А жратва с костра, из котелка, знаешь?

Можешь меня не отговаривать. Я две недели думал. Представь, я — летчик. Еще усилие на пару лет — и я в космосе. Мам, ты только представь… А какой я буду космонавт!!! Ни пером описать. Ты приедешь в Байконур меня встречать. А я выйду и тебя сразу увижу.

Нет, это я шучу. Но армия — настоящее. Мне нравится, и я не вижу другого способа прославиться…»

Я спросила, показала ли она письмо Вадиму, и что он на это сказал.

— Он пожал плечами, и только одно слово от него: «пусть», — ее глаза наполнились слезами. — Он не против армии. В его время все служили, почему же теперь нет. Он феноменально консервативен. Он может заметить только то, что уже видел, слушать то, что уже слышал, и делать только то, что уже делал... Всё новое в нем вызывает недоверие. Ему кажется, что его хотят обмануть, надуть, облапошить…

— Ну, это преувеличение.

— А что бы ты хотела, без преувеличений ничего не поймешь. Это же лупа.

Я, как всегда некстати, брякнула про Диму, мол, надо радоваться, что он хочет быть космонавтом, а не заниматься фарцой, и тут увидела в ее глазах обиду.

— А Оля меня понимает, — возразила Аннета, — дело не в том, что армия. Он становится другим. Сейчас я еще стою в толпе на Байконуре,

а еще год-два, и я исчезну из его жизни. Всё. Я остаюсь одна. Я уж думала, может, его сюда выписать. Ты будешь математике учить, я литературе, истории, французскому, на все предметы можно учителей найти. Да… Но дома он сидеть не будет. Найдет друзей, не приведи бог, арабов или молодых препов-пропойц. Нельзя его сюда брать. Значит, мне надо ехать. Вадим вроде согласен.

Прошло время, про Диму мы с Анной давно не говорили. Думаю, насчет армии просто блажь мальчишки, а она может в любой момент уехать, но не очень-то хочет. Так я себе представляла.

— Ну, как Серафим? — спросила я, забежав к Анне после занятий.

— Он прекрасен, хотя Владимир был интересней. Не в этом дело… — Аннета как будто задумалась. — Я не очень понимаю, он взял деньги, якобы у него есть возможность заказать в Париже мне костюм, прошел уже месяц, и я, угрызаясь совестью, что дергать хорошего человека нехорошо, спросила про заказ. Он ответил, надо подождать. Жду, но как-то некомфортно.

— Много денег?

— Две Вадимовы зарплаты. Конечно, много, но дело не в этом. Я стала на него смотреть как-то по-другому.

— Заметила, как пришлепывает губами с гордым выражением?

— И это тоже. Я обнаружила среди прежних моих знакомых одного очень похожего на Серафима. И он, мягко выражаясь, не comme il faut. И ореол приятной загадочности исчез. Чтобы понять собеседника, надо вникнуть в него, даже в какой-то степени полюбить… Или сыграть дурочку, чтоб увидеть глубину глупости собеседника.

— Вижу, дурочку сыграла на отлично… Все прекрасное недолговременно. То, что нравится, надо рассматривать с закрытыми глазами… Пожалуйста, имеешь право не принимать его.

— Как же?! Он член семьи уже. С Вадимом друзья закадычные. Теперь он входит в мой дом как к себе.

— Вадиму расскажи про деньги.

— Только не это. Деньги же тайно накопленные.

В дверь веранды постучали. На пороге стоял Серафим.

— Здравствуйте, — легкий поклон в мою сторону, поцелуй в щечку Аннете. — Я наконец выполнил обещание. Не полностью, конечно… — Серафим достал из портфеля сверток и развернул его. Это была кофта. Неплохая.

Лицо Аннеты побледнело и черты застыли.

— Что это?

— Это трикотаж по заказу из Парижа. Я понимаю разочарование, но костюм за мной... Мне обещали новый каталог. Первой, конечно, принесу вам.

— Спасибо — Аня вымученно улыбнулась.

Серафим, не обращая внимания на ее состояние, с лукавством:

— А что мне за это будет?

Аня рассеянно:

— Вечная память.

— И кто меня будет помнить? — опять лукавая улыбка.

— Человечество.

Прошла еще неделя, и Аннета резюмировала:

— Сама бестолочь. Всё. Теперь мне стыдно с ним заговаривать о костюме.

— Но ему-то не стыдно. Он подыграет тебе и еще раз по-крупному надует.

— Возможно, если я такая, то ничего не имею против. Надо же, чтоб когда-нибудь меня научили жить. Не справляюсь я. Вот смотрю третий год на эти три дерева. Два вместе, третье рядом. И понимаю, что жизнь против меня. Что она неподвижна и готова меня проглотить целиком. Вот это и было у Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека…» Живи еще… или не живи… Удары моего сердца не рассчитаны на эту неподвижность, эту неотзывчивость… Все внутренние вибрации — впустую… Знаешь, известно, что жизнь всегда в полоску, но счастье-то в клетку. Как в клетку счастья попадешь, так и повесишься.

Мне захотелось перевести разговор на реальность:

— Так что, знакомый прототип совпал с Серафимом?

— Хуже. Прототип лучше Серафима.

— Ну, что такое деньги? Бумажки.

— Знаешь, как мне хотелось этот костюм. В каталоге он неподражаем… — Аннета отвернулась, и я поняла, что она плачет.

— В Москве за сертификаты купишь в десять раз лучше. А Серафим, он человек светлого будущего, колбасной цивилизации. Только не дружи с ним. Он входит, а ты говоришь: простите, я заболела, у меня бубонная чума. Показать?

— Дурила ты, без понятия.

Конечно, понятия о костюме у меня нет, но от Аннеты я не ожидала такой, мягко выражаясь, неосторожности.

И тут она объявляет, что на следующей неделе уезжает. От неожиданности я села на стул:

— Что-то с Димой?

— Нет, нет. Дима ни при чем. Я рожать еду. Сначала здесь хотела, но не сходится.

— ???

Как я могла не замечать. Ну, чуть располнела, значит, жизнь лучше, забот без Димы, как ни говори, меньше. Аннета объяснила мою невнимательность особенностями своей фигуры. В январе обещала родить и пригласила летом поработать нянькой. Дала почитать второе письмо Виталия.

— Уф, ты столько на меня опрокинула, отдышаться дай.

Аня протянула толстую тетрадь в чехле на застежках.

— Вернешь при встрече. Можешь и почитать.

Я оттолкнула тетрадку:

— Не люблю чужих тайн.

— Хорошо, я именно хочу, чтоб ты прочла. Пусть не сразу, вот скука подступит, откроешь — мы с тобой вроде и разговариваем.

Я молча взяла тетрадь.

Угасание.
LA VIE S`EN VA

Кончался первый семестр, и жизнь катилась, не особо радуя новизной. Конечно, второй год легче, но, утратив языковые трудности, я получила нечто посерьезней. Как это назвать, не знаю: я потеряла всякий интерес к преподаванию. Приходила в аудиторию, плюхалась на стул, вызывала к доске, что-то диктовала, тихо-тихо проходили два часа, и я тихо-тихо шла домой. Дома, что-то съев, включала приемник и садилась вязать. В основном слушала пустое, но сказанное доброжелательным тоном, в меру кокетливым, в меру серьезным. Однажды поняла, что говорит Высоцкий, дает интервью французскому радио. Услышала, как он напрягается, чтобы не дать повода ни той, ни другой стороне истолковать его слова в опасную сторону.

Иногда по телевизору принималась Испания, видела Солженицына — говорил долго и очень похоже на проповедь пастора.

А то покажут с низкими сводами что-то вроде кельи, и в ней сидит среднего возраста певец и страстно поет несколько часов подряд, аккомпанируя себе на гитаре. Для поддержания тонуса он часто останавливается, чтобы хлебнуть из стоящей перед ним бутылки. Градус страсти повышается. Мне бы со студентами такую методику, преподавание без энтузиазма — это робототехника. И примерно так я себя и чувствовала. Где та, которая приехала в эту комнату в ноябре прошлого года?

Как соотнести с тобой тех, кто жил под твоим именем десять, двадцать лет назад? Как они живут в тебе? Помогают, мешают, берут в тиски и волокут, чтобы уничтожить? Вообще бываешь ли ты сама по себе, сиюминутная, или из-за спины всегда выглядывают другие? И кто из них выглядывает? Ленивая не полезет, а может, она единственно умная. Выскочит, помраченная, и сломает, хорошо, если только день. А чтобы жить осмысленно и не попасть в капкан, поставленный какой-нибудь «тобою» оглашенной, надо сознавать себя не только теперешнюю, но и прежнюю. Что ты собой представляла, как поступала? Когда я заглядываю туда, вижу темноту. Почему? Вроде ничего плохого не делала. Конечно, делала, но не до такой же степени, чтоб всю ту жизнь погрузить во мрак? Может, я никак не могла родиться? «Я родилась не в час, не в миг один» — жизнь до жизни? Я старалась увидеть свет, но сил не хватало. Тогда в той темноте неожиданно помогли стихи. Вот из архива: «Я ничего не вижу, темнота всё кажется мне изнутри пришедшей, во мне отпора сразу не найдя, всё топит ближнее, во мне концы сведя». Стихи, как световые точки, не могли справиться с темнотой, но давали надежду.

И остался один практический вопрос о тех «тебя других», нехороших или чересчур несчастных, что с ними делать? Отколупывать от себя, отрекаться, осуждать?

Отколупывать — отчуждать, похихикать над той несчастной.

Отрекаться — что-то вроде: я была не права, но это же не я.

Осуждать — раскаяться в содеянном почти по-детски: больше не буду. Да будешь же, будешь.

Все три опции не подходят. Как их судить, ведь множество «тебя» едино. Вас много, вы не дружите, но вы едины. Едины потому, что воспоминание — это не то, что было когда-то, это то, что есть сейчас. Поиски себя, утраченной, бесплодны, ведь эти остатки, фрагменты склеиваешь современным клеем.

Всё равно, даже перекошенную и плохо склеенную, мне нужно «ее» понять. Все мои догадки приходят и уходят, конечно, это хорошо для здоровья, не дает зациклиться, но хотелось бы пробить хоть узкую щель в огромном непонятном материке по имени «я». Для этого надо сосредоточиться на конкретной мысли, а ты птичка, схватишь кончик мысли и бросишь. Серьезная работа тебе недоступна. Лучше пригреться на берегу Средиземного моря напротив Европы.

В прошлом году на Новый год я увидела, что Славик как будто неравнодушен к Валентине. Девушка приехала на работу после окончания института преподавать французский на подготовительном факультете.

Учиться к нам съезжались ребята, не обязательно знавшие французский. Весной мне пришлось проверить несколько вступительных работ, написанных по-португальски. Это не было трудно, гораздо сложнее по-арабски, даже буква «эпсилон» плохо узнаваема, потому что написана справа налево.

Итак, Валентина филолог. По типу характера она противоположность Катерине, тогда своей сопернице. Она из тихих русских девушек, каких

немало по всей России. Не любят они говорить, а начав, всё как будто сомневаются, стоит ли продолжать разговор. Книжку читают три раза, потому что в конце забыто начало. Ах, дело не в книжке. Они выходят в жизнь уже повядшими. Выросли, а связь с миром нарушена, он для них не загадочен, а скучноват, и непосредственной реакции на реальность нет, есть только реакция на свое представление. Они не хотят ни с кем знакомиться, ни с кем незнакомым разговаривать. Они идут по жизни, напевая песенку для себя и про себя, улыбаются только себе. По большей части окружающие у них вызывают раздражение: все вокруг делают что-то не то, не так и чрезвычайно бестолково. Я встречала немало таких людей, как Валентина, в той или иной степени — мы все такие. Можно сказать, что она устала от жизни, не успев ее начать.

Валентина внешне — Наташа Ростова, красивая, с блестящими карими глазами, чуть полноватая упругой детской полнотой. По характеру производила впечатление экстремальной честности и бескомпромиссности. Конечно, никто не подозревал, что она обмирает по Славику, и только по косвенным приметам я начала догадываться. Ближе к весне у меня сложились тихие, доверительные отношения с Валентиной. Она мне все больше нравилась, и вот однажды — такой момент пришел — я почему-то начала изливаться ей в дружеских чувствах. Она холодно на меня посмотрела и спросила:

— С чего бы это?

Я озадаченно замолчала. Я навязчивая? Не замечала раньше. Начала думать о подругах, друзьях, близких. Может быть, и для него я навязчива? Почему он не скажет мне прямо? Любовь? Жалость? Однажды по телефону сказал мне, что никогда больше не говорил никому «люблю». Ему это важно, мне нет. Скорее всего, именно этим словом, выражением восторга, нежности, и околдовалась, хотя уже через год видела, что это экзальтация. С тех пор слово «люблю» у меня вызывает подозрение. Теперь только понимаю, что мы разные, а сколько лет подряд казалось, что я вижу все, что стоит за его словами, за любой его гримасой. Считала, что мы — один человек в двух ипостасях. А теперь кто я? Зачем мне сердце, если некому подарить? И куда от себя деться, если тянется жизни нить?

От себя никуда не деться, и в других себя не найти.

Мой организм не приветствовал весну, но осенью цитрусовых еще больше. Как решила сама и объясняли знатоки, это была апельсиновая аллергия. Вместо апельсинов ела таблетки. Позднее аллергия на таблетки от аллергии привела в Москве к госпитализации. В Бумердесе жизнь с таблетками шла чередованием сонливости и бессонницы.

Повышенная чувствительность всколыхнула его образ. Получилось: с ума шедший, но не сшедший. Подруги давно говорили про него, что он псих. Это и было моей точкой боли. Особенно первый год после нашего расставания, мне казалось, что без меня он вот-вот попадет в психушку. Так я сама оказывалась на грани болезни. Через годы и годы я поняла, что он устойчив, и всё, что во мне вызывало страх за него, просто его манера себя вести.

Да, Бумердес ярким свечением солнца растопил стародавние тупики моей боли.

А без боли человеку скучно. Кто вокруг? Со Светой хорошо молчать, а чуть-чуть открыться?.. Скучала без Аннеты, а Катерина теперь вспоминалась как любимое существо. Здешние мужчины никак не задевали, я испытывала явную нехватку доверительных отношений.

К концу года стало ясно, что у Славика с Валентиной ничего не вышло.

.

Как думали обо мне мои знакомые в Бумердесе, я узнала, когда через полгода после возвращения из Алжира как-то столкнулась с Аликом, и он напрямую объяснил мне, что я девственница. Я не стала отнекиваться. Гордое это имя мне пришлось по вкусу.

Быть девственницей — значит, присоединиться к огромной толпе девушек, для которых сексуальная революция обернулась полным воздержанием. И это не худшая часть европейского женского населения. Вот Америка, всё-таки не Европа, для меня terra incognita, я не понимаю этой цивилизации без корней, и что там за девушки, бог знает.

Итак, у думающей женщины, как и у мужчины впрочем, сексуальность подавлена не только интеллектом, но и отвращением, спровоцированным интернетом, телевизором, вульгарностью окружающей обстановки. Красивые, цветущие женщины или никогда не знали мужчины, или после неудачи, а кто-то, и родив ребенка, замыкались в себе. С мужчинами примерно то же самое. Отцов-одиночек знаю не меньше, чем матерей-одиночек. Подруга работала в Женеве, в ЮНЕСКО, и рассказывала именно о таких западных мужчинах, как будто «ботаниках», замкнутых, избегающих женщин. Пропаганда секса и еды сталкивается со сложностью человеческой психики.

В Бумердесе это имя хранило меня от чьих-либо притязаний. Жаль, арабы не знали. В то утро, когда на меня напал арабчонок, я, выйдя в город, подошла к гардьену, рассказала о случившемся и начала объяснять ему, что надо поймать злоумышленника, защитить нас, женщин... Усатый гардьен добродушно посетовал, зачем же, мол, так, и радостно посоветовал нападавшему и себе в первую очередь находить добровольных партнеров.

Через некоторое время тот же самый злой малыш появился передо мной около пустого пляжа. Мы стояли по разные стороны дорожки, и я, с ненавистью выложив весь багаж французских ругательств, с большим накалом чувств высказалась по-русски: «Подойдешь — убью». Он понял, развернулся и ушел, что-то бормоча.

А гардьенов ходило по городу немало. Они были в форменных фуражках, как во французских фильмах. При встрече с таким красавцем мы всегда здоровались. Разговаривать с ними никому в голову не приходило.

Хотелось бы иногда общаться с местными французами, но французов не было. Они то ли паникуют, то ли презирают нас как захватчиков их исконной территории, как девочка с мамой на пляже. Представляю, приезжаю в родную Киргизию, лежу на песке Иссык-Куля, и прямо на меня движется американский солдат со своей Мэри.

Да еще историческая память у французов и «креативного класса» алжирцев сохраняет образ русской конницы, пришедшей после разгрома Наполеона в Париж.

Однажды в пятницу мы с Катей шли по улице Бумердеса, когда неизвестно откуда рядом появился маленький, ловко ныряющий на укороченной ноге по виду алжирский креативщик, почти француз. Он что-то быстро и довольно развязно рассказывал нам и наконец задал вопрос, как полил кипятком: «Мужья у вас казаки?» Мы, конечно прикалываясь, серьезно отвечали: «Да, да, казаки». Но рассказывать, что они прискакали сюда на лошадях, не стали.

Может быть, причиной отсутствия французских знакомых была я сама. Если бы у меня самой характер был полегче, знакомые появились бы

Ко второму африканскому Новому году я медленно приближалась на скрипучей телеге воспоминаний. Взялась за Анин дневник. Читать было нелегко. Начиналась тетрадь с «писем» — конечно, это только название, этих записей она никому не показывала и не посылала. Обращалась почти

всегда к Виталию, но писала для себя, первые письма до моего приезда в Бумердес. Потом, в год, когда я с ней познакомилась, исчезновение Виталия и свои метания описала некоторое время спустя после окончания всей истории.

Порядок писем нарушала сама Аня. Чисел она не ставила. В некоторые письма иногда что-то мелко вписывала на свободные строчки. Мне не хотелось разбираться в этом, думаю, и не получилось бы. Пронумеровала я так, как они шли в записях. Курсив — это то, что вставлено ею другими чернилами. То, что не касалось Бумердеса или слишком личное, я выпустила.

Из записей Анны

Dance me, и к черту эти вещи
и вместе с ними весь безумный свет.
Кружи мне голову, без танца жизнь овечья
хоть триста травянистых лет
мне не нужна.
.
Dance me, забудь! Забудь, что будет,
не оглянись, не вздумай сожалеть
о тех, кто сразу о тебе забудет,
не покидая этой жизни клеть.
Веди меня, гляжу в глаза, как в небо,
ведь ты последнее, что вижу на земле.

15 марта

Решила наконец писать дневник, похоже, это только из-за тебя. Не знаю, буду ли продолжать.

Наконец-то мне повезло. Ты — другой и, кажется, нуждаешься в моей помощи. Ты появился, и мне надо с тобой объясниться. Буду тебе писать без надежды быть прочитанной.

Письмо 1

Незнакомец, здравствуйте!

Нам (вернее, мне) повезло, что мы начали знакомство с почерка. По твоей записочке я определяю, что ты зануда. Зануда-преферансист. Противоречивый получился образ. Противоречие — потенциал. Я рада.

Никогда со мной такого не было. Хочу не просто видеть тебя. Поцелуй? Нет… Хочу потом провести рукой по твоему плечу, потом по всей руке, взять твою игрушечную ладошку в руки и долго, долго целовать самую середину ладошки.

По-моему, я совершенно ригидная женщина. Или сумасшедшая? Ты не согласен?

Письмо 2

Ты — резиновый мячик, отскакивающий, как от стенки, от всего моего, от моих чувств, моих слов, моих намерений. Сказал, что говорить со мной тебе приятно. Еще бы не приятно. Я горю на костре, я люблю тебя. А ты груб, даже когда тебе приятно. Вдруг пришло в голову, что ты солгал насчет того, что Надя — жена фиктивная.

Письмо 3

Я уже не знаю, кто ты. Уж точно не тот, за кем две недели следила влюбленными глазами, ушами и всеми внутренностями. Ужасно деловой,

хитрый, практичный — но чужой. Тот, кого я продолжаю ощущать, бедный больной мальчик, некрасивый, неулыбчивый, погруженный в своё, пытавшийся от меня отбиться.

Письмо 4

Даже спиной я тебя узнаю. Звук твоей походки ни с чьим не спутаешь.

Конечно, ты не можешь быть таким деревянным, как кажешься. Таким антихудожественным, как хочешь мне себя представить. Во-первых, только ты и я вчера у меня на вилле уже в 12 часов ночи слушали, как поет итальянский тенор, и ты так расчувствовался, что сказал что-то восторженное. Я ничего не сказала, хотя меня пробрало. Так что я — тот еще камушек. В этой каменности наше родство.

Во-вторых, помню твое сочувственное лицо, когда я говорила что-то про свои несчастья. Сочувствие было мимолетным, как проблеск солнца. Ты улыбаешься, но никогда не смеешься. Как Иисус? Целую ладошку.

Письмо 5

Ты намотал меня на катушку и положил в карман. Ну и что, пусть там темно и пыльно, зато тепло и ты всегда рядом.

Теперь я твердо уверена, что у нас с тобой ничего не получится. Твоя жена в четыре глаза смотрит за тобой. Вторая пара глаз — соседка. И это хорошо, это значит, что ты укоренен в этой фиговой, но всё-таки жизни. Рвать такой корень может только безумец.

Я наконец дочитала «Крошку Цахеса». Нашла одну тронувшую мысль. Влюбленный главный герой замечает о себе, что искренние проявления любви — мечтательность, желание остаться одному, ответы друзьям невпопад — все не только кажется, но и на самом деле смешно и нелепо. В этом он видит насмешку природы ли, бога над тем, что человек собой представляет.

Письмо 6

Один делает что-то значительное и с сознанием, что потрудился, уходит на дно. Другой хватает сделанное и плывет с ним в лучах славы — как всякий плывущий на поверхности, минимально весит, зато блеск какой. Высовывай язык, говори ахинею, всё равно Эйнштейн.

Крошка Цахес у нас на каждом шагу.

А вдруг ты тупой, тупой, тупой. И все три раза неизлечимо.

Отстать? Нет, пока не разгадала тебя, не могу. В тебе основное — мужской шовинизм. Но эта наклейка тупее всего. Твоя заносчивость, как у большинства людей, от чувства неполноценности, а для любой женщины это поле работы сочувственного плача. Значит, у тебя в жизни был сверхощутимый щелчок по носу либо от женщины, либо от родителей, либо от социума. А преподавание? На занятиях преподаватель выступает в роли почти бога, так себя и чувствует. Но реальность-то другая, отсюда ущербность. Вся твоя иисусовость — маска, и зарабатываешь ты преферансом. Французское preferer — ключ. Ведь преферанс — это предпочтение. Предпочтение всему. Ты — то выигрываешь, то валишься за грань. Какой уж тут смех, когда еду купить не на что, и жизнь висит на волоске.

Ты моя загадка, загадка без отгадки,

Загадка с насадкой. Насадка в губе.

Ад и рай в судьбе.

Письмо 7

Ты говоришь открыто и прямо, но никогда правду. Я всё придумываю, привираю, а получается только правда.

Вот насчет «ты — вы». Твой неожиданный переход на «ты» мне показался трудным. Поняла, что ты у меня на пьедестале, и тыкнуть — свести все разговоры к обычной ерунде. Потом привыкла. Мне кажется, что у тебя сотня поклонниц, и все на «ты». Почувствовала себя рядовой сотни.

Никогда не любила хороших мальчиков, только плохих. Мне, наверно, необходимо, чтоб они мучили меня, доставляли массу неприятностей, а я бы все это переживала, преодолевала и становилась сухой и жесткой. Целую ладошку по центру, и добавь в тексте к каждой ладошке три раза «люблю». Твоя Анна.

Письмо 8

До чего же мужчины непонятны. Загадочная мужская душа. Мужчина — оборотная сторона женщины, т.е. он существует на другой стороне луны, и мы никогда, просто физически не можем увидеть его настоящим. Всё, что существенного они делают, объяснить изнутри для женщины невозможно. Двигатели, вырабатывающие причину поступка, разные. Это противоречие самой природы или бога. Два пола и разум — непереносимая ошибка.

Итак, что-то про тебя сказать, приближенное к правде, нельзя. Ты этого и не хочешь. И разговоры у нас такие: ты задаешь вопрос, я отвечаю про свое. Я задаю вопрос, ты делаешь вид, что его не слышал.

Письмо 9

Ты меня присвоил? Приходи, когда присвоишь. Я чувствую себя твоим носовым платком. Скомканным и не очень чистым. Приходи просто посмотреться. Слова ведь не имеют никакой ценности. Приходи в Москве. Мы сядем друг напротив друга и будем молчать. Это здорово и соответствует твоему и моему характеру, как я их понимаю. Так что еще мы можем? Шепнуть на ухо какую-нибудь глупость ты мне, я тебе. Например: снег пошел.

Кстати, я не знаю, есть ли у тебя уши. Уши — это главная часть мужского организма. Если нет ушей, можешь не приходить. У женщины главная часть — брови. У меня их нет, выпали от переживаний. Так что имеешь полное право не приходить.

Письмо 10

Ты говорил, что домашние всегда были тобой недовольны. Чтобы они ни говорили о том, что ты не подарок, они не разобрались. Ты изумительный. Может быть, изумляющий, но все равно изумительный. Ты скрыт туманом таинственности, как чудо перьями. У каждого своя манера. Свой стиль. Я запала на тебя, потому что увидела своего — античника. У нас все шизоиды, все дико боятся раскрыться, и все несчастны в семейной жизни. Наша фишка — молчаливый, угрюмый тип. Ты светский человек, это я заметила совсем недавно, так что не тоже. Еще наши — обязательно на 90 процентов горькие пьяницы. Большой ум — большой алкоголизм. Но мне пьяницы чужды.

Письмо 11

Я начала смущаться. Я, конечно, блефую, у меня на руках ни одного козыря, а я изображаю радостного ребенка. Может, это предчувствие смерти? Я чрезвычайно трусливая, склонная к автоагрессии и мрачная.

Я, я, я — это никому не интересно. Все хотят слушать про себя и никогда про других. Но сегодня ты выпал из поля зрения, я выдыхаюсь. Сатурн почти не виден. Даже луна почти не видна, в какой-то дымке. Хотя могла бы, ведь не нынче завтра полнолуние. Вот убудет луна, и ничего не останется.

Письмо 12

Луна, скорей всего, уже убывает.

Кого ты опасаешься, кому не доверяешь, себе или мне?

Не вижу тебя третий день, и топливо кончается. На вилле темно, Вадим в отключке, Дима злой. Все мужчины — трусы…

Например.

Что ты мне сказал? Это мистическая история. Если без мистики, то ты ничего не говорил. А уж если включить программу мистификаций, то ты, конечно, увидел во сне, что мне сказал. Второй вариант: решил говорить, но по дороге передумал, стало почему-то не хотеться говорить. Третий вариант: под сильным градусом говорил, но другу. Друг, симметрично выпив, хранит это в недосягаемости своей головы.

Письмо 13

Ты человек глаза, я человек уха. В страстную пятницу рассматривала твои рисунки. Мне нравится. Не хуже профи. Ты — недоразвитый гений. Я бы положила за тебя жизнь, если бы… Думала, думала: если бы я была другой.

Положим, мы с тобой соединились. Ты бы меня запихнул в ящик своих недомолвок, неудач, непонятностей (обид). Этот чугунный ящик — сейф. Я не знала бы, что происходит снаружи, я потеряла бы чувствительность к другим людям, к лесу, облакам. Одним словом, я жила бы мертвой. Сейф вырастал бы вокруг меня незаметно, постепенно, медленно, я бы считала, что другой жизни не бывает, выбирала бы мертвых друзей и подруг. В мертвом царстве живое воспринималось бы как тупая, наглая несдержанность, отсутствие ума, детскость, просто дебильность.

Я остаюсь без тебя.

Письмо 14

Теперь про меня. Ты правильно чувствовал себя неловко. Конечно, ты вывел меня из долгой спячки, и я тебе благодарна, но в моих тебе комплиментах еще несколько моей несдержанности и привычки к легким победам.

Нет, больше мне писать некому. На что ты обиделся, не знаю. Я обиделась на то, что ты препарировал меня, как лягушку. Вот взгляните, это ее печень, это ее сердце, оно еще сокращается. Ты большой аналитик. Но прошло время, и моя обида испарилась, теперь мне кажется, что обиды не было, ты искренен, а это ценно. Да, не столько я тебя люблю, сколько влекусь к тебе. Но ты же знаешь, сколько мне лет. Ты испугался, что я тебя изнасилую… платонически? Над старостью смеяться грешно.

А посмеяться хочется. На мой взгляд, ты сильно замороженный, при минус 18. Хочется вылить на тебя шайку нежности и поглядеть. За рисунки, что ты оставил мне вчера, спасибо.

Завтра в Москву.

Письмо 15

Я снова в Бумердесе.

Наши длинные разговоры по телефону в Москве — напряженное разочарование.

Я тебе предлагала приехать, потому что у меня печальный опыт виртуального общения. У меня была подруга, на то время — единственная. Она уехала на два года в командировку, вернулась, и пару месяцев мы часами говорили по телефону и любили друг друга, как прежде. Когда же встретились, не знаю за что, но она обиделась на меня так, что не звонила несколько лет. На звонки не отвечала. Может, я действительно сильно злая,

может. Но еще причина: лицо, жесты, руки дают несравнимо больше, чем все слова и даже голос. Поэтому письма, как и телефонные разговоры, — дефектное общение.

Ты плаваешь в своем Подберезовске, ведь ты Виталичка — ну вот на столечко, а больше — лодочка. Холодные волны бьют в левый борт, холодные волны бьют в правый борт, а ты плывешь, задрав свой нос над водой, и за кормой вода гудит и бурлит. Плыви, лодка, плыви.

И тут мне захотелось втоптать тебя в грязь. Ты ведь благородный рыцарь, а я, к сожалению, не молочница из соседней деревни. Хотела войти в образ молочницы, но, боюсь, плохо получится.

Хотя думаю, все-таки тебе нужна не молочница, а профи. Она бы тебя перелопатила.

Черт возьми, опять я по тебе умираю. Хотела сравнить твои глазки с мышиными, но пусть мышиные, все равно самые прекрасные. Плюнь в меня, плюнь.

Убираюсь, пишу тебе между делом, чтоб не думать пристально о тебе и не улететь.

Письмо 16

Продолжаю втаптывать тебя в грязь. Твоя мышиная мордочка смотрит из всех щелей моей виллы. Что же ей нужно? Убей бог, не знаю. Ты вывалился на меня с неба то ли после катастрофы, то ли после удачной высадки. Я на тебя тоже свалилась с неба. Ты мне чужой и непонятный. Я тебе чужая и непонятная. Три месяца, с марта, когда ты приехал, я в одиночку преодолевала чужого. Ты не хотел помочь и вставлял палки в колеса. Наверняка мой образ у тебя не верен на 90%, то же с твоим во мне. Но десять-то процентов мы завоевали. С чем тебя и поздравляю. Это было непросто.

Письмо 17

Наконец ты приехал, а я боялась, что тебя больше не будет в Бумердесе.

Почему-то разговор с тобой у меня вызвал беспокойство о тебе. Или здоровье, или что-то дома… Если б ты был со мной откровенен.

Так ты змея по гороскопу! Ты долго сидишь в тайном месте и следишь, как лягушка расселась под листом подорожника и блаженствует на теплом песке; смотришь, смотришь и наконец открываешь рот и глотаешь лягушку. Та кричит не своим голосом, и крик долго несется по берегу, вызывая дрожь содрогания в окрестных лягушках.

Эти мерехлюндии тебя не касаются. Ты медленно, медленно пропихиваешь лягушку в свое туловище, туловище, туловище. А-а-а…

Письмо 18

Сегодня мы с тобой собирались поехать в Алжир. Собирались, как обычно, но, когда сели в машину, я взглянула на тебя и увидела совершенно чужого человека. При этом просто никаких эмоций, будто не было моей сначала безответной, потом ответной любви, — ничего никогда не было.

Письмо 19

Вчерашнее бесчувствие — это нормально? И такое бывает у всех и у всех проходит? Или теперь я к тебе отношусь по-другому? Вообще-то приступы нежизни у меня были всегда. Я треснутый стакан. Идет все, как шло. Из стакана можно пить, но развалиться он может в любой момент.

Письмо 20

Наконец я поняла, что могу жить только в придуманных отношениях с придуманными людьми.

Реальные люди меня сначала восхищают, потом ужасают. Я настоящий, неподдельный трус. Думаю, что бросаться в стихию человеческих отношений удел сильных или безрассудных. Рассудительность приходит ко вторым, когда кончаются силы.

Письмо 21

Сегодня проснулась (снилось что-то невразумительное) и вспомнила, что давно не видела сна, где я живу в поселке на огромном холме. С одной стороны от него каменистый подъем, с другой — крутой лесистый спуск. И вот там, где скалы, как будто бы есть какое-то невероятное место, и совсем недалеко. Сначала надо идти по траве, потом свернуть в близкое нагромождение камней, и вот тропа вверх по скалам; но почему-то туда не могу попасть, даже начать подъем не получается. Подхожу, светит солнце, все замечательно, и после первых шагов или наползает густой туман, или начинается ливень, или мне надо возвращаться, время мое кончилось. Мне кажется, я давно живу на этом зеленом холме. У меня в голове несколько снов-сериалов. Но на холм я продолжаю возвращаться.

Письмо 22. Непредвиденное

Что толку тебе писать, но мне надо привести мысли в порядок, поэтому буду продолжать свои записи, может быть, называть их письмами нелепо, но что в имени твоем осталось?

Итак… когда пришла Оля и, положив мне руку на плечо, проникновенно сообщила, что Виталик утонул, я не поверила и побежала на виллу К.

Виктория Трофимовна усадила меня на стул и объяснила, что найденная одежда принадлежит, по-видимому, какому-то обтрепанному арабу, а Виталик всего два дня, как не приходил на занятия. Но слово «ищем» меня снова убило. Значит, нет тебя нигде. Виктория налила мне рюмку коньяку и ненавязчиво подсказала, что для института лучше бы сделать по нему поминки. Я поняла, что это рекомендация самого К.

А вдруг тебя похитили. Я же ничего не знаю о твоей жизни до Алжира. Может, ты работал в сверхсекретной организации… Перестань, его бы не выпустили. Да, но преподаватель он мусорный, по общему мнению, попал сюда случайно. Криминальное прошлое? Господи, да я совсем его не знаю. Надо всё то, что можно выяснить, постараться узнать. Без этого я не смогу. Потихоньку начала интересоваться близкими знакомыми своего друга и особенно женой Надей.

Письмо 23

Вижу, обращения к тебе уходят, уступая место нарративу.

На поминках вдова сидела, опухшая от слез. Горе ее неподдельно, ведь через три дня уезжать, а она смертельно влюбилась в своего любовника, сидящего рядом парня. Расставание казалось ей концом жизни.

Вся или почти вся женская часть нашего общества знала о несчастье вдовы, но у меня ее лицо вызывало подозрение. Может быть, это запоздалое раскаяние в содеянном? Версии совершенного преступления одна фантастичней другой лезли в голову и тут же отвергались. Как там в детективах? Кому это выгодно? — Как кому? Никому, кроме Екатерины. Маленькая вошь мстит сопернице.

А что же она сама? Девушка не на шутку выбилась из строя. Так мне передали со слов ее соседки. Она полностью забыла и Алика, и Славика, и мужа с сыном. Закрылась в комнате и никого к себе не пускала.

Моя подруга Наташа в то время все про меня знала и, по крайней мере на словах, сочувствовала. Пришла она к Кате через неделю после случив-

шегося. Та вышла к ней бледная, отрешенная, не похожая на себя. Они сидели за столом и молчали. Потом Катя сказала:

— Иди домой. Мне не хочется ни с кем разговаривать.

— Ну, давай посидим молча…— предложила Наташа. — Но объясни мне, что случилось?.. Почему ты в таком состоянии?

Катя выпалила.

— Потому.

И дальше в ее духе:

— Это я убила Витеньку… Надо было не обращать внимания на его закидоны и крепче держать.

Наташа убеждала ее прийти в себя и назвала глупой выдумкой ее мысли.

— Иди домой, — ответила Екатерина, — я глупая, что со мной разговаривать.

Поднялась и походкой лунатика пошла к себе в комнату. Ребенок, сидевший в своем загончике, протянул к ней руки. Она не обратила внимания. Наташа ушла под громкие вопли младенца.

Письмо 24

Поминки устраивала я. Это было очень красиво. Стильно. На даче у Нелли, моей московской подруги, насколько я помню, всё обставлялось именно так. На траве перед виллой длинный ряд сомкнутых столов, покрытых белой материей. Стулья тоже целиком закрыты чехлами из того же материала. Это выглядело странно — белоснежные гости из другого мира, символ чистоты усопшего и чистого нашего к нему отношения. Денег истрачено немало, хотя всё взято напрокат в посольстве в Алжире.

В какой-то момент, стоя на веранде лицом к окну, я оторвала взгляд от тарелки, где укладывала блины, и увидела, что стол, неясно белевший в сумерках, пошевелился и стал еле заметно подниматься над землей. Отвернулась, перекрестилась и продолжила работу.

Кроме Нади-вдовы еще одна добрая женщина плакала, остальные гости, чтобы не выглядеть сухарями, тихонько шмыгали носами. Сидели, наполняли рюмки, вставали, кто-то говорил казенные слова, обещая вместо царствия небесного Виталию продолжение его дела. Интересно, какое дело они будут продолжать? Начинали с водки, блинов и меда, еще минут двадцать, и все быстро исчезло с тарелок. Обстановка внушала строгость и скорбь. Скорбь и строгость старались, хоть и не так успешно, изобразить гости. Пришел К, думаю, из уважения к мужу, но через минуту удалился. Отличился мой Вадик. Сказал трагическую речь, обратившись к заплаканной Надежде. Вот текст: «…Я сочувствую вам искренне. Но вы молоды. Конечно, это зависит от химии — химики не дадут соврать, — от химии нашего организма. После долгих страданий и мучений вы получите возможность огромного счастья, просто выйдя из дома и вдохнув весенний морской воздух. Просто дышите этим счастьем. Ведь мертвый лишен... всего. Не делайте себя мертвой прежде времени…»

Когда я его после поминок спросила, откуда у него такие слова, он посмотрел на меня отвлеченным взглядом и ответил:

— Наверно заболел.

Я парировала: — Да ты здоровее тридцати трех богатырей.

Не надо было мне так. Нехорошо. Может, я его недооцениваю? Как там у Чехова в «Попрыгунье»?

Вслед за К. исчезли вдовствующие собутыльники. Первый из них, закадычный друг Женя с кафедры математики, уходил через всю поляну с окостеневшим торсом, а руками в такт шагам взмахивал так медленно, как будто и в самом деле провожал в последний путь гроб близкого человека.

Еще минут сорок, и за столом остались только мои подруги.

Письмо 25

А потом я начала видеть сны. Запомнила особенно один.

Поминки, за столом сидят люди. Поднимаю голову, по дорожке в стороне от виллы идет он. «Так что сердце моё шевельнулось навстречу ему». Выбираюсь из-за стола, подхожу, ты улыбаешься. Я тихо: «Может, скажем и разгоним всех?» Подходишь вплотную: «Зачем? Ну их с высокого дерева». Прижимаюсь к тебе. В голове рвутся снаряды. Один за другим.

Проснувшись, прочитала «Отче наш» и задумалась: похоже, ты, моя радость, хочешь меня утопить. Но оставить все, как есть, я не могу, сама не понимая почему. Мне надо узнать правду.

Первая подозреваемая — жена Надя. Она из тех, кто, смотришь, милейший человек, нежная душа, изящная внешность, а вот поговорить не удастся. Скажет слово и думаешь, э-э, милая, не повезло тебе с умом, что делать, не повезло. Обидно за господа бога. Так хорошо начал.

После долгого разговора я признала ее бесполезной. Куда ходил Виталий, с кем проводил время, кто его доверенные лица, а может быть, и враги — всего этого Надя не знала и никогда не хотела знать. Зато рассказами о своем друге она меня вывела из себя. Всю жизнь откровенные истории на меня сыплются неожиданно и без усилий с моей стороны. То таксист начнет рассказывать свою жизнь, да так, что не хочет брать денег и выпускать из машины, то полузнакомый человек так на тебя вывалит свои заботы, что не знаешь, куда деваться. Так было с Олей, когда она только приехала в Бумердес. Подозреваю, господь меня выпустил на свет с магнитом где-нибудь в груди или животе.

Говорю Надежде, пытаясь привести ее в чувство:

— Что ты разнюнилась? Осталось полтора месяца, вернется твой избранник в Москву, а если вы не встретитесь, то благодари бога, что вовремя унесла ноги от этого сукина сына.

Отчитав Надю, поставила на ней жирную точку.

Письмо 26

Ну что ж, придется идти к Кате. А если Наташе поручить? Не могу ей довериться. Ведь раз была уже. Не скажет же она, я к тебе по поручению Анны. Нет, сначала эту отраву самой на зуб попробовать надо. Но она вне видимости. Начнем с Алика. Алик — он, можно сказать, даже интересный парень. Правда, смотрит всегда свысока. В прошлом году он жил здесь с женой, и, когда нас знакомили, вид его был так значителен и полон мужского превосходства, как будто каждый его сперматозоид превращается в человека. Это показалось мне смешным, но он почти заведующий кафедрой. Наверно умный, не то что мой Виталий Яковлевич. Если Виталия похитили, то зачем умному, почти завкафедрой, в этом участвовать? Нет. Исключается. Но Катя! Катя способна на всё. Катя — это алжирская Медея. Она своего ребенка в приступе ревности, обезумев… Да она всегда перманентно безумна… Запросто, как там Медея это делала?..

Перестань. При чем тут сын этой дряни, и до Медеи ей, как до Марса. Тогда в чем ты подозреваешь Катерину, а тем паче Алика?.. Ну, мало ли, карточный долг Виталия, да просто давно занял крупную сумму и забыл. У него вполне могли быть враги, а Катя, возможно, просто по недомыслию помогла им.

Итак, я решила поговорить с Аликом, положившись на свою интуицию, не готовясь заранее.

Письмо 27

Организовать встречу с ним было непросто. Для этого пришлось несколько дней во время занятий, то есть с 11 до 14 примерно, проводить

время на вилле Ольги. Она из близких подруг, и я чувствую, она хорошо ко мне относится и не станет обо мне сплетничать. Но главное теперь, что из ее виллы видно асфальтовую дорожку, по которой преподаватели возвращались после занятий домой в батиманы, расположенные левее магазинов центра. В этих домах и находилась холостяцкая квартира Алика, тогда как в дом Натальи идти правее, мимо моей виллы. Я брала свое вязание и шла к подруге под предлогом, что не знаю, как вязать то, что мне хотелось бы. Оля с радостью показывала и новую дорожку, и как ловчее набрасывать сразу две петли. Я не притворялась, что, сидя у нее, радовалась такому общению, и даже успокаивалась.

Два раза Алик шел в компании коллег, на третий раз мне повезло. Я, волнуясь, скороговоркой сообщила, что забыла запереть дверь своей виллы, и помчалась вслед за Аликом. Оля, даже если и подозревает что-то, не выдаст.

Когда я оказалась прямо перед ним, мне захотелось убежать. И надо бы — лицо без снисхожденья, как будто сделано из очень грубого камня. Но я не могу всё бросить на полдороге. И начала с длинной тирады, восхваляющей его ум и мужские достоинства, твердость, мужество и всю собачью хрень. Он оборвал меня и, в сознании полного своего превосходства, еле заметно покривившись, спросил: «Ты предлагаешь нам переспать?» Я сосчитала до десяти и спокойно ответила: «Нет. Но я понимаю Катю, ради тебя бросившую Виталика, царствие ему небесное».

— Ему небесное, а тебе? Что ты хочешь от меня?

— Хорошо. Задаю вопрос прямо. Что Катя тебе говорила о Виталии последние две недели перед его исчезновением.

— Даю прямой ответ. В мусоре твоей головы я копаться не буду. За кого ты меня приняла? За школьника? За недоумка, у которого вся жизнь — сплетня? Если твой вопрос тебе так важен, пойди и спроси Катю. Всё. Adieu, mon Ange, госпожа Кюрьёсити.

И он ушел.

Письмо 28

Очень хотелось все бросить и не ходить больше никуда. Но какой-то червь уже начал свою изнурительную работу, внутри что-то постоянно билось, иногда дрожали руки. Если все бросить, то, пожалуй, не выдержишь… Никаких следов Виталия нет. Будь хоть какая-нибудь зацепка, я, как Шерлок Холмс, — дедуктивным методом… Да, да, Шерлок Холмс, пусть мне самой от такого сравнения смешно.

Надо идти к Катерине. Свидание с Аликом было ошибкой. Но отношения у них прерваны, так что Алик не мог предупредить о моем приходе.

Открыл мне Игорь. От неожиданности он отступил, только тихо выговорив: «Здрасте».

— Можно мне видеть Катю?

Я осталась ждать на лестнице, как какая-нибудь нищенка. Долго, очень долго, как мне показалось. Но вот Игорь вернулся и пригласил меня в комнату Кати.

Увидев соперницу в таком жалком виде, я засомневалась, да могла ли такая женщина мстить? Решила говорить в самых нежных тонах.

— Теперь нам с вами делить нечего. Обе плачем по одному человеку. Мы обе его любили.

— Во-первых, вы не любили. Во-вторых, я не плачу… Зачем вы пришли?

— Катя, мы подруги по несчастью, давайте будем заодно. Я вся на нервах, не могу спать. Я должна знать, что с ним случилось.

— Что случилось? Я убила его.

— Кого вы убили?

— Витеньку. — лицо еще посуровело. — Я не удержала его от вас, и он пропал.

— То есть как вы убили Витеньку?

— А так. Нож в спину, и конец.

— Катя, вы не в себе.

— Еще как в себе. Сейчас возьму тебя за волосы и спущу с лестницы. Цыц отсюда.

Письмо 29

После свидания с Катей я почувствовала себя и униженной, и оскорбленной, и еще что-то такое, о чем не хочется говорить. Все подозрения, связанные с Катериной, конечно, остались, и тем не менее все они обесцветились. Возникло убеждение, что все они — чушь.

Теперь закадычный друг Женя. Его я перехватила около магазина, в нужное время появившись там с большой сумкой для покупок, прежде специально узнав расписание занятий математика. Затащила его к себе, пообещав выпивку. После того как мы приняли вторую, по-прежнему не чокаясь, глаза у Жени стали влажными. Он, конечно, алконавт, но человек хороший. С ним не нужна дипломатия. Он и так всё понимает. Но то, что он сказал, стало для меня полной неожиданностью, просто откровением. На мой вопрос, когда он видел друга последний раз перед его исчезновением, вдруг:

— Да ты что, не знаешь? — гримасничая от нахлынувших эмоций, сообщил Женя. — Недели две он с нами не пил. Друг у него нашелся, институтский, работает с буровиками. У того вахта кончилась, вот и объявился друг внезапно. Виталь с ним на улице случайно столкнулся... Ну вот, кроме этого ничего он нам о буровике не сказал.

Это был удар под дых. Оказывается, человек, которого я считала близким, у меня перед глазами жил другой жизнью. Держись, Анна. Теперь важно что-нибудь прояснить.

— А третий ваш что-нибудь знает? Вы же всегда троицей.

— Валька, да. Теперь мы в двоичной системе: раз, два и ноль. Вроде как Витька обиделся на нас за что-то. А за что, не знаю. Да ты сама больше нашего знаешь, тебе-то он всё скажет.

— Давай лучше выпьем. Теперь за нас с тобой. Будем. — Навалилась тяжесть. Мне надо остаться одной, все обдумать или выплакаться. Почувствовала приближение головной боли. Поскорей бы он ушел.

— Вообще-то теперь за мамашу его полагается. Ну да ладно. Ты так не переживай.

— Я последние две недели всего два раза его и видела. Чуть присел: «Мне к нашим. Ждут меня». Встает, уходит. Теперь-то я понимаю, ты ведь знаешь, он как в нового человека влюбится, так для него больше никого нет. Не тонул он и на море-то не был, чувствую, он с этим новым другом где-то сидит и пьет. У буровиков или дальше. Позови его новый друг в Антарктиду, он в две минуты соберется и готов.

— Ну, тебе виднее, но Витька работу не бросит, да и нас тоже. А потом одежду нашли на пляже, не его, конечно, но асмы подменили, своё тряпьё подложили.

— Подменили, да. — В голове стучит: когда же ты уйдешь.

— Тебе пора, — говорю, — сейчас муж с работы придет, а ты, если что вспомнишь, будь добр, приди расскажи.

Узнала себе на голову. Что теперь делать?

А если Виталий, такой тонкий, ранимый, попал в компанию грубых буровиков. Они его обчистили. Они его не выпускают... Нет, скорее он сам не хочет уходить от них. Надо его спасать. Он умрет там.

Страх за себя не так страшен, как такой, когда помочь не можешь, и фантазия получает свободу. Страх запрягает все чувства в свою телегу, и они несут тебя по ухабам и колдобинам. Держись, дуреха.

Письмо 30

Итак, буровики. Они жили в маленьких виллах на берегу моря правее института, если смотреть с берега. Работали вахтовым методом: две-три недели в Сахаре, потом отдыхали на побережье. Некоторые жили с семьями, с детьми. Русских было не так много, европейцы, арабы, полный интернационал. Мы как-то забрели туда, но не в гущу, а так, по краешку. В ближайшей вилле увидели попугая, сидевшего на веранде, он неожиданно крикнул: «Ку-кареку». Я тогда сказала, что он наверняка плавал на пиратском судне 200 лет тому назад.

Что ж, придется идти туда, хотя, конечно, лучше бы не идти, а как-нибудь через третьи лица. Не проще ли пойти на виллу К., он — главный по контракту, значит, в центре событий. Нет, это в крайнем случае, вдруг Виталию сделаю плохо. Хотя куда уж хуже.

Оставались буровики. Там совсем чужая, незнакомая часть города. Идти одной — подставить себя. Ничего другого нет, как увидеть К. и выложить ему итог собственного расследования, чтобы самой что-то узнать.

Письмо 31

К. сделал сверхсерьезное лицо, потом сверхдоброе и даже положил мне руку на плечо.

— Анна Васильевна, дорогая, вы нам очень помогли. Насчет буровика. Теперь, пожалуйста, выкиньте всё из вашей прекрасной головки. Вы же серьезная женщина. Вам может вся эта история навредить. Вам и вашему мужу. Неужели вы этого не поняли?

— Конечно, понимаю, Иван Евдокимович. — Я опустила голову, как бы чувствуя себя виноватой.

— Ну вот, забудьте, как будто этого никогда не было, — это мой дружеский совет. До свиданья. Супругу привет передавайте… или лучше никому не говорите, даже мужу, что были у меня. Все знают, что вы приходите к моей супруге.

Несколько дней находилась под впечатлением этой встречи и чем дальше, тем больше ужасалась своему легкомыслию.

Письмо 32. Ловушка

Мне кажется, я не письма тебе пишу, по крайней мере, не тебе, а печальную повесть своей неадекватности. Образ твой бледнеет.

Теперь слухи о Марселе легли камнем на сердце. Начала ждать неприятностей. Но прошла одна неделя, началась вторая, ничего не происходило, и я впала в напряженную апатию. Не могла спать, с трудом впихивала в себя еду, готовила кое-как, даже Дима не развлекал меня, слушала его вполуха, не сильно вникая в смысл слов.

Однажды он пришел из школы, сели обедать. И вдруг раздался нечеловеческий крик «ложись!!». Кричала я сама, воспринимая свой голос как чужой, бросилась на сына, и вместе мы оказались на полу. Озадаченный Дима пытался что-то спросить, но я так сильно дрожала, что не могла ответить. Наконец он понял, что я показываю на потолок, там прыгал маленький красный зайчик. «Ты этого испугалась? Так это Шурик, — объяснил сын бестолковой маме — Мы вместе пришли из школы, и он сказал, что подождет меня». Пригласили Шурика, тот показал фонарик.

И вот что я прочла в письме Димы бабушке, матери Вадима, не подумай, чисто случайно:

Ну, мама в своем репертуаре. Что-то выдумает и этого испугается. Только последнее время странная какая-то. Правда, в школе тоже странности. Длинный Сашка из посольства как-то подошел и спросил, мол, как мама-то твоя? Я пожал плечами. Чего это он? Если про Виталия, так дома никто его не вспоминает.

А с этим «ложись» превзошла саму себя. Вот такая мне мама досталась, вроде глуповатая, истеричная, да просто она младше меня. Зато себе-то могу признаться, я ее люблю… Но осуждаю, к папе она несправедлива. Я всегда на стороне папы. Папа у меня умный, спокойный, рассудит всегда по справедливости, что бы со мной ни произошло. Если он что-то сказал, то можно быть уверенным — это не выдумка, как у мамы. С мамой мы играем, играем всегда. В любовь, в ревность, в обидчивость. Как я без нее обойдусь на будущий год?! Мне заранее тоскливо.

И еще, вот кажется, мама взрослая, должна что-то понимать. Нет. Я ей доверился, рассказал про Майку. Никакая это не любовь. Просто Майка. И вдруг сижу, делаю вид, что занят уроками, стоп, что слышу? Выкладывает, да игриво так, посторонней бабке. Такая предательница, просто смотреть на нее два дня не мог. Потом понял: она другая. И мне нельзя с ней откровенничать. Она не понимает.

Видишь, какой умный у меня мальчик, не в пример маме. Уроки мне дает.

Но продолжаю. Я задумалась. Еще немного, и придется обращаться к психиатру. На мужа стала смотреть с надеждой. Может быть, он что-то знает или просто пожалеет меня. Он и К. — друзья юности, но в Бумердесе если они и встречались, то никто этого не видел.

Ждать плохого — плохо, но ждать непонятного — плохо вдвойне. И я решила поговорить с мужем. На удивление спокойно он ответил, что действительно дело запутанное, зря тогда поспешили с поминками. Но К. и ему советовал ни у кого ничего не спрашивать и не поддерживать таких разговоров. По возможности слухи гасить. «Думаю, тебе надо выкинуть всю историю из головы», — заключил Вадим.

Но уж как полезет на тебя какая-нибудь мерзость, так только отплевывайся.

Письмо 33

Появилась новая забота. Однажды, придя в лавку мясника, я вместе с покупкой получила от тебя конверт. Глаза мясника были опущены, я не поняла, что за конверт, но испугалась.

Дома вскрыла и прочла записку. «Я там. Жду». Быстро сожгла конверт, но записку стало жаль. Спрятала ее и время от времени доставала. Прочтя «жду», отвечала: «Щас».

Проблема состояла в том, надо ли доносить на мясника… или не надо. В раздумьях прошла неделя, и тут оказалось, что лавка вместе с продавцом исчезла. На всякий случай сожгла и записку. На дворе не девятнадцатый век, записки-платочки, хотя думаю, что, если б такая записка пришла Кате, она, не раздумывая, бросилась бы в море и обязательно доплыла бы до Марселя. Конечно, я малодушная. Я не Катя. Ну, какая есть.

Письмо 34

И вот, дело было в пятницу после шести, а это время, когда каждую неделю преподаватели уходили из дома. Кино по пятницам администрация института показывала в конференц-зале. Такое развлечение — кино на большом экране и довольно новое — пропустить было трудно, для детей в школе на это время обязательно что-нибудь организовывалось. Городок пустел. Оставались только мамы маленьких детей. Да у меня не было сил развлекаться, сидела и перебирала пшено для завтрашней каши.

Вдруг услышала слабый стук в стекло веранды. Повернула голову и увидела Виталия. Обтрепанного, осунувшегося, но трезвого. Лицо помятое, но с ясными глазами. Зато одежда не давала надежды на возвращение прежнего Виталия. Шейный платок висел мятый, замурзанный. Уж не сморкается ли он в него, мелькнуло в голове.

Впустила, никаких объятий не дождалась.

— Ты что не пришла. Я же объяснил Ахмету, как меня найти. — Он недовольно хмурился.

Объяснила всю историю с запиской и исчезновением Ахмета.

— Вот суки, и этот меня наколол.

Виталий протянул клочок бумаги, — я нарисовал, как меня найти.

— Знаешь, там веранда с попугаем, а за этой виллой моя.

— Смутно помню попугая, где видела, не знаю.

— Найдешь, мне деньги нужны. Я сейчас один живу в хате, а деньги кончились. Прошу тебя, побольше.

Я пошла в комнату за деньгами. Протянула Виталию.

— Очень мало. Займи, если в доме не будет, и принеси мне. По моим расчетам, Васька не сегодня завтра вернется и меня с собой заберет. А я тебя с собой забираю.

— Куда ты меня забираешь?

— На Запад. Правда, сейчас Васька в командировку уехал в Ливию, мои деньги прихватил, я ему отдал на хранение, чтоб он меня не забыл с собой взять.

— А тебя наши в Марселе видели.

— С хвостом?

— Может быть.

— Точно с хвостом. Это я в ихний сон вломился. Ты им передай, жарить их буду безжалостно, переворачивая каждые две минуты. Я не ленивый.

— А Катя о тебе плачет.

— Ух, Катька. Спрячь меня скорей.

— Да не придет она сюда, она с ребенком сидит.

— Ребенок ей не помеха, для нее нет препятствий. Спаси меня. Она схватит и утащит меня на дно морское… чтоб там играть со мной в ладушки.

— Ты играл с ней в ладушки?

— А куда денешься, если подруге твоей одиннадцать лет. Да у нее в голове кипит котел сексуальных развлечений типа ладушек.

— Вот ты как, а она две недели скорбела в своей комнате, не прерываясь. Никто ее не видел.

— Всегда была сумасшедшей.

— А-а, самому приятно.

— Тебе бы не было приятно, если б по тебе сходили с ума… По тебе никто не сойдет, потому что ты умная. А я нет. Я просто молодец.

— Правильно. Только по сумасшедшим и сходят с ума. Объяснить в них ничего нельзя, можно только жалеть и за них бояться.

— Но ты-то меня не жалела, не то что Катя. Ну, бог с ней. Мы с тобой знаешь как жить будем. Димка в Сорбонне, мы в Ницце. Ты покажешь ницшеанцам, как надо одеваться.

— Ниццуйцам.

— Да, да, мы с тобой станем ниццуйцами. Вилла в Ницце годится?

— На какие шиши?

— Власти дадут.

— Догонят и еще дадут.

— Да я же диссидент и великий художник.

— Ты? Да диссиденты десятилетиями диссидентами служат, прежде чем их там нянчить начнут… и то, слышно, не особенно и нянчат. А у тебя, кроме алкоголизма, никаких заслуг.

— Ты меня не знаешь. Здесь мне хода не дают. А там я развернусь.

— Кстати, как с выпивкой?

— Ты не видишь, трезвый.

— И как давно?

— Давно. Дашь денег, развяжу.

— А если не дам?

— Тогда я приду сюда и не уйду. Скомпрометирую тебя смертельно… Ладно, не пугайся. Сейчас в ванну залезу. У меня там газ выключили. Два дня не мылся.

Виталий ушел в ванную комнату, я села к столу, глубоко задумавшись. Не успела собраться с мыслями и что-нибудь ему объяснить, как он, выйдя на веранду, махнул мне рукой и исчез.

Письмо 35

Как я ни думала, что Виталий где-то рядом, а реальность сшибла меня с ног. Вновь и вновь возвращалась ко всему им сказанному, ко всем его гримасам. Самое ужасное: никому-никому нельзя эту новость выложить. Она ляжет в душу на дно и там прокиснет. А прокиснув, станет горькой и жгучей. Наташа? Кажется, я не выдержу и завтра ей все расскажу.

Вот так так, дошло до меня. Он не любит. Хоть бы и говорил, прижимал меня к себе, все равно он не любит. Уж речь не о любви-обожании, любви-страсти. Бог с ней. Он просто не любит — как сухой лист. И мотает его, как сухой лист, туда-сюда. Если человек не любит, даже если никуда не едет, сидит на месте, он всё равно мотается. Туда, сюда, pareil a la feuille morte… Мотается по белу свету. Разве может такой человек быть отцом… Пока в городе пусто, может, побежать за ним? Спасти. Но как? Без денег? Нет. Сознайся, проживешь без него. И второго сына воспитаешь, если, конечно, бог пошлет. Слава богу, любовь кончилась, все эти дикие переживания — всё. Я свободна. Камень свалился... Конечно, сейчас он невменяем, но так проявиться! Он не любит.

Всё. Завтра иду к К. с бумагой, где вилла отмечена. Говорю, что передал Ахмет.

Но ни завтра, ни послезавтра я никуда не пошла. И никакой Наташе не сказала. Сидела в каком-то ступоре безвылазно на своей вилле. Сидела, лежала, снова сидела, автоматически брала в руки веник, заметала сор, что-то чуть-чуть готовила — всё это делала, едва сознавая себя. Думала, мы все вокруг живем медленно, медленно, будто совсем не живем. А время быстрее, быстрее — другие летят вместе с ним.

«Ах, Таня, Таня, мне так весело», — спела сестричка Тани загробным, синим голосом. Да, по ту сторону много веселья, и Чайковский, похоже, это знал. Оперу передавала Москва, и умелец ее записал. Вадим уже час крутит. Мне же ничего не хочется, все кругом настолько пусто. Умереть тоже не хочется. Но жить в бесчувствии, в нежелании вступить в следующий момент это мне кажется преддверием тех мест, о которых много знал Чайковский... Интересно, пройдет это состояние или останется. Похоже, химия у меня такая. Химия отвращения.

Письмо 36

Девушки звали на волейбол. Ответила нет. Ольга ездила в Алжир. Звала, — не поеду. На свою виллу, на свои французские щипчики смотрела как на что-то совершенно мне чужое. Для того чтоб около себя что-то увидеть, надо было сделать над собой огромное усилие. Людей не могла по-

нять. Не могла представить, что эти движущиеся тела могут чувствовать. Вокруг ходили манекены...

Слышу музыку.

Пустыня. Идет колонна солдат. Запыленные лица, как маски, ничего не выражают. Следующий повтор музыки — вторая колонна. Лица те же или другие? Потом следующий повтор музыки — еще колонна, четвертая, десятая. Глаз нет, нет ни мыслей, ни чувств — они идут убивать и быть убитыми. Шагов не слышно, только барабанная дробь боли в голове. Темп сумасшествия убыстряется, заставляя укрыться одеялом с головой. Апофеоз бессмыслия.

Это Вадим поймал по радио «Болеро» Равеля...

Его, Виталия, эмоции — волны моря, поверхность вроде волнуется, а глубина неподвижна… единственное чувство — желание выпить, и никто ему не нужен… и я этого человека любила, он ведь красив... да, теперь вижу — красив… нет, ничего красивого… просто родное лицо… а подставилась как? …

Я не буду тебя упрекать, никогда этого не умела, свойства такого нет. Встретив тебя, я начала верить людям — ты вытащил меня из безлюбия. Но неужели ты всегда был таким, как теперь? Я отказываюсь верить и вот вижу это. Сколько бы мне ни было отпущено на этом свете, я буду с этим жить.

Да, я понимаю, что проникнуть в твою голову и там поселиться никому не удастся. Ты — зеркало. Все отражаешь на своей поверхности, а внутри ничего нет. Смотрю на тебя как в зеркало. Кроме меня, никого. Но другая, другой увидят там тоже только себя. Вот такой кошмар.

Даже Диму не могла видеть, не говоря уже о Вадиме. Они болезненно отвлекали меня от главного. Потихоньку добралась до мысли об уходе как об избавлении от всего разом. Накупила десять упаковок валиума, просила знакомых якобы в Москву. Они покупали в разных аптеках в Алжире. Все готово, но не хватало решимости, какого-то толчка.

В пустоту добавилось отвращение. Я увидела, как они неискренни, как они играют. Никто не говорит, не ходит, руки не поднимет попросту, от себя, без задней мысли. Наташа — подруга, играет добродетель, рассудительность, а как сочувствует! И мне, и Кате… Оля играет добрую куклу, Вадим умного идиота, даже сын, сын играет американца: с улыбкой, с двойкой, с погоней за наслажденьями. Что там, за игрой? И есть ли что-нибудь? А лучше всех играет Катя. Катя играет роковую любовь. Все играют, потому что не чувствуют ни любви, ни ненависти, ни сочувствия другим людям. Возможно, всё человечество — большое дерево. Наступила осень, и все листья висят сухие. Порыв ветра — и всё. Но наступит ли весна?

Письмо 37

Стала приходить к Ольге. Чуть-чуть там отогревалась, зато по возвращении домой особенно ощущала тяжесть. Смотрела на Диму, сидящего за столом, не видя его. Шла в спальню и ложилась. Каждый раз, укладываясь на ночь в постель, я уходила в большое путешествие, и это путешествие могло стать опасным. И дело не в снах, просто ложилась с тяжелым сердцем.

Конечно, много таблеток пила, чтобы спать, и вот однажды ночью…

Рано заснула, но спала недолго. Проснулась от того, что мне что-то говорят, вернее, кто-то со мной разговаривает ясным, отчетливым голосом. Я только слушаю, и мне становится безумно интересно, кто это говорит. Я прошу показаться, из-за ширмы никто не выходит. Я начинаю нервничать, вскакиваю, но не на пол, а на кровать, кричу: «Покажись! Я должна тебя видеть!»

Никого. Я в отчаянии начинаю прыгать, матрас подо мной пружинит, пихает меня в разные стороны, наконец плюхаюсь на постель…

Понимаю, что сплю, хочу поднять руку, не могу. Шевелю пальцами и вижу свою руку совершенно неподвижно лежащей на подушке. Голос продолжает говорить, но не так агрессивно. Отвечаю, но не слышу себя, чувствую только, что шевелятся губы. Веки тяжелые — поднять не могу, рука очень тяжелая — поднять не получается. Еще время проходит, и я с огромным трудом выхожу из сна. Первая мысль — сатана. Пять раз читаю «Отче наш». А может быть, я умерла, а потом воскресла, самореанимировалась?

Вадим спит спокойно, скорей всего, я не кричала и не прыгала. Всё произошло в другой реальности, не во сне. Где?

Боялась заснуть в ту ночь и на следующую. Но сон не повторялся.

Письмо 38. Забудь, что будет

Неделя прошла, а в пятницу, чтобы не встретить Виталия снова, пришлось идти в кино. И там К., проходя мимо меня, шепнул с улыбкой: «Всё. Друг наш в Союзе».

Во время сеанса не видела ни одного кадра. После кино легла в постель и долго ревела. Потом уснула и проспала 12 часов.

Начала приходить в себя.

Садилась на стул у открытой двери веранды и подолгу неподвижно сидела. Говорила себе:

«Вот трава, деревья. Не надо строить никаких планов, никаких предположений. Просто смотреть и дышать. Теперь, после того света, я могу делать всё, что хочу. Я по-настоящему свободна. Какая всё ерунда — твои заботы».

Занялась уборкой, готовкой. Однажды Дима пришел раньше обычного. Я предложила пойти к морю. Быстро пообедали и пришли на берег. Дима что-то рассказывал, а я сидела напротив него и улыбалась своим мыслям: «Смотри-ка, уже не дитя. И на девочку не похож. Будет мужик. С большими руками, ногами. Взглянула на свои немаленькие руки. Будет единственным по-настоящему моим мужчиной».

— Что ты улыбаешься, когда я тебе про Сашку рассказываю, ведь ты знаешь, какой он противный, — упрекнул меня Дима. Вместо ответа наклонилась и поцеловала сына в жесткую макушку.

— Хочешь искупаться? — предложила.

— Ну, нет, холодно. — На пляже почти никого не было, только метрах в пятидесяти сидела компания молодых французов.

Я опустилась на одеяло и закинула руки за голову. Небо казалось красивым и непонятным. Дима начал сыпать мне на живот песок. «Перестань», — и опять я засмеялась и почувствовала себя юной девушкой.

— А на завтра уроки надо?

— Ага, сочинение «Луч света в темном царстве».

Снова стало смешно, и мы засмеялись вдвоем.

Подул холодный ветер. Я поднялась. Французы исчезли. Дотронулась до холодного плеча Димы: «Пойдем, напишем твою темноту вместе».

Письмо 39

Дима прекрасен. Я люблю его больше жизни. Или меньше? Снова потянуло писать тебе.

Тебя больше нет в моем обиходе после всего, что произошло. Никаких мышиных мордочек, никаких ладошек. Всё это принадлежит тебе и никак ко мне не относится. Наверно, если это не любовь, то всё-таки любовь: на заднике моего сознания я рыдаю, и к сердцу подступает темнота, а при

ясном сознании ты — абсолютно со мной не связанное, постороннее существо. Неужели в Москве мы не увидимся?

Письмо 40

Виталик, Талоточка и даже Лодочка — неуютные, неподходящие варианты. Даже с одним веслом. Это моя невменяемость. Что со мной произошло? Помрачение, мрак, помутнение. Испытала впервые в жизни сексуальное влечение в 40 лет. Подарок судьбы или ее грубая насмешка? Во всяком случае, я узнала о себе больше, чем за последние 15 лет. Но прошло ли это наваждение? Есть сомнение. Во всяком случае, знаю, что непредсказуема. В жизни, если она продолжится, может случиться что-то неподконтрольное. Плохо, но греет. А где мои якоря? Где спасательные жилеты? Где лодочка хоть с одним веслом?

Письмо 41

В письмах тебе (или себе?) и, главное, в разговорах с тобой никогда не могла найти верный тон. Что бы это значило? Единственное объяснение — отсутствие серьезного чувства. Мне нужен был секс, и больше абсолютно ничего. Это со мной действительно впервые в жизни. Но секс только с тобой, и больше ни с кем. Все остальные мужчины продолжали для меня существование в виде объектов приятных разговоров, а по существу — неодушевленных пеньков, как это было последние 15 лет.

Письмо 42

Салют кончился, и дым разошелся. Глупая эта жизнь стала чуть-чуть глупее. Поплакать о тебе, обо мне так и не удалось. Уметь плакать тоже нужен талант.

Пора вспомнить о себе и о маленьком.

Это вовсе не для того, чтоб тебя разжалобить, нет. Мне хочется, чтоб ты мне пожаловался или похвалился, повел себя по-человечески. Я вовсе не выпрашиваю любви, но хороших отношений, тем более платонических (не к ночи будь сказано), хотелось бы. Кажется, я опять улетаю. Африка бестолковая. Но на Москву надеюсь.

Как мне хочется, чтоб ты прочитал все эти «письма»…

Письмо 43

Что такое твоя жизнь. Это точка зрения, с которой ты на нее смотришь. Вот стоишь на точке, с которой жизнь твоя благодать. И жизнь наполняет ладонь полновесными каплями счастья. Ты растешь, растешь сама в себе. Если люди не замечают этого, бог с ними. Я бы их любила, но они не так просты, чтоб позволить мне любить себя.

Проходит время, и точка зрения меняется. Ты ощущаешь себя никчемной, ничего в жизни не сделавшей. И жизнь становится непереносимой. Ты сама себе в тягость. И выходишь на поле боя, где против тебя стоишь ты сама, и в колчане ни одной стрелы, в кармане ни одной монеты, а в голове извилина извилине — колючая проволока. Только и есть что протяжная песня без мелодии и ритма. Боль? Нет. Боль — организация. Здесь хаос. Даже музыку слышать из собственного хаоса невыносимо. А уж муж! Никогда не говори близким, а особенно своим мужчинам, то, что ты о них думаешь. Откровенность должна быть строго дозированной и продуманной. Совместная жизнь невозможна, если супруги открыты друг другу.

Интересно, а если супруги закрыты, то зачем она — совместная жизнь. И вот еще про точку зрения. Думаю, она образуется если не в детстве, то ненамного позже. Какой взгляд у тебя получился, такой и будет. «Выхожу

один я на дорогу» — как выйдешь один, так всю жизнь и прошагаешь. Даже если вокруг — толпа.

Письмо 44

В те моменты, когда я могу посмотреть на себя со стороны, понимаю, что мои поступки, да и вся жизнь, идут от гордыни. Во всех отношениях с людьми работает чувство превосходства, но сознаю его чрезвычайно редко, так и живу, никак с этим не сообразуясь. И вот не могу из-за гордыни понять и довериться Вадиму, не умею, хотя бы для вида, подчинить себя Виталию.

Откровенно говоря, и не хочу. Не хочу, потому что слишком собой дорожу, своими мыслями, поступками да и своей внешностью. С детства была гордячкой и такой останусь, переделать себя — кому это под силу? Только не мне. Виталий меня ломает, но, боюсь, ему это не удастся.

Конец дневника

Памяти Анны

20-го января Вадим уехал на похороны жены. Что и как случилось, я тогда так и не узнала.

Нет. Я не стану рыдать в подушку. Нет у меня такой опции. Я сделаю вид, что ничего не произошло, что она там живет, как прежде, с Димой-Вадимой, а то и с Виталиком. Нет.

Но прошла неделя, и я начала как будто верить, что Анна где-то рядом. Не та спокойная и немного заторможенная подруга легендарного Серафима, а весенняя, напряженная и очень чуткая. Были моменты, когда я чувствовала прикосновение ее руки. Или представляла ее внезапно в золотом закате на веранде, светящуюся собственным светом.

И наконец я ее увидела. Она стояла ко мне спиной на углу центральной улицы Алжира. Я знала, что это не она, но сходство было такое полное, что я остановилась как вкопанная и смотрела, пока она не перешла дорогу и не исчезла из виду, сердце бешено билось.

Уход Анны для меня загадка. Между Сциллой и Харибдой мы проплываем не единожды в жизни. Но смерть отступает неизбежно, пока ты жив, пока жизненные силы не угасли окончательно. Никуда не деться от угасания, но никуда не деться от жизни, пока она есть. Как же тебе, Аня, всё это удалось? А ребенок, я даже не знаю, жив ли он.

Смерть — муха. Она живет в твоем доме, но обычно ее не видно, чуть мелькнула, исчезла, кажется, что ее не было, что это глюк, — увидела и долго разглядываешь место, где она только что пролетела. Обычно там пусто, но иногда снова как будто мелькнула, даже прожужжала. И тогда доходит, что смерть не конец, раз жужжит, — это что-то, существующее отдельно от тебя. Но без тебя, скорее всего, ничего нет, её маленькая скорбная мордочка неуловимо направлена на тебя, и глаза неотступно за тобой следят.

Зашла к Ольге. Она ничуть не изменилась, хотя почему она должна меняться, с весны прошло так мало времени. Охала и ахала по поводу Анны, но мне не верится, что это искренне. Ничуть не хочу умалить Ольгу, скорее всего, я пришла в момент, когда ее мысли были далеки от темы, мало кто может переживать долго, не прерываясь. А может быть, это оттого, что она плохо ко мне относится, по крайней мере, не доверяет? Оля как-то не совсем охотно сказала, что у Вадима есть письмо для меня от Димы.

Пришла на знакомую виллу. Открыл Вадим, сильно постаревший, еще более замкнутый, чем обычно, протянул запечатанный конверт. В комнате витал слабый запах кислой немощи. Я сказала ему положенные слова соболезнования, вернула дневник Анны, он опустил голову, я постаралась побыстрей ретироваться, — не знаю в такие моменты, что говорить. В детстве умела сочувствовать сверстникам и выразить сочувствие, сейчас нет.

Началось письмо, написанное твердым детским почерком, словами: «Здравствуйте, тетя Наташа». Дальше шел такой сумбур, что разобрать что-нибудь было трудно. Поняла, что старается учиться и отметки не ниже четверки. «Мне теперь не до глупостей», — написал, и я, конечно, не полностью, но верю, что память о матери будет хранить его от плохого хотя бы первый год. Но трудно ему будет, в таком возрасте потеря любимой матери может стать травмой на всю жизнь.

Взрослый человек писал бы по-другому или совсем не писал, но сама Анна, разве я не видела детские черты в ее характере. Возможно, мне так кажется, потому что после смерти мы все становимся детьми, добрыми и милыми.

В июле моя Африка кончилась. Мальчики с горящими глазами, с головами, где кипит всё, кроме того, что я им говорю, сменились спокойными блондинами, кроме наступающей сессии, безразличными ко всему. Отвращение к преподаванию осталось, но пришел сентябрь, потом октябрь, и жизнь покатилась в бессознанку. Те же четыре стены, та же меланхолия.

В октябре позвонила Катя. По старой памяти пришла ко мне. Как прежде, все разговоры крутились вокруг Виталия. Наконец вытащила знакомую тетрадь: «Я хочу, чтоб она была у тебя. Сначала хотела выбросить, потом про тебя вспомнила, все-таки память об Анне». Я спросила, не знает ли она, как Аня уходила, и Катя спокойно ответила: «Да все знают, попала под машину. Вечером поздно возвращалась домой с Димой, выскочила поймать такси, и все. Два дня еще помучилась».

Я спросила, а как ребенок. Она ответила, Дима в порядке.

Потом рассказала, что Вадим принес им дневник, ничего не объясняя, протянул Виталию: «Вам». Но Виталий открыл тетрадь пару раз и спрятал подальше. Потом объяснил Кате, что даже вид «подарка» его расстраивает, выбивает из обычного состояния. «Виталя художник, чуткий, ранимый человек, дневник помешал бы его творчеству, ни он, ни я не можем этого допустить», — объяснила Катя.

И вот я могу посмотреть на жизнь Анны целиком. Так она и прошла по своей дорожке то фраером, то фокстротом. Жизненные привычки, характер — всё меняется, и сама смерть, как активный участник жизни, вносит свой аккорд, если бы смерти не было, проход был бы не завершен; оставалась бы неопределенность.

Анна не может уйти от меня. Это насчет нерукотворного памятника. Пока я жива, она существует в моей голове. Мы разные, но это была юность, и мы смогли очень тесно сойтись в эмоциях, суждениях, несмотря на то что друг друга часто не понимали.

Жара. Полдень. Все на работе. Мы с Аннетой вдвоем идем купаться. Бежим, летим, отрываемся от земли. Прилетаем — никого. Бросаем вещи, и вот мы в море. Аннета плавает хорошо, но никогда не опускает голову в воду. Ее голова в резиновом берете тихонько покачивается над волнами. Я должна чувствовать воду глазами, щеками, затылком, она ведь блаженство, и нельзя упустить даже капельку счастья.

Выходим на берег. Неожиданно налетает холодный западный ветер. Чтобы сбросить мокрый купальник, я надеваю на себя мешок, оставленный мне Катериной. Такие мешки берут на пляж многие наши женщи-

ны. Это большая ситцевая труба с резинкой вокруг шеи. Пока я вожусь в мешке, нырнув туда с головой, по песку к нам ползут маленькие арабчата. Неведомо откуда взялись. Они хохочут, поворачиваясь то на бок, то на живот. Аннета сердится, она вообще не стала переодеваться, накинув только халат. Двое, как темные гусеницы, уже ползут в пяти шагах от меня. Мне смешно, но я спешу, чтобы поскорее уйти с пляжа.

Мы взбираемся на горку. Идем по городу, молча наслаждаясь прохладой после купанья. Аннета сворачивает в сторону своей виллы. Я иду прямо к себе. И тут она поворачивается ко мне:

— Я же тебе сказала, что…

Налетает ветер и уносит ее слова.

Что она мне сказала?

Эпилог

Добро пожаловать в старость.

Старость — это изгнание из общества.

Энергичные люди варят жизнь: послойно, по очереди, дружно. Взгляд на немощь, пожатие плечами, мимо-мимо, мимо.

Старые люди существуют для действующих людей как интерьер, как стены на улице и как лужа на пути. Что-то, что надо пройти, преодолеть, иногда подвинуть.

Есть люди добрые: «Что тебе, дедуля, булочку? Возьми пятьдесят рублей, купи себе».

А ты смотри из своего окна на поток быстрых людей. Тебе там не место. У них дела, а у тебя что? Ты корка хлеба, оставленная вчера на подоконнике.

И тогда деменция — как защита от сознания полной ненужности, нелепости существования.

Скажи деменции «нет». Мы пока чувствуем себя на голову выше всей толпы энергичных. Хотя бы потому, что наше сознание сформировано не только математикой, но целым поездом разного опыта.

Так почему не представить, что нам опять двадцать, что мы все вместе, ну, допустим, на Луне.

Мы на Луне

Кажется, пора кончать. Лунный кот Спиридон велит закрыть книгу, он наблюдает за мной, не выходя из контекста.

Близится полночь, и я смотрю на Луну. Огромный, рыжий шар на ярком синем небе. Эй, Луна, смотри не поскользнись.

Этот спутник, можно сказать, нас пригрел. Там, на другой стороне, все мы, участники моих текстов. Аннета хлопочет по дому, ей в помощь все наши мальчики: Ваня, Саша, Валера, Славик, Виталик, Захар, Володя и девочки: Катя, Рина, Вера, Лена, Тамара, Галя, Наташа и некоторые другие.

Валера? Неужели тот самый? Нет, опять воспоминания.

Это произошло через год после моего возвращения из Алжира.

Лето. Каникулы.

Проснуться в холодной влажности лесистой местности на берегу горной реки в маленьком домике, где слева и справа такие же домики. Проснуться в полутемной комнате на высокой кровати, проснуться вдвоем.

Для обоих это впервые, для обоих неповторимо. Он хочет знать о ней всё — по неопытности. Она тоже хочет, но выборочно.

И вот, пока утро не кончилось, отправляются в поход вверх по дороге-улице. Слева шумит река, работает, вращая камни, как лопасти, справа безмолвные домики. Выше, выше улица переходит в тропу.

Он идет, что вверх, что вниз, не замедляя, не убыстряя шага, его походка не меняется, даже когда приходится спускаться, переходя с тропы на тропу. Она на крутом спуске, как в детстве, бросается на траву и катится, смеясь и вращаясь всё быстрее. Он останавливается, смотрит на нее и продолжает идти.

Вот они садятся, плотно прижавшись друг к другу. И сидят и говорят, и говорят. А что ж еще делать? Целоваться? Целоваться, целоваться, стоп. Они уже не одно. Их уже двое. Каждому интересно, конечно, твое, но половина твоего уже известна, значит, интерес ополовинился.

Спускаться откуда-то из-под сосен, из-под облаков придется в глубоких сумерках. Справа от тропы травянистый крутой обрыв, и оттуда какие-то звуки. Звери? Люди? Ей страшно. Она старается идти поближе к нему, а он вроде как то ли не слышит, то ли не боится. Да, по здравому смыслу бояться нечего, думает она и чувствует благодарность к нему. Минут через пятнадцать появляются признаки жилья. Снизу доносится детский призыв: «папа». И тут не громко, но отчетливо он говорит: «иду».

Такие или почти такие дни потянулись незаметной цепочкой. Но для каждого из них цепочка выглядела по-своему.

Он принадлежал жене и детям, и всё, что здесь происходило, казалось фейерверком. Он видел, что она иногда к нему охладевает, не понимал почему, и ему казалось, что он виноват.

Она не вспоминала про его детей, тем более про жену, в ее голове маленькие живчики радости пели и плясали, это и было фасадом, оболочкой ее «любви». Такую оболочку невозможно отколупнуть, но, когда она сама развалится, окажется, что под ней ничего не было.

Через десять дней они вернулись каждый в свой дом.

Прошло лето, осень пролетела листьями вместе с их осыпающимися свиданиями. Зима поразила небывалыми морозами. Пришла весна. Они гуляют в пустом парке. Он кажется ей таким домашним, ручным, она говорит: «Вот мы с тобой состаримся и будем, как сейчас, ходить по этой дорожке». Она верит тому, что говорит, а он видит, что ее уносит каким-то ветром, не вписанным в реальность.

Ему хотелось от нее детей, хотелось домашнего тепла, которого дома чем дальше, тем становилось меньше. И понимал, что она другая. Ему нравились ее стихи, советовал продолжать писать, говорил, что, когда стихи сами выскакивают, это правильно. Она уже знала, что это неправильно. Пришло желание работать над стихом. Вначале писала, закрыв глаза и уши, только чувством, и вот на строчке «Пустых тутышек холостой Касьян» вдруг почувствовала, что это хорошо просто по звуку, вне смысла. Время от времени повторяла эту строчку, и становилось весело. Проснулся слух и уже не засыпал так крепко, чтобы совсем не слышать себя.

Вы, надеюсь, поняли, что я поэт, — кто же, кроме поэта, так мечется в пространстве, не находя себе места. Кто так блестяще вводит в заблуждение себя и окружающих? Да и любят поэты только в мечтах, когда душа ничем не обременена. Зато наяву мучаются — от чего? От всего. И знакомые мои тоже часто поэты. Вот один из них прислал письмо, кстати, стихи у него хорошие. Сейчас вы поймете, что за письмо: вот оно, перед вами, — это его записи об опыте собственной инициации.

«Я жил среди волков и гиен во Владимирской области. Это во мне заложено генетически.

Уверен, приходили и тигры, но я их не видел, верно, они знают, что я посол космоса, и не готовы вступать со мной в контакт.

Изредка я входил в крошечные избушки людского населения, чтобы взять у них кусок хлеба. Питался я мышами, которых приносили мне волки. Время от времени я выходил из своей пещеры, чтобы сообщить последние космические новости. Волки внимательно меня выслушивали, сопровождая самые огненные новости пением, но по окончании моей беседы легкомысленно разбегались. Такое их поведение натолкнуло меня на мысль, что они не понимают сути дискурса и наслаждаются лишь звуками моего бархатного голоса.

Тогда я на очередную лекцию вышел без одежды, несмотря на холод, и стал пересказывать новости языком танца. Волки, а это были три моих лучших друга, включились в перформанс, но вдруг я услышал чисто английскую речь: это говорил маленький шакал, — мои лесные братья и я подкармливали его остатками мышей.

Тут я понял, что не разобрался в жизни моих друзей, ведь английский, а это язык говорящих ворон, я еще не преодолел.

В это время сакральный луч коснулся моей головы, и я покинул Владимирскую область. Так я обрел себя».

Против такого обретения не возразишь. И всё-таки солевых пещер в голове моего поэтичного друга не хватает, ранг не тот. Думаю, поэт тоже, как мой друг Коловрат, слышал «ку-ку» в своей голове, но пренебрегал этим, как и другими земными звуками, общаясь исключительно с космосом. А космос — он что? В нем растет всё, кроме слов. И вот приходит поэт и начинает сажать в космосе слова. А они потрясут головками и завянут.

Шекспир, Бодлер, Лермонтов, Пушкин сажали слова в космосе, но они чудесным образом взошли на земле. Это особый дар, это не поэты с нашей современной точки зрения. Ведь поэзия, она что?

Вот бродит по земле редкая птица и рвется в небо, курица над ней смеётся, гордый петух норовит клюнуть; не замечая их, бредет птица всякий раз в другую сторону голыми пятками по раскаленному песку, синими глазами по черному небу, тонким голосом среди ревущей толпы — редкостное счастье встретиться с ней.

И прощальный аккорд

Конец благополучен — мне не досталась его душа.

Нет, мне не надо его тела, желаний, хотений, суждений, но розовую раковину души я бы взяла. Держала бы в руках, держала, а потом положила бы в ящик стола и время от времени доставала и рассматривала. На что она мне? Моя душа легкая лодочка, плыла по течению, по ветру, по хотению, а то зависала на месте. Зато сама я умела сжимать зубы, губы и держать лодку, подчиняясь течению, но сохраняя ее внутренность сухой, а он житель раковины — мягок, уязвим, но душа держала его по всем правилам морской жизни. Мне нужна была только душа. Я хотела на нее опереться. Она твердая и розовая, как раковина. Как раковина — хрупкая. Ее легко разбить, но невозможно изменить ее форму.

Но я-то, я-то какова, второй раз просто не могла себе позволить оказаться снова в той же ситуации. Вот и выходит, получивший нелюбовь передает ее следующему, тому, кто его полюбит.

Валера — противоположность Ване. В нем сидела такая твердая постоянность, как во мне в отношении к Ване.

Получается, это единственный человек, меня любивший, но, к сожалению или к радости, в жизни мне отпущена только одна любовь.

Так что?

Вот наш последний день в горах. Собрали вещи и только отошли от дома, я вдруг почувствовала рядом с собой совершенно чужого человека. Это произошло в один момент, но… но прежнего отношения к нему больше мне не найти.

Да, была любовь, наш отпуск в горах оказался феерическим.

А теперь?

А теперь мы на Луне.

Если от маленького метеорита домик рушится, наш коллективный разум воображает домик лучше прежнего.

У меня там свой кубик, откроешь дверь, ты со всеми, закроешь дверь — одна. На столе в моем кубике тот самый белоснежный кот Спиридон. Сначала он со мной беседовал, а теперь всё больше молчит. Надо бы его научить танцевать, он уже не отворачивается, когда я его, вставшего на задние лапы, веду под музыку.

Танец — лучшее, что придумала Луна со своим отсутствием гравитационной прилипчивости. Танцуя, мы не перестаем выдумывать новый жест, новый дом, отыскивать новое слово. А новые имена? Например, Эльпидифорий, едва запомнила, уже сменил имя, теперь он, по-моему, Вася. Мой любимый долго называл себя Сильвестром, но, конечно, пришло время, Сильвестр стал ему не по сердцу.

Ну, и будет тебе, не говори больше плохого про свою любовь. Кроме неё что у тебя есть? Мы с ним, какие бы мы теперь ни были, остались теми самыми двадцати с чем-то летними, без слов поговорить всегда можно. Слова и тогда только мешали.

Да, почему обратная сторона Луны? Захар всю жизнь работал околоземным мусорщиком, фиксировал в каталогах старые потеряшки и прочую человеческую несуразицу. Он больше не может смотреть на Землю и видеть мусор.

Вот такая жизнь. Другая? Она и всегда другая. Где-то поблизости обитали другие группы людей, наверное, друзей, но мы не обращали, одна группа на другую, никакого внимания.

И вот однажды после прилета космического разрушителя, когда все поломки были исправлены и забыты, Аннета сказала Славику: «Посмотри, вчера у себя во внутреннем кармане нашла». И показала ему маленький двустворчатый орешек. Славик взял его в руки, оглядел и посоветовал Ане не открывать створки.

Долго ли, коротко, один за другим стали наши лунные жители обнаруживать у себя в карманах орешки. После того как Валера категорически отказался показать свой орешек, в коллективе признали за аксиому: «Орешки не подлежат общему разглядыванию».

Теперь каждый мог превознести свой орешек, приписав ему невероятные внешние и загадочные психические свойства.

Никто не смел заглянуть внутрь орешка, расколов его, пока вдруг Аннета не призналась, что ее орешек давно открыл створки, и, самое неожиданное, она нашла там маленький сияющий камушек. Она назвала его бриллиантом.

Большинство не поверили, сопротивляясь вероломству Анны, но в скором времени Марианна обнаружила у себя в орехе большой бриллиант. Постепенно один за другим мы заглядывали в свои орешки и находили там что-то вроде блестящего камушка.

Первым Захар вдруг объявил: «Нет там у меня никакого бриллианта. Вообще орех пуст».

Один за другим наши мужчины признались: «Не было никаких бриллиантов». Но тут Ваня тихо сказал: «Мой бриллиант величиной с кулак». Мы усмехнулись: величиной с кулак в орешке с ноготок? Но чего не случается в космосе?

Наконец Аннета призналась: «Я поняла. Бриллиант дается нам за мученья на Земле. А кто не мучился сильно, у того и бриллианта нет». Её поддержал Глеб (помните, на Алтае жил в отдельной палатке): «Дело не в драгоценностях. Чем ярче грани на камушке, тем полнее ты понимаешь обе створки, и жизнь свою, и свою смерть. Это космос хочет с нами общаться».

Такого мехмат не вынес. Виталя тихо ему возразил: «Космос? А ты сам что, не космос»?

Тут уж наших мальчиков понесло. Особенно досталось обладателю бриллианта величиной с кулак: «Ваня-то у нас великомученик. Что ж ты, Ваня, в этой лунной пыли застрял? Тебе место в иконостасе: Иоанн женоугодник». Особенно жестко выступал Володя, он никогда и не говорил, что нашел орешек. Вот его слова: «Аннета, орешек попал тебе в открытую ладонь, когда ты заснула. Это бродячая лунная овечка уронила его тебе на память». Анна парировала немедленно: «Так ты, оказывается, фантаст!»

Но версия лунной овечки понравилась. Если кто-то, вглядываясь вдаль, не разглядел то, что он там видит, ему говорили: «Что непонятного, это лунная овечка отбилась от стада».

Так постепенно ореховый бум погас.

Танцы продолжаются. Кот Спиридон наблюдает.

Если кто-то доберется до О. С. Луны и увидит колебания призраков, пусть не смущается. Это мы танцуем. До встречи! Эльпидифория Ли.

ВОТ И ВСЁ, ЧТО УЦЕЛЕЛО.

Сергей Будяков
И отстоялось время

***

уйти за свою речь
и там остаться,
плести созвездия из слов
и тьму меж ними полюбить,
а слёз твоих никто
не сможет видеть

Уравнение

Лифты отключены,
и, поднимаясь пешком
по чёрной лестнице, ты
будто ввинчиваешься в дом.
А когда переводишь дух
на очередном этаже,
снова решаешь у-
равнение о душе:

здесь Анненского отвес
и маятник-Мандельштам:
слева выход — вверх или вниз,
справа выход — к чужим дверям.
Но чужие тебя не ждут,
а в небо рано ещё, —
и продолжаешь путь
туда, где пока прощён.

Полёт птицы

Не может отразиться
в небе птица —
а жаль, —

Сергей Будяков — окончил радиотехнический факультет Уральского политехнического института (УПИ, нынче — УрФУ). Стихи публиковались в нескольких коллективных сборниках. Живёт в Екатеринбурге.

её полётная скрижаль
нетленной быть могла,
когда б окаменели облака.

Но, может, всё же мимолётность
рождает плотность,
которой держится слеза.
А ветер нас давно связал

той парадигмой постоянства —
её полёта в небесах —
стирая страх
пропажи, когда в точке,
где начинала свою строчку,

не оставляет и следа,
как будто сделана из льда,
и, тая,
снова возникает.

***

Изношенность лиц… И берега.
Сколько воды утекло.
И отстоялось время —
печалями залегло
в морщинах. Солнце высушит
слёзы. Но губы тоже…
Там, по течению выше,
ты — но только моложе.

***

Всё — где-то — в отражённом свете.
Простор велик.
Не ограничена свобода в беге,
и не работает магнит —

и стрелка компаса свободна.
И день — за год!
А подо мною: над трубою парохода
неслышно снег идёт…

***

Тычешь вилкой дырки в сыре
и кладёшь их в рот,
и живёт в твоей квартире
неизвестный год, —
отвечает на вопросы,
только невпопад,
а глаза его, как осы,
жалят и болят.

Продувает щелевое
солнце край окна,
двери крепко на запое
памяти вина…

***

Вернуть себя себе, —
как, выдох сделав, вдох, —
всё отыграть успев,
не тратя лишних слов,

чтоб за порогом дня,
плеснув вина в бокал,
другой смотрел в тебя
и ты ему не лгал.

***

Погаснут костры,
ветер угли остудит, —
опустит глаза поэзия:
яблоко-облако, полые люди,
роза-ничья срезана.

***

Стрекозы ломают с лёту
луч света. Омыто лето
дождливой слезой на ветру.
Девичья невинность леса
оправдывает наготу
холма. И касаться руками
его не стоит — сами
ложатся травы… Во рту —
катится звук в немоту.

***

Лёд припорошен —
припорошен
лёд,
стоит в начале
год.
Стоит в начале.

Не видно ни следа —
пока
следа.
У кромки
льда.
У кромки…

***

Нежность — лист, опадающий с дерева,
запах младенца, когда коснёшься щекой,
даришь цветы —
а она немного растеряна
и поправляет прядь
своей тонкой рукой.

***

… чередуя себя с иным,
может быть, обретёшь лёгкий выдох
и шагнёшь, как покажется, в дым,
но надеясь, что к свету — на выход.

***

Уже без пяти сорок, —
это возраст.
Время затеяло ссору —
поздно.
Теперь никому не соперник —
зритель.
Но, может, последние первыми
идут, Спаситель?

Сергей Платон

Погуляем-ка!

Миниатюры из книги «Город Бург 300+»

Город Бург

Вот вы и в Бурге!

Добро пожаловать в Свердловск и Екатеринбург, а также в Катер, Катьку, Ёбург, ЕКБ, ЕКАТ и даже просто в город Е!

Вот сколько славных и не очень, просторечных и официальных, возвышенных и низменных имён выдумала себе за триста лет столица Урала.

Ну, о том, какая мы на самом деле столица и чего именно, надеюсь, будет ещё время посудачить, пока давайте с именем определимся. Наш город к финалу третьего века жизни чаще всё-таки именуют Бургом — как сами горожане, так и гости.

Бург… Сколько смыслов запечатано в этих четырех буквах!

Ведь это не только острог, говоря по-русски, но и крепость, замок, резиденция, убежище, укрытие. Это, говоря уже по-европейски, центральная часть феодального поселения, вырастающая в город и со временем утрачивающая оборонительные функции, при том наращивающая функции централизующие, единительные во всех смыслах.

Всё, что могли, на этой территории уже утратили и нарастили. Да, совершенно евразийский получился городок: азиатско-европейский перекресток финансовых, торговых, исторических, культурных, индустриальных, творческих, и множества других прямых или замысловатых путей. Перекресток в центре континента. Пожалуй, самая заметная граница частей света, ярко обозначенная приземистым хребтом Уральских гор, прекрасно видимая хоть из космоса, хоть из окна железнодорожного вагона, хоть из иллюминатора авиалайнера.

Девочка с абрикосами

Город пропекает сухой зной, а на узком тротуаре — хоть и липовая, тюлевая и несвежая, но тень. Здесь тоже жарко, однако же не так ослепительно. Редкие потеющие прохожие идут лишь по этой стороне маленькой улицы.

Сергей Платон (Платонов) — актер, режиссер, редактор, прозаик. Учился на актерском факультете в ЯГТИ и на режиссерском факультете Московского ТИ им. Щукина. Преподавал практическую режиссуру в ЕГТИ. Постановщик спектаклей, разработчик многих рекламных проектов, автор нескольких книг и пьес, а также сценариев, рассказов, миниатюр. Публиковался в журналах «Медиа-пилот», «Рекламный штурман», «Урал», «Проталина» (Екатеринбург), в первом сборнике рассказов книжной серии «Ковчег» (ИД «Городец», Москва). Финалист литературных конкурсов «Открытая Евразия» (Лондон), «Белый шкаф» (Киев), Всероссийского драматургического конкурса «Действующие лица» (Москва), «Волошинского конкурса» (Коктебель), «Каверинского конкурса» (Полярный), Славянского литературного форума «Золотой витязь» (Москва). Живет и работает в Екатеринбурге.

Толстая рыжая девочка с балкона пятого этажа бросает им под ноги шоколадные конфеты, и улыбается. Люди уворачиваются, усмехаются, плавно бредут себе по неотложным делам на свет в конце короткого тенистого тоннеля. Зато слетаются голуби, пробуют расклевать конфеты, треплют их за фантики, дерутся.

Останавливается только пара медленных стариков «на палочках», очень по-разному одетых. Старик в теплом темном шерстяном костюме «тройка» и черной бейсболке, старуха в рыжем пляжном сарафане и широкополой соломенной шляпе. Отогнав голубей, собирают все конфеты, говорят что-то неслышное куда-то ввысь и машут тросточками в сторону балкона. А оттуда, сквозь плешивые кроны вековых лип, к ним на головы тут же летят персики, нектарины или, скорее всего, перезревшие сочные абрикосы.

Фрукты взрываются яркими солнечными вспышками на сером землистом асфальте. Старикам они не нужны, за них принимается резко слетевшая с соседних крыш огромная голубиная стая, которую уже не отогнать.

А солнечная девочка счастлива. Она смеется.

Ходят и ходят…

Ее лицо напоминает школьный скомканный тетрадный лист «в клеточку», такое же черно-белое, а точнее — бледно-сизое скорее...

Совсем нестройная и перепутанная сетка морщин старухи хорошо рифмуется с ее измятыми косынкой, сарафаном и фартуком, тоже расцветочкой в клеточку. Да и вся она какая-то помятая, худая очень, кривая, косая и нестройная, будто придавленная чем-то, а потом расправленная.

Нудно шоркает туда-сюда маслянистой тряпкой по круглым высоким столешницам мелкой городской закусочной-стекляшки, за которыми небогатые люди едят стоя, относит подносы с объедками и вечно что-то там себе под нос тихо бубнит, даже не бормочет, а еле слышно сипит или шепчет с утра до вечера из года в год.

— Ходят и ходят! Жрут и жрут! — вот что она говорит постоянно.

Ясно. Мы-то, относительно небогатые или экономные, по-быстрому тут перекусим да дальше побежим по своим небогатым срочным делам, но на наше место приходит тысяча других экономных. И так — весь день! Не глядя в лица, и не различая лиц, она слегка нас ненавидит. Не кого-то конкретно, всех, вообще.

Много лет уже не может же она себе позволить такую аппетитную еду, хоть и нюхает ежедневно. Так, макарошки с маслом пустые, да пельмешки с майонезом, да килечка в томате иногда, а с зарплаты — кекс «Свердловский» к чаю раз в полмесяца. Вся вкуснота!

А мы тут, такие благополучные, вечно ходим и чавкаем ежедневно у нее на глазах, ходим и ходим.

Свиристели

Дикая яблоня и рябина за зиму вымерзли, оттаяли, забродили. Пока еще ледяные и снежные (ночью-то минус) газоны и тротуары щедро усыпаны алыми винными ягодами.

Местные птицы на это хмельное роскошество глядят равнодушно, им бы пшена где раздобыть по случаю или заплесневелый счастливый батон разыскать, или удачно втиснуться в толпу под ногами очередной «бабули-сеятеля», широкими жестами разбрасывающей вокруг себя довольно неприятные на вкус овсяные хлопья «Геркулес».

Голуби, воробьи и синицы фруктово-ягодный винный десерт поклевывают иногда, но как-то без энтузиазма. Во-первых, этого добра — вон сколько, в каждом сквере хоть заклюйся. А во-вторых, что-то не очень радует мест-

ных эта традиционно весенняя, неимоверно обильная выпивка на пустой-то желудок. Брюхо бы для начала набить, наклеваться бы досыта.

Вот тут и появляются в городе свиристели. Они иногородние, они проездом, они прилетают огромными стаями и надолго в Бурге не задерживаются. У них здесь пир, у них здесь радость. Они совершенно искренне недоумевают, косясь на стайки здешних идиотов в сером и сизом оперении. Мол, даром столько выпивки у вас, а вы не пьете! Больные, что ли?

Чем там еще наклевываются нарядные гастролеры, мне неведомо, но все плоды с деревьев города они сметают подчистую за неделю. Красивые, нахальные, что-то эстрадное есть в их модном оперении, особенно хохолки. С нашими-то тусклыми аборигенами этих залетных даже сравнивать не стоит. Что-то большее они понимают и в птичьем быте, и в винных ягодах. Налетают колоритным вихрем, не орут, не гулькают и не чирикают, срывают все плоды с веток и с газона подметают, и также вихрем улетают.

Бывает, некоторые особенно охочие до плодово-ягодных настоек как бы случайно отбиваются от стаи и, никуда не торопясь, уже пешком и под хмельком, ходят-наклевываются. Знают ведь прекрасно, лоботрясы, что стая не оставит, стая обязательно за ними вернется. А возвратившись, — клюнет в одно место, обязательно заставит протрезветь, припомнить, как положено летать приличным птицам, а не ходить пьяненькими по помойкам, да заберет с собой без лишних разговоров. Хочешь, не хочешь — потей, но лети со всеми из теплых краев в родные места птенцов выводить, как положено!

Ежегодное нашествие свиристелей в нашем городе — верная примета весны. Эта птичья пьянка железно прогнозирует хорошее тепло через неделю-две, неминуемое набухание почек, верный сход снега и пронзительное чириканье журналистов муниципалитета на тему неожиданного паводка.

Часто скучаю я по этим временным пьяницам, не вижу их в картине города других сезонов. Жаль, что местным не дано ни хохолков залихватских, ни эстрадного оперения. Пускай нечасто и совсем немного, но бывает жалко наших серых, которые набили брюшко, наклевались от пуза, как сумели размножились, а хохолок-то так и не вырастили.

Лоснящийся

Это же не мужчина, это какой-то широкий бюст человека на грузных коротеньких ножках, облаченный в атласный дорогой костюм «с отливом». Это — глава частной юридической компании, в коридорах которой постоянно сидит небольшая очередь из перспективных клиентов, а в районных судах постоянно идут разбирательства, инициированные «бывшими перспективными».

Нервничает. И без того лоснящееся лицо покрывается дождливыми каплями пота и начинает блестеть, как костюм. Суд вновь его нашел на третьем адресе, несмотря на перерегистрацию юридического лица, замену гендиректора и переезды офиса.

Досадливо и откровенно хамит в лицо спокойного судебного курьера, мол, «это — не я» и «это — не мы». В общем, ведет себя истерично, напрочь потеряв юридическое лицо.

А курьер неторопливо (что раздражает еще больше) вписывает в нужную графу судебной повестки стандартную фразу: «Не вручена вследствие отказа в получении». Далее будут действовать судебные приставы.

Не нравится. Кричит: «Это не мы! Это не я! Так и пишите!»

Лоснящемуся явно жалко денег, это очевидно, это же опять придется переезжать! Он нервно ковыряет мизинцами в волосатом ухе и нюхает ногти. Он совсем забылся от минутного отчаяния. Но судов он не боится ничуть, он же юридический знаток. Он и в телефон, и по электронной почте всем судам давно объяснил: «я не пукну... я не пукну... пук... это не я». Что непонятного?

Хорошо, что суды в России по-прежнему не шибко скорые, однако настырные. И этот уральский армянин с идеальной русской речью, но, уж простите, совсем не в идеальном костюме, еще восемь раз переедет вместе с офисом, обмишурив по дороге не один десяток граждан, пока не случится у него неотвратимый принудительный привод в судебное заседание. Эта перспектива его и нервирует. Не хочет он о ней думать. Сегодня оторётся, отхамится, отбрыкается... и как всегда поедет «вкусно кушать» в ресторан вечером, жирно и сладко. Знает же прекрасно, что так и будет лосниться, пока опять не посадят.

С ним-то всё ясно. Загадочна и очень интересна очередь, постоянно несущая ему большие деньги.

Боль

По поздней осени, по мокрому снегу и гололеду городские службы благоустройства согнали на бульвар оранжевые тракторы и мужиков в оранжевых жилетах с бензопилами в руках, тоже оранжевыми.

В этот раз благоустраивали старые деревья. Прикрепив металлический трос к ветвям сомнительного, на их взгляд, векового растения, разгонялись и дергали трактором. Несчастное дерево трещало от боли, стонало и плакало, покорно раздваиваясь на неровные половины. Ту, которой удавалось удержаться за корни, оставляли жить, другую дорезали визгливой бензопилой и грузили в равнодушно плетущийся по тротуару оранжевый грузовик. К закату многие стволы покрылись светлыми слоистыми ранами в человеческий рост, красивыми и свежими.

Боль часто замечательна, гармонична и даже живописна по-своему. Пока мир часто корчится от боли, это, пожалуй, основная тема всякого хорошего художника.

Исторический максимум

В екатеринбургском Доме Метенкова этой ночью дышалось тяжко, будто в деревянном туеске, оставленном в остывающей русской печи. Глотаешь жаркий воздух полной грудью и не можешь продохнуть, такой тягучий дух завис во всем особняке, тяжелый, маслянистый и невкусный. Было легко почувствовать себя куриной грудкой, карпом или раком, тушенном в собственном соку. Трактирным блюдом я себя и ощущал.

Пикантный пот подчеркивал все те же чувства. Какими же им быть в подобной атмосфере? Где пот, там и кабак, трактир. Тем более, в таком пространстве — второй этаж особняка из девятнадцатого века. Тем более, второй этаж на каменной основе первого, плюс — жестяная крыша. Подобные дома в свое время звались полукаменными.

Таких домов пока по городу живет еще немало, хоть их и резво выкорчевывали в ельцинские времена, да и в нынешние тоже продолжают изживать из городской среды. Оставшиеся, крепко впившиеся в историческую часть, сейчас напоминают угли. Днем раскаляются, а ночью остывают. На всем Урале буйствует многонедельная засуха, а в Екатеринбурге установился какой-то уж совсем металлургический зной. Первая новость у всех радиостанций — исторический максимум температур.

Лето. Народ вспотел, разделся. Думает, что носит шорты, бриджи, джинсы, брендовые юбки и спортивные костюмы, а на самом деле сызнова нарядился в те же самые вечные трусы, порты, рейтузы, кальсоны, панталоны, штаны, сарафаны и прочие «ночнушки». Разыскивая тень, вышагивают по улицам уездной столицы сотни тысяч новых модников в исподнем из позапрошлого века. Оно на первый взгляд смешно, но хотя бы не так жарко. Все озабоченные, гордые, шныряют мимо Дома Метенкова, мимо снаружи милого музея, куда пируэт биографии запарил меня служить охранником.

А вот и не охранником, а сторожем, этак-то точнее. Почитай вот весь июль хожу-сторожу. Слово «сторож» уютное, мирное, несколько пенсионное, мне в самый раз. Какая вот разница, где мне ходить ночами из угла в угол — в своей пятиэтажке или в Доме Метенкова? А слово «охранник» тревожное, воинственное, бойцовское, музейной реальности чуждое. А книжки не кормят. А если кормят, то не авторов. А писать надо. Есть такое слово — «надо», даже если ты не графоман, а графофоб и пишешь только то, что очень-очень надо. А в музее сторожам за сутки хождений из угла в угол положено жалование. Конечно же, не только за одни хождения, за монтаж и демонтаж выставок, за гардероб, за разнообразную погрузку и разгрузку, за дворницкие, сантехнические и курьерские труды. Радость-то какая!

Свой автограф вечности я здесь уже оставил, чуть ли не в первый день! И это были далеко не тексты. Я же собственноручно (целиком), серьезно и густо покрасил «черную лестницу» масляной краской цвета младенческой неожиданности. Последние сто лет полы и лестницы здесь красят только вот этим желто-коричневым цветом. С годами и мой слой закрасят, но он будет! Таких слоев там сотни. Вот же оно, мое письмо в культурный слой.

В этом доме, ночами, прекрасно читается Чехов. В этом доме отвратительно пишутся новые тексты. Беспокойный он, суетный и суматошный всяким днем, а по ночам ворочается и хрустит-скрипит всеми углами. Не спит он толком, как и все дома вокруг Вознесенской горки. Сон у него тревожный, короткий.

Вот и хожу себе, днем в доме тружусь, ночью дом сторожу. Понятным делом занят.

В должностной инструкции твердо прописано: «без права сна», однако раскладушка полагается. Нюанс профессии, попробуй, поскачи тут сутки на ногах, нет-нет, а надо вытянуться. Особенно в такой-то духоте.

Ночь пропитывает тишиной интерьеры и мысли. Под самым потолком постанывает плоский кондиционер, какая-никакая, а прохлада. Ночь в самом центре Екатеринбурга, ночь в музее. Двери заперты, книга дочитана, дом остывает. В форточки течет уже не зной, а легкий теплый ветерок, и вместе с ним порою долетает смех уличных девок, светятся зеленые дежурки тусклым словом «выход», изредка за окнами, треща моторами, проносятся дурные байкеры. Ну, правда же, выпендриваются, трещат проказники, другого слова и не подобрать. «Они так озоруют, шельмы», сказали бы о них лет сто назад. Теперь, наверно, говорят: «выделываются, трескуны». Зато напоминают мне о должностной инструкции. Да и вообще, какой тут сон, когда аж стекла дребезжат? Простая ночь без права сна.

Все ночи так оно и было, но не в эту ночь.

А мог бы догадаться, посмотреть на календарь, ведь этой самой ночью, примерно сотню лет назад, здесь у нас убили маленького мальчика с родителями и со всеми сестрами. Здесь расстреляли царскую семью. Тут, в этом самом месте, у подножия Вознесенской горки, в Ипатьевском доме, в двух шагах от метенковского.

Говорят, семья «пошла ко сну» в 22.30, и расстрельная команда собралась приблизительно в то же время. А у меня в музее этой ночью именно в половине одиннадцатого сломался кондиционер. Пыхтел, пыхтел и отключился, оставив задыхаться в липком зное. Даже банальный литератор такой символикой побрезгует, как и самый затрапезный символист. Пошлятинкой всё это отдает и не годится кассовым сюжетам.

Но жизнь, как выяснилось, не литература, ей — годится.

Какой тут сон? Сиди теперь, кури и думай. Не думай, чувствуй. А о чем, зачем? Да вот хотя бы о том, о чем ОН чувствовал (да, именно не думал, чувствовал) той душной ночью под редкий скрип телег, вскрики озорников, короткий смех уличных девок и, уж прошу прощения, громкий выпендрёж только входящих в моду авто.

Уральский геобрендинг

Хорошо, что приехали!

Давайте-ка не станем долго рассиживаться на творческой кухне за нашими любимыми учеными беседами о путях развития искусств, народов и городов, а приоденемся понаряднее-поудобнее, обуемся в легкие кеды или кроссовки, про всякий случай запасемся пластырем (мозоли пяткам гарантированы) да погуляем-ка по Бургу от души. День города себе устроим, праздными туристами себя почувствуем, а по дороге и поговорим.

Как же славно-то, что он компактный, лаконичный и сгущенный в центре! В будни по нему ни пройти, ни проехать. А наша задача — пройтись по временам и нравам этого пространства в один день. Лучшего времени, нежели в выходные утром, для решения такой задачи и не выдумать. Пока большая часть горожан отсыпается, либо ковыряется в земле на дачах, либо слоняется по родимым дворикам или торгово-развлекательным центрам окраинных районов, город виден, город чувствуется. Именно в это время его можно разглядеть, познать, пощупать и понюхать, ничуть не сомневаясь в истинности ощущений.

Предупреждаю сразу — гид вам достался совершенно необъективный. Скорее, это будет совсем не классическая экскурсия по историческим местам, а весьма субъективная прогулка по легендам, сплетням, мифам Екатеринбурга. Ну, вы же знали, куда ехали, здесь место сказов и былин. Детальная фактология, конечно, будет в обязательном порядке (и, между прочим, безупречная). Но на основе этих фактов, я вам непременно привру с три короба, основываясь на замечательных выдумках моих обаятельных предшественников — более или менее известных в научных кругах региональных историков.

Самое время спросить — откуда мне всё это известно? Многое рассказала мама, кое-что сам вычитал в удивительных книжках краеведов Бирюкова, Батина и Бердникова, что-то поведали одноклассники, соседи, коллеги по работе, кое-что самостоятельно унюхал, разглядел и понял. Плюс к тому, перечитал кое-какие письма из собраний сочинений Мамина-Сибиряка, Бажова, Чехова.

С кого же нам начать краткое путешествие, как не с Бажова? Тем более, вот же его дом, рукой подать, в нескольких кварталах от моего. Павел Бажов самый модный бренд теперь, самый что ни на есть уральский. Другими словами — культовая достопримечательность.

Европа-Азия, Демидовы, Бажов, Цареубийство, Горные заводы, Уралмаш, Конструктивизм, Уральский рок, Уральские пельмени, Крапивин, Ельцин, Рыжий, Коляда…

Вот вам базовые темы геобрендинга нового века, привязанные к Екатеринбургу.

Гуляка

— Дядя! А мы щас к девочкам опять гулять пойдем, а потом опять гулять! — пронзительно и очень по-щенячьи пропищал на весь подъезд пятилетний соседский гуляка со второго этажа, не умеющий пока сдерживать в себе восторженную радость от столь грандиозных прогулочных перспектив.

Он от души лупасил короткой детской пластиковой лопатой по непонятливым периллам, отзывающимся на всякий удар коротким колокольным звоном, приветливым и гулким...

Нам, взрослым хмурым дядькам, надо бы срочно заново учиться просто радоваться по любому поводу, особенно, когда опять идем гулять к девочкам.

Потребяски

Каким таким образом это старое комичное словцо по-прежнему хранится в наших прогрессивных головах? И почему оно вдруг нагло возникает в современной речи, будто бы имеет на это право? Оно же из давних времён, как минимум, из времени наших прабабушек!

Потребяски — это просто барахлишко или бестолковая куча личных вещей, а иносказательно — ворох мелких личных идей или глуповатых действий.

Сегодня в автобусе очень нарядная дамочка, излишне крепко и сладко пахнущая собой на полсалона, но слабо стоящая на каблуках, вывалила всё содержимое своего ридикюля, в смысле, объёмной брендовой сумочки, ровным слоем по полу половины автобуса на крутом повороте. Добрая половина пассажиров взялась это добро собирать.

А довольно молодая кондукторша совсем незлобно, как-то даже уменьшительно-ласкательно высказалась вполголоса:

— О, блин, красавица народная! Все потребяски рассыпала! Снимай, давай, копыта и собирай!

Забытый ангел

Наломавшись, натерявшись досыта, он придумал себе милого ангела-хранителя, состоящего из нескольких мертвых родных, любимых и когда-то очень близких. Ангел — это же субстанция собирательная, это просто вся твоя любовь. Твой ангел, он всегда над тобою и внутри тебя, где бы ты ни был.

Нашел возможность с ним говорить, общаться: вздыхал на солнце, чмокал, что-то о себе рассказывал без слов, счастливо улыбался в ответ, когда там понимали, и приветливо махал рукой. Они же в свете все теперь наверняка! Они же — ангелы! Понимаете?

Да, он целовал солнце всю оставшуюся половину жизни, не зная, что истинным его ангелом была случайная старуха, полузабытая квартирная хозяйка съемной комнаты, встретившаяся на первом курсе первого института (пока в общагу-то не переехал) и тратившая всю арендную плату на ужины голодного студента.

Ей было далеко за семьдесят, ему — едва двадцать.

Она недавно схоронила мужа и поселила юного театрального лоботряса в библиотеке уютного дома только затем, чтобы с ума-то не сойти окончательно. А потом они разговорились за полгода-то, старый да малый, часами гуляли по набережной, долго пылесосили книги, жарко спорили о современной эстраде, о театре и кино. И говорили, говорили, говорили...

Этот совершенно не понимал того, что вся его мизерная квартплата уходит на корм ему же, а эта радовалась своей прекрасной выдумке, как и потом ликовала по поводу его успехов. Так же вот ясно и теперь она радуется.

Такие-то контакты очень крепки и многовечны, они вне кладбища, вне времени, вне наших бед, побед, успеха и суеты, вне одиночества. Их, ангелов, у нас за жизнь случается немного. Но их внимание над нами чувствуется часто!

Да, кстати говоря, а солнце ежедневно целовать совсем не вредно и во многих случаях даже очень полезно!

Каникулы!

Отвечая на вопрос «Что станете поделывать на каникулах?» мои знакомые студенты-первокурсники сначала растягивают губки в нитку, потом сладко вздыхают, мечтательно закатывают глазки в потолок и говорят: «Деградировать».

А где это?

Погуляем-ка.

Екатеринбург, это где? Да где-то на границе Европы и Азии, это там, где расстреляли последнего императора, где появился и учился первый президент России! Это там, где малахитовая шкатулка и хозяйка Медной горы, где один из первых русских монетных дворов и первая промышленная мощь, первая подвальная драматургия и рок-музыка… Это то место в центре родины, куда во времена войны эвакуировали Эрмитаж и откуда звучал голос Левитана. Опорный край державы.

Вроде бы есть чем похвалиться, однако по большому счету похвастаться особенно-то нечем. Разве что Бажовым. Какую замечательную мифологию он создал, всего-то-навсего внимательно смотря по сторонам, чутко прислушиваясь к сплетням и преданиям этих мест! Не знаю, знал ли он хоть что-то о Ширигирском идоле, но умудрился написать настолько совершенные тексты, что издаются они по сей день. Волшебный автор, нечего сказать. Русский Гомер. Бажовские мифы, сказания, сказы одинаково понятны что в Аддис-Абебе, что в Улан-Удэ. Обычный гений, ничего необычного. Вот и пойдем посмотрим, как он жил, Павел Петрович, а по дороге разберемся в городских чертах разных эпох.

Минуя домино пятиэтажек и сеть советских двориков, зарастающих истинным лесом из тополей, берез, сосен, лиственниц и кедров, черемух и рябин, чьи кроны уже давным-давно переросли уровень крыш, выскакиваем на улицу Белинского.

По меркам старого Екатеринбурга, мы пока за чертой города. Видите, слева притихла Школа глухонемых на узкой улице Циолковского, а по диагонали от нее, уже на Белинского, стоит крепкая кирпичная пятиэтажка, ничем, казалось бы, не примечательная. Это — дом Крапивина. Литературные артефакты здесь разбросаны на каждом шагу! Знайте, именно в нем на втором этаже в восьмидесятые годы жил еще один, не менее знаменитый уральский писатель, Владислав Петрович Крапивин. Вот именно здесь рождались его поразительные, удивительно романтические, драматичные, и не особенно-то детские повести.

Прах атеиста

— Не хочу я лежать в холодной могиле после смерти и не буду!

— Ой, да ладно тебе. Будто кто-то после смерти станет тебя спрашивать, где тебе лежать?

— Станут обязательно! Я специально в завещании написал, чтобы сразу кремировали.

— И что такого? Сразу сожгут и в могилку зароют, в ту самую, холодную, противную, где ты не хочешь лежать…

— Нет! Я же свой прах завещал рассеять в водопаде на Плотинке. Не буду я валяться в бездушной могиле на бездарном нашем кладбище! Умру вот — приходи ко мне к водопаду, улыбнись, поговори, вспомни…

Прах его, действительно, развеяли именно так, как он и завещал, в том самом месте. Однако родные и близкие (сестры, дочь, жена, родители, друзья), ничуть не смутившись, отсыпали себе немного посмертного пепла в маленькие спичечные коробки и потом прихоронили туда, где, по их мнению, этому быть до́лжно.

Теперь у парня по стране есть пять могил, как минимум. И это — не считая водопада!

Одна минута чистоты

— Ну вот... пришел марток! Только намоешь пол, одна минута чистоты — и сразу же покупатель заходит! — сказала не мне, а кому-то в глубине новейшего оранжевого ведра, куда-то прямо в сетчатый цилиндр для отжима новехонькой оранжевой швабры довольно молодая, даже очень юная и милая, в отличие от прозвучавших престарелых слов, продавщица винного магазина.

И элегантно стерла пот со лба, и ловко отодвинула ногой ведро. И улыбнулась уже мне, будто приглашая: «Вы проходите, ничего...»

А дальше мы с ней только беззаботно улыбались, выбирая мне «Кагор», выясняя «какой почём», детально разбирая, где там винный материал, где порошковое вино, а где винный напиток, и где какие кроются ферменты, сахара и градусы.

Влажный керамогранитный пол был затоптан моими весенними отпечатками по всем отделам. Эх, перемывать ей это всё потом пришлось!

Я подарил ей свою фирменную авторучку, ничего о себе не рассказывая. Опять поулыбался во весь рот по поводу дурацкой дисконтной карты, погоды и ассортимента. В общем, все дела переделал, пора было уходить.

Я и ушел. Несмотря на весну, социальный дуэт «продавец-покупатель» всесилен.

На краю длинной улицы оглянулся. Она стояла в дверях своего бестолкового магазина с моей авторучкой в руках, трогательная, растерянная, прекрасная, и хлопала огромными (даже издалека) глазами... Мы помахали друг дружке, будто попрощались.

Да, жизнь сильнее весны…

А вот простились ли мы? Минута чистоты — событие редкое, оно незабываемо. Во всяком случае, на душе у меня в ближайшие дни будет пусть и пусто, но чисто, уверен!

Майский сад

В Екатеринбурге разом зацвели черемуха, сирень и яблоня.

Эти вечные три сестры обрадовали глаз прям чуть ли не в один день. Сегодня. К чему бы это? Что в природе происходит? Говорят, к «малиновому лету». И зачем мне этакое знание и наблюдение? Ботаник, тоже мне...

Вот, лишь бы повесть не писать... Ни дня без строчки, да. Навалял о ерунде абзац — иди теперь ешь кашу, кофе трескай с чистой совестью, предполагай, какую бы шикарную главу в произведении мог бы соорудить. А фото-то в соцсетку к такому ерундовому абзацу я не сделал и не сделаю уже, ленюсь...

За этими вот буковками и словами сами разглядите свежий, неожиданный, непродолжительный и совершенно гениальный майский сад в серых пространствах многовечного Бурга.

Блаженный

Не, не юродивый он, похоже… Другой. О чём он думает и что он делает уже второй десяток лет, пока его встречаю ежедневно?

В любое время года и в любую погоду, даже самую ненастную, природа с удовольствием треплет обширную паклю белоснежно-лунёвых косм и бороды, то промачивая, то припорашивая снегом, то пропекая.

Головной убор не предусматривается. Этот наш православный всепогодный, так сказать, демисезонный Дед Мороз безостановочно молится-крестится, часто забывая выставлять рядом с картонкой, на которой иконки лежат, майонезное ведёрко для милостыни. Крестится размашисто и быстро, будто бы мух отгоняет. На нас, замороченных и суетливых прохожих самого

центра города, вечно снующих от Консерватории до метро и обратно, не смотрит, даже не взглядывает. В Москве бы он наверняка сидел где-нибудь на Васильевском спуске или у храма Христа-Спасителя, ну, ежели бы жил где-нибудь рядом.

Его глаза увидел лишь единожды за эти годы, когда он, перестав молиться, жарко заговорил по мобильному телефону. Ничего непредсказуемого! Глаза белёсые, как борода, не видящие окружающих, да и не желающие видеть. Глаза, повёрнутые зрачками внутрь.

То, что он усердно молится все десять лет — понятно. А вот о чём? Желает тысячам людей, идущим мимо, светлой гармонии и веры, или проклинает нас, несущих суету? Этого уже не распознать…

Во всяком случае, если вдруг случится сыграть блаженного (Василия Блаженного, к примеру), стану играть вот этого, нашего… Он убедителен.

Четвертая загородная

Погуляем-ка.

Вот мы на перекрестке Щорса-Белинского. Взгляните направо. Видите заросший соснами холм в конце улицы? Там располагается парк Маяковского, куда мы пока не пойдем. На его месте когда-то, до революции, были загородные купеческие дачи. Нынешняя улица имени красного командира Щорса тогда называлась Четвертая загородная. Вот мы ее и переходим.

Заметить несложно, мы движемся в горку, хотя многоэтажки неузнаваемо преобразили исторический ландшафт, и пожарная каланча, к которой мы подошли, выглядит теперь низенькой и ущербной. А ведь когда-то, лет каких-то сто назад, с нее открывался живописный вид на одноэтажный город и окрестности. Город тогда был плоским, деревянным и часто горел. Печное отопление, понимаете ли, зимой дымы из труб действительно коптили небо. Кроме бажовского, из тех времен сегодня тут и не осталось ни одного мещанского или крестьянского дома с огородами, садами, ледниками, печами и колодцами, птичьими и скотными дворами, поленницами дров и длинными сараями за деревянными заборами. Погорели, сгнили, развалились. Ныне здесь вроде бы центр, но атмосферка городской окраины, ощущения «Четвертой загородной» никуда не исчезли.

Ура!

Удивительно. Смуглые дети во дворе дико развопились-распищались на непонятном восточном языке. Темные родители тут же их одернули, утихомирили, рассказали, как положено себя вести. И эти сразу начали дико блажить типа по-русски! Вот тем же самым ультразвуковым выплеском чувств от восторга жизни.

На ломаном корявом русском они орали не только чистое «ура» по поводу и без повода, по нашим дворовым фасадным застенкам заметалось вдруг звонкое: «уря», «урья», «урия», «урайя», «Ай, ура», «Ай, Алла», «Ай, юра»…

Коренные жители застенков не возражали.

Рост

Страшновато смотреть на кучку смешливых, мешковатых и похмельных мужиков с кучей тяжелой техники ранним утром, буквально под окнами соседского дома, бравурно, матерщинно, с огоньком раскапывающих газон, круто взламывающих тротуар и большую часть проезжей части.

Трубу они менять приехали. Спасайся, кто может!

Теперь их пару дней не обойти и не объехать. Вот, оказывается, почему четвертый день нет у нас в кране горячей воды. Как-то это выглядит очень по-прежневски, однако и по-нынешнему тоже.

Через три дня опять нагнали в эту нашу парализованную улицу множество техники и замечательно наглых мужиков, которые моментом восстановили газон и тротуар, куда положено втиснули новые бордюры, да и улицу всю закатали в новехонький асфальт, чтобы два раза не вставать. Ай, молодцы! Слов нет!

Правда, воды горячей так и нет пока, но она же будет? Как нет-то?

Главное — они оставили на месте совершенно странную и никому не нужную невысокую ржавую трубу в газоне, которую я помню со времен моей начальной школы. Из трубы этим летом принялся расти не менее странный и наглый плющ. Нашел место, нахал!

И он ведь вырастет, уверен, спасибо наглым, как и он, веселым мужикам, обошедшим его с его дурацкой трубой всеми своими громкими, страшными экскаваторами и бульдозерами.

Молодцы какие!

Бажов и мячик

Наконец-то наведался на могилку Бажова. Сколько недель собирался, и лишь сегодня дорога удачно случилась. Обрадовался очень. Свечу в храме, как положено, поставил, потом посидел, повыдыхал, поблагодарил.

Прибрался там, как мог. Поубирал пластиковые стаканчики, упаковку от чипсов, две бутылки из-под вина «Sangria» да россыпь белых окурочных червяков от тонких дамских сигарет вокруг скамейки. Наверняка вчера тут сидела пара культурологических дам, от мужиков же таких следов не остаётся. И сидели они явно ночью, днем бы за собою прибрались наверное.

Да, славно у него, покойно и негрустно совершенно. Вот какие-то лоботрясы совсем-совсем не пожилого возраста, насколько я могу предположить, оставили у памятника озорной футбольный мячик, сияющий в закатных лучах гораздо ярче всех памятников. Вот интересно, а зачем на кладбище с мячом ходить и что потом там с этим мячиком делать? Впрочем, у Бажова можно всё, в том числе и футбол в самых неожиданных вариантах.

Спасибо, дорогой Павел Петрович, за сказы и за новый фильм, да за недописанный, а в фильме-то очень даже законченный сказ!

Ну, и особенно — за этих вот рассеянных и легкомысленных футболистов!

Миллионер

Низкий мужской голос громыхнул из осенних кустов:

— У меня есть обеспечение! Готов зарезервировать пять миллионов, часть — гарантийными письмами инвесторов, часть — открытой кредитной линией! Будет вам пять миллионов!

Вслед за своим голосом, застегивая гульфик и обильно осыпая с кустов золотую листву, на самый тихий переулок центра выбрался и сам миллионер — мужик пятидесяти лет по виду, в ненастоящих черных джинсах типа «Большевичка» или «Чебурашка», растянутых до пузырей в коленках, и сильно выцветших местами даже не до коричневого, а какого-то бледно-песочного цвета.

Продолжая важный телефонный бизнес-разговор, он приподнимался на цыпочки, подпрыгивал и долго ходил по тротуару на носках туда-сюда, стараясь вернуть на место давным-давно и безнадежно отклеившиеся подошвы стареньких кроссовок.

Лицо его при этом здорово напоминало светлый облик первого президента России, запечатленный тут же, у него над головой, в мраморной мемориальной доске, привинченной к фасаду Второго дома советов, первого нормального дома нашего ранее потенциального и прогрессивного, а теперь уже много лет как бывшего президента.

Он же выплясывал у Дома Ельцина, вот прямо у парадного входа!

Ничего вокруг не замечая, миллионер пугал воробьев (хорошо, что прохожих там не было) и громогласно гремел в крохотный мобильный телефон за широкой ладонью что-то неимоверно срочное, нужное и важное о пяти миллионах.

Надо думать, скоро кому-то очень-очень повезет в финансовом смысле.

Ящики

Погуляем-ка.

Вся округа обильно застроена многоэтажными комодами для хранения людей. Такой архитектуры по России — миллионы километров, опять же ничего примечательного. Вот и за нашей спиной остаются многие десятки однотипных кварталов, густо заставленные жилищно-коммунальными ящиками, среди которых возвышается гора Уктус, которые раздвигает широкое зеркало Нижне-Исетского пруда, которые не пускает пока в себя высокий хвойный лес по имени «Парк лесоводов России». Там же находится и Вторчик (район Вторчермет), и прославленный Химмаш (гигантский завод и не менее крупный район), аэропорт «Кольцово» и Челябинский тракт. Вы в ту сторону и не оглядывайтесь, все равно же, кроме жилых коробок-кубиков, ничего не увидите. Мы их потом окинем взором свысока, со смотровой площадки офисного центра по имени «Высоцкий». Посмотрите, вон он, касается неба в конце улицы.

В этом городе частенько — прямо как сегодня — пахнет отсыревшими книгами. Да и весь его облик здорово напоминает бестолковый интерьер провинциальной библиотеки, собранный из мебели разных времен. Разностильные, разновысокие ряды архитектурных шкафов, пеналов, тумбочек, столов, комодов, полок, стеллажей упираются в горизонт. Здесь мирно соседствуют фасады затейливых резных бюро и прямые углы советских полированных сервантов, плавные линии модерна и угловатые блоки конструктивизма, избы и дворцы, театры и заводы.

Здесь часто сыро, мрачно, неуютно, но когда Бург просыхает, замечательнее города для прогулок и не сыскать, настолько он очарователен своей разновысокостью и разностильностью. Элегантная эклектика — одна из главных черт в портрете Екатеринбурга.

Эвридика

Иногда в обычном городском автобусе такое яркое и необычное услышишь, чего даже самый наипошлейший телеканал не выдумает.

Еду сегодня, терплю и потею…

А прямо передо мною — две дамы почтенного эстетического возраста. Обе, кажись, в париках, а одна ещё и в шляпке с вуалькой. Попутчицы. Ну, не могу я не услышать их диалога! Они уже полчаса как вместе со мной болтаются по пробкам и говорят-говорят не переставая. Нет-нет, да и прислушиваюсь…

— И чо? Вот радио у тебя всегда говорит, что ли?

— Всегда. «Орфей» у меня постоянно! Там музыка классическая. Мало говорят. Хорошее радио.

— Нравится?

— Да. Только мне не нравится, когда там евреи начинают разговором деньги зарабатывать. Сразу выключаю. А потом подожду немного — и опять музыка.

— Мирка, так ты же сама еврейка!

— Вот я тебе и говорю!

Суп «Аквариум»

Рыбка плавает в томате. Ей в томате хорошо. Только я, ядрёна матерь, места в жизни не нашёл... Рыбка, рыбка, где твоя улыбка?..

Во всех своих путешествиях по разным Бургам от Москвы до Хантов и обратно часто встречался с этим славным супом: в студенческих общагах, коммуналках и однушках, двушках, трешках множества дружественных пятиэтажек, а также в разнозвёздных отелях многих городов да и в ресторанах тоже. Этот яркий вкус нельзя не распознать, где бы ты его не вкусил.

Рецепт деликатеса — проще некуда!

Берем любую банку кильки в томатном соусе, плюс три картофелины, морковку и репчатую луковицу. А когда закипят, швыряем к ним туда стакан риса. Ну, и соли еще да маслица постного маненько. Варим двадцать минут — все дела! Зелень и чеснок, при желании и возможности, сыплем уже в готовую похлебку. Как говорится, — ум отъешь!

Особенно очаровал меня в этом гастрономическом смысле очень нарядный, дорогущий и статусный, совершенно нефтегазовый ресторан в Ханты-Мансийске. На первое он подал наш вечный суп «Аквариум», назвав его «Купеческой ушицей», а на второе — нежно прожаренное мясо с гарниром из лесных ягод. Эх, ежели бы я постоянно так ел, иным бы был, наверное... И первое и второе было неимоверно вкусно.

Как-то, знаете ли, не шибко уважительно мы произносим слово «килька». А ее же есть за что любить!

Ночной хоккей

Какой же занятный в нашем городе дворовый люд, озорной, дурашливый, парадоксальный!

Немного за полночь пара парней, то ли папка и сынок, то ли дядька и племяш, то ли просто дружбаны, старший и младший, в дикую пургу дико шумно зарубились в хоккей под единственным на весь двор фонарём. И настоящая шайба у них была, и профессиональные клюшки, и матерные фанатские кричалки по всем незакрытым форточкам окрестных домов на час, как минимум.

Только вот льда под ними не было и никаких коньков, что абсолютно не мешало ни виртуозным подкатам, ни затейливым обводам, ни хитрым вбросам в несуществующие ворота. Какой там лёд? Снег-то в городе выпал кое-как лишь пару дней назад. А эти уже рады стараться, клюшки вытащили, шайбу. Сами вытащились...

Часто мы имитируем счастье и, кажется, верно делаем, иначе очень все заскучаем в узах ежедневного реализма. А от реальной скуки до убийственного уныния — лишь шаг, ведь игра унынию напрочь противна.

Но мы ещё поживём, мы ещё поиграем!

Сухая гроза

Чистое белое солнце в совершенно чистом синем небе висело уже третью неделю.

Засуха прожаривала город и дом. Все мелкие птицы куда-то исчезли, попрятались. Вот где они? В лесах, парках и скверах тырятся или в ивовых зарослях набережных вдоль реки? Хорошие друзья почти уж месяц не наведывались «на чашечку водки», чтобы мудро потрындеть «о путях развития современного искусства». Куда же подевались? Сидят, так думаю, в трусах под кондиционером в родимых квартирных ячейках, остывают.

И вдруг… в чистейшем небе что-то взорвалось, как на войне, невидимо и громко. Никакого дождика не предполагалось, а звук при этом радовал. Что-то начинало меняться в природе города и дома, во мне и мире…

Бажовские места

Погуляем-ка.

Так, экскурсанты беззаботные, гуляем дальше, прямо вниз по бывшей Второй загородной (ныне улице красного командира Фрунзе) к трамвайному парку, к бывшей Цыганской площади. Поглядим там мельком на выставку старых трамваев за кованым забором и вперед-вперед по улочке купеческих особняков к Бажову. И нечего бояться нам банальных метафор, сегодняшняя улица красного командира Чапаева (бывшая Архиерейская) очень напоминает челюсть пожилого человека, отремонтированную несколькими дантистами разных возрастов. Особняки тут соседствуют с трухлявыми пятиэтажками советских времен и монолитными новоделами офисной эпохи.

Мы топаем уже по истинно бажовским местам. Genius loci здесь чувствуется, как нигде на Урале. Вот он, тот бревенчатый дом, вот забор и широкий сарай за высоким забором. Рядом — заросший травой да кустарником скверик и несколько замечательных деревянных идолов, вырубленных топором из ствола лиственницы. Пяток деревянных скульптур на темы сказов старого Урала создали местные умельцы в восьмидесятые годы прошлого века. Удивительный памятник Гению места получился. Лиственница, говорят, от дождей и вьюг только крепчает, в воде не гниёт, а каменеет, приобретая монолитные свойства, не случайно же именно из нее сделаны сваи, на которых стоит Венеция. Да и наша екатеринбургская плотина вон уже сколько столетий держится на подобных сваях.

Никаких сомнений: когда-нибудь на месте этого сквера построят Музейный центр с театральным залом и залами для конференций, с библиотекой и множеством естественных этому месту пространств: с кабинетами для детских кружков, галереями, книжными и сувенирными лавками. Город уже утвердил проект. На первый взгляд — обычный кубик из бетона, облицованный белым мрамором. Но если приглядеться, возникает безусловный, столь любимый нами архитектурный «ах», то есть понятная и яркая идея. Дело в том, что угол здания над входной группой будто стёсан гигантским камнерезом, поэтому фасад напоминает каменную чашу, не до конца еще вырубленную из монолита. Надеюсь, лиственничным идолам найдется место где-то рядом. Представляете, как славно может это строительство у города получиться? Только вот когда — неведомо…

А в доме Бажова нам представлять ничего не понадобится. Шагнем через двойные двери с тяжелыми внутренними засовами, и сразу окажемся в пространстве столетней давности. Вот она, высокая конторка в коридоре у окна (Павел Петрович писал стоя), вот они, скрипучие половицы, вот горки подушек под кружевными накидками. Эх, надо было нам, для полноты впечатлений, в яловые сапоги обуться, а не в кроссовки. Бажов ходил тихими ночами по этим самым половицам, от конторки до двери и обратно, не месяцы, а многие годы. С позволения приветливых смотрителей и мы тут пошагаем-поскрипим пять минут по дощатому полу, авось, чего-нибудь более-менее внятное, интересное и ясное потом сочиним и напишем. А если и не выдумаем, то хотя бы призадумаемся.

Советский дворик

Не единожды, не дважды, многократно уже слышал от водил, подвозящих меня к дому, об этом необычном свойстве нашего двора. Хотя чего такого в нем удивительного? Ничего особенного, двор как двор. Их, таких, остановившихся во времени, как упрямых пенсионерок, не желающих наряжаться в новые колоритные одежды, в каждом районе каждого города отыщется немало.

Вот бабушка со второго этажа, с самого дня основания проживающая в моем подъезде, вечно сидит на крылечке в стареньком таком, миленьком и

замызганном пальто цвета поблекших фасадов окружающих ее домов, а в магазин через дорогу всегда идет в нарядной желтой курточке с капюшоном и в лаковых синих ботиночках. А потому что перейти через дорогу — это уже «выйти в город». Выйти на люди, показаться из дому во внешний мир для нее целое дело. Туда в домашнем выходить нельзя, неприлично как-то, стыдновато даже в затрапезном-то наряде.

— Ух ты! Прям советский дворик! Будто в восьмидесятые въехали, — довольно лепетнул и вчерашний таксист, миновав витиеватое кольцо узких дорожек среди девяти-двенадцатиэтажных коробок. Долго мы с ним петляли у подножия нескольких двадцати-тридцатиэтажных высоток, накрутив добрый десяток зигзагов между арками, гаражами, помойками. Наконец, остановились у подъездного палисадника, сдерживающего буйную трехметровую сирень ржавым заборчиком, сикось-накось сваренным из случайных железок.

Вот я и дома! Добрался. Здесь моя сота, нора, тихая гавань.

Ничем не примечательная биография на рассвете жизни выдала мне это ничем не выдающееся однокомнатное логово в одной из двух параллельно стоящих длиннющих брежневских пятиэтажек. Здесь моя единственная, а точнее — единственно моя ДВЕРЬ. Где бы ни странствовал и где бы ни жил, возвращаюсь я к ней, волоку в сторону своего порога по детской площадке, заросшей теперь вымахавшими выше крыш разлапистыми березами, всё-всё, что насмотрел и напереживал во внешнем мире.

Вот они, с рождения покореженные качели среди песочниц без песка. Вот они, кривые железные горки и лазалки. Целыми-то были они хоть когда-нибудь? Не припомню. Рядышком нарушают стилистику визуального ряда несколько новых скамеек и урн, слева гудит изукрашенная корявыми граффити трансформаторная будка, а рядом с ней еще какие-то не менее живописные жэковские строения, плюс пара гаражей. Чуть поодаль — мусорная площадка (куда же без нее?), утопшая в яблонево-рябиновых зарослях. Вот никогда не просыхающее постельное белье на балконных курятниках, кругом колышутся влажные флаги трусов. Чуть дальше торчит понурый баскетбольный щит без кольца, над ним раскачиваются паутинные гирлянды проводов от крыши к крыше, а в центре композиции — белый гипсовый вазон на пьедестале в обрамлении крапивной клумбы.

Этот-то откуда здесь у нас взялся? Цветов в нем отродясь не произрастало, так, разве что у постамента. Однако жил он тут всегда, и дворник Башкирин (фамилия это или прозвище по национальной принадлежности?) всякую весну подставлял короткую лесенку и жирно красил его белой известковой жижей. Пузатые бока вазона, как и основания деревьев, давным-давно уже никто не красит, видно помер уже Башкирин, отжил свое.

Покосила смертушка с тех пор вдоволь, высвобождая место во дворе для новых ритмов, человеческих повадок, синтезированных звуков, гламурных поколений и диковинных предметов. А вот мало кому нужную малую архитектурную форму в стиле «сталинский ампир» не разрушает, милует. А я и есть тот самый «мало кто», которому немало радости приносят все эти ностальгические тривиальности. Куда я без них?

Прекрасно помню, как мелкою юлой носился вокруг клумбы в семьдесят лохматом году, вопя: «У меня новый папа». Счастьем фантастическим с двором делился. Очень уж хотелось радостную новость сообщить всем людям во дворе. А за мною бегали мама и ее новый друг, безуспешно пытаясь заткнуть фонтан писклявого ликования. Двор хохотал. Да и мама со своим новым приятелем, не особенно смущаясь, тоже хихикали. Мама тогда была моложе меня теперешнего. Изловил «щенячью радость» спокойно ухмыляющийся Башкирин. Усадил экскаваторными ладонями меня, горланящего на все лады, прямо в вазон, приговаривая «защекочу-защекочу-защекочу», и ушел неторопливо, предоставив оживившимся обитателям двора самостоятельное решение задачи по выковыриванию пятилетнего

нарушителя дворового спокойствия из вазонной чаши. Попробуй, позабудь такое.

Вот и соврал, прилгнул, присочинил. Нет никакого вазона в нашем дворе. Из другого он двора, простите. Тоже из моего, но из самого первого, которого уж нет на свете. Так почему бы его и не переселить сюда, ко мне поближе? Он же мой. Хотя бы в этом сочинении пусть здесь живет. Ведь есть он у меня. Я его помню.

А еще хорошо помню навсегда ушедшие из нынешних времен широкие дворовые столы с домино и шашками. А рядом со столами — множество инвалидов (еще не ставшая историей война). Помню торчащие из окон большие деревянные колонки, в хорошую погоду орущие на весь двор дефицитными голосами Пугачевой и Высоцкого. Помню непременнейшие атрибуты надворной реальности — обильные сараи и широкие огороды. Нет их ныне и не будет уже никогда. Как и кулис белья, белыми диагональными занавесами разделяющих двор на квадраты. Как и валиков зимней ваты между рамами в каждом окне. Как и страшных коварных цилиндров металлических колонок с водой, добывать которую, не защемляя пальцы, надо было уметь. Повиснешь всем телом на длинном рычаге, подсунешь под скобку камушек подходящего размера, жди, пока вода пойдет. Повисел, изловчился, подсунул, — слезай, пей на здоровье. Помню частые похороны и свадьбы. И то и другое — на весь двор. Громкое горе с оркестром, и шумная радость с танцами.

Радость и горе справляют сейчас в иных, специально отведенных местах. И не сидят вечерами все вместе, всеми поколениями, в одном месте, в одном дворе. Закончилось то время. Расслоился народ на юнцов и уголовников, на бабушек и девушек, на выпивох и автолюбителей, на работяг и лоботрясов… да много еще на кого. У каждой группы — свое пространство во дворе и во времени суток. Рядом, но не вместе. Тесно, а не близко.

Ошибаются таксисты, ничегошеньки советского здесь не осталось.

Руся и Люся

В довольно узком закоулке самого центра города стоит совсем непривычный этому месту и моему уху гвалт голосов чужой речи.

Подхожу ближе к явно туристической толпе, состоящей то ли из корейцев, то ли из китайцев, с ног до головы увешанных сумками, фотоаппаратами, бейджами и аудиогидами. Именно к толпе, а не группе, их же в общей сложности человек пятьдесят здесь галдит, как минимум.

Фоткают вывеску мелкого ресторанчика, пальцем на нее друг другу показывают, о чем-то спорят. Прохожие, улыбаясь, обходят гвалт сторонкой, оглядываются, усмехаются. Я втискиваюсь в самый центр события (интересно же) и тоже фотографирую непонятно пока что и зачем.

— Пять минут стоим, — вполголоса сообщает мне практически на ухо очаровательно полненькая рыжая девушка с широкой лентой бейджика через плечо, дождавшись, пока и я «отщелкаюсь». Экскурсовод, так понимаю.

— А о чем они спрашивают? — спрашиваю.

— Спрашивают, почему в России сейчас Руслана и Людмилу называют Руся и Люся, и зачем их имена пишут по-английски...

Приглядываюсь. А ведь точно, на фасаде красуется: «Rusya и Lusya». Это же буквально читается как Русья и Люсья. От ить...

— Что отвечаете?

— Ну, говорю про китч, про юмор... Но они не верят, они же все читали Пушкина и в страну Пушкина приехали. А тут — такое...

Курение

Группа детей-активистов шла по центру Екатеринбурга и обливала водой всех встречных граждан, курящих в неположенных местах. Зашуганные курильщики не особенно сопротивлялись унижению, просто утирались и сбегали с места происшествия.

Ремня бы этим юным активистам всыпать вовремя, чтобы перекачать мозги из задниц в головы. Энергичное, свежее поколение прогрессистов.

Они же скоро подрастут, они же очень скоро станут активничать совсем в других ситуациях и пространствах. Но рядом шли довольные организаторы процесса — широкозадые родители с родительницами, пара грушевидных полицейских, съемочная группа хорошо откормленных журналистов и стандартный, несколько плешивый, луноликий депутат в золотеньких очочках, неграмотный, активный, говорливый.

Вот до чего это вредное дело доводит, курение. Гадость редкостная.

Общий язык

Вот и потеплело, просыхает весенний город.

В уже несколько дней открытую форточку влетают громкие трели больших птиц в аранжировке мелкого чириканья синиц и воробьев. Вновь разорались все птицы города от радости, как с ума сошли. Только закаты этот ор и останавливают.

Двор припекает полуденное солнце, сольные песни, хоры и птичьи дуэты почти оглушают, не спросясь, перекрывая вечные зимние звуки соседского быта: унитазные вои, теленовости глухих старух, рэповые молодежные басы с барабанами и дрели ремонтов среднего поколения.

Весна нахальна. О, как насвистывает! Дуэт — ее любимый жанр.

Одна орет:

— Тиф, тиф... чириф, тиф, тиф... Чириф...

Другой, в ответ:

— Чириф, тиф, тиф... чириф... Тиф, тиф...

Который час уже этот вокальный весенний диалог не только взламывает окна, он нагло ломится в мой дом и в мои тексты. Не заметить его невозможно, как и писать под этакий аккомпанемент о чем-то другом.

Зачем-то раскрываю шторы, смотрю в окно и, надо же, я вижу этот диалог во дворе! С невидимою птицей пересвистывается наш дворник, типичный «иностранный специалист», приехавший откуда-то из Казахстана, Таджикистана или Киргизии, наверное. Об этой удивительной способности этого работящего и приветливого народа я еще не знал.

О, как! Они и с птицами легко находят общий язык, не только с нами!

Чириф, тиф, тиф!..

Парадные ворота

Совсем не новые ворота, а смотрю на них, как тот баран, разинув рот.

Много лет шнырял мимо этих милых ворот и в упор их не видел. А ведь какие они яркие, прекрасные, точные! Надо же... Особенно если убрать от них киоск с суррогатной едой и кривой остановочный комплекс. Вот уж ворота так ворота!

Сто лет им скоро будет. Уважаю! Не то что бы «здесь Ельцин жил и нам велел» (они любого Ельцина переживут на десять раз). Очень уважаю наивных архитекторов и строителей, любо-дорого посмотреть на такую работу.

И вот только сегодня разглядел прикольные фигурки кукол, поселившиеся в крохотных нишах давно знакомых ворот. Судя по всему, живут они там долго. Классно! Изгаженные глупыми граффити и облупившейся штукатур-

кой, ворота бы выглядели совсем уж уныло, не будь у них этих маленьких жителей в нишках, сразу оживляющих и место, и пространство.

Ко Второму Дому советов города Свердловска славные кукольные человечки, похоже, не имеют никакого отношения. Впрочем, поди распознай замысел художника, всё это вытворившего. Вполне возможно, что он их намеренно именно тут и поселил. Да и в этом случае тоже славно, тоже хорошо.

Пока фотографировал, увидел пару праздных гуляк, рот разинувших. Вот они здесь зачем (и ворота, и куклы)...

Балалаечник

Через мой двор, уже не первый год и даже не десяток лет, утром и вечером постоянно проходит один замечательный дядька с балалайкой.

Лет сорок-пятьдесят ему, куртёшка мешковатая, лицо дородное, но рыхлое, растрескавшиеся кожаные ботинки, штанишки обремкавшиеся, а на голове — вечная шапка-ушанка (зимой, весною, осенью), при этом балалайка плывет над кривыми газонами в идеальном, каком-то очень нагло-глянцевом кожаном кофре.

Вот куда стремится этот музыкант, к кому, зачем? Учить или учиться? Надо бы его запомнить, ведь не зря он ходит. Грандиозная у него биография!

Зима в Кольцово

По рабочим необходимостям часто наведываюсь в аэропорт «Кольцово».

Странный он ныне. Такой сипящей, сизо мерцающей безысходной пустоты даже в трескучие морозы я, улетавший и прилетавший сюда и отсюда не один десяток раз за не один десяток лет, что-то не припомню.

Огромная парковка для машин. Ни одного автомобиля! Так, редкое такси подъедет, вывалит двух пассажиров, выгрузит их чемоданы на колёсиках и, отморозив задницу, резко рвётся к краю пустой площади. А эти, то же самое подмораживая, вприпрыжку волокут свою поклажу на колёсиках к нужному терминалу.

И снова тишина и сиплый свист метели...

Космос! Холодно очень. У кончиков пальцев в ботинках и перчатках скоро наступит абсолютный ноль, а относительно теплый автобус что-то не торопится.

Ой, какой на этой площади шумел базар-вокзал когда-то, даже зимой! Морозно было, да, но не уныло. Теперь наставили шлагбаумов, заборов, столбиков, лежачих полицейских разложили, культурно всё, малолюдно и за деньги.

Остроголосая, широколицая и остроносая тетка в розовом пуховике и настоящих лётных унтах опять втолковывает нескольким закоченевшим пассажирам про то, «как тут ездиют автобусы», дотошно разъясняя, какой идет в посёлок, а какой уже в город. Я эти монологи несколько раз слышал, мы же с ней не раз встречались, начиная с четверга.

— Сорок лет тут езжу, со времен «Аэрофлота», а щас работаю на «Уральских авиалиниях»! Скоро будет наш автобус.

Замерзающий остановочный народ благодарно шмыгает носами.

Славно, что на наших зимних остановках общественного транспорта часто случаются такие вот жарко говорливые и звонкие гражданки!

Перламутровая пыль

Книжные радости редки. Они не то что читателям, они и автору лишь изредка заметны.

Вот подаришь однажды хорошему приятелю свежую книжку в чернильно-черной матовой обложке, а через пару-другую лет разглядишь ее, родную,

смирно лежащую на том же самом месте, куда он положил букинистическую редкость, за стеклами основательного книжного шкафа, в совершенно белоснежном, даже каком-то неожиданно перламутровом переплете.

Ха! Да это же нисколько не новый светлый переплет, это же просто книжная пыль! С тех пор же книжный шкаф никто не открывал! Хоть сейчас чертай-начёртывай автограф в вечность пальцем по пыльному слою обложки...

Когда-то этот перламутр с наших книжных обложек ототрут, отпылесосят и прочтут наши давние тексты, поскольку не в старых друзьях и не в обложках дело. Были бы тексты!

Милых, никому не заметных авторских удач нужно дождаться. Ты, когда даришь книгу, на прочтение не надейся. Приятель, друг, коллега или случайный знакомый, он прочитает непременно когда-нибудь потом, а может быть, совсем-совсем уже потом. Но почитает! Да и напишет верный хвалебный отзыв, практически рецензию. И это не смотря на то, что книгу ты ему дарил десяток лет назад.

В России не только жить, здесь и писать надо долго!

Вечно унылый город

Печальный, беспокойный город весь день бежит куда-то, суетится и почти не радуется ничему. Красивым стал, высоток понастроил, на улицах прибрался, похорошел, но не обрадовался.

Откровенно говоря, жить в этом городе было скучно во все времена, в любые годы и в любое время года. Нам здесь стабильно тоскливо всегда, что весною, что осенью… в будни и праздники… в молодости и в старости… Здесь безумно уныло за каждым углом, как бы эти углы не декорировали сегодня модными архитектурными прелестями да ажурными фонарями центральных районов. Здесь невесело веками, тут безрадостно всем почти, здесь давно уже врос в географию черно-белый ген всеобщего уныния. Ведь настоящий образ города заметнее не на фасадах, а на лицах горожан. И ампиру-то тут у нас, посреди пустырей, автостоянок и помоек, совсем кисло живется, и конструктивизму, рядом со стройками, долгостроями, складами и овощными базами как-то безрадостно.

Тяжко наш город рождался, трудно жил. Отчего же теперь ему стать беззаботным, и ни с того ни с сего радостными лицами вдруг расцвести? А вот же, тужится-пыжится он, да и расцветает время от времени. Хочется ему простой радости, хочется ясной жизни. А когда сильно хочется — получается. Не сразу и не прямо, а ведь выходит у него не то что бы радостно жить, но хотя бы усмехнуться иногда, вздохнуть спокойно. Солнышко выглянет — город и рад!

Когда безоблачно и безветренно, город расплывается в ясной улыбке. Гляньте, как же он прекрасен, оживлен, совершенен! Особенно в центре и утром. Наши вечно озабоченные городские жители в добрую погоду приветливее не становятся, однако все они делаются немного добрее, это заметно.

Театрально-концертный патриотизм

Многоударной речью с ярким местным говором, сбивчивой скороговоркой, сквозь по-уральски зажатую челюсть, наш дежурный патриот территории гордо доложит любому гостю Екатеринбурга о том, что театральный зритель в городе избалован, взыскателен, но благодарен.

Мол, театральный у нас город, мол, культурная столица региона. Поэтому и ни одна столичная премьера мимо нас не проедет. Дескать, от афиш уже в глазах рябит, все перекрестки ими уклеены, а залы у хороших гастролеров полнехоньки. Любая маломальская знаменитость сразу к нам едет, а мы на нее ходим.

Так оно и есть. Прав городской патриот, к нам едут, а мы ходим. Даже самая паршивая антреприза «с парой знаменитостей на двух табуретах», неимоверно дешевыми декорациями и неоправданно дорогими билетами здесь часто собирает аншлаг.

Царский мост

Погуляем-ка.

На тесном тротуаре узенького Царского моста остановимся. Дорогие мои «витязи на распутье», если направо по улице Декабристов пойдем, можем увидеть там крохотный парк Павлика Морозова, Оровайские казармы, скромный телецентр, площадь Обороны, аккуратную Метеогорку (бывшую Плешивую или Обсерваторскую) и гранитные верстовые столбы с металлическими орлами на вершинах, обозначающие начало Сибирского тракта, если же решим пойти налево, быстро дотопаем до парка Зеленая роща (Ново-Тихвинского женского монастыря) и до Московской горки, утыканной частоколом нарядных высоток.

Прежде чем двигаться дальше, давайте постоим, покрутим по округе головами.

С этой стороны, окруженный высокими ширмами новостроек, отлично виден первый на Урале армянский храм (церковь Святого Карапета), как и подобает, отделанный розовым туфом, специально привезенным из каменоломен Арарата. Рядом — старообрядческая церковь. По другую сторону моста строится классическая мечеть, виднеется авангардная синагога, далее — стройная свечка колокольни Большого Златоуста. Хоть эту-то идею город воплотил, расположив храмы всех конфессий вдоль набережной центра. Жаль, что саму набережную пока не выстроил, как положено. Ну, соорудит еще, наверное, время же есть.

В начале девятнадцатого века кортеж императора Александра Первого проехался по этому мосту всего-то один раз, с тех пор мост и называется царским. Уютный он, любимый городом (не Александр, конечно же, мост). Некоторые краеведы убежденно говорят, мол, император по мосту и не проезжал никогда, мол достроить не успели. Каменное основание в несколько массивных арок, чугунные перила, кованые фонари, полуразрушенная колоннада ограды какого-то незнакомого мне особняка или сада, замаскированная многими слоями бледной штукатурки и краски, кирпичные трубы Пиво-медоваренного завода мещанина Гребенькова, украшенные причудливыми коваными шарами-громоотводами — все это подлинные штрихи городской истории. Да, это самый что ни на есть настоящий старый Екатеринбург, опять черты к портрету.

Пивзавод Гребенькова поначалу развозил на подводах по городу сорок тысяч ведер пива и две тысячи ведер медовухи в год. Городу хватало. Народонаселения-то в нем в те времена было каких-то тридцать-сорок тысяч горожан, и далеко не все они могли позволить себе пиво — напиток элитарный, дорогой, изысканный. Простой екатеринбургский люд легко обходился дешевыми водками из казенных кабаков на Обжорной или Дровяной площади. А потом Гребеньков мгновенно перепрофилировал предприятие в Завод фруктовых вод, поскольку период распада Империи, как и всегда у нас бывает, ознаменовался жесткой борьбой с пьянством.

Идеальная трезвость тогда почему-то опять не победила, Царская Россия громко рухнула, а завод газировок и соков жив-живехонек по сей день, пережив и многие другие антиалкогольные кампании разных времен и общественно-государственных систем. Сегодня он, кажись, называется «Тонус». Впрочем, что-то не слыхать о нем в последнее время…

Времена золотарей

В помещения бывших общественных туалетов центра города давно и основательно заселились либо элитные рестораны и бутики, либо разные ювелирные магазины, торгующие, в основном, одним и тем же, — золотом.

Бесплатную уборную в центре теперь не найти.

Ну, вы же знаете, что золотарь — это ассенизатор или мусоровоз, помоечник, проще-то говоря.

Переменились наши городские времена и ритмы на какое-то время, интересно и весьма символично. Надолго ли?

Крестики и снежинки

Унылая оттепель после двух морозных недель никого в городе не обрадовала. Тоже мне погодка: то минус двадцать, то плюс один, и это в один день! То день чудесный с морозом и солнцем, то полумрак, сизая синь и влажный ветерок. Попробуй, улыбнись в такой-то атмосфере.

Нахохленные хмурые горожане жмутся в новых «умных» остановках, притопывая и приплясывая постоянно от отсутствия где-то забуксовавших в снежной каше автобусов и троллейбусов.

Табло на шибко интеллектуальной остановке безбожно врёт. По его мнению, все мы минут двадцать назад должны были уехать нафиг. Оно и думает, что все уехали, как написано, но мы все пока стоим и уныло коченеем.

И тут-то меня дергает за рукав единственный за день счастливый горожанин, мальчишка лет пяти-семи в шапке с помпошкой. Он улыбается!

— Скоро траллька семерка приедет! Наша!

— Да правда, что ли? А я автобус жду. Автобус-то когда приедет? — отвечаю, еле сдерживая губы, тянущиеся в улыбку.

— Про автобус я не знаю, — озадачивается собеседник, смущенно что-то чертя палкой на сугробе.

— Автобус? — подключается к разговору явно его бабушка, моя ровесница наверняка, все это время листающая телефон и не особенно смотрящая за внуком. — Семидесятка скоро будет, подъезжает уже!

Они уже почти уехали из моей жизни, но напоследок счастливый гражданин вновь дергает рукав:

— Смотри! Это крест, а ещё один крестик когда, это будет снежинка! — ликующе высказывается, и рот до ушей его шапки-ушанки. Счастливчик!

Шапка-ушанка с помпошкой — это же что-то детское совсем и девчачье. Но это его не тревожит пока. Скоро этот подрастающий пацан резко перестанет такое-то бабушкино добро носить, искренне радоваться перемене погоды, доброму городу да приветливым людям вокруг. Очень скоро прекратит он делиться своими простыми открытиями со всеми окрест. Так в жизни выдумано, почему-то именно так — правильно и нормально.

А мне вот не забыть уже белые глянцевые сугробы на фоне свинцового города, вдоль и поперек исчерканные крестами и снежинками. Долго, видать, парнишка ждал свою тралльку номер семь, весь снег вокруг уделал восьмиконечными звездами.

Без башни

Тем вечером топтался под фонарем у подножия пока живой телебашни Екатеринбурга среди в основном молчаливых, растерянных горожан. Подобострастно исполнительный, совсем не местный губер-варвар и мутный горно-металлургический олигарх безусловно порешили взорвать нашу башню поутру. Ломать — не строить!

Вспомнил, как похоже молчали горожане в девяносто первом и девяносто третьем году на Тверской и у Белого дома в Москве. Там тогда не только

стреляли и под танки бросались, не только митинговали и нелепые баррикады строили, там, в основном, вот так же переминались с ноги на ногу и растерянно молчали.

А еще порадовался за наших отважных и безбашенных мальчишек-руферов, которых днем стряхнули с высшей точки башни вместе с флагом. Ведь только они оказались способны на ясный поступок и реально попытались защитить!

Утром башни не стало, как и надежд на постройку в городе чего-то хоть слегка сопоставимого по масштабу в течение ближайших ста лет.

Заячий порядок

Погуляем-ка.

Не отвлекаясь ни направо, ни налево, идемте прямо по улице Красной Розы (в смысле, Розы Люксембург) мимо Медицинской академии и Творческих мастерских Союза художников.

Улиц с красно-советскими именами, как вы заметили, в городе множество, нам еще предстоит погулять по Карлу и по Кларе (Либкнехту и Цеткин). Прогрессивные немецкие революционеры ни разу в этих местах не бывали, и очень сомневаюсь, знали ли вообще хоть что-либо об этом городе в глубине России, но их бессмертные идеи о социальной справедливости настолько впечатлили местных прогрессистов, активистов и энтузиастов, что добрая половина городской топонимики после революции полыхнула алым цветом. А ведь изначально улица называлась Заячий порядок, потом просто Заячья улица, потом — улица Златоустовская. Не имена, а музыка! Но возвращать крестильные названия улиц на карту города никто не торопится.

Сегодняшние активисты увлечены другими идеями. Боюсь, как бы они чего-нибудь не раскачали опять в мироустройстве до основания и не взялись бы сызнова все переделывать да переименовывать. И эти страхи вполне реальны. Бург — город прогрессистов, это точно. Город активного продвижения интересных, свежих, ярких, но не всегда родных, и далеко не всегда безусловных идей.

Смотрите, с интервалом в несколько лет те же самые горожане собирали тысячные митинги в поддержку царской армии на фронтах Первой Мировой войны, единодушно приветствовали трехсотлетний юбилей царствующего Дома Романовых, всем миром покупали миллионные тиражи «Красных яичек», поддерживая воинов и сирот, сотнями выстраивались в живописные группы на площадях, упоенно занимаясь «Сокольской гимнастикой». А потом они же с удовольствием митинговали за Советскую власть, устраивали забастовки, стачки и маёвки, сносили памятники, жгли купеческие и присутственные дома, воевали на баррикадах. Потом были семьдесят лет советского строительства, их же энергией напитанные, потом — период развала Союза, их же усилиями произведенный, потом — новейшее капиталистическое строительство, на тех же самых основах. О сегодняшнем дне промолчу, опасаясь неосторожным словцом обидеть современных энтузиастов.

Заячий порядок, право слово! По мне, так непременнейше надо бы вернуть в черту города улицу с этим достопримечательным и многозначным именем. Более емкого и точного определения нам всем, из поколения в поколение упрямо тормошащим суету на этих исторических пространствах, не найти.

Метеозависимость

Ехал тут на «шайтан-арбе» с одного конца города в другой часика полтора. Отвратительно долго ехал, нудно и совсем неприключенчески.

За окошками болтыхалась весенняя вялая вьюга с дождем, нерешительная, серая и брезгливая. Лица граждан вносили со всякой остановки в салон

ту же самую серую брезгливость. Даже стекла от нее запотели. Вот это мы хорошо умеем. Гадкая погода на дворе — и выражения лиц совершенно гадкие, соответственно. Чуть солнышко проглянет, сразу же приветливей становимся. До чего же мы все метеозависимы.

И тут юный заграничный кондуктор выкрикнул в кислятину промокших, запотевших российских лиц что-то неожиданное:

— На Чапаева ходят?

Потом, чего-то там себе подумавши и, видимо, переведя, сказал:

— На Чапаёва ходят?

Народ вопрос не понял, но улыбнулся. На улице Чапаева выходить никто не собирался, однако дальше ехали с такими лицами, словно за окнами взошло солнце. Как-то вдруг высохли все и хмуриться перестали. И лица-то какие у всех пассажиров вдруг ясные проявились, даже испарина со стекол сошла.

А утро будет?

Душным летним вечером, практически неостывающей душистой ночью июля на детскую площадку под моим окном уселась невидимая в сизой беспросветности двора, но очень слышимая компания новых гопников. Ничего несусветного. Однако что-то очень непривычное для уха было в этом всегдашнем летнем радиотеатре, усиленном мощными звукоотражателями окрестных пятиэтажек.

Мат был обычным, нашим, русским…

А вот другая речь, которая без мата, мне совершенно незнакомая, однако хорошо связующая зычный восточный возглас с русским народным матерком, была явно арабской или азиатской, что ли. Ничего я не смыслю в отличиях арабики от азиатчины, мало что слышал на тему ассимиляции народов, но знаю точно — этот «сабантуй» до утра!

Россия, говорят, давным-давно повенчана с Востоком, не с Европой. И чего же все мы хмуримся? Днем же опять услышим эту самую речь на рынках, в магазинах, на стройках, в метро и автобусах. Ничего невероятного.

Новейшая славистика с рассветом никуда не исчезнет.

Дом Железнова

Погуляем-ка.

Идем прямо по Златоустовской к дому Железнова. Это даже не купеческий дворец, а сказочный терем с шатровыми крышами, высокой кирпичной оградой (которая сама по себе произведение искусства), с массивными воротами, прекрасными деревянными окнами в кирпичных наличниках и гордым флюгером. Вот кто придумал называть такую красоту — псевдорусский стиль? Филигранное подобие деревянной резьбы, но только из кирпича. Глаз не отвести!

В юности был совершенно убежден, что Васса Железнова из романа Горького жила именно в этом доме. Некоторые мои земляки всю голову вам заморочат, доказывая, что все события из того сочинения произошли именно здесь, мол, прямой прототип. Не верьте. Умопомрачительно успешный золотопромышленник Железнов, торговавший еще порохом и динамитом, говорят, шибко намаялся с любимой женой. Для нее-то и выстроил весь этой дом с экзотичным садом до реки, флигелями, фонтанами, зверинцами, голубятнями и оранжереями. Жена Железнова сначала страдала клептоманией, а потом — серьезной душевной болезнью (гостей не принять, в свет не вывезти, за границу не съездить). Так и просидела она, горемыка, у него всю жизнь за высоким забором в роскошном дворце. Согласитесь, потрясающий, совсем не горьковский сюжет, который еще ждет своего автора.

«Что крестьянин, то и обезьянин» — пословица великолепная и злободневная! Несколько соотечественников на полном серьезе мне рассказывали о встречах на этом гранитном крыльце, между двух пузатых колонн серого мрамора, с привидением Белой барыни (аналогом европейского призрака Белой дамы). Едва различимый силуэт, говорят, особенно хорошо заметен в вечерних летних сумерках, и благоухает он заграничными лавандовыми духами. Еще бы, где-нибудь в недрах заросшего сада, наверное, сохранился куст лаванды. А впрочем, я так ироничен просто потому, что ни разу не видел ее и не нюхал.

Беззаботица

Перекресток на Чапаева-Декабристов украсили новыми дорожными знаками, разметкой и модными светодиодными светофорами с таймером. Красиво там теперь, культурно, прогрессивно, но неимоверно долго — перехода на другую сторону узенькой улицы дожидаться приходиться девяносто секунд.

Пока стоишь, узнаёшь много разных новостей из жизни телефонных болтунов, у которых из ушей торчат провода и которые, глядя прямо в твое лицо, громко беседуют, острят или ссорятся совсем не с тобой и даже не с самим собою, а с каким-то там другим болтуном на другом перекрестке, на другом конце города.

Коммуникации рулят, прогресс бурлит, народ бежит вприпрыжку по необходимостям… И тут вдруг возникает тормоз-светофор на полторы минуты никому не нужного покоя сдерживающий спешащих, торопящихся, болтающих…

И неожиданная тишина, и замечательный нетелефонный разговор:

— Извините, что обращаюсь… — хрипло и подробно выговорил все буквы в каждом слове луноликий мужик (причем, луноликим он был не только по объему, но и по цвету лица) в сторону бумажно-бледного тонкого дядьки в таких же тонких и бледных очках. — Как мужчина мужчине… Бухал вчера, домой еду, двадцать восемь рублей на троллейбус… Надо очень…

— Денег нет, — глухо ответил бледный.

— А если посмотреть? — улыбчиво и ненастойчиво, но громко спросил луноликий.

— Смотри, я вот двадцать минут уже иду на биржу труда пешком, через полчаса дойду туда, а потом еще час обратно буду топать… Два часа получается, что ехать, что идти… Экономлю я на троллейбусе. Понимаешь? Так-то есть, но надо бы хоть хлеба еще купить…

— На биржу безработицы два часа пешком? Фигасе! Давай, я тебе сотку дам, бухнешь, когда пойдешь обратно. Мне-то чего? У меня же вообще беззаботца, нормально всё…

— Что?

— Беззаботица у меня, что. Понимаешь? Мне-то чего? Тебе-то хуже, а у меня же есть где жить, работа есть, пешком не хожу… Знаешь ты, где фунфыри дают?

— Знаю. Давай.

Ведьмаки

Иностранные специалисты из ближнего зарубежья, народ работящий, креативный и приветливый, недавно взяли за моду передвигаться по городу на велосипедах. Особенно у юных это считается большим шиком.

От одного дворницкого участка к другому они ездят на старых великах, на «Уралах», «Салютах» и даже на «Школьниках». Надежными поставщиками этих винтажных средств передвижения, думаю, служат мусорные площадки наших дворов. Очень удобно: дикобразный пучок прутьев классиче-

ской метлы легко крепится на багажнике, а длинный черенок — веревками вдоль велосипедной рамы, и — поехали!

Осенью, по тротуарам и автомобильным пробкам, по тесным парковкам, широким парковым аллеям, тихим скверам и полупустым площадям туда-сюда летают замечательные вело-ведьмы на мётлах. Все они — мальчики, стало быть, самцы ведьм, и называть их стоит ведьмаками.

Унылая графика осеннего Бурга с их появлением заметно оживилась (мало того, что на метлах летают, так еще и в оранжевых жилетах все). Народ с удовольствием хихикает и пальцем вслед показывает. А эти, довольно щуря узкие глаза, виртуозно выделывают всяческие заковыристые велопируэты, озорно оглядываясь на улыбчивые взгляды горожан.

Они друг другу явно нравятся, и ведьмаки, и горожане.

Квартал особняков

Погуляем-ка.

Выходим на безымянную площадь, довольно гармоничную и яркую, по которой улица Розы Люксембург делает элегантный зигзаг, продолжая манить нас в сторону совсем уже близкого центра. Предлагаю пока посидеть на скамейке в окружении буйных газонов и цветников, немного передохнуть. Могу ошибаться, но имени совсем недавно сформированной площади город пока не придумал. Рядом совсем недавно популярная городская общественная баня «на тысячу персон», построенная почти сто лет назад, а ныне перестроенная в «Сандуны-Урал», и Кафедральный собор, и Духовная семинария, и Центр международной торговли, и «Атриум палас отель», громадины высотных офисов промышленных компаний и банков, отель «Онегин», рестораны и кафе. В общем, все самое необходимое под рукой.

Пора бы и позавтракать. Наш первый легкий екатеринбургский завтрак может состояться в кафе «Энгельс» или «Моне», а лучше — в панорамном ресторанчике «Онегин». Оттуда и окрестности видны прекрасно.

Свято-Троицкий кафедральный собор, возведенный в совершенно идеальных пропорциях классицизма, лишь относительно недавно возвратился к своему изначальному облику, нахлебавшись прогрессивных преобразований досыта. В советские годы в нем, обезглавленном и перестроенном, жил Дворец культуры автомобилистов.

Однако свято место пусто не бывает, это верно. Прекрасно помню ощущения долгожданного свежего воздуха на первых концертах Свердловского рок-клуба под этими сводами, и, конечно же, «Серебро господа моего» из уст молодого БГ, впервые услышанное именно здесь. Кстати говоря, происходили все эти откровения где-то рядом с ныне восстановленным храмовым приделом во имя святителя Иоанна Златоуста (отсюда старое имя улицы — Златоустовская). Попробуй не поверь после такого-то в мистические предопределения и прозрачные намеки провидения. Гений места не дремлет, его дыхание чувствуется даже в самые душные и смутные времена.

Идем по улице особняков к Музею радио. Да, в этом доме жил когда-то изобретатель радио Александр Попов. Однако домом Попова одноэтажный каменный особняк с высокими окнами в городе никто не называет. Помнят горожане, наверное, что великий ученый просто снимал здесь даже не квартиру, а маленькую комнату в доме священника. Хозяин, поговаривают, изрядно скуповатым был и часто жадничал, постоянно повышая квартирную плату и стоимость дров, этим-то и запомнился истории. Настоящие дома Попова находятся в Краснотурьинске и Санкт-Петербурге. А вот музей получился очень емкий, интересный, богатый подлинными экспонатами, в нем даже небольшому планетарию нашлось место.

Белки

По старому асфальту полупустых аллей парка Маяковского в оранжевых закатных сумерках обычно носятся рыжие стаи белок.

Иду, дышу, гуляю…

Надеюсь, что и нынче они тут резво попрошайничают, бегают между скамейками и прыгают с ветки на ветку, а то случаются сезоны, когда их изживают отсюда на какое-то время. Дело в том, что иногда работники парка, уничтожая насекомых, заодно вытравляют всех белок и птиц. Однако на следующий год лесная популяция настырно восстанавливается в границах парка, больше похожего на лес.

Да вот же они, живы-здоровы, родные!

Особенно прогрессивные зверьки, забыв приличия, и по штанам могут забраться к заветному пакетику с орешками, и куснуть руку дающего от радостного перевозбуждения.

Потом несут вприпрыжку прятать свою добычу в кусты, где за ними уже наблюдают менее смелые, но очень внимательные соплеменники. Как только активисты убегают, наблюдатели невозмутимо выкапывают чужие трофеи и перепрятывают в более надежное, на их взгляд, место. Так и живут.

Ничего особенного, у наших белок всё как у людей!

Счастливых выходных!

Как же обескуражено хихикал я первые недели над традиционной пятничной фразой коллег «Счастливых выходных!», дежурно или радостно звучащей из ярко улыбающихся уст судейской, чиновной и прочей офисной мелкотни. И как же радостно сегодня, в пятницу, я эту фразу сам произношу!

Полгодика всего-то навсего в суде работаю, а с производственными ритмами и радостями уже хорошо разобрался. Предпраздничные дни и пятницы веселят нас сразу с утра, гарантируя окончание обычной пахоты на целый час раньше. Ура.

А дальше — выходные! В выходные будет настоящая жизнь! Там и семья, друзья и шашлыки, и дачи там, выставки, киношки и театры, любимые и дети, там «просто поваляться дома» и, наконец, сделать генеральную уборку с удовольствием. До понедельника — два дня и целый мир! Только бы погода не напортачила. Отсюда и всегдашние пятничные вопросы, на которые приходится отвечать обстоятельно, дотошно и подробно: где там какой циклон висит, что говорит Гидромет и что на самом деле в небе происходит.

Как же много в городе людей, совсем не умеющих самостоятельно организовать себе погоду, пахоту и счастливые выходные.

Алексей Мошков

В лимбе

***

Я теперь с подозрением отношусь к самому себе,
точно свалился с трубы, никогда не сиживая на трубе
на крыше того дома, который снесли на днях,
чтоб он крепче стоял, обратившись в прах.
Поэтому теперь, точно испытывая судьбу,
я забираюсь на крышу и усаживаюсь на трубу,
чтоб ощутить, что я если не здесь, то все еще есть,
поскольку таки изловчился залезть
на трубу, которой нет, но с которой мне
никогда не свалиться, чтобы пропасть во тьме.
Это странно, что там, где я сейчас сижу,
нет воздуха, но я чувствую, что дышу,
а значит, и существую, но стоит мне только слезть,
как я тут же потеряю уверенность, что вообще я есть,
точно исчез, растворился, как соль в кипятке,
при том что могу похлопать себя по лбу или по руке,
поставить чайник, подозревая себя в грандиозном вранье
по поводу самого себя и самому себе.

***

Ночью на кухне на покалеченной табуретке
катаю перед собой минуты, как таблетки.

Ничего не осталось, и уже ничего не станет.
Ночь плещется в кухне, как чай в стакане.

Я поглатываю свой чай, дымлю сигарету за сигаретой.
Череда поражений не может обернуться победой.

Золотое руно — это мания величия овечьей шкурки.
Мысли лежат в голове, как в пепельнице — окурки.

Алексей Мошков (1983) — поэт, литературный критик. Родился в г. Кондопога (Карелия). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Живёт в Великом Новгороде, работает журналистом.

Чувствую себя на помойку выброшенным мишуткой.
Жизнь представляется Дурной Шуткой

и усаживается напротив, как отраженье
в том зеркале, что отрицает возможность любого движенья.

И я пялюсь в него, впериваюсь, исследователь бесстрашный,
тот, кем всегда и был, то есть прошлогодний, вчерашний,

неизменный, как сигарета, как чай в стакане.
Утро наступит, но ночь никуда не канет.

Ночь — это то, что всегда, как результат столкновенья
того, кто сидит перед зеркалом, и его отраженья.

Жизнь поглатывает чаек и травит дурные шутки,
от которых мороз по коже и будто в чужом рассудке.

Таблетки не помогают, хоть глотаешь горстями.
Минуты больше не катятся, а заваливаются гостями.

Волки в овечьей шкуре! Переодетые рецидивисты!
С рыбьими буркалами, жилисты и плечисты.

И пошла чечетка! Без остановки! Их упорство — баранье.
Это и есть мое будущее, как тот поезд, что приходит без опозданья,

в котором я заключен, как узник в тюремной башне,
такой же, как был, позапрошлогодний, позавчерашний.

И те же самые шутки, те же самые гости
высасывают из меня все соки, обгладывают мои кости.

Сигареты кончаются. Усталость давит глаза, как клюкву,
в которых я превращаюсь в размытую букву.

В голове все в дыму — это сон выкуривает меня из сегодня,
поскольку завтра уже разверзлось, как преисподняя.

И я покорно тушусь, как о пепельницу окурок.
И дым растворяется в предутренний сумрак.

***

что-то случилось к тому же давно
дни мои дали крен и уткнулся в полный раздрай
так что без разницы жить или же сигануть в окно
поскольку то и другое приводит тебя за край
света на котором стоял не зная куда и что
но как-то вынесло то ли ноги то ли сама тропа
и тем более уж зачем видимо это все то
что когда-то случилось а после пошла судьба

и пошла как ливень или буран и как
тут ии рыпайся настигала и там где и не могла
оказывалось что так и надо чтоб все наперекосяк
и никуда вообще а это она вела
а думал что это все сам рулевой
судьбы которую не считал своей
но так сжился видимо с этой чужой
что по-другому нельзя и не сказать точней

вот и сейчас хоть становись на дыбы хоть руки по швам
распутает все сама коли уж завела сюда
и то что идти дальше некуда точно сам
изжил себя самого будто всегда
и шел к этому точнее она вела
лучшее доказательство что не зря
только вот зачем если жизнь уже вся стекла
даже если новое небо и утренняя заря

так что остается от жизни от ней самой
какая есть исчезающая как дым
чтоб я перестал быть самим собой
и стал самым что ни на есть другим
неужели сама по себе ну ни на грош
и той державы нынче которой нет
но раз что-то случилось а что и не разберешь
посмотрим что там за краем себе в ответ

***

Еще один день, долгий, как бескрайний пустырь,
когда взгляду не на чем задержаться, как ни вглядывайся в одну из четырёх,
которых не отличить друг от дружки, но от потуг пустых
ты не то чтоб не застрахован, но, скорее, обречен

на них, — это, считай, судьба, с которой не совладать, как ни дави плечом
этот выпитый воздух, что камнем оседает в груди.
Еще один день, долгий, как пытка, как жизнь, никакой, ни о чем,
бесплодный, точно земля, по которой продолжаешь идти

не пойми зачем, как заводной, — не апельсин, но так заведено:
и не дойти до заветной цели, хоть и в этом твоей вины
ни на гран, но знай, что, какие б у тебя ни были доказательства, все равно
вся вина ляжет на тебя, тебя одного, с какой стороны

ни смотри: они все страшны китайским отсутствием стен,
о которые ты когда-то, помнишь, так натренировал свой лоб,
что нынче проломил бы любую, включая, кажется, даже тень
той самой, в которую уткнешься, когда тебя, как куклу, уложат в гроб.

С любой стороны — пустота: в под цвет большинства небесах, в грязи,
чавкающей под ногами, как ни вперивайся за горизонт, ни всматривайся назад:
нет ничего, только она одна, и ты движешься на пределе сил
и давно уже в ней растворился, что твой бесцельный взгляд,

и ещё один, и ещё, ect — как стрела и как — в решето,
ибо пустота и есть суть пространства, само его существо.
И что с того, что еще один день, такой же, как после, как до?
Уже ничего. Уже — ничего.

***

Эти пустые улицы, словно торжество неживой материи над живой.
Глаз фиксирует изменения, которые не в силах ничего изменить:
жизнь зашла в тупик, судя по той кривой,
повторить которую не сможет ни одна нить,
так что можно оставить надежды, что нужно было сделать уже давно:
здесь ловить нечего — с какой стороны ни смотри:
и лучше даже не выходить: да и зачем, если есть окно,
как зеркало, которое отражает не мир снаружи, а изнутри.
И я так долго всматривался в него, что нынче — наоборот,
и от этого взгляда не скрыться ни за одной стеной.
Стрелка часов наматывает очередной свой оборот.
И это самый математически выверенный путь, хоть и не прямой,
к небытию, которое прорастает, как трава за твоим окном,
и скоро уже ничего не останется, окромя.
И единственно верное, что можно сделать сейчас, — так это забываться сном,
как бы репетируя тот момент, когда этот мир останется без тебя.

Маргарита Голенко

Шизаня и рыцари

Рассказ

Книжный был ещё закрыт, но я уже стояла около дверей, нетерпеливо вглядываясь в стеклянные двери. В продажу поступила заключительная часть «Рыцаря океанов» — нашумевшей трилогии о моём любимом сэре Роберте.

С ним я забываю обо всём: о том, что меня зовут Аня, что живу в Москве, недавно переехала с родителями в новостройку и перешла в новую школу…

О ней забыть приятней всего. Одноклассники нереально тупые. Кроме, пожалуй, Лисичкина, но мы с ним и раньше вместе учились. Его родители тоже купили квартиру в ЖК «СитиГрад». Там построили всего одну школу, так что мы оба оказались в ней, и даже в одном классе.

А новых друзей у меня нет. С тех пор как я переехала, мне хочется разговаривать только с сэром Робертом. Он живёт в подводной империи среди затонувших кораблей и сочиняет прекрасные песни для русалки Алисы. Он готов рискнуть собственной жизнью, чтобы поцеловать её. Его считают недостойным рыцарского титула, но он презирает чужое мнение. Он… В общем, он настоящий рыцарь в ненастоящем мире.

Лисичкин вот тоже песенки поёт, про учителей в основном. Кривляется на уроках, шутит — пытается одноклассникам понравиться. Ну, те и ржут. Только не над шутками, а над ним самим. Его даже Петрушкой прозвали. И кто придумал такое прозвище?

В прошлой школе его не дразнили. Там у нас остались друзья: Катька и Кирилл. Сегодня суббота, и Катька опять звала к себе. Её родители до вечера будут на даче. Лисичкин придёт. Это Катька сказала, что придёт, а с ним мы в школе почти не общаемся. Хотя странно, ведь мы… Кажется, не просто друзья.

Наконец магазин открыли. Я пришла раньше всех, но какой-то странный тип в велосипедном шлеме опередил у кассы. Но, бросив на меня проницательный взгляд, пропустил вперёд:

— Вы раньше пришли, проходите.

Да! Наконец-то книга у меня!

Идти к Катьке рано, так что я вышла на улицу, села на скамейку и открыла первую страницу.

Маргарита Голенко — родилась в Симферополе, живет в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного педагогического университета, работала учителем русского языка и литературы. Автор нескольких книг. Публиковалась в журналах «Урал», «Формаслов», «Костёр», «Чердобряк» и др. Лауреат и финалист многих конкурсов, премий и фестивалей. Участник «ФилатовФеста», «СуздальФеста» и др.

И снова здравствуйте, сэр Роберт.

Через несколько мгновений почувствовала, как вибрирует в сумке телефон. Это была Катька.

— Ань, ну ты где? Лисичкин тебя уже заждался, — громко хихикнула она в трубку.

Я что, прочитала уже сто страниц?!

Теперь, главное, не проехать автобусную остановку. Эх, на самом интересном месте выходить!

Дверь открыл Лисичкин в сером худи с вышитым геральдическим орлом и растянутых трениках. Волосы, как обычно, взъерошены.

— Ждёшь тут тебя, — буркнул он.

Катька и Кирилл знали, что мы целуемся в соседней комнате, но им было всё равно: они тоже не кино смотрели! Интересно, а что бы сказали про нас наши новые одноклассники, если бы узнали, что мы встречаемся?

Но ведь официально Лисичкин ничего такого не предлагал... Да и нравится ли он мне? Целоваться с ним, правда, приятно. Чувствую себя русалкой сэра Роберта.

Вдруг край моей футболки пополз вверх, и я ощутила прикосновение грубой влажной ладони к животу, затем она стала подниматься выше. Сэр Роберт, что вы себе позволяете!.. Я хотела убрать ладонь, но она настойчиво ползла вверх.

Мои щёки стали такими горячими, словно по ним утюгом прошлись. Я оттолкнула Лисичкина и выбежала из комнаты в коридор. Катька, услышав шум, — следом.

— Анька, ты куда? — спросила опухшими красными губами. — Поругались?

— Нет. — Ответила я. — То есть да. Да, Кать, поругались, я больше не приду, пока!

Всю дорогу до дома мне казалось, что рука Лисичкина по-прежнему у меня под футболкой. Надо поскорей открыть книгу.

Книга! Она осталась у Катьки!

Пришлось возвращаться. Но оказалось, что Лисичкин ушёл и забрал книгу с собой, чтобы, как сказала Катька, отдать её мне в школе.

Набрала проклятого Лисичкина:

— Верни книгу.

— Встретимся у Катькиного подъезда, — безразличным тоном ответил он.

Когда я вышла, уже ждал меня. Книги в его руках не было.

— Руслан, где книга?

— Отдам книгу, если пойдёшь со мной, поняла?

— Что?.. — не поверила я своим ушам. — Ты вообще уже? Отдай книгу, говорю!

— Да чё ты с этими книгами носишься, блин! — в сердцах крикнул Лисичкин. — Все нормальные люди на переменах или с друзьями, или в телефонах сидят, а ты!.. Радовалась бы, что на тебя внимание обратили! Ань, ты хоть знаешь, как тебя в школе называют?

— Как? — оторопело спросила я.

— Шизаня! Слышишь? Так что в школе мы с тобой не друзья!

— Будем знакомы, Петрушка! — сказала я с усмешкой, хотя чувствовала, что мне становится тяжело дышать.

— Как ты меня назвала?..

— Что? Не знал? Ты ж кривляешься, как придурок!.. И целуешься плохо! Петрушка! Петрушка! — заплясала я вокруг него.

— Да тише ты!..

Лисичкин поднял голову. Окно в Катькину квартиру было открыто.

Я перестала паясничать, но стоять спокойно было тяжелей: внутри меня словно накачивали воздухом какой-то шар, и он рос, превращаясь в гигантский баскетбольный мяч.

— Знаешь, Руслан, а ведь ты... Ты даже не Петрушка. Ты Трусишка.

Не помню, как добралась до «СитиГрада». Как назло, любимая лавочка была занята каким-то молодым человеком. Рядом стоял велосипед. Я хотела уйти, но вдруг заметила, что парень читает книгу. Это был сэр Роберт!.. Нужный как никогда!

Пусть я выгляжу по-идиотски...

— Привет! Слушай... Ты не мог бы дать почитать «Рыцаря», когда дочитаешь? У меня он был, но… В общем, потеряла.

Парень внимательно посмотрел на меня.

— А я видел тебя сегодня в магазине. Ты была такая серьёзная. Наверное, только о книге и думала, — улыбнулся он. — Сочувствую твоей утрате.

А, так это тот самый странный тип в шлеме, что галантно пропустил к кассе! А теперь протягивает мне свою книгу!

— Держи, я её уже по второму кругу читаю. Ты учишься в ситиградовской школе? Я из седьмого «Д», — продолжал он скороговоркой. — Может, запишешь мой телефон?

— Зачем? — с подозрением спросила я.

— Ну, чтобы вернуть книгу и всё такое, — смутился он. — Я, конечно, могу и подарить...

— Ой, конечно.

— Гриша, — сказал он, когда я забивала в телефонную книгу имя. — Ну, не буду тебе мешать. Только... Не факт, что тебе понравится конец. Просто там... В общем, будь готова.

Что же там такое? Мир вокруг исчез, а вместе с ним исчез и Лисичкин, и Катька, и «СитиГрад» со своей школой и книжным магазином. Вместо него возник другой, в котором есть рыцари. Есть сэр Роберт.

Точнее, был сэр Роберт.

Потому что он умер.

Так вот что имел в виду Гриша!

Мяч внутри меня лопнул, и из глаз потекли горячие слёзы, капая на страницы. Одна капля упала на букву «р», сделав её огромной и выпуклой.

Пожалуй, позвоню Грише. Он единственный человек, с кем я могу обсудить утрату любимого рыцаря. А книгу верну как-нибудь потом.

Эдуард Симонов

Полки готовой еды

Рассказ

Нет ничего грустнее в мире, чем покупатели у полок готовой еды. Еды, которую не нужно варить, чистить, жарить, раскладывать по тарелкам. Еды, которая аккуратно разложена по контейнерам и которую остается только погреть. А иногда можно и не греть вовсе, если это салат или холодный суп. Или же если день был и правда трудный.

Чаще всего покупатели этих полок только что отошли от стеллажа с алкоголем и думают, чем утолить физический голод. Чем позже они приходят, тем меньше остается. Чем меньше остается, тем дольше они всматриваются, выбирая себе ужин. Кто-то читает этикетки с составом, кто-то кидает продукты в корзину, не обращая внимания на цену.

Утром стеллаж-холодильник набивается до отвала, а к вечеру вы найдете два-три блюда, и то, скорее всего, это будет острая азиатская кухня. Но если вы голодны, то сойдет и она с парой бутылок пива.

Вот карбонара для одинокого банкира, а за ней пюре с тефтелями для разведенной женщины из третьего корпуса. Как я узнал, что этот мужчина банкир? У него премиальная карта в кожаном кошельке, а покупает он продукты в невесть каком магазине, а значит, получил эту карту по квоте. Плюс пару раз я слышал, как ему звонят и он долго обсуждает что-то про продажи, кредиты и привлеченные пассивные средства. Мы с ребятами частенько под вечер играем в игру, пытаясь угадать, чем занимаются наши покупатели. Банкир всегда берет одно и то же — карбонару, две бутылки российского пива. Если же карбонары он не находит, он долго рассматривает каждое готовое блюдо в отдельности, внимательно читая состав. Черт побери, состав карбонары до ужаса плохой, но на него он почему-то внимания не обращает. Я думаю, так со всем в этой жизни: то, что мы действительно любим, не требует нашей глубокой проверки. Может быть, зря?

Именно с этого банкира я начал думать, что эта полка в магазине самая грустная. Когда я приходил из магазина в свою арендованную квартиру, меня ждала супруга. Мы переехали из региона, и жизнь наша была не сахар, чего уж говорить, но никогда мы не ели готовый еды. Готовая лапша из поездов не в счет, иногда просто хочется гадости. А у этой полки куча людей, которым никто не готовит или им не для кого готовить, что, возможно, даже хуже. Вы понимаете, о чем я?

И я начал обращать внимание и долго всматриваться в людей, которые покупают эту еду. Вы знаете, я даже более бережно стал относиться к раскладке еды на этой полке. Как будто, делая полку более опрятной и понятной, я передаю частичку заботы этим таким одиноким людям.

Эдуард Симонов — финансист. Начал писать рассказы в 2024 году, печатался в журналах «Дружба народов» и «Прочитано». Любимые жанры: автофикшн и детская сказка. В «Урале» публикуется впервые.

Вот взрослая женщина с собакой на руках, она всегда берет суп и салат, будто она еще борется за мужской спрос и старается держать себя в форме. Она живет вдвоем с собакой, и оба они питаются готовым кормом из пакетов. Ну, разве это не грустно?

А вот молодая девушка, она любительница китайской кухни, чего там только нет вместе со спаржей, морковью и свининой. У нее очень аккуратная татуировка на руке, а летом была видна татуировка и на спине. Чаще всего она расплачивается картой через автомат без кассира, но, когда берет грушевый сидр, ей приходится идти на кассу и неохотно вытаскивать наушник из уха, хотя вопрос, который ей задают, она уже знает наизусть — «вам есть восемнадцать?». Она уже перестала отвечать, просто достает паспорт.

Чего только не узнаешь из разговоров по телефону покупателей. Вот мужчина явно прячется от жены, бродя по магазинам, здесь пара пацанят звенят монетами и по телефону отвечают матерям, что скоро будут дома, давно пора, времени уже десятый час. А вот молодая пара, по телефону они не говорят, но из рук их не выпускают. Я удивляюсь, как они не бьются головой о прилавки, потому что внимание у них приковано к телефону и, кажется, даже больше, чем друг к другу.

Они также подходят к готовой еде, девушка отвлекается на секунду и задает несколько вопросов партнеру. Парень, не поднимая глаз, кивает и говорит «как хочешь», они идут на кассу. Сегодня их ждет разогретая еда вместо теплого домашнего ужина и разговора.

Вы не подумайте, что я сноб какой-то или ворчун, я понимаю современный мир, я понимаю, что люди спешат, люди устают и люди упрощают. Но я думаю, за этим упрощением прячется огромная ловушка разрозненности. Мне кажется, еда объединяет, не сама еда, конечно, а её совместное потребление. Эти широкие застолья в деревне, когда бабушка начинает петь, или этот романтический ужин с супругой, когда вы не можете наговориться, даже зная, что вас ожидает десерт. Знаю, звучит пошло, но здесь я именно имел в виду купленный торт «Прага», я часто приношу его с работы домой.

А еще я знаю, что без конца на уме у вас один и тот же вопрос — а кто же готовит в моей семье? Я не сексист, но я очень ценю свою любимую супругу за то, как она готовит. Наверное, я старовер и воспитан на отвратительном стереотипе, что женщина — мастерица кухни. Я никогда её не заставлял, и, конечно, когда ей тяжело, на камбузе дежурит ваш покорный слуга. Знаете, я стараюсь что есть сил, но сделать гуляш из баранины таким мягким может только она. Жизнь двоих похожа на танец, на танец заботы, доброты и хорошей ругани периодически. Что ж — такова жизнь.

Мы танцуем с партнером и где-то сбиваемся с ритма, смеемся, отходим в сторону, и снова танец закручивается. И в мелочах этого танца кроется секрет особой специи. Знаете, о чем я? Моя супруга каждый раз, когда я открываю бутылку красного вина к ужину, просит оставить пробку, вдруг не допьем. Я не спорю, улыбаюсь и откладываю пробку в сторону на столе. Каждый раз на одно и то же место — около вазы. И она лежит там ровно до того момента, пока этим же вечером не отправится в мусорное ведро. Каждый раз. Так и танцуем.

Банкир приходил не каждый день, а только в понедельник, среду и пятницу. Хотя пятницу он иногда пропускал. А вот понедельник и среда были дни, когда по нему можно было проверять часы. Наверное, такова банковская работа, как говорят, «девять-шесть — дайте поесть».

Когда заканчивалась готовая карбонара, а до банкира оставалась пара часов, я стал делать странную вещь. Я оставлял на складе одну порцию. Мне совсем не хотелось смотреть, как этот человек стоит и выбирает себе что-то другое. Пусть, черт возьми, хоть что-то в его жизни идет так, чтобы радовать его.

Интересно, как уверенно мы думаем, что знаем жизнь других людей. Не зная человека, мы можем придумать ему отдельный мир и детали этого

мира. Мы знаем, где человек живет, что он делает, а главное — что он ест. Наверное, мы думаем, что из последнего можно многое понять, но точно не всё. Я расскажу вам почему.

Это был необычный день. Он был необычайно жарким для октября в нашей полосе. С утра стояла прямо летняя жара, хотя большинство листьев уже давно потеряли цвет, несмотря на то что упорно держались за ветки. Вечер наступал быстрее, чем еще неделю назад, и мы готовились к вечернему аншлагу. Понедельник всегда самый насыщенный день — люди, вернувшиеся из-за города, запасаются продуктами, мамы набивают тележки с сидящими в них малышами, ну и вечерние посетители стеллажа с готовой едой, бывает, сразу закупаются на всю неделю.

Я курил на улице, когда заметил банкира, он шел, как обычно, с ровной спиной и с деловым портфелем в правой руке. И тут я понял, что забыл выложить оставшуюся карбонару на полку. Я бросил недокуренную сигарету в урну и рванул на склад, пролетев три стеллажа, я добежал до холодильника и схватил порцию пасты. Выбежав в торговый зал, я сбавил шаг и двинулся к угловому отделу. Как только я вышел из-за секции с хлебом, я понял, что опоздал, банкир уже был на месте. Мужчина рассматривал макароны с тефтелями.

Я не знаю, откуда взялась эта смелость, но я сделал несколько шагов, протянул контейнер с карбонарой и громко сказал: «У нас еще одна порция на складе осталась». Банкир улыбнулся, взял из моих рук коробку и положил её на полку. «Спасибо вам, возьму сыну что-нибудь другое в этот раз, наконец-то ему надоела эта паста».

Меня будто сбил автобус. Не в прямом смысле, конечно, нет, я остался стоять как вкопанный, но ощущение было странное, будто обознался. Какой сын? Почему ему надоела карбонара? А что ест сам банкир? Я стоял так, наверное, с минуту, смотря в одну точку перед собой. Бьюсь об заклад, что рот мой был немного приоткрыт.

Мужчина отвлекся от жареных пельменей по-тайски и заметил, что я стою всё там же, и вид мой было откровенно странноватым. Банкир засмеялся, засмеялся и я. Думаю, что я повторил «извините меня» раз сто, пока мы смеялись, но это был добрый момент. Я мог ожидать чего угодно — злости, раздражения, ну, или по крайней мере непонимания. А ощутил добро.

Мы разговорились, и я узнал, что эту еду он относит своему сыну, потому что его бывшая жена совсем не готовит. И так он старается выбить для себя еще хотя бы пять минут в жизни своего сына. В остальные дни они полностью посвящены друг другу — он забирает сына, и они идут за руку домой. И знаете, что они там делают? Вы не поверите. Они вместе готовят. Смеются, брызгаются водой из крана, пока моют овощи, сын засыпает макароны или рис в кипящую кастрюлю, а банкир жарит филе курицы под сливочным соусом. Когда они устают, — просто заказывают доставку с пельменями и варят их до всплытия и еще четыре минуты после. А когда они садятся за стол, они откладывают телефоны и разговаривают. Отец и сын.

Это был необычный день. Мой мир рухнул, точнее, мир банкира, в который я его посадил, а всё оказалось честнее и волшебнее одновременно. Я совсем не расстроился, даже наоборот. Теперь посетители у полок с готовой едой не вызывают у меня жалости, я просто улыбаюсь и стараюсь им помочь. И я надеюсь, что с кем-то, где-то, когда-то они всё-таки готовят и брызгаются водой из-под крана на кухне.

АРХИВ

Рустам Валеев

Мамка

Рассказ

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения известного уральского прозаика Рустама Валеева (1936–2023). Писатель родился в Троицке, большую часть жизни прожил в Челябинске. В 1966 г. был принят в Союз писателей СССР. В том же году его рассказ «Голубая сталь» был напечатан в журнале «Урал». Впоследствии здесь выходили многие его произведения, в том числе самый известный рассказ писателя «Фининспектор и дедушка» (1970), повесть «Хемет и Каромцев» (1972), позже переведенная на иностранные языки — шведский и дари, а роман «Заботы света» (1983) был назван редколлегией «Урала» лучшей публикацией года. Произведения Рустама Валеева также печатались в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Дружба народов», «Аврора», выходили отдельными книгами в Москве и Челябинске.

Рассказ «Мамка» — последнее, что вышло из-под пера Р. Валеева. Ориентировочно текст был написан в 2021–2022 гг., а позже был найден в архиве писателя. Интересно, как сочетаются и эволюционируют в этом рассказе основные темы творчества Рустама Валеева — людская память, химия человеческих отношений, само вещество экзистенции. И все это — на фоне истории региона и страны.

Айвар Валеев

1

В каком-то довоенном году солнечным, сполна разогретым сентябрьским утром Стёпа ходил по двору, ещё не проснувшийся окончательно и отчего-то счастливый. А дядя Миклай сидел на крыльце и складывал в правильные стопки завядший табачный лист. Дымился воздух, и пахло в нём махорочкой, дядиным урожаем.

Стёпа громко чихнул. Миклай обрадовано посулил: «Охо, жить будешь!» — и тут же сам чихнул, словно подтверждая, что табак у него хорош, и жизнь очень даже хороша, только живи.

Стёпа прошёл в сад. На стволе большой яблони висел на подвязках рукомойник. Пока Стёпа умывался, ему на плечи и на голову упали несколько ранеток. Бренча рукомойником, он между тем различил в стороне женский голос. А выйдя из сада, увидел Таису, о чём-то говорящую с Миклаем. Девушка повернулась и то ли Стёпе кивнула, то ли уклонила лицо от солнца.

Когда, позавтракав, он вышел опять, Таиса ходила вокруг дерева и собирала в таз ранетки. Дядя, устав сидеть врастопырку, топтался возле крыльца, проминаясь и потягиваясь. Заметив, что Стёпа глядит в сторону сада, он вдруг спросил:

— А тебе, может, снится Таиса, а?

Стёпа только хмыкнул. Таиса — рослая, с весноватым лицом и рыжими густыми бровями — почему должна ему сниться? А вот дядя Миклай проговаривал имя девушки, умиленно пришепетывая, словно была она маленькое и пригожее дитя.

— Таис-ся, — молвил он и теперь с хитроватым ожиданием.

Но Стёпа и тут сердито смолчал и заторопился в дом. У себя в комнатке он наколол на столешницу лист ватмана, собрался было чертить, но откинулся назад и стал вспоминать. Как-то дяди Миклая не было дома, а Таиса забежала к ним по обыкновению после дежурства в своём медпункте. Пройдясь там и сям веником и тряпочкой, она проскользнула в угловую комнатку и вскоре позвала:

— Стёпа, иди погляди!

Он вошёл и увидел Таису в белом медицинском халате. Её губы шевелились, глаз она не поднимала, некрасивые веснушки были скрашены пунцовым приятным смущением. Вероятно, в таком наряде Таиса очень нравилась себе.

— Ничего, — сказал он, — красиво.

Может, и красиво, но девушка ему не снилась. Ему хотелось, чтобы приснилась мать, утонувшая в реке, однако в ночных видениях представлялась ему только река с бурунами у берегов и бело-гневным колыханием на стремнине. В страшном, невоздержном потоке ровно бы кто-то тонул и волосы метались над гребнями волн… Их деревня Упсайка стояла на берегу Камы, и деревня тоже тонула теперь в потемневшей памяти. Был недалеко ещё и городок Воткинск, Степа видел его только однажды — сгустившимся в ночи, через которую они пробирались в места, тоже тёмные, в тайгу, куда заслали их семью.

Среди ссыльных находились такие, кто решался тайно наведываться в родные места поглядеть, стоит ли на месте дом и оберегает ли верный человек оставленное ему на сохранение добро. С одним человеком отец послал Стёпу, чтобы он высадился в Челябинске и нашёл там своего дядю. И ведь нашёл! И так он боялся, даже и живя с дядею, потерять его, что не переставал твердить его полное имя: Николай Порфирьевич Ирпенеев — и название улицы: Коммунарская.

Дядя сажал табак на продажу, сапожничал, делал берестяные табакерки, мундштуки, иной раз для важного человека мог сработать и трубку. Ещё раньше, когда был в силе, гнул дуги, опять же на продажу. Со времён, когда он подвизался в Американском обществе для кормления голодающих, у него оставались и по сей день два мешка с рисом. Об остальных его занятиях можно было только догадываться, он был подвижен, рисков и в делах горяч, а уж времена куда как бывали горячи.

К его успешным делам надо ещё отнести то, что племянника он учил в энергостроительном техникуме. Парнишка был у него единственный, в ком он видел упование не только на земную свою жизнь, но, вероятно, и на последующее: тот сохранил бы дом, берёг могилу дядюшки, паче того, оставил бы в мире их фамилию и память о родимой Упсайке…

В эти минуты, чертя на ватмане продольный разрез котла, Стёпа ни о чём таком не думал и осознавал только приятность своего занятия, предвкушал, как завтра покажет работу преподавателю Сергею Зиновичу, знаменитому котельщику, и получит в ответ картавое: «Свавно, свавно!» — и почувствует около лица дыхание человека, сильно перед этим накурившегося папирос.

Про Таису он не расспрашивал дядю, но думал так: она тоже появилась однажды из дальней неизвестности и ласково была встречена дядей Миклаем, выучилась на фельдшерицу и теперь заботится о нём, даже помогает продавать на толкучем рынке мундштуки и табакерки, а табак у них забирает кульками Григорий, щеголеватый черноусый человек. Он всегда шутил с Таисой и Стёпой. Причём со Стёпой он балагурил, как с маленьким.

В эти тёплые сентябрьские дни дядя Миклай только и делал, что перебирал пожелтевшие листы, нанизывал на шнурки, потом с кряхтеньем забирался на чердак, громко чихал между листьями и нескоро слезал обратно. Ему тяжело дышалось, он сквозь шипящие звуки и бегущие из глаз слёзы сокрушался, что болезнь и старость сломят его до того, как Стёпа твёрдо встанет на ноги. И вот однажды, беседуя с ним, сказал:

— Ты вот что, Степан… тебе уже шестнадцать. Ты, как только помру, это... женись на Таисе.

— Я? — изумился тот. — На Таисе?

— Н-ну. Ты маловат, конечно, а ей двадцать шестой пошёл. Да ведь на удмуртской нашей родине жену всегда брали постарше. Она и подруга, и мамка. Таиса, ты же видишь, и в доме приберёт, и суп сварит, микстуры мне носит и лампой старые кости погреет… лампа у неё в медпункте.

— Так то ж тебе, — сказал Стёпа. И почему-то стало ему грустно.

Тёплые дни постояли ещё немного, затем хлынули дожди, похолодало. Дядя Миклай вышел было, поскользнулся на мокром крыльце и боязливо повернул обратно. В тот день он умер. Это было так неожиданно. И только Григорий ничуть не удивился и похоронами распоряжался с удивительной живостью. И большой венок от себя положил, и могилу копал, а чтобы не оказалось она коротка и потом чтоб не получилось казуса, спрыгнул в ямину и, легши, ворочался.

Через два дня после похорон Григорий пришёл просить дугу. Дуга была особая, последняя, дядя не стал продавать, оставил себе на погляденье.

— Ладно, — сказал Стёпа.

— Нет, — вмешалась Таиса. — Дядя Миклай, как перестал делать дуги, эту берёг для памяти. Вот и мы будем беречь и любоваться.

Стёпа молча с нею согласился и тут же отвернулся от Григория, чтобы тот понял: не будет ему дуги.

— А что касается табаку, — говорила между тем Таиса, — так я вот поснимаю с чердака, измельчу, а ты приходи покупать.

Через неделю Григорий приехал за товаром. Подавая ему кульки, Таиса краснела, Григорий шутил, а прощаясь, взял её обе руки и забавно потряс.

Оставалось неприятное чувство после Григория, и было странное желание взять Таису за обе руки, чтобы стереть следы нахальных касаний. Стёпа устало присел на крыльце. Таиса ходила по двору и, слыша вечерние шорохи за оградой, вздрагивала. Потом и она присела рядом.

— Давай, что ли, — сказал он через какую-то не знаемую прежде тоску, — давай, что ли, будем жить. Дядя Миклай говорил, будешь, мол, подругой…

— И подругой, — сказала она, — и мамкой.

И вот что интересно: она не засмеялась, повторяя смешные дядюшкины слова про мамку. А глубоко вздохнула и обняла его полной спокойной рукой.

Стали ужинать, не зажигали лампы, как будто им было стыдно после всего сказанного сидеть при свете и ужинать. Ночь и тёмное волнение на сердце не дали им быстро уснуть. Утром, томно всплывая из-под сна, он почувствовал на лице некое веяние, как от ладони, подзывающей тебя. Раскрывши глаза, он и вправду увидел ладонь, она коснулась его лица, стала гладить.

— Как мы крепко спали… а теперь утро.

Он закрыл было глаза, и вместе как будто закрылись ласковые звуки: теперь голос у Таисы был построже:

— Вставай, нельзя опаздывать на занятия. Да и мне — нынче на складе получать перевязочный материал.

И так они стали жить. Он в своей группе котельщиков ходил на практику на ЧГРЭС, Таиса дежурила в медсанчасти цинкового завода, а в свободное время следила за посевами на огороде. Наезживал черноусый Григорий, теперь он носил шляпу, нагружался табаком и, чихая при этом, многозначи-

тельно поглядывал на Таису, будто она была причиной, что ему так приятно чихается. Иногда шутливо напоминал, что именно Таиса не дала ему оставшуюся от Миклая дугу. Но у него и своя дуга была очень хорошая. Вот и новый ходок купил с плетеным коробом. Всё это сердило почему-то и обижало Стёпу. О своём дяде он думал постоянно, вспоминал даже, как тот, бывало, огорчённо говорил: «Эх, Стёпа, за это дело побить бы тебя надо!»

И теперь он думал: отчего не побил? — и жалел, что так огорчал своего дядю.

Ещё сложнее были его чувства, связанные с теперешней его жизнью. Когда он осознавал свои новые отношения с Таисой, сперва обрадовался, как мальчишка. Как же, ведь он теперь женатый человек! И в то же время было как будто стыдно. У них в группе даже Борзов был холост, а ведь ему уже тридцать. Очень удивятся ребята. И Нина Симеон удивится. Тут он признался себе, что на вечеринках всегда смотрел на неё, любовался её льняными волосами, её воздушной кофточкой цвета экрю. И нравилось ему, как она проговаривает это изысканное слово — «экрю».

Нет, он не пытался за ней ухаживать, ему это и в голову не приходило. А внимание к ней, к её льняным волосам было не главным для ребят, но необыкновенный интерес заключался в том, что Нина приехала из Китая, где её родители работали на КВЖД. Очарование чужой волнующей жизни она сохраняла на своей кофточке, на волосах, сплетённых в косу и собранных узлом на затылке, в то время как другие девчонки носили короткие причёски. И этот цвет экрю… Теперь, брат, не поухаживаешь за Ниной. Но ведь он никогда и не помышлял об этом! Отчего же так ему грустно теперь? И почему так неприятен Григорий? Впрочем, тот не появлялся больше.

Что-то переменилось и в Таисе. Оба они были неречисты, оба как будто чего-то стыдились и откровенных разговоров между собой не вели. Вот он сидит на крыльце, где сиживал, перебирая листы, Миклай, а Таиса ходит по двору. Иной раз выглянет за ворота, постоит и вернётся назад. И скажет вдруг:

— А почему Григорий шляпу носит? Это ведь буржуи разные в шляпах ходили?

— Не знаю, — отвечал он, — не знаю…

Он слышал, какой у него тоскливый голос, и хотел придать лицу строгое, замкнутое выражение, чтобы Таиса не лезла с глупыми вопросами. Но чувствовал, как вместо строгого выражения расползается по лицу вялая, жалобная мина. Ах, если бы его добрый дядя был жив, то и он был бы как вольная птица — свободен, беспечен и даже счастлив.

2

В конце июня Стёпа защитил свой дипломный проект. Председателем экзаменационной комиссии был человек важный — директор ЧГРЭС. Он-то лично и отобрал девять выпускников на свою станцию. Трое из них котельщики, а среди них оказался и Стёпа.

Выходя из здания, он увидел внизу на площадке курящего вместе со студентами инженера Мошкова, который читал им сопротивление материалов и регулирование турбин. Вспомнилась его шутка: «Сопромат закончен, товарищи. Теперь можно и жениться». Для Стёпы и сопромат, и вся учёба были закончены, и был он, по формуле Мошкова, уже и женат. За скамейками, где стояли рядком молодые липы, он увидел Нину Симеон с покрасневшими глазами. Ей дали свободный диплом, понятно, всё из-за проклятой КВЖД, где работали её родители. Свободный диплом получили и Мохначёв, чей отец был офицером в царской армии, и Равчеев, отец которого был священником. Им нельзя было устроиться на больших станциях, как, например, Челябинская, Березниковская или Камская, а только на маленькие заводские котельные.

Он стал работать. Таиса, утром собирая мужа, тщательно подбирала ему одежду и даже спрашивала, не купить ли ему шляпу. Плевать ему на шляпу, но вот заместо тяжёлых ботинок он стал надевать парусиновые лёгкие полуботинки. Однажды в этих штиблетах пришлось ему спрыгнуть с трёхметровой высоты на бетонный пол. На монтаже нового воздухоподогревателя он стоял на улитке (корпусе) дымососа и успевал отмечать маркировку пакетов, указывать их направления. Один такой пакет раскачался на длинном тросе и толкнул Стёпу. Тот прыгнул вниз на бетонную площадку. Разрывы между пальцами долго не заживали, и он долго ходил хромая.

Однажды Стёпа возвращался домой как раз после монтажа. Глаз засорило, и он осторожно запястьем сглаживал горькое пощипывание и мягко выжимал слезу. Слышать-то он слышал, но из-за глаза не сразу разглядел едущую к дому повозку. Он остановился возле калитки, и повозка тоже — возле калитки. Со двора выбежала Таиса: может, встретить Стёпу, а может, ещё зачем-то.

— А я мимо еду, — возвестил с повозки Григорий. — Садись, прокачу. — Последнее относилось к женщине. Он почему-то как не замечал Степана.

— Ничего особенного, если прокачусь, — пробормотала Таиса и села в повозку.

Поехали.

В глазу не переставало щипать, он слезился, левая щека вся была мокрая. Таращась другим глазом, но плохо различая предметы вокруг, Степан, шатаясь, прошёл в калитку. Стал обходить двор, то ли что-то наискивая, то ли баюкая болящий глаз. И как-то в руках у него оказались вилы. Он вспомнил своего дядю — как тот, повздорив с соседом, схватился за вилы: убью! «Убью», — сказал и Степан и, покачнувшись, сел на крыльце, не выпуская орудие из рук.

Так и сидел со слезою в болящем глазу, когда вернулась Таиса. Подошла, осторожно, как у сонного, потянула из его рук вилы, прислонила к стене и, сев рядом, неожиданно рассмеялась. Может, ей приятно стало, что муж у неё такой решительный. Но ему смеяться не хотелось.

— Я теперь один буду жить, — сказал он. — А ты уходи.

— Ой-ой! Мне вот надо покормить его, а он — «уходи».

— Уходи!

— У тебя что с глазом? Надо ж мне посмотреть твой глаз…

Он надвигался на неё и, наверно, был страшен с перекошенным лицом.

— Ладно, уйду, — сказала она, боком отступая к воротам. — Только помни, дурачок, что дядя Миклай говорил…

Он молчал.

— Один с бустурганом останешься. Ночью-то забоишься один!.. — Накрикивая, она скрылась за воротами.

Стёпа вошёл в дом, втянул воздух обиженно хлюпающим носом и не сразу сообразил, что ищет запахи пищи. Ну вот, Таиса только успела уйти, а в доме уже пахнуло запустением.

Протекли час или два, когда он, приотворив створку, выглянул из окна. Таиса, скорчившись, сидела на лавочке и ни одним движением не отозвалась на близкий звук. Под утро он опять выглянул, но Таисы не увидел.

Три дня Таиса не приходила. У него разболелась голова, перед глазами мельтешил вроде как пепел отгоревших прежних дней. Он в отчаянии схватился как-то за голову — в пальцах остались клочья волос. Испугался, что волосы лезут, что станет он лысым, как преподаватель, читавший студентам монтаж котлов и такелаж, по прозвищу Кукараче. («Сегодня мы с вами, товарищи, будем смотреть кукараче». То есть через проекционный фонарь разглядывать картинки монтажа котла.)

И вот на четвёртый день, когда Стёпа пришёл с работы, Таиса поливала грядки, а из сенец слышались запахи жареной картошки. Таиса делала своё дело и молчала. И он тоже не знал, что сказать. В смятении снял с головы

кепку, провёл пятернёй по волосам и сказал вроде как с радостью, открывшей ему речь:

— У меня волосы лезут.

Он тихо проговорил, но Таиса услышала, отставила лейку и пошла к нему, колыхаясь между жаркими грядками большим, тоже распарившимся телом… Таиса гладила, ощупывала ему голову, мягко притискивая к своей груди. А потом он, вымытый, наевшийся, лежал на кровати и слушал.

— Будем пить микстуру, бромистые хорошие капли, — болтала Таиса, шинкуя морковь, чтобы полить её сметаной и дать мужу. — Будем пить микстуру, хорошую микстуру, голову будем мыть с настоем шалфея и не трогать её расчёской… Табак я больше садить не буду, а лучше грядки отведу под свёклу.

И незачем тогда будет приезжать сюда Григорию.

3

В первое военное утро, прибежав после ночной смены домой, он застал Таису в некрасивой позе, склонённой над полом. Посреди горницы был рассыпан рис, хранившийся в клети с тех пор, как дядя Миклай подвизался в обществе американской помощи голодающим.

— Надо же, — бормотнула она, услышав за спиной его присутствие, но так и не повернувшись к нему, — рис-то, говорю, ничего ему не сделалось.

В том смятённом, даже боязном состоянии, которое несло его домой, трепетал, как ни странно, восторг, его он и сам не мог себе объяснить. И теперь этот восторг в нём рухнул. Но мысли, бывшие в основании душевного подъёма, оставались с ним. Он думал об однокурсниках. Пермяков уже через полгода после окончания техникума поступил в авиационное училище штурманов. Нечеухина райком направил в военную спецшколу. Тогда Стёпа не очень им завидовал, а теперь… Теперь-то, когда случилась война, он тоже поступит в военное училище!

— И не думай, — сказала ему Таиса, — не возьмут. Энергетики нам здесь нужны. Ты хоть плачь, хоть что — а будешь тут, на заводе.

С тяжёлым чувством он просыпался по утрам. Затем невольная, ненужная мысль приходила, что Григория в городе нет, он где-то, должно быть, уже воюет. И что-то в этой мысли было приятное и, может быть, из-за этой приятности как раз и стыдное. Отогнав мысль о черноусом красавце, Стёпа опять думал о ребятах, один из которых теперь уже наверняка летал, а второй тоже успел закончить спецшколу, и что-то он делает — военная волнующая тайна.

Они рисовались ему в красивой форме, в то время как Стёпа, хотя и в должности дежурного инженера, мало чем отличается от кочегара — с чёрным, закоптившимся лицом, в обгоревших рукавицах, ругающийся, опять же, как тот кочегар. В те минуты, когда передавались сводки с фронтов, он думал: они там кровь проливают, а он здесь прохлаждается. И хотя прохлаждаться в жаркой и дымной котельной невозможно, но он именно так и думал.

Вот сидит он в комнате дежурных инженеров, думает, но каждую думку крушит-побивает гул машинных и человеческих голосов. Тут и громок дробилки, и ругань кочегаров, и приказы начальника цеха. И, хотя радио нет поблизости, ровно бы слышишь и слова военных сводок; они уже сложились в голове за прошедшие дни. И вдруг раздаётся как будто бомбовый удар. А это уголь взгремел по железному рукаву элеватора. Остановились верхние ленты. Или забило сырым углём рукава перед лентами транспортёра.

Он встает и по узкой, стесняющей дыхание лесенке спускается к нижним лентам. Останавливает дробилку, выключает нижнюю ленту. Идёт наверх. Смерзшиеся угольные комья, каждый с полкубометра, лежат на решётке перед дробилкой… Рабочие сбегаются кувалдами разбивать комья.

Почти каждую смену они «срывались» с паром, то есть недодавали необходимый пар. Смешавшийся со снегом уголь, оказавшись в тепле, таял, сырел, застревал по тракту, налипал на лентах, в ковшах элеватора, в предтопочных бункерах. Везде дополнительно на проталкивании угля стояли люди из ремонтного персонала, а уголь не шел, зависал, проклятый! На решётках прогарь, а чуть кочегар проворонил, решётка пошла пустая, голая, котёл, естественно, сбрасывает нагрузку, а то и два-три котла сразу. В кузнях тяжёлые молоты перестают работать.

Пока рабочие крушили-махали кувалдами, паропровод крушили так, что осталось только на прогрев котлов. И тут явились кузнецы. Впереди маленький рыжеватый с красными от бессонницы глазами парторг. Кузнецы здоровенные, готовы чуть не в рукопашную. Но, как в уличной драке, сперва некий малышок поддразнивает, подначивает толпу напротив, потом стоящие за ним выходят сами вперёд с кулаками. Так и парторга задвинули в сторону и громыхнули мощными, злыми голосами:

— Вы шта-а, на Гитлера работаете? Отдай нам 120 тонн пара в час, и знать ничего не хотим! Отдай 120 тонн!

Однако кузнецы попритихли, когда вышел вперёд старший кочегар Романов. Степан заглотнул воздуха и замер. Романов разразился долгой и грозной бранью, собрав всех богов и боженят, и всё это складно, вроде как в стихах. Кочегары, не отрываясь, с гордостью глядели на своего товарища. И даже кузнецы, очень сердитые минуту-другую назад, заулыбались. Как только Романов кончил, стало слышно, как дышат мужики, как капает вода в темноте, пахнущей гарью, мокротой, ржавостью. Парторг послушал эти звуки, потом вопросительно посмотрел на Степана. Степан тихо сказал:

— Пойдём со мной. Покажу вам, как добывается пар.

Они прошли всю тепловую трассу от угольных траншей до предтопочных бункеров. Заглянули в топку.

Парторг сказал:

— Так вот, оказывается, где танки-то делаются, на паросиловой. Как вы тут вообще живете?

Степан повёл плечами, вроде и гордясь такими тяжёлыми условиями. Он всё время прислушивался, как бьют кувалды по мёрзлым кускам, как скрежещут лопатами по решёткам его люди.

Уголь поступал сюда перемешанный со снегом, думпкары под шлак задерживались, бункеры зашлаковывались, заваливалось шлаком даже зольное помещение, оно было засыпано под самый потолок, оставался лишь проход для вывоза вагонеток со шлаком на эстакаду. В зольном — душегубка, особенно под котлами притока свежего воздуха не было, а отброшенный в сторону шлак продолжал догорать, в шлак попадал и не сгоревший до конца уголь. Ад кромешный под котлом № 1. Стоило кочегару провиниться, его направляли в зольную, под первый котёл, «проветриться». Но об этом Стёпа не стал говорить парторгу …

Первая военная зима была холодной и долгой. Лето взялось было жаркое, но быстро сдалось осенней хмари. Настала опять зима. Какой-то не прежней радостью радовались и первоцвету на молодых побегах, и водополью, и бодрому зазимку, но всё это происходило через смятение.

Таиса, то ли по мобилизации, то ли по своей воле, перешла работать в эвакогоспиталь. Как после долгой разлуки, встречались они под родимой крышей, и Таиса рассказывала, рассказывала. Про то, что раненым они готовят хвойный настой, очень полезный для выздоровления. Про то, что в палату приходят артисты, кто поёт, кто стихи читает. И по её рассказам выходило, что в госпитале всё весело, всё хорошо. А как-то, тоже радуясь, сообщила, что у них в госпитале есть сержант Ирпенеев, а Григорий говорит, что это, возможно, человек из Упсайки…

— Постой, — удивился Стёпа, — какой Григорий?

И тут выяснилось, что в госпитале по хозяйственной части подвизается их старый знакомый. Заводская среда навострила Стёпу ругаться, что твой кочегар или моторист.

— А что, — сказал он, — этого хрена с его грыжей, стало быть, не взяли в армию?

— У него не грыжа, — ответила Таиса, — у него такая болезнь, что нападает вдруг кашель и трясёт его, как на морозе.

— Его бы к нам, в зольную. Вот где тепло.

Больше он ничего не сказал, а всё, что не излилось, выразилось в сердитом сетовании:

— Пару, пару!.. А где его взять? Уголь смерзается… котлы останавливаются… у меня голова распухает, так что шапка не налазит!...

И тут Таиса, которая ушла было из комнаты, вернулась. В руках его шапка, она мнет ее, потом надевает себе на голову.

— Шапка-то мала, выходит, а, Степушка? Я в Башкирии погляжу, поспрашиваю. Может, куплю, может, обменяю…

— Дура! Кто тебе сказал, что шапка плохая?

И вдруг, о чём-то догадавшись:

— Какая еще Башкирия?

И тут выяснилось, что действительно Таиса собирается в Башкирию. Главврач велел снарядить подводу, взять предметов домашнего обихода и обменять их на продукты. Стёпа пристально посмотрел на её виноватое лицо.

— Не поедешь, — сказал он. — С Григорием не поедешь.

— Что же, мне одной ехать? И как я могу военный приказ не выполнить? Продукты ведь для раненых.

Она говорила торопливо, но так мягко, с такой лаской в голосе, так умоляюще, так раскраснелось её лицо. В эту минуту она казалась ему совершенно красивой. И очень не хотелось отпускать её в неизвестную поездку.

Он молча повернулся и ушёл в спальню. Тревожно проспал часа два, затем проснулся и стал одеваться. Не хотел видеть, как она собирается. Он чувствовал, что ему стыдно. А чего стыдно, он и сам не мог бы сказать.

4

Вот уж четвёртый день Стёпа не уходил из цеха. И люди в его окружении ничего странного в этом не видели. На то и специальная комната, на то и кровати, чтобы после вахты, хлебнув положенные тебе сто граммов, ты засыпал, а через пять-шесть часов тебя растолкают — новая смена.

Но он не сразу засыпал, а думал, вспоминал. Пермякова вспоминал, Бутрова. Вспоминал инженера Матюшенко, который читал гидравлику и насосы. Ростом маленький, тот вставал на табуретку перед доской и чертил схемы. И, между прочим, ничуть не смущался. О Нине Симеон думалось так: она, вероятно, замужем, и муж пишет ей с фронта ласковые письма, она радостно их читает. Жизнь Нины представлялась ему правильной, умной, в отличие от его собственной. Положение, в котором он оказался, казалось ему неразрешимым. Но как жить, что будет — выхода он не видел.

Ни в одном из минувших событий, ни в судьбах однокашников он не находил ни примера, ни подсказки для теперешнего своего положения. Но одно событие, случившееся однажды в цехе, он вспоминал с кривой и вроде как обиженной усмешкой.

На блок-котельной пропала вдруг мотористка. В обеденный перерыв Варька отдыхала со всеми и вдруг исчезла. Тут же страшные догадки. Попала в бункер с углём. В бункеры первых четырёх котлов не попадёт, там между решётками даже и ногу не просунешь, а вот в бункере пятого котла… Придётся выпустить весь уголь. Старший кочегар, суровый на вид Турунтаев, плакал: «Мне теперь что, тюрьма?» И тут другая мотористка, вовсе не

тревожная, даже и весёлая, подошла к Степану и прошептала: мол, кабинет старшего мастера закрыт изнутри. Поднялись на второй этаж. Постучали: «Ерофеев, ты чего заперся?» За дверью шорохи, но не открывают. Турунтаев, стремясь поскорее отмести от себя страшное, прибежал с коликом. Взломали замок. У самой двери стояла Варвара. В дверной скобе её шарфик. Ерофеев кинулся за свой стол: вот, мол, я на рабочем месте. Внизу, у него под ногами, зазвенела стеклянная посуда.

Стёпа помнил, с каким презрением смотрел он на Ерофеева и на Варвару. Господи ты боже, полтора аршина ростиком, ноги колесом, мордашка обезьянья, губы распухли… тьфу!

А теперь, вспоминая тот случай, Стёпа видел её, как она растеряна, как ей было стыдно. И как между тем блестели её глаза. Может, она была счастлива. Он с жалостью думал о ней. И вдруг поймал себя на том, что думает о Таисе. И Таису тоже жалко. А почему жаль, он не мог бы себе объяснить. В иную минуту он представлял себя без Таисы, без ихней прошлой жизни, и тем жальче было её. Ладно, думал он, буду жить один. И чувствовал ещё пронзительней опять ту же вроде теперь ненужную жалость. Вспомнилось, как она берёт его шапку и натягивает себе на голову, ведь он жаловался, что шапка не налазит. Смешно. Вспоминал, что она по вечерам ждала его возле ворот, продрогшая, с глазами, в которых он видел стальной блеск. И в руке — багор, которым когда-то надёргивали сено из стога. Это она готова была защитить его от шпаны…

Он, правду говоря, побаивался шпаны, которая клубилась на перекрёстке. Особенно страшен был Акуй, отсидевший в тюрьме. Грабители подстерегали одинокого человека по ночам, раздевали. Даже днём Стёпа обмирал от омерзения, когда видел их где-нибудь на толкучем рынке. Кашне на шее, концы выбиваются из-под короткого полупальто. Длинно, с чоканьем, сплёвывают через «фиксы», их грязные слова: «Гандон штопаный», «Чухай, б..дво». Им ничего не стоило полоснуть человека лезвием над бровями — кровь заливает лицо, глаза не видят. А то и «пикой» кольнуть под ребро… Их отвратительные жесты… Согнув руку в локте, помотать кулаком между колен — мол, выкуси!

Таиса приехала на пятый день. И что-то подсказало ему, что в поездке ей не было хорошо. Но он недолго об этом думал, потому что и ему тоже было не очень хорошо. Впрочем, если дорога была опасная, был холод и она замерзала, то её можно и пожалеть. Он и жалел маленько.

До конца смены оставалось около часу. Бригада, как обычно, пошла в зольную расшлаковывать бункера котлов. Тут на помощь зольщикам шли и кочегары, и машинисты компрессоров, и машинисты углеподачи. Пошёл и Степан, держа в руке стальную клюку. Он наловчился ею орудовать, подцеплять горячие куски и выворачивать их из бункера.

Клюка зацепилась за шлак, застряла. Он со всею силой рванул её к себе, отворотив кусок. И этот кусок размером с телефонный аппарат по клюке, как по направляющей, съехал на скорости и вмазал ему по зубам. Стёпа зашатался, едва устоял на ногах, но клюки не выпустил. Из разбитых губ натекала кровь, он пошевелил ртом… В солёной жижице нащупал языком сперва ямку в нижней челюсти, затем и сами зубы. Выплюнул.

Его сменщик на посту дежурного инженера Максудов, оглядев Стёпу, присвистнул:

— Фотографию тебе немного подпортило. Варвара, можно такого полюбить?

Варвара серьёзно отнеслась к вопросу и тоже поглядела на его губы, даже в глаза заглянула и ответила:

— Можно. Я его в медпункт отведу. Слушай, Максудов, пусть он останется, пусть отдыхает, а ты за ним поглядишь, а?

— Ага, — ответил Максудов, налил полкружки спирту и подал Степану.

В медпункт он не пошёл. Прилёгши на кушетку в комнате отдыха, забылся. Когда пришёл немного в себя, решил идти домой.

Он долго шёл по холодным, бездыханным улицам города. Голова болела, «распухла». Как нарочно, шапка не налазила и два или три раза падала с головы. Подбирая шапку уже возле своей калитки, он понял, что мог свалиться и раньше, но страшно ему не было.

Он вошёл, стал раздеваться. Слышал оживлённое бормотание Таисы, но слов не разбирал, её бормотание словно усыпляло его. Таиса, уже с лёгким ворчанием, появилась в прихожей.

— Ой! — вскричала, бросилась к нему. — Что они с тобой сделали, сволочи! И когда же их всех пересажают, гадов? Где… где?

И бросилась из дома.

Он дотащился до кровати, сел, откинувшись к стене.

Сколько-то времени был в глухом бесчувствии, но тотчас же очнулся, как стукнула дверь. Открыл глаза. Таиса стояла в дверях комнаты с багром в руке. Волосы растрепались, глаза злые, горят.

— Кажется, я его оскопила, — выдохнула она. — Вроде насквозь проткнула, подлеца…

5

— Это ж она ведь подумала, что меня грабители избили, — рассказывал много лет спустя Степан Прокопьевич. — Она этим багром тяпнула Акуя, да и другим досталось. Хорошо не убила, защитница какая…

Потом, уже сильно состарившись, он вспоминал только этот случай, раз за разом повторяя ту историю, смеясь с одному ему понятным удовольствием.

И ещё вспоминал Степан Прокопьевич, какого цвета платье носила его жена:

— У неё платье было такое… цвета экрю, такой чудный цвет и такое название — экрю!..

Раньше он ничего про платье не говорил. А теперь, возможно, что-то путалось в его голове. И если он что-то путает, никого винить нельзя, а только время. Ведь так много годов прошло. Но главное — как быстро они пролетели, как быстро!.. И все стерли. Целую жизнь стерли. Вот только цвет экрю — он ровно бы и по сей день не отцвел.

И чем дальше отдалялись события, тем увлечённей и вроде как радостней он рассказывал, и видно было, что он совсем не стесняется ранней своей беспомощности и признаёт и всегда признавал первенство за женой. Знать, сказанное дядей Миклаем крепко запало ему в сознание и приняло форму неукоснительных правил, по которым жили когда-то обитатели Упсайки.

Публикация Айвара Валеева

ПОЧТИ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Виктор Савицкий
Животные на войне

В детстве у меня был хомяк, но он сбежал на третий день. Рыбки через неделю плавали исключительно на спине. Купленная в зоомагазине канарейка выпорхнула из клетки в открытое окно. Подаренный соседкой котёнок сразу же написал в мои туфли и тотчас был лишён права проживать в нашей квартире.

Но добил меня соседский попугай, который будил меня по утрам истошными криками: «Хер я по грибы поеду!» После этого я решил: животные сами по себе, а я — сам по себе.

Я и не думал, что однажды окажусь в месте, где никакие прежние решения не имеют значения.

***

На войне никто животных не покупает: ни в зоомагазинах, ни в питомниках, ни на фермах… Они приходят сами.

***

К нам в подразделение пришёл кот. Точнее, не пришёл — материализовался. Как будто собрался из атомов, субатомов и прочей квантовой пыли. Худой, полосатый, с выражением лица кадрового офицера. Мы — временные жильцы. Он — хозяин положения.

Уминал он всё с завидным аппетитом — и тушёнку, и сухпайки, и кашу с мясом, и солёные огурцы. Но особенно уважал шоколад «Аленка», которым его угощал Серёга. С этого момента Серёга стал его главным человеком. Остальные числились массовкой.

Ночью кот спал в каске. Не знаю, как помещался. Каска маленькая. Кот — нормальный. Но он сворачивался так естественно, будто каска и была его кроватью. Днём перекочёвывал на карту местности. Лежал на ней и смотрел, словно корректировал огонь артиллерии.

Во время обстрелов мы дрожали. Он — нет. Сидел спокойно. Как будто ему известны секретные сводки.

— Ну, у нас теперь боевой кот, — сказал я однажды.

— Боевые — это мы, — ответил Серёга. — А он просто живёт. И делает это лучше нас.

Через месяц кот исчез. Мы не удивились. Появился сам. Сам и ушёл. Возможно, к новой роте. Возможно, на повышение.

Виктор Савицкий (1981) — окончил филологический факультет. Работает в сфере лингвистики. Публиковался в периодике и сетевых изданиях. В журнале «Урал» печатается впервые.

***

К Витьке прибилась собака. Большая, чёрная как уголь. Витька назвал её Чернышом. Лаяла на всё: на людей, на технику, на танк. Мы шутили: «Если танк испугается — война окончена».

Черныш имел странное свойство: при нём нельзя было ругаться. Он обижался. Смотрел так, будто ты только что сдал позиции врагу. Витька уверял, что он дисциплинирует личный состав. Мы проверяли — действительно дисциплинирует.

Когда Витьку ранило, Черныш неделю жил под его койкой в госпитале. Его пытались выгнать — не вышло. В итоге оформили официально. В журнале медсестра записала: «Порода — неизвестна. Функция — моральная поддержка».

***

К нам в часть приплелась лошадь: старая, усталая, с проседью в гриве и глазами, видевшими слишком многое, чтобы удивляться.

Мы звали её Бабкой, а иногда — Марьей Ивановной. Она никуда не спешила, просто стояла рядом, жевала сухую траву и смотрела так, как будто знала больше, чем мы.

Иногда кто-то подходил к ней ночью. Гладил шею, шептал о доме, о страхе, о том, чего не скажешь товарищу. Она фыркала, дышала, слушала и всё прощала. Казалось, всё видела и всё понимала.

Однажды под обстрелом мы лежали в земле, а она стояла на пригорке. Стояла и смотрела, как будто проверяла нас на прочность. И странным образом именно это придавало сил.

А потом её не стало. Никто не знал, куда она ушла. Только в грязи остались следы копыт, ведущие к посадке. Мы решили: Бабка просто пошла дальше — на другую войну, где тоже нужны её большие спокойные глаза.

***

Рано утром нас всех разбудил поросячий визг. Так у нас появился поросёнок. Маленький, с умными глазами, хвостиком крючком и розовым пятачком. Он рос на наших глазах, превращаясь в солидного борова. Его звали Пых. Никто уже не помнил, кто дал ему имя. Но все знали: пока Пых жив — всё будет нормально.

Пых погиб. Осколок. Его похоронили как героя. Но даже мёртвый, Пых, казалось, всё ещё рядом — и значит, всё будет нормально.

***

У Сани был хомяк. Белый, грязный, с глазами цвета бутылочного стекла. Саня носил его в кармане бушлата. Потом переселил в рюкзак — хомяк рос, а карман нет. Когда Саня погиб, хомяк остался. Его носил другой боец. Потом ещё один. Так он превратился в полковой талисман.

***

Война быстро делает людей черствыми. Привыкаешь к потерям. Но когда погибает собака или исчезает кот, — это почему-то больнее. Наверное, потому что они не обязаны тут быть. Мы принимали присягу. Они — нет. Они выбрали нас сами.

Если меня когда-нибудь спросят: «Что я запомнил о войне?» Полосатого кота, который спал в каске и смотрел на нас глазами вселенской совести.

Игорь Огнев

«Бомба» Бембеля, которая ждёт своего часа сорок лет

Памяти великого ученого

Вот и приехали! «Россия сегодня располагает доказанным запасом нефти 15 млрд т. и предварительно 31 млрд т. с учетом неподготовленных к добыче. Стране нефти хватит на 62 года» — заявил вице-премьер Александр Новак в конце февраля 2026 г. Однако, по оценке Роснедр на сентябрь 2025 г., рентабельна добыча только 13 млрд. т. — остальные запасы трудноизвлекаемые (так называемые тризы). В результате, по словам главы ведомства Олега Казанова, «обеспеченность запасами составляет 25 лет в текущих ценовых и налоговых условиях», то есть, до 2050 г., как записано в Энергетической стратегии.

Согласно «инерционному сценарию» стратегии, уже в ближайшие годы добыча может стремительно падать с текущих 530-540 млн т. до 477 млн к 2036 г., а к 2050-му — и до 287 млн т. В «стресс-сценарии», включающий усиление санкций и ускоренный отказ мира от углеводородов, к 2050 г. Россия будет добывать лишь 171 млн т. нефти ежегодно. На экспорт не останется почти ничего.

Энергостратегия уже сегодня оказалась оптимистичной: добыча нефти с 516 млн т. в 2024 г. опустилась до 512 млн в 2025 г. В апреле 2026 г. Новак озвучил прогноз на 2026 г.: 515 млн т., оговорившись, что он может быть скорректирован. Так и случилось: в мае 2026 г. прогноз упал до 511 млн т., причем — с учетом конденсата.

Свою ложку дегтя добавила «Росгеология»: госкорпорация с октября 2024 г. на грани банкротства из-за резкого сокращения заказов. Холдинг сообщил о техническом дефолте по облигациям на 6 млрд руб. Проблемы начались ещё в 2019 г.: выручка сократилась тогда на 7%, и компания получила 4 млрд убытка.

Чтобы поддерживать добычу на истощенных залежах, приходится бурить все больше скважин. Чаще всего они оказываются пустыми. Чиновники успокаивают, дескать, нефти в недрах хватает.

Но вот геофизик Роберт Бембель утверждал: безудержное бурение пустых разведочных и поисковых скважин, как и убыточные «тризы» — тяжкое наследие прошлого. А вполне доступные человечеству углеводороды будут до тех пор, пока существует Земля. Просто геологи и нефтяники по инерции

Игорь Огнев — публицист, журналист. Родился в г. Давлеканово (Башкирия). Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Специализируется на проблемах экономики и науки. Начинал корреспондентом районной газеты на родине в 1965 году. Работал в журнале «Экономика и организация промышленного производства» — «ЭКО» — Сибирского отделения Академии Наук СССР, в центральных газетах СССР и России. Печатался в литературных и научных журналах.

используют старую технологию поиска месторождений, хотя более 40 лет существует новая — высокоразрешающая объемная сейсмика (ВОС) — не раз испытанная в поле и доказавшая непревзойденную эффективность.

Автор её — кандидат физико-математических и доктор геолого-минералогических наук Роберт Михайлович Бембель. Если ВОС заменит ту, что используют сегодня, добыча нефти в стране увеличится в 5–7 раз, а на отдельных участках и скважинах много лет работающих месторождений — в сотни, тысячи и даже десятки тысяч раз! Причем нефть обойдётся значительно дешевле, поскольку резко сократится бурение поисково-разведочных скважин. В Западной Сибири добывающая скважина обходится в среднем 2,8 млн долларов, а поисково-разведочная примерно в 1,5 раза больше. По старой технологии поиска и разведки в залежь попадает одна скважина из 100, а по технологии ВОС — первая же!

Технология ВОС создана на базе эфир-геосолитонной концепции (ЭГК) Бембеля — единственной в мире. Поскольку открытие это гениальное, интересно проследить, как шел к нему Роберт Бембель.

Три дороги

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Михаил Ломоносов

Будущий ученый родился в Барнауле. Идет война, а пятилетнего внука дед Афанасий Прокопьевич, каким бы усталым ни был после работы, ведёт в краевую библиотеку, по дороге рассказывая про астрономию. Так у мальчика проклюнулся сначала интерес, а потом и страсть к Вселенной и её загадкам. Словом, к школе Роберт был уже основательно для своих лет начитан. А в школьные годы страсть к Вселенной подогрела книга фантаста Немцова. Юношу потрясло то, что герои придумали прибор, с помощью которого можно видеть все под землей. Он решил: буду делать такие приборы! Тем более желание совпадало с увлечением физикой, которую талантливо преподносил учитель.

Школа окончена в 1954 году с серебряной медалью. В вузы Томска медалистов зачисляли без проволочек. Так Роберт попал в политехнический институт, в объятия геофизиков. Их лекции освежили в подсознании книгу фантаста Немцова. Как тут не вспомнить древнего Платона, который писал, что лучшие философы на свете — мальчишки, у которых только пробивается борода.

Своим студентам профессор Бембель частенько повторял древнюю индийскую притчу о слоне и слепых мудрецах. Один, ухвативший животное за хвост, утверждал, будто слон представляет собой веревку. Второй, обследовав бивень, сказал, что слон — мертвый камень. Третий, щупая ногу, уверял, будто слон похож на колонну. И никто из слепцов не понял, что перед ними животное.

Притче более 6 тысяч лет. Она, намного опередив не только своё время, намекала исследователям, что изучать такие сложные объекты, как Земля, и уж тем более — Вселення, нужно, выражаясь современным языком, системно. С древнейших времен это понимали отдельные мыслители и естествоиспытатели вплоть до эпохи Возрождения. Ярчайший пример — Леонардо да Винчи. Позже науковеды скажут: эти талантливые люди знали «ничто обо всём», то есть верхушки разных областей знания. Человечеству еще предстояло, как писал Борис Пастернак, проникнуть в суть явлений «до корней, до сердцевины».

Ради этого наука прошла долгий путь специализации. Но области исследований сузились до того, что учёные стали знать «всё ни о чём». А столь узкая специализация, по выражению Козьмы Пруткова, флюсу подобна. Не-

удивительно, что учёные отчасти превратились в тех самых слепых «мудрецов» из индийской притчи. Они запутались в «хвостах», «бивнях» и «ногах», которые не складывались в «слона». И уж тем более «мудрецы» не понимали, как «слон» управляет частями своего тела.

Но в середине прошлого столетия наука вышла на принципиально новый виток своего развития и познания материи. Вышла благодаря интеграции этих самых «всё ни о чем», узких областей знания. На их стыках появились биохимия, биофизика, физическая химия и так далее. Процесс продолжается и сегодня, но уже в 60-х годах XX века он одарил человечество научно-технической революцией. Однако интеграция знаний только чуть-чуть коснулась наук о Земле, не говоря уж о Вселенной.

Вот с какой ситуацией в науке столкнулся Роберт, когда после окончания института попросил отправить его в Западную Сибирь, где уже побывал на практике. Он мечтал попасть в опытно-методическую партию, чтобы заниматься наукой. Загвоздка была лишь в том, что еще не было ни самой партии, ни аппаратуры. Зато в штате партии-невидимки числился младший техник-вычислитель, и Бембель занял строчку младшего техника-оператора.

Шёл 1959 год, а мощнейший фонтан газа под Березовом, возвестивший об открытии новой углеводородной провинции СССР, неожиданно ударил в 53-м. В маленький северный поселок съехалось около сорока спецов из обеих столиц и крупных городов. Бембель жил в деревянной одноэтажке-общаге типа «барак». Закоперщики — специалисты московского НИИ Геофизики и Сергей Васильевич Гольдин, будущий академик. Обсуждали самые фантастические идеи, споря до хрипоты. Всерьез занимались математикой. Кружок прозвали Березовской академией. Может, громко, но из тех вчерашних студентов кроме академика Гольдина вышли четыре доктора и несколько кандидатов наук.

В те годы перед геологическими начальниками стояли две главные задачи. Во-первых, выполнять план опорного бурения, автором которого был Николай Никитич Ростовцев, выдающийся ученый-геолог и директор тюменского ЗапСибНИГНИ. Этот план, а на самом деле — комплексная методика невиданного в мировой практике научного исследования недр — должен был дать ответ: есть ли в принципе нефть и газ в Западной Сибири. А во-вторых, выполнять план проходки скважин в метрах. Однако только опорное бурение план по метрам не обеспечивало. Отчасти поэтому, отчасти в надежде получить фонтаны газа вокруг березовской скважины-первооткрывательницы насверлили множество новых. Увы, они оказались сухими.

И тогда геофизикам дали задание: искать тонкие пласты, толщиной до метра. Начальство подозревало, что неуловимые запасы газа прячутся именно там. Науку представляла группа московского ВНИИ Геофизики, где Бембель и числился техником-оператором.

— Мы потерпели полное фиаско, — вспоминал Роберт. — Это и не удивительно, хотя наша аппаратура и была новейшей по тем временам. Скажу больше — та задача не решается даже с нынешней техникой. Это всё равно что искать иголку в стогу сена.

Однако в науке ошибочный результат — тоже результат. Геофизики поняли: чтобы искать мелкие геологические объекты, нужно увеличивать частоту сейсмосигнала. Так родилась идея высокочастотной геофизики — шажок к эфир-геосолитонной концепции Бембеля. Позже Роберт и его коллеги уточнят: геофизики высокоразрешающей. В чём разница — об этом в своем месте.

Дальше на время отступлю от хронологии событий моего героя (к ним вернусь по мере развития сюжета), поскольку крайне важна логика научного поиска. Чтобы читателю легче было представить, на каком перекрестке оказался молодой учёный в те годы, оглянемся на них с учётом сегодняшнего знания.

Во-первых, Бембелю предстояло не только отыскать в недрах геосолитонные трубки, о существовании которых, понятное дело, он в 50-х не имел

ни малейшего представления. Ну, а дальше — разгадать процессы, в этих трубках происходящие, в результате чего образуются нефть, газ и другие ископаемые.

Во-вторых, надо было создать инструмент, технологию поиска трубок — высокоразрешающую объемную сейсмику (ВОС). До этой идеи, как уже было сказано, Роберт с товарищами додумались в «Березовской академии».

И наконец, в-третьих, Бембель ломал голову над задачей, которая оказалась самой сложной: откуда и каким образом в центре Земли образуется огромная — под давлением 3,5 млн атмосфер — энергия и из каких веществ состоит ядро планеты.

Сложность заключалась в том, что к решению этих задач вели три хотя и самостоятельные дороги, однако без какой-либо одной невозможно было выйти к цели. А дороги эти, протянувшись через жизнь Бембеля, то весьма причудливо переплетались, то разбегались в пространстве и времени, и тогда отрезок одной не совпадал с отрезком другой.

Так что не сразу к Бембелю пришло осознание того, что перед ним стоят именно эти три задачи. Выражаясь формально, поставленные цели требовали исследовать глобальную систему из трех блоков, к которым и вели три дороги. В свою очередь, каждый из этих блоков тоже представлял собой сложную систему.

Притчу о слоне и слепых «мудрецах» Роберт прочтёт много позже, как не сразу осознает и неотвратимость системного подхода. Два года провозившись в Берёзове с поиском метровых пластов без конкретных результатов, Бембель изуверился и решил: будет, как все геофизики, отстреливать километры профилей. Помогла и березовская школа, где он научился обрабатывать и геологически интерпретировать результаты полевой сейсмики. За два-три года он стал лучшим начальником сейсмоотряда области, получил «Знак ЦК ВЛКСМ», что для молодого человека в те времена было серьезной наградой. А вскоре Роберта избрали членом бюро Нижневартовского райкома комсомола и назначили начальником сейсмопартии.

Вроде бы карьера складывалась благополучно. Но случайно Роберт встретился со знакомым геологом. Тот и спросил: не надоело кочевать по тайге и болотам? Оказывается, в Тюмени организовали НИИ Геологии, коллега послал документы на конкурс. И здесь дали себя знать бдения в «Березовской академии». Бембель последовал совету и вскоре получил ответ: принят в ЗапСибНИГНИ. Оказывается, документы попали к его томскому преподавателю Всеволоду Андрееву, который к тому времени переехал в Тюмень и помнил способного студента.

Летом 1965 года Бембель, перебравшись в Тюмень, уже был отцом двух детей. С Ольгой Ильиничной, не только любимой женой, но и верной соратницей, они поженились в Березове. А в НИИ поначалу складывалось не слишком удачно. Самые интересные темы разобрали, и Андреев предложил Роберту изучать верхнюю часть разреза (ВЧР). Тема считалась, что называется, сбоку припёка. В этой самой ВЧР торф, пески или неровный рельеф искажали сейсмический сигнал, и надо было научиться корректировать конечную информацию с учётом помех. Полигон — нефтяные месторождения Шаима.

Строя карту, Бембель заметил, что проблемные отложения ВЧР накладываются на контуры нефтяных залежей и даже намечаются закономерности. Созрела гипотеза, написал статью, которой, впрочем, сам автор не придал тогда большого значения. Однако её прочёл Гольдин (и этот выходец «Березовской академии» оказался в ЗапСибНИГНИ!), переманил Роберта в свою группу, предложил всерьез заняться математикой. Это совпало с мечтой защитить диссертацию по физико-математическим наукам. К тому же появились компьютеры, надо было придумывать алгоритмы, программы. Казалось, дорога к геосолитонам делает неожиданный зигзаг. Однако и он, что называется, оказался в строку.

Предварительные слушания диссертации прошли в новосибирском СНИИГГиМСе, крупнейшем в стране и ведущем в Западной Сибири. Бембель доложил основные тезисы, уйдя в прикладную математику и нелинейное программирование. А когда закончил, его огорошил пожилой учёный СНИИГГиМСа. «Я, — сказал, — ожидал, что диссертант будет защищаться по ВЧР, получив такие интересные результаты. А вы, молодой человек, их проигнорировали…»

— Только через 45 лет я понял, — вспоминал Бембель, — как этот учёный был прав. Геосолитонный механизм создает единство аномалий в ВЧР. Я даже этой теме отдельную лекцию посвятил. Но почти полвека назад этого не осознавал, поскольку занимался ползучим эмпиризмом. И вот спустя много лет урок вынес: если копаешь глубоко и системно — рано или поздно результат пригодится.

Вот тебе и второстепенная тема! «На случаи наталкиваются учёные, которые делают всё, чтобы на них натолкнуться», — писал Тимирязев.

Гольдин предложил апробировать диссертацию и в вычислительном центре СО АН СССР, где был отдел математических задач в геофизике. Курировал его заместитель директора ВЦ, член-корреспондент Михаил Михайлович Лаврентьев, сын легендарного основателя новосибирского Академгородка. Бембель в свою модель заложил 157 пластов, в каждом из которых своя толщина, наклон и скорость. Задача — определить поле отраженных волн и таким образом сузить, конкретизировать поиск месторождения. В природе столь огромного количества пластов не бывает, но в теории нет ограничений. Почему бы не поэкспериментировать? Лаврентьев, удивлённый непривычным множеством параметров, поинтересовался, какую ЭВМ использовали. И ещё больше поразился, узнав, что «Минск-22», мощнее которой в то время в Тюмени было не сыскать. Даже на ВЦ СО АН подобные задачи решали сутками, да еще на БЭСМ-6, гораздо мощнее минской. Вконец заинтригованный Лаврентьев расспросил Бембеля о методике расчетов. И понял, что Роберт повторно открыл, сам того не подозревая, так называемый метод сеток. Кончилось тем, что Мих-Мих, как звали Лаврентьева-младшего в отделе, попросил разрешения, чтобы методику Роберта использовали его сотрудники.

Защита диссертации более чем благоприятно прошла всё в том же ВЦ СО АН под председательством академика Гурия Марчука, да еще в присутствии четырех академиков и шести членов-корреспондентов АН СССР. Бембель не сомневался, что через год-два одолеет и докторскую. Он опубликовал около десятка статей, сел за монографию. Но тут ему предложили ехать в Болгарию. Это никак не входило в планы Бембеля, но очень приглянулось жене. Чтобы понять Ольгу Ильиничну, достаточно вспомнить голые советские прилавки, а в семье было уже трое детей. Роберт долго сопротивлялся натиску жены, однако позднее выяснилось, что поговорка: выслушай женщину и сделай наоборот — не всегда уместна. Именно Болгария вывела Бембеля на ближайшую дорогу к решению одной из трех задач: созданию высокоразрешающей объемной сейсмики.

Болгарская находка

Курица не птица,
Болгария не заграница.
Советский фольклор

В Болгарию ехали всем гамузом: жена и трое детей. Бытовые неурядицы, с которыми столкнулись поначалу, уладил Христо Минковский, технический директор геологического управления министерства.

Бембель отработал в Болгарии почти пять лет, и вёл себя совершенно свободно, хотя его предупредили, что советский специалист должен свой

каждый совет болгарским другарям прежде согласовать с московским начальством. А Бембель сам себя от этой обязанности освободил, и это весьма нравилось болгарскому шефу. Тем более что советы Бембеля оказались ценными. Другарь Минковский попросил Роберта сопровождать его в поездках по стране в качестве неформального консультанта. Вскоре, например, Бембель посоветовал проложить сейсмопрофиль по песчаному берегу Дуная у самой воды, где, как подозревали болгары, могла быть нефть. Номер удался, там позже и правда обнаружили залежь.

В Болгарии Бембель начал осваивать французский, а Минковский разрешил раз в неделю брать библиотечный день. И в софийской библиотеке им. Кирилла и Мефодия в одном из геофизических журналов Роберт вычитал статью Доминика Бишопа о сейсмике 3D. Другими словами, если технология 2D, с которой Бембель работал до Болгарии, давала плоское — двухмерное — изображение разреза недр, то французская — тройное, голографическую объемную картинку.

Однако технология Бишопа была ещё далека от современной 3D — удачная подсказка направления. А всё остальное ещё надо было придумать и попробовать. Испытали 3D в местах труднодоступных, там, где и приборы не поставить, а использовать взрывы как источники сейсмосигналов опасно. Болгары догадывались, что под Плевной есть нефть, но здания большой исторической ценности могли от взрывов пострадать. Бембель еще на родине додумался начинять взрывчаткой шнур. Сила рассредоточенного взрыва была много меньше точечного, а информации геофизики получали гораздо больше. Традиционная технология предусматривала бурить в каждой точке скважины глубиной от 20 до 50 метров, куда закладывали взрывчатку. На точку уходило около часа, а со шнуром её отрабатывали несколько минут. Производительность выросла раз в десять!

В СССР эту новинку, как и многие другие, внедрить не удалось, а болгары ухватились. Начиная работать с объемной сейсмикой, Бембель постепенно и сформулировал теорию трех «китов» ВОС. «Кит» первый. Удесятерив информативность сейсмики с помощью детонирующего шнура, Роберт всё чаще возвращался к идее повышения частотности сейсмосигнала, к опытам, которые он с московскими геофизиками начинал в Березове, а продолжил в ЗапСибНИГНИ под руководством своего институтского преподавателя Всеволода Андреева.

— Прежде, — объяснял мне Бембель, — кратность измерений отраженного от глубин сигнала колебалась от 6 до 15 раз. Это позволяло увидеть только крупные и акустически яркие геологические объекты. Когда же нам удалось поднять кратность сейсмосигнала в десять и более раз, а видимую частоту вдвое, мы после обработки полевой информации стали получать на картинке и мелкие субвертикальные структуры, те самые трубки, которые я позднее назвал геосолитонными.

Со вторым «китом» ВОС — компьютерной обработкой полевой информации — было еще сложнее. В 70-х советские ЭВМ для этих целей ещё не создали, а вот болгары сумели договориться с американцами и купили у них мощный компьютер. Однако загвоздка была в том, что болгарские геологи не знали, как правильно сформулировать задание компьютеру. Это был повод для интриги, в которую чуть позже втянулся и Бембель.

Третьего «кита» — геологическую интерпретацию полевых работ — по большому счёту игнорировали как в СССР, так и в Болгарии, а потому не извлекали всей ценности. Здешние специалисты довольствовались тем, что обрабатывали данные с помощью американских компьютерных программ. Однако их возможности были ограничены, поскольку их авторы понятия не имели о потенциале, заложенном в технологию ВОС. Ну а Роберт намертво усвоил березовские уроки и стремился со временем выжать из полевых материалов всю информацию из земных глубин.

Свои соображения относительно трех «китов» в 1977 году Бембель изложил в статье для многотиражной газеты болгарских геологов «Тырсач» (с болгарского — «Искатель»). И вскоре ему передали обработку на ЭВМ всей полевой информации. Очень помог друг Роберта, болгарский специалист Янев, которого специально посылали в США перенимать опыт. Да и сам Бембель, жадный до всего нового, отодвинув остальные дела, с головой влез в тонкости, связанные с алгоритмами, программами и компьютерными технологиями. На ВЦ просиживали чуть не сутками, и через два-три месяца группа увеличила обработку геофизической информации в несколько раз. Опыт взаимодействия с американской вычислительной техникой придется весьма кстати после возвращения Бембеля на родину.

Начальник всегда прав

Я начальник — ты дурак.
Ты начальник — я дурак.
Российская традиция

Вернувшись из Болгарии, в 1979 году Бембель получил сектор в тюменском филиале ВНИИ Геофизики. И, согласно своей идеологии трех «китов», решил до конца реализовать идеи, касающиеся компьютеров и обработки геофизической информации. Для этого появились и объективные условия. Во-первых, именно в это время Тюменская область впервые стала проваливать планы добычи нефти. К 1983 году она задолжала стране 3 миллиона, а к 1985-му — и вовсе 31 миллион тонн.

К тому же холодная война набирала обороты, и США запретили поставку современных ЭВМ в СССР. Однако Тюмень всё же успела получить американские «Сайбер-172», считавшиеся в США старьем, на котором русские далеко не уедут. Тем более в военной области.

Американцы ошиблись, во всяком случае применительно к геофизике. Хотя «Сайберы» на советском безрыбье оставались замечательными, но американское программное обеспечение было достаточно примитивным. Еще в Болгарии, поработав с ними несколько лет, Бембель убедился: оно использует лишь малую толику возможностей «Сайберов». Французы же создавали свои программы на основе более тонких алгоритмов. С их помощью из полевого материала можно было выжимать гораздо больше полезной информации. И Бембель безоговорочно отдал преимущество французской школе. Однако, вернувшись из Болгарии в Тюмень, он неприятно удивился, увидев, что здешние геофизики используют американский примитив. Правда, к тому времени несколько тюменских специалистов успели поучиться во Франции, а студенты, которым Бембель до отъезда из страны читал лекции в Тюменском индустриальном институте, увлечённо осваивали французские программы на «Сайбере».

Обобщив свой болгарский опыт, взяв лучшие французские и тюменские наработки, Бембель написал для студентов специальный курс «Алгоритмы системы “Сайбер”». И студенты, заканчивая кафедру, сразу шли на «Сайбер» не только обрабатывать информацию, но и совершенствовать программное обеспечение, фонтанируя идеями. В результате в здешнем геологическом главке создали самый мощный по тем временам вычислительный центр, где работали молодые и лучшие программисты страны.

В лидеры выдвинулся Анвар Абубакиров, ученик Бембеля. О его популярности рассказывали легенды. Он долго работал во Франции, покорив коллег интеллектом и обаянием, а вернувшись на родину, обменивался с ними идеями и по высокоразрешающей объемной сейсмике.

Но вскоре тюменцев подкосила Москва, а конкретнее — Центральная геофизическая экспедиция (ЦГЭ) Миннефтепрома СССР. Оказывается, ещё во время работы Бембеля в Болгарии там побывали люди из ЦГЭ и, скопи-

ровав матобеспечение примитивной американской ПО, подшаманили, выдали за собственную разработку, да еще и выставили плагиат на соискание Госпремии СССР. И что вы думаете? Получили! И принялись с усердием, достойным лучшего применения, насаждать программы-уродцы по всей стране. Отраслевая вертикаль власти сработала безукоризненно: от ПО тюменских ребят приказали отказаться.

Факт есть факт: с тех пор дальнейшее развитие ВОС, и самое главное — его повсеместное распространение, заморозили не без участия Москвы. А без этого инструмента невозможно использовать и преимущества геосолитонной парадигмы. Хотя сегодня 3D наши некоторые компании применяют, однако без ВОС, которая более 40 лет ждет своего часа. Это сказывается и на практике, да еще как! Известный тюменский геолог, член-корреспондент РАН профессор Иван Нестеров, оценивая в те годы извлекаемые ресурсы нефти Западной Сибири более чем в 580 млрд т, утверждал, будто годовую добычу здесь можно довести до 700–800 млн т и держать этот уровень долгие годы. Группа виднейших геологов страны в 2010 году опубликовала такую программу: чтобы выйти на уровень добычи, названный Нестеровым, нужно до 2030 года пройти 42 млн м поисково-разведочных скважин, выполнить 925 тыс. км сейсмики 2D, а также 137,5 тыс. км^2 сейсмики 3D и 50 тыс. км многокомпонентной сейсмики. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на эти цели они оценивали в $6,7 миллиардов. Я попросил Бембеля прокомментировать эту программу.

— Начну с конца, — ответил он. — Смысл многокомпонентной сейсмики в том, чтобы записывать поперечные, продольные и вертикальные волны, на основе которых определяют так называемый коэффициент Пуассона, один из показателей упругих свойств Земли. Но определяют его по принципу средней температуры в больнице. Я много лет старался увидеть хоть какой-то положительный результат — не удалось. Считаю это занятие напрасной тратой денег.

О сейсмике 2D и 3D я говорил, продолжал Бембель. Теперь существование геосолитонных трубок доказано, есть детальные съемки по конкретным месторождениям и провинциям. Например, у ханты-мансийских геофизиков, которых он много лет консультировал, есть материалы, показывающие: огромные запасы нефти и газа в сотни миллиардов тонн содержатся в рифее Восточной Сибири на глубинах до 15 километров. И вовсе не обязательно бурить всю толщу. С помощью ВОС, дополненной магнитной и гравитационной разведкой, которые дешевле сейсмики во много раз, можно точно определять места, где из мантии Земли по трубкам поднимаются геосолитоны. Остается встретить их в нескольких километрах от поверхности. Например, в районе Анабарского щита севернее Байкала, где мощные трубки с нефтью выходят чуть ли не к самой поверхности. А мы по старинке, ориентируясь на органику Губкина, на привычные ловушки, бурим где ни попадя сотни и тысячи бестолковых скважин. Чудовищное расточительство! Поэтому львиную долю средств, которые группа видных геологов просит на бурение 42 миллионов метров, Бембель отдал бы для финансирования ВОС, магнитной и гравитационной разведки. Получилась бы солидная экономия не только на поиске и разведке. На добыче — тоже.

Но до сих пор все преимущества ВОС можно видеть только на бумаге…

Тем не менее Бембель с сотрудниками своего сектора продолжал совершенствовать ВОС, используя принцип трех «китов». Во-первых, поднимать частоту сейсмических импульсов. Не вдаваясь в тонкости, для этого нужно уменьшить длину волны. Чем она короче — тем более тонкие пласты можно выделять, обрабатывая полевую информацию.

Во-вторых, резко, в 7–8 раз, повысить кратность сейсмического сигнала: на относительно небольшой площади, как и в Болгарии, устраивать взрывы в разных местах. Тогда приборы, расставленные в нескольких точках, ловят сигналы, отраженные пластами. На первый взгляд из огромного числа на-

блюдений получается густая информационная каша. Но благодаря своему ПО, которое тюменцы, вопреки интригам москвичей, тайно сохранили, эта каша систематизировалась и выдавала объемную картинку недр, детализированную в нужном масштабе. Словом, и третьего «кита» — обработку информации с помощью своих программ — тюменцы поймали.

Надо сказать, что сектор Бембеля ходил по лезвию ножа, что вскоре и обнаружилось. Случилось так, что сейсмическую информацию по одному и тому же объекту — Горелой площади — обрабатывали сотрудники Бембеля с помощью ВОС, а группа директора НИИ Владимира Монастырева — по своей технологии. Поскольку обе группы размещались в одном коридоре здания, то, само собой, результаты быстро сравнивались. И сюрприз вылез наружу. Результаты оказались прямо противоположными. После обработки на компьютере у Бембеля получалось поднятие, вулкан, а у Монастырева — впадина, яма. Но ведь геологическое строение хоть в чем-то должно совпадать, какие бы методы обработки ни применялись! Значит, сделал вывод Бембель, причина полярных расхождений — в халтурной программе, которую использовала группа Монастырева. Бембель настаивал именно на этой причине, потому что свои программы он подвергал тест-контролю — на чистоту компьютерной обработки. В то время никто в НИИ на такой шаг не отваживался: выдал что-то компьютер — ну и ладно… А Бембель и его сотрудник Александр Царяпкин создали для «Сайбера» специальную программу моделирования, которая отсеивала ложные версии.

И вот на одном из совещаний Бембель очень убедительно, на картинках и графиках, показал, что метод, выдававшийся директором НИИ чуть ли не за открытие века, не более чем техническая халтура. Реакция последовала незамедлительно: Бембеля не только лишили сектора, но и уволили из НИИ. Он обратился в корпункт газеты «Советская Россия», где я в то время работал. Тогда-то мы познакомились, позже — подружились, и с тех пор я следил за поворотами научной судьбы Роберта Михайловича.

Встретившись с остальными изгнанниками ЗапСибНИИ Геофизики, я услышал истории конфликтов, разнящиеся от бембелевской лишь деталями. А суть была одна: эти учёные осмелились отстаивать идеи, отличающиеся от тех, которые продвигал директор НИИ. Я поехал в Москву и встретился с замминистра Мингео СССР, курирующим отраслевую науку. Выслушав меня, чиновник сказал, что ему известно о бесконечной череде конфликтов в тюменском НИИ. И министерство давно нашло бы директору замену, если бы… Тут чиновник помолчал и не без колебаний продолжил: если бы этот директор и первый секретарь Тюменского обкома КПСС не были друзьями.

Однако замминистра согласился с моей просьбой: прислать в Тюмень комиссию, которая бы тщательно разобралась с обстановкой в коллективе НИИ. Действительно, вскоре такая комиссия в Тюмень приехала. В её составе был чиновник Мингео СССР, а также научные сотрудники ряда НИИ страны. Руководителем комиссии назначили директора новосибирского СНИИГГиМСа, члена-корреспондента АН СССР Виктора Семёновича Суркова, крупнейшего и авторитетнейшего учёного-геолога. Члены комиссии знали, что конфликтом занимается корреспондент центральной газеты, и захотели со мной встретиться. Я передал им информацию, которую успел раздобыть, рассказал, с кем из сотрудников, бывших и действующих, встретился. На том и расстались.

Прощаясь, Сурков, не скрывая растерянности, сказал мне, что для него эта миссия самая трудная и пренеприятнейшая. Оказывается, они с Монастырёвым не только давным-давно знакомы, но дружат, и даже — семьями. Каждый раз, бывая в Тюмени, Сурков останавливался у Монастырёва дома. И вот теперь… Сурков махнул рукой…

Несколько штрихов к портрету Монастырева касаются его дружбы с тогдашним руководителем Тюменской областной организации КПСС, кстати — геологом.

Представьте заседание учёного совета НИИ Геофизики. Обсуждается острая проблема, и присутствующие не могут прийти к единому мнению. Монастырев прерывает споры и объявляет: «Сейчас посоветуюсь с корешем». (Именно это словечко цитировали мне очевидцы.) И — по прямому телефону звонит первому секретарю обкома КПСС. В присутствии нескольких десятков человек начинается разговор с весьма вольной лексикой — ведь собеседник Монастырева не подозревает, что его друг не один.

Или на другом заседании ученого совета Монастырев достает пачку фотографий и со словами: «Вот тут мы с корешем отдыхаем», — веером бросает их на стол. Люди рассматривают снимки: вот друзья с охотничьими трофеями, вот под деревом закусывают, и бутылочка рядом…

Я счёл своим долгом рассказать первому секретарю обкома об этих инсценировках. Тот был шокирован…

Выводы комиссии Мингео оказались не в пользу Монастырева. Итоги бурно обсуждало собрание коллектива НИИ. Конечно, большинство выступивших обвинило комиссию в «субъективности». Я очень удивился, что на собрании Бембель отмолчался, и только много лет спустя узнал: в зале сидели люди в штатском с приказом, что, если он вздумает выступить, объявить его умалишенным и отправить в психушку. Об этом Роберта предупредили люди из КГБ, которым он писал аналитические записки о ситуации в отрасли. И он, сжав кулаки и зубы, вынужден был молча выслушивать потоки лжи, которые, не стесняясь, лили на него сослуживцы.

Месяца через два после отъезда комиссии Монастырева всё-таки сняли с поста директора, однако в НИИ, по сути, ничего не изменилось. Последователи Монастырева по сей день держатся за технологии поиска и разведки углеводородов, в основу которых положены ошибочные принципы и идеи концепции Губкина. Да и Бембелю в НИИ путь отрубили. О его научной судьбе я разговаривал тогда с начальником Главтюменьгеологии Фарманом Салмановым, с которым мы были в товарищеских отношениях. Салманов сказал мне прямо: «Ты что, нэ понымаеш, что я не могу взять Бембела никуда!»

Бембеля рискнули пригласить на должность начальника отдела промысловой геофизики в нефтяной НИИ, где он продержался аж два года. И вдруг его вызывает новый директор НИИ, присланный из Москвы и не знакомый с тюменскими реалиями. «Да вы, Роберт Михайлович, одиозная фигура», — не без удивления пробормотал он в ответ на приветствие. Оказывается, директору был звонок из областного комитета народного контроля: если Бембель останется в НИИ, то институт начнут с пристрастием проверять разные инстанции.

Как вы думаете, кто возглавлял народный контроль области? Конечно, непотопляемый Монастырев!

— Мне жаль, — завершил разговор директор, — сотрудник вы хороший, но за мной коллектив…

В этой ситуации по-мужски поступил Фарман Салманов, царство ему небесное. Он взял Бембеля главным геофизиком Ямальского объединения, самого крупного в стране. Правда, когда Роберт вместо богом забытых Лабытнангов, где базировался штаб объединения, попросился в Ханты-Мансийск, Салманов отказал: не велено! А вскоре Роберта и вовсе законопатили в Старый Уренгой — по производственной необходимости…

Правда, началась тихая революция, партийный лидер в области сменился, и Бембель вернулся в Тюмень. Через три года работы ударными темпами он выпустил первую в мире монографию «Высокоразрешающая объемная сейсморазведка». Это и была основа докторской, которую он вскоре защитил и в полную силу принялся совершенствовать ВОС. Так была реализована мечта, появившаяся после чтения книг фантаста Немцова.

После развала СССР партийные друзья администраторов в науке исчезли, и, казалось бы, ничто не мешало старьё заменить на ВОС. Не тут-

то было. Традиционная технология 2D — давая, как уже говорилось, плоское изображение недр, выявляла только крупные объекты типа ловушек. Используя 3D хотя и получают трехмерную картинку недр, куда как более информативную по сравнению с 2D, но если 3D не переключают в режим ВОС, да еще — повышенной кратности (когда сигнал от его источника до геологического объекта оборачивается не 20, а 140 раз и даже более, что и позволяет выявлять мелкие объекты), и от 3D проку чуть больше. Вне режима ВОС 3D не улавливает мелкие субвертикальные структуры, те самые геосолитонные трубки, которые либо сами содержат основные запасы углеводородов, либо прямо связаны с основными.

В 2013 году бывшие студенты Бембеля, работающие в госкомиссии по защите запасов, пригласили его в Москву и доступно объяснили, что не применяют ВОС главным образом потому, что по ее результатам структура месторождений выглядит тонкой, ажурной. С какими формулами к ним подступиться, как считать? Да и слишком мизерными оказываются запасы в геосолитонных трубках по сравнению с конечными материалами по тому же месторождению, которое оценивают всё еще по площадям — по озерам, если не морям нефти. И чем громаднее площади — тем больше запасов защитят в ГКЗ. А сколько из них липовых — выясняется годы спустя.

Медицинский факт: не только скважины, но и целые месторождения восстанавливаются. Пример — Ромашкинское в Татарстане. Правда, нефтяники достоверно не знают почему. «Нам пока доподлинно неизвестно, с какой скоростью идут эти процессы в разных местах и условиях, — пояснял Бембель. — Одни месторождения восстанавливаются за месяц, а другие — за все сто лет. Каждый «котелок» варит по-своему. Все зависит от параметров, которые надо научиться определять и по ним искать месторождения. Не зря сейчас развивается четырехмерная сейсмика, где четвертая координата — время. И это не фантастика».

Оценка запасов по площадям вводит в заблуждение еще и потому, что нефтяные гиганты представляют собой, если угодно, «шашлыки». Только вместо кусочков мяса на вертикальный «шампур» нанизаны залежи. Сей факт Бембель вычитал в монографии известных тюменских геологов еще в середине 90-х. Правда, авторы не комментировали парадокс независимости площадей от величины запасов. А результат не лез ни в какие рамки общепринятой геологической концепции. Рекорду иранского Ага-Джари — более 124 млн т нефти на 1 км^2 — равных не сыскалось, однако аналогичные показатели по Саудовской Аравии и Кувейту тоже впечатляли: на 1 км^2 помещалось 37–39 млн тонн. Точно такое строение имеет и тюменское месторождение «Комсомольское» — вертикальная гирлянда из 72 залежей. Чудо? Но Августин Блаженный еще в IV веке сказал, что чудо противоречит не законам природы, а нашему представлению о них. Причем между собой эти трубки-шампуры не связаны. Их диаметр, как правило, не превышает нескольких сотен метров, контур не всегда четок, прослеживаются они на глубинах от 1000 до 4000 метров. Но это — баженовка Западной Сибири. Иранский Ага-Джари уходит от земной поверхности на 13 километров. Азербайджанские геофизики показывали Бембелю материалы, где трубки прослежены до 30 километров! Здесь одним «шампуром» природа не обошлась, сотни залежей нанизаны на 4–6, а то и больше трубок.

С помощью ВОС и специального программного обеспечения Бембель, вернувшись из Болгарии, изучил нефтяные месторождения баженовской свиты в Среднем Приобье. И ему стало понятно, почему одна скважина дает сотни тонн в сутки, а пробуренная рядом — «сухая». Баженовка оказалась почти сплошным пластом, перекрывающим чуть не всю Западную Сибирь, однако пласты выложены мозаикой вертикальных трубок, заполненных нефтью.

Кривой дорожкой ближе напрямик…

…И опыт, сын ошибок трудных,
и гений, парадоксов друг,
и случай, бог изобретатель.
Александр Пушкин

Еще одна «собака», видимо, самая зловредная, мешающая использовать ВОС, зарыта вот где: образование геосолитонных трубок прямо связано с эфиром. Однако эфир в официальной науке мира до сих пор на нелегальном положении: то ли существует, то ли нет. Но — по порядку.

Сначала перед изумленными учеными вынырнул солитон, корни которого уходят в начало XIX века. Представьте канал, по которому лошади тянут баржу, и вскоре вода перед её носом принимает «форму большого одиночного возвышения… округлого, гладкого и четко выраженного холма». Холм набирает весьма приличную скорость — около 15 км/час. Явление это в 1834 году наблюдал Джон Рассел, профессор натурфилософии Эдинбургского университета в Шотландии, и описал в своем «Докладе о волнах» (оттуда и цитата), который был опубликован в 1844 году. Между наблюдениями профессора и опубликованием его «Доклада о волнах» прошло десять лет. Дело в том, что поведение воды противоречило всем известным в то время законам физики.

— Каков механизм образования солитона, никто в те времена не знал, да и термина такого не было, — говорил Бембель. — На самом деле вода в осевой части и на определенной скорости раскручивает вихрь, который и создавал солитон, потому что энергия воды не затухала. Это и есть главная загадка, которую никто по сей день не отгадал! С точки зрения классической физики этого не может быть!

Прошло чуть ли не полтора столетия, когда в 1963 году американские физики Крускал и Забуцки ввели этот термин в научный оборот. Они поняли, что солитон и не волна, и не частица, а некое третье состояние, обладающее свойствами и вещества, и частицы. Солитоны кроме воды существуют в воздухе, плазме и даже в твердом веществе. В 1958 году советский физик Роальд Сагдеев показал существование в плазме «уединённых волн». Это тоже солитоны.

Ну, а геосолитон — изобретение Роберта Бембеля. В основе термина две аналогии: Земля, или богиня Гея у древних греков, а также любимая геофизика. Именно Бембелю суждено было придать открытию Рассела новый импульс своим гениальным открытием, связанным с новой концепцией естествознания. Однако по сей день в силе парадигма Губкина, которая декларирует: все углеводороды образуются из биоорганических остатков недалеко от земной поверхности. А геосолитонная концепция тюменских учёных продвигает идею Менделеева: на образование нефти работает вся химия Земли.

Однако, как ни парадоксально, человечество дошло до истины кружным путем — познавая сначала Солнце. До сих пор наука знает о светиле больше, нежели о Земле.

Дело в том, что процессы во Вселенной увязаны друг с другом, и планеты живут в гармонии. Но почему — Солнце? Кривую дорожку протоптали раньше просто потому, что не было инструментов, с помощью которых можно было пристально присматриваться к недрам нашей планеты. А для Солнца они появились рано.

Первым в 1610 году наблюдал небо вооруженным глазом еще Галилей, построив телескоп с увеличением, в 30 раз большим, чем у существовавших в то время приборов. Галилей был потрясен: оказывается, на Солнце есть пятна! И к тому же светило не застыло на месте, а вращается вокруг своей оси!

Через полтора века Уильям Гершель сделал телескоп с небывало огромным зеркалом. И выдал сенсацию: он разглядел на Солнце не только пятна, но еще и протуберанцы, или, как он писал, «тонкие столбообразные извержения». В конце XIX века выдающийся русский космист Иван Ярковский, о котором речь ниже, определит, что диаметр «тонких» протуберанцев Солнца 200 тыс. км — больше диаметра Земли, а высота — свыше 1 млн км. Гершель же первым заговорил о холоде внутри Солнца!

Однако что за протуберанцы разглядел Гершель? Ведь официальная наука еще сегодня утверждает, что Солнце — раскаленный шар, а ядро его, как и Земли, — металлическое?!

— У Гершеля, который посягнул на «святое», — комментировал Бембель, — железная логика: протуберанец может извергнуть только твердое ядро Солнца. Это закон баллистики. Гершель ошибся только насчет ядра Солнца — твердая его мантия. А Ярковский в конце XIX века еще выяснил, что Солнце, наперекор сегодняшним утверждениям энциклопедий и большинства астрофизиков, вовсе не сплошной огненный шар. Факт этот лишь в начале XXI века подтвердили инструментальные наблюдения американцев.

Сегодня модель Солнца представляется Бембелю вот какой. Из радиуса в 700 тыс. км примерно половину занимает холодное плазменное ядро, а остальная половина — твердая мантия. Сам Бембель про холодное ядро Солнца в трактовке Гершеля вычитал в начале 2000-го в книжке Ярковского. И сразу же у Бембеля возник вопрос: откуда за огнедышащей короной Солнца взялась, условно говоря, ледышка? Это даже не фантастика, а фантасмагория, восклицает сегодня хор астрофизиков! Ответ Бембель нашел не сразу.

Оказалось, что «ледышка», да еще в ядрах не только Солнца, а всех планет, образуется по закону, или эффекту, Джоуля-Томсона, открытого этими учеными еще в середине XIX века. Но, судя по всему, о нём сегодня либо мало кто знает, либо им пренебрегают во имя разгромленной парадигмы плитников. Суть отрицательного эффекта в том, что все газы под давлением свыше 600 ат. охлаждаются до такой степени, что превращаются в плазму. В ядре Солнца давление куда сильнее — 2 млрд ат.

В ядре Земли давление 3,5 млн ат., а температура при этом близка к абсолютному нулю. Ну, а тот факт, что ядро Земли не металлическое, говорят исследования геофизиков еще середины XX века: поперечные сейсмические волны, порождаемые землетрясениями, через магму не проходят. Однако и этот давно установленный факт сторонников металлических ядер планет не колышет. Правда, эти сторонники упорно молчат, как металлы проникли в ядра планет и не расплавились по дороге…

А вот как проявляется положительный эффект Джоуля-Томсона. Давно уже астрофизики зафиксировали, что самая «холодная» точка Солнца, примерно плюс 3,5–4 тыс. гр., находится, как ни странно, прямо на его поверхности. Это и есть знаменитые темные пятна, которые разглядел Гершель. Вторая точка, где около плюс 6 тыс. гр., выше первой примерно на 100 км. А третья, самая горячая, в зависимости от мощности протуберанца, до 5 млн гр. — примерно в 1 тыс. км от Солнца.

Но вот читаю информацию NASA от 14 февраля 2023 года. Его сайт сообщает, что с помощью ядерных спектроскопических телескопов NuSTAR зафиксированы высокоэнергетические лучи, испускаемые короной Солнца. Исследователи надеются, что новые снимки помогут разгадать… «одну из главных тайн Солнца»: почему самая «холодная» точка прямо на его поверхности?

У меня недоуменный вопрос: что, в NASA не знакомы с эффектом Джоуля-Томсона?

Кстати, в июне 2020 года ученые-геофизики университетов Мэриленда, Джонса Хопкинса и Тель-Авива лишний раз подтвердили: эффект Джоуля-Томсона в недрах Земли работает. А значит, не халтурит и на Солнце? Чудеса, да и только!

Ну, хорошо, предположим, что ядра Земли и Солнца плазменные, а не железные. А что заставляет светило стрелять гигантскими протуберанцами, обнаруженными еще Гершелем?

Здесь мы добрались до главного момента: мирового эфира.

Ярковский и Менделеев дополняют Ньютона

> …Доказательство должно быть немногословным: первый натиск — и ты либо цезарь, либо никто.
>
> *Галилей*

Итак, как работает в недрах всех планет мировой эфир? Конечно, не в первозданном состоянии — а в виде продуктов, вступающих между собой в реакции. Идеи Ярковского, да и то — в искаженной интерпретации, Бембель впервые почерпнул в работах одного австралийского геолога. А позже коллега-единомышленник, ученый В.Ф. Блинов, прислал Роберту книгу «Всемирное тяготение как следствие образования весомой материи внутри небесных тел. Кинетическая гипотеза». Написал ее Иван Осипович Ярковский, выдающийся российский ученый. Вышедший в 80-х годах XIX века его труд замолчали: уж очень ошеломляющие идеи выдвигал автор. Я читал книгу в интернете. Книги выдающегося космиста в СССР сочли идеалистически вредными, уничтожили даже в «Ленинке».

Однако выдающийся физик, Нобелевский лауреат Петр Капица говорил: «Наука — это то, чего не может быть. А то, что может быть, — это технический прогресс». Ярковский считал, что космос заполнен мировым эфиром. Еще древние греки предполагали, что мировой эфир и есть первичная материя. Ярковский первым показал, как эфир может проникать в планеты и какие превращения при этом с ним происходят. Причем показал на серии экспериментов, результаты которых нужно было либо принимать, либо игнорировать.

Речь о гравитации. С ней, как и с пятнами на Солнце, тоже связана давняя история. Гравитацию первым измерял опять же Галилей с помощью обыкновенного метрового маятника: сколько раз он качнется в разных местах за определенное время. В XIX веке люди догадались прибором Галилея мерить гравитацию в разных точках Земли. И были ошарашены: не могли понять, почему, например, на океанских островах высота поверхности сильно, более чем на километр, отличается от континентальной.

Ярковский же придумал прибор, подобный пружинным весам. И в течение 28 месяцев ежедневно 5–6 раз в определенные часы делал отметки. Прибор оказался весьма чувствительным, позволив ученому сделать выводы, повергшие коллег в изумление. Сила тяжести, писал Ярковский, должна быть на Земле не постоянной, а переменной. Она зависит от температуры, а также суточного и годового вращения планеты. Но это касается лишь одной и той же местности. В разных же местах земного шара сила тяжести различна, поскольку зависит от двух факторов: центробежной силы и расстояния географической точки замера от центра Земли. То есть от высоты над уровнем моря.

Ньютон, говоря, что не признает гипотез, тем не менее допускал, что его всемирное тяготение — следствие давления эфира, то есть гравитации. Впрочем, он не исключал и влияние бога. Ломоносов объяснял гравитацию давлением, которое порождает остановленное движение эфира. Сходные идеи высказывал в конце XIX века и академик Бредихин.

— Но посмотри, — говорил мне Бембель, — популярные учебники по физике для вузов, например, Трофимова. Там черным по белому написано, что природа гравитации неизвестна.

Тот факт, что уровень мирового океана ниже идеальной поверхности земного шара, в 60-х годах установили в результате съемок с орбиты наши

космонавты. Воду прижимает гравитация. Однако им долго запрещали об этом говорить: противоречит устоявшейся парадигме! Здесь не обошлось без трагедий. Космонавт Герман Титов с орбиты наблюдал в океане фонтаны высотой до ста метров. Начальство заявило, что у него галлюцинации. Бембель говорил, что, отчаявшись добиться адекватной реакции, Титов начал попивать. Вот и Википедия пишет, что Н. Каманин, присматривавший за отрядом космонавтов, отмечал в своем дневнике, что после полета поведение Титова заметно ухудшилось: появились проблемы с алкоголем. Дошло до того, что, будучи за рулем автомобиля в нетрезвом состоянии, он попал в аварию в июне 1964 года. Погибла случайная пассажирка. Военная прокуратура квалифицировала аварию как несчастный случай. Титов отделался строгим партийным выговором и понижением в должности. Однако Каманин отмечал более 10 грубых нарушений дисциплины Титовым и за следующие 9 лет…

Причиной смерти космонавта, по заключению экспертов, стало отравление угарным газом в сауне. Официально эту версию не оглашали, но телеграм-каналы об этом писали. Между прочим, Бембель и Титов — дальние родственники: их прадеды — родные братья. Но Герман и Роберт так и не встретились, хотя Титов оказался причастен к геосолитонам. Причастен трагически…

Допустим, признали мы и гравитацию. Но есть еще и антигравитация — те самые столбы-протуберанцы, извергнутые Солнцем. А на Земле — вулканы, землетрясения. Опять же — дело рук мельчайших частиц, которые в результате реакций порождает эфир в ядрах планет. При этом и создается предсказанный академиком В.А. Ацюковским механизм, положенный в основу эфир-геосолитонной концепции Бембеля, о котором еще поговорим.

А пока вернусь к Ярковскому. На житейском примере он гениально показал, как Земля, словно губка, втягивает эфир. Модель годится и для Солнца, плотность которого гораздо меньше нашей планеты. Так вот, еще крестьяне на зиму закладывали между рамами окон древесные угли. Они впитывали влагу, не давая стеклам запотевать и покрываться куржаком. Вот так и пористая Земля поглощает эфир, тем более что его частицы очень мелкие. Как только одна проникает в поры Земли, на неё давит идущая следом. И так далее. Последняя может вернуться в космос, отталкиваясь от проникших в Землю раньше. «Чем плотнее утрамбованы атомы в теле, — говорит Бембель, — тем больше его масса, тем сильнее атомы притягивают к себе новые».

Это и есть кинетическая модель эфира и гравитации по Ярковскому. Расчеты скончавшегося в 2022 году академика Ацюковского, продолжавшего исследования Ярковского, показали, что эфир входит в Землю со скоростью 2 тыс. км в секунду. Любопытно, что Дмитрий Иванович Менделеев называл почти такую же цифру: «Я полагаю, — писал Менделеев, — что для понимания множества явлений совершенно достаточно признать пока, что частицы и атомы легчайшего элемента «х», могущего свободно двигаться всюду, имеют вес, близкий к одной миллионной доле веса водородного атома, и движутся со средней скоростью, недалекой от 2250 километров в секунду». Элемент «х» — это и есть эфир.

«Случайность совпадения в расчетах ученых столь высокого класса, да еще с разрывом в век, вряд ли возможна», — считает Бембель.

Цитата Менделеева взята из его статьи об эфире. Все-таки интернет — великое чудо. Когда 14 лет назад я работал над своей книгой «Земля и Вселенная. Законы гармонии», то, помня идею Менделеева о глубинном происхождении нефти, озаботил всемирную паутину темой «Менделеев и эфир»: а вдруг? И получил его статью, названную академически осторожно: «Попытка химического понимая мирового эфира». Статья написана в 1902 году, как раз тогда, когда скончался Ярковский, о работах которого Менделеев вроде бы не знал. Решился Дмитрий Иванович опубликовать свою статью

лишь в 1905 году, оговорившись, что «размышлял лет 30… и еще бы помолчал, но у меня уже нет впереди годов…». И правда, заболев, Менделеев скоропостижно скончался в 1907 году.

Процитирую еще одно место из статьи Менделеева: «Задачу тяготения и задачи всей энергетики нельзя представить реально решенными без реального понимания эфира, как мировой среды, передающей энергию на расстояния. Реального же понимания эфира нельзя достичь, игнорируя его химизм и не считая его элементарным веществом».

Прочитав впервые статью Дмитрия Ивановича, Бембель возбудился не хуже геосолитона.

— Меня и потрясла, и вдохновила статья, особенно — эта цитата, — комментировал Роберт. — Ведь фактически она на сто процентов согласуется с мыслью Николы Теслы. Он тоже занимался эфиром и во всем, что делал, пытался использовать энергию эфира, переданную на бесконечно большие расстояния. Тесла — в одной компании с Ярковским и Менделеевым. Статья Менделеева и специальная теория относительности Эйнштейна опубликованы одновременно. Это очень символично. Ведь то, что пишет Менделеев о взаимоотношениях между эфиром и химическим веществом, — уникальная мысль! Сегодня только два учёных продолжают развивать идеи Менделеева: Владимир Ацюковский и Виталий Блинов. Может, в других странах есть единомышленники, но я их не знаю.

Нельзя обойти и такую историю. Настоящая «Периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева» единственный раз увидела свет при жизни автора в учебнике «Основы химии» в 1906 году. Открывала «Таблицу» нулевая группа инертных газов, где на первом месте значился ньютоний, то есть эфир, названный так, по словам автора, «в честь бессмертного Ньютона». Однако новая парадигма релятивизма Эйнштейна требовала отказа от идеи мирового эфира. И нулевую группу перенесли в самый конец «Таблицы», а эфир исчез вовсе. Эфира нет! И лишь спустя 96 лет подлинная «Таблица» Менделеева восстала из пепла забвения благодаря публикации журнала Русского химического общества.

— Менделеев высказал самую суть, — продолжал Бембель, — как формируются химические вещества! Я наконец увидел его истинную «Таблицу периодической системы», и она меня потрясла! Смысл её совершенно иной, нежели в той, что после 1906 года преподносят в школах и вузах. Менделеев хотел понять, в чем суть периодичности, откуда она идет? Суть, оказывается, не только в электронных оболочках, как сейчас внушают. Менделеев заложил в «Таблицу», если хочешь, алгоритм усложнения структуры атомной организации материи в результате перехода от эфира к другим химическим элементам. Мне теперь понятно, почему в начало «Таблицы» Менделеев поместил эфир.

— Без эфира «Таблица» не имеет смысла? — спросил я.

— Конечно! Эфир у Менделеева — самый главный элемент! А его выбросили… Дальше: эфир принадлежит к группе инертных газов. То есть между эфиром и кислородом есть промежуточное звено. Логика у Менделеева железная! Инертные газы и сейчас выделяют, правда, спрятав в восьмую колонку! Но такой маневр уничтожил менделеевскую логику! А она в моих глазах поднимает Менделеева на вершину мировой науки. Но в её развитии мы как минимум потеряли век, потому что «Таблицу» фальсифицировали, отрезав эфир.

Чем скорее человечество поймёт, что фундамент природы — вроде бы зыбкий эфир, тем лучше для него же будет, оно сможет избежать больших бед, считает Бембель. А дальше он переходит к вопросу о том, почему у эфира такая гигантская энергия. И повторяет: все гениальное в малом. Всё дело в знаменитой формуле кинетической энергии: сила пропорциональна летящей массе и квадрату (!) скорости. В любых дорожных катастрофах последствия больше зависят от скорости автомобилей или поездов, нежели от

их массы. Но фокус в том, что во Вселенной разогнаться с большой скоростью могут только очень маленькие элементы, поскольку, сравнительно с большими, встречают ничтожное сопротивление среды. И вот атом эфира, а точнее — амер, самая малая и легкая элементарная частица во Вселенной, способна разгоняться до огромных скоростей. И мы ныряем в микромир, где находятся амеры. Ацюковский описал единственную в мире модель образования протонов, в которой невероятно высокая скорость амеров — в триллионы триллионов раз больше скорости света! Но коли так, чтобы получить энергию, эту скорость надо еще возвести в квадрат! Тогда получим уже 1038 степени! Напомню, что скорость света — 108 степени километров в секунду, а тут 1038 степени!

Амер, утверждает Бембель, реальная частица эфира, на которой стоит весь мир! Амеры и являются носителями той самой темной энергии Вселенной, по поводу которой все ломают головы. А её носитель — эфир. Без эфира не понять ни энергетическое, ни химическое строение Вселенной, а значит, и материального мира. Менделеев был химиком, и он осознал, что эфир и есть то самое Архэ, первооснова, первовещество, или первоэлемент, главная проблема всей философии древних греков. Еще Ломоносов говорил: начало было вечным, с него идет все остальное. А само начало не начинается, оно было всегда!

В начале «нулевых» еще один эффект геосолитонных трубок (ГТ) обнаружила группа высококлассных геохимиков Академии наук из Черноголовки под руководством профессора И.Ф. Мясникова. На Приобской площади они своими приборами сделали то, чего никто в мире не делал: исследовали газы, идущие из ГТ, которую засекла ВОС, взяв пробы внутри ГТ и за её пределами. Оказалось, что содержание водорода и гелия в центре ГТ и вне её границ различается в 50–60 раз!

— Как говорят друзья-немцы, das ist fantasnish! — комментировал Бембель. — Сенсация в том, что водород с гелием в обнимку идут из самого центра Земли. Метана чуть больше — на 7–8%. Когда я рассказал об этих исследованиях на очередной международной конференции по дегазации Земли, то вызвал немалое удивление коллег.

Самоорганизация вещества, которое поначалу пребывает в хаосе, идет только через вихрь. Об этом говорил еще Декарт. А закрученное в вихрь вещество обретает иные качества, превращаясь в геосолитоны.

Не стану морочить головы читателей специальными деталями взаимодействия микрочастиц в ядре Земли. Поверьте, что это выявил не только Бембель.

— Еще раз поклонюсь Владимиру Ивановичу Вернадскому! — восклицает он. — Это его открытие в 1912 году — дегазация всех планет.

Первые натурфилософские высказывания о росте и дыхании Земли как своеобразного живого организма есть у Леонардо да Винчи. Гипотезу детально развивал академик Вернадский своей трехфазной моделью. Вдох — активный прием внешней материи и энергии эфира; пауза: усвоение и переработка материи и энергии; выдох — возвращение в космос переработанных материи и эфира.

В последней четверти XX века модель Вернадского развивал академик Кропоткин и другие геологи, доказавшие водородную дегазацию нижних геосфер. Но открытия этого большинство физиков и геологов мира не заметили. А речь, в частности, идёт о книге Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и её окружения». Дыхание Земли в наше время подтвердили с помощью космических телескопов, работающих в широком диапазоне. Закрученные в баранку вихри по микроскопически тонким каналам — до 1 нанометра — с огромной скоростью и энергией из ядра Земли рвутся к её поверхности. Вихри расширяют ГТ, диаметр которых в нижней части земной коры не больше 1 метра, а у поверхности планеты до сотен метров и даже до 1 км. А по пути, вступая в разнообразные реакции, образуют — постоянно! — не только

углеводороды, но железные руды, золото, уран и другие ископаемые. Кимберлитовые трубки — они же геосолитонные — «Мир» и «Удачная» в Якутии, которые из космоса видны, десятки лет дают около 99% алмазов страны. Но геологи, видно, считают, что алмазы эти с Луны свалились.

Геосолитоны накачивают ядро Земли новыми и новыми порциями мирового эфира. Причем накачка усиливается в периоды повышенной активности Солнца. Энергия эфира и выталкивает из земного ядра протуберанцы-геосолитоны. Однако на глубине 2900 км, на границе Гутенберга, разделяющего внешнее ядро и мантию Земли, геосолитоны, иногда натыкаясь на твердые породы, замирают, образуя так называемые плюмы — выступы на поверхности ядра Земли. Высота их достигает 10 км. В плюмы мощно вбрасывается газовая холодная плазма из внутреннего ядра Земли, а её, в свою очередь, выдавливают всё новые и новые порции амеров эфира, нагнетаемые событиями во Вселенной, которые провоцирует повышенная активность Солнца, что мы и наблюдем последнее время. И чем дольше плюмы, словно гигантские пробки, перекрывают движение газов по ГТ — тем мощнее эффект сжатой пружины, потенциальной энергии. Чтобы представить мощность такой «бомбы», достаточно сказать, что в обычных ГТ, где нет плюмов, перепады давления достигают 1 млн ат., что резко, до 100 млн градусов, повышает температуру газов. Но геофизики, удивляется Бембель, почему-то следят только за кинетическими процессами, игнорируя плюмы. Наконец давление геосолитона одолевает преграду, и плюм со страшной силой прорывает земную поверхность землетрясениями, вулканами, цунами и прочими катаклизмами, терзающими нашу планету особенно последние годы.

Коротко отмечу, что ортодоксальная наука всё ещё талдычит, будто подобные катаклизмы — следствие движения континентов и плит. Эти сказки еще век назад в пух и прах разбил выдающийся геолог-тектонист В.В. Белоусов, а позже крупные геологи Г.Б. Удинцев и Е.С. Шенгелов дополнили Белоусова своими неотразимыми аргументами.

На природных пожарах, бушующих по всему миру, остановлюсь чуть подробнее. Повинны в них чаще всего не беспечные люди, играющие с огнем (хотя и они встречаются). Обычно разбойничает троица «детей» эфира — водород, гелий и метан. Они выходят на поверхность Земли по каналам геосолитонной дегазации под давлением в десятки тысяч атмосфер. Гелий газ инертный, сам не горит, но очень быстро нагревается до температуры самовозгорания водорода, метана. Они-то и поджигают сухую растительность, торфяники. Это подтверждают многочисленные факты переброски потоков огня через вспаханные поля шириной более 1 км.

Бембель приводит еще одно подтверждение главной причины природных пожаров. В 80-х годах по рекомендации космонавта В.М. Джанибекова проверили яркое черное пятно, которое наблюдал он с орбиты Земли, на нефтяных месторождениях Тарасовском и Суторминском в Ямало-Ненецком АО. Раскопки до двух метров обнаружили множество углей — следы пожаров на протяжении тысяч, а может, и миллионов лет — следствие геосолитонной дегазации.

Достаточно с помощью ВОС засечь выходы геосолитонов из небольших залежей — и мы убиваем сразу двух зайцев: увеличиваем добычу газа и резко снимаем риски пожаров.

— В Земле работают удивительные механизмы, — говорит Бембель. — Где мы видим активные рифтовые зоны и горы — значит, там геосолитоны выбросили огромную энергию ядра планеты. Антиплюмы же, наоборот, поглощают эту энергию, образуя самые глубокие океанические впадины, например Мариинскую. И вот что получается. Энергия планеты всегда выбрасывается через землетрясения, а их реактивная сила осаждает плюм. Другими словами, землетрясения — своеобразная система безопасности Земли.

Коротко задену еще одну темную и злободневную сферу, высветленную ЭГК: парник. Его выдумал, сидя за столом, французский математик Жозеф Фурье еще в 1824 году. Ему почудилось, будто над атмосферой Земли висит потолок неких газов. Некоторые «ученые» в прошлом веке дополнили Фурье: дескать, молекулы углекислого газа либо метана работают над Землей как стеклянная крыша. И если человечество так же безответственно продолжит источать CO_2, то температура на планете будет подниматься, и люди в конце концов превратятся в шашлыки.

— На самом деле это полный бред. Фурье ляпнул о парнике, не зная об эффекте Джоуля-Томсона, — утверждает Бембель. — Люди, покоряющие горные вершины, давно заметили, что на больших высотах температура резко падает. В верхней части тропосферы Земли давно зафиксировали минус 60°, а то и 90°. Чем выше от Земли, тем быстрее падает давление кислорода и азота. Содержание углекислого газа в атмосфере планеты меньше 3–5 сотых процента. Если добавится еще одна сотая — никакой катастрофы не будет.

Землю периодически накрывает то потепление, то похолодание. Земля — мудрая живая система, работающая в кибернетическом режиме. И сбои она устраняет сама, что наблюдается уже миллиарды лет. В ЭГК Бембель детально описал, как работает этот механизм.

За аргументами Бембеля не просто слова. Его исследования в 80-х годах в Западной Сибири показали: человечеству достается около 1% (!) запасов углеводородов, да и этот мизер сохраняют в недрах плотные мерзлотные и глинистые покрышки. Остальное улетает в космос. В 2002 году результаты исследований Бембеля подтвердил Г.И. Войтов. Теперь представьте, что потолок, приснившийся Фурье, существует. Но ведь углеводороды Земля исторгает, по Вернадскому, эоны, то есть миллиарды миллиардов лет. Сколько бы их накопилось под крышей? В этом случае не только люди — просто жизнь на Земле вряд ли появилась бы. Чем дышать-то?

А Киотские соглашения, вступившие в силу чуть ли не через два века после ляпа Фурье, — экономическая алхимия. Она позволяет многим компаниям зарабатывать большие деньги на «чистых» технологиях. Правда, энергия эта дороже традиционной. Ничего, потребитель оплатит…

Наконец, эфир-геосолитонная концепция позволяет приоткрыть дверь еще в одну тайну: ведь до сих пор неизвестно, что заставляет Землю, Солнце и другие планеты вращаться вокруг своих осей! Бембель и его единомышленники полагают, что крутит их реактивная сила гео- и космосолитонов, вечных двигателей Вселенной.

Осмыслив идеи гениальных предшественников, Бембель, с учетом добытых им фактов, и предложил свою эфир-геосолитонную концепцию (ЭГК).

Построив самый мощный на то время телескоп, Галилей не только первым наблюдал звезды, до него невидимые. Главное еще и в том, что, сблизив астрономию и физику, он подтянул науку на принципиально новый уровень. А высокоразрешающая объёмная сейсмика (ВОС), которую с 70-х годов кропотливо создавал Роберт Бембель, — это тоже своего рода «телескоп», который позволил заглянуть на десятки километров вглубь Земли и разглядеть не только новые месторождения углеводородов.

Главное — ученый первым в мире обнаружил геосолитонные трубки, открывшие новую эру познания процессов и явлений не только в Земле, но и во всех планетах Солнечной системы. Кстати, прозрел сначала не сам Бембель. Он впервые показывал коллегам расшифровки съёмок недр ВОС на схемах, и вдруг один более опытный коллега обратил внимание Роберта на странные столбы, чуть расширяющиеся к поверхности Земли. Это и были геосолитонные трубки.

Обогнавшие время

> Наука есть лучший современный способ удовлетворения любопытства отдельных лиц за счёт государства.
> *Академик Л.А. Арцимович*

Науковеды — и зарубежные, и наши — выделяют в первую очередь объективные причины, зависящие от уровня эволюции разных этносов и стран.

Ортодоксальная наука вместе с «эффективными» менеджерами на дух не принимают не только ЭГК, но даже высокоразрешающую объемную сейсмику, которая спасла бы нашу нефтянку от краха. Здесь напрашивается разговор о ситуации в науке вообще, а не только в России. Однако тема эта отдельная. Науковеды говорят о вроде бы объективных причинах отторжения системных открытий и превращения их в технологии. Главная, по мнению крупного физиолога академика В.В. Парина, — в ускоренном темпе развития самой науки. За всю её историю не было, пожалуй, столь бурного времени, как XX век. Представления о микромире и макрокосмосе — привычные, обжитые с детства — рушатся, писал он. И не успеваешь мысленно «создать Вселенную заново», как и она, новая, оказывается «подлежащей сносу».

А если взять, продолжал Парин, любую область знания, то окажется, что изнутри события выглядят еще более бурными. В науке борьба мнений остра. Здесь отказ от взглядов, сложившихся за долгие годы труда (или заучивания чужих выводов — такое тоже бывает), подчас труден до чрезвычайности. Ведь это отказ от alter ego — второго я. Лишь настойчиво воспитанное умение проникать трезвым взглядом в то, что тебе сначала кажется противоречащим естеству, позволяет настоящему ученому, осознав диалектику событий, удержаться на позициях науки, не скатываясь к догматизму. Это сопряжено с мучительными раздумьями, разочарованиями и требует от ученого мужественной решимости, пишет Парин.

Есть и другая причина, на мой взгляд отчасти объективная. Именно в XX веке, когда научные исследования нарастали лавинообразно, эта деятельность приобретала корпоративные черты. Да, отдельные гениальные головы по-прежнему рождали прорывные идеи. Но проверять эти идеи экспериментально, доводить до логического конца, до парадигмы, тем более технологии, — все это становилось труднее и труднее. Так и востребовалась новая категория людей: не столько ученых, сколько научных работников. То есть людей вокруг науки, при ней. И эта армия, впитывая идеи научных руководителей, постепенно сковывалась групповым мышлением.

Парадигма установок, а также методов исследований — всё это со временем становилось родным, привычным домом, где был знаком каждый закоулок. А новая идея или, не дай бог, парадигма, отмечал Томас Кун в своей классической работе «Структура научных революций», пусть весьма перспективная и подкрепленная экспериментально, обладает крупным недостатком: свергает с пьедестала прежнюю, выношенную и привычную, да еще и толкает на риск. Это ввергает подавляющее большинство научных работников да и учёных в состояние, весьма дискомфортное не только в моральном и психическом, но и в материальном плане. Степени доктора наук, статусы члена-корреспондента и академика, подкрепленные солидными окладами и премиями, заставляют трижды оглянуться, прежде чем отстаивать новую парадигму, даже если тебе кажется, что в ней что-то есть. Ничего не попишешь, человек — бездна слабостей.

На нашу беду, именно в науке XX века появилось больше «грузчиков», то бишь — научных работников, и они во многом определяют погоду, выдвинув непробиваемый аргумент, звучащий примерно так: в научном сообществе принято считать…

Аргументы науковедов ярко иллюстрирует ситуация в нефтегазовой геологии, основателем которой по сей день считается Иван Михайлович Губкин. Его концепцию об органическом (биогенном) происхождении нефти по сей день преподают студентам профильных вузов, а со временем кто-то из них защищает кандидатские и докторские диссертации. Губкин знал абиогенную гипотезу Менделеева о глубинном происхождении нефти, однако не принял её. И Губкина отчасти можно понять. Сегодня мы знаем, что Менделеев гипотезу свою окончательно не успел доработать. В 1876 году, когда Дмитрий Иванович её высказал, занимаясь бакинской нефтью 14 лет, она звучала так: вода с поверхности Земли, устремляясь по разломам коры на большие глубины, в условиях высокой температуры и давления вступает в реакцию с расплавленными карбидами железа. То есть никаких органических остатков на этих глубинах просто не может быть.

Напомню, что свою статью об эфире Менделеев написал в 1902 году, размышляя об этом лет 30, и оговорился, что еще бы помолчал, «да времени уже нет». Откуда желание еще помолчать? Дмитрий Иванович не пояснил. Однако напрашивается догадка, что идею свою о глубинном происхождении нефти Менделеев просто не успел доработать, увязав её с эфиром, который уже возглавлял «Таблицу».

Идею Менделеева о глубинном происхождении нефти и доработал Бембель в своей эфир-геосолитонной концепции, обогнав, как и Дмитрий Иванович, время.

Важен еще один момент. Ни Роберт Бембель, ни Владимир Ацюковский, некоторые идеи которого Роберт развивал, ни тем более Иван Ярковский или Дмитрий Менделеев — никто из них не утверждал, будто они открыли истину в последней инстанции. Напротив, предложив свои гипотезы, Бембель обнаружил новые вопросы, на которые у него пока не было ответов.

…В интернете можно обнаружить, что некоторые авторы величают Бембеля маргиналом. Кстати, слово это сегодня теряет свой негативный оттенок. Оно обозначает того, кто не в центре, а просто с краю. Футболисты или хоккеисты хорошо знают, что прорывы к воротам следует ждать вовсе не от центровых, а от крайних нападающих. Так бывает и в науке. Напомню еще, что забытое слово «маргиналии» — заметки на полях страницы. И в заметках этих, между прочим, попадаются гениальные прозрения.

К великому прискорбию, в ночь с 9 на 10 августа 2025 года на 89 году жизни Роберт Михайлович Бембель ушел от нас в мир иной. До конца дней он оставался оптимистом относительно будущего своих открытий и надеялся, что им не придется ждать признания 300 лет, как гелиоцентрической системе мира Коперника, высказанной в общих чертах еще Аристархом в III в. до н.э.

— Я иду к пацанам, которые на три поколения младше меня, — говорил мне Бембель, — и в них вливаю свои идеи. Они воспринимают их органично, как и должно быть. Они и воплотят их в практику.

Будем надеяться, что так и случится. Когда-нибудь…

Сергей Анашкин

Пути аутсайдеров

Кинематограф Дмитрия Давыдова

Дмитрий Давыдов принадлежит к когорте режиссеров, которые не просто синтезируют оригинальный стиль — они привносят в кино индивидуальную мифологию. Именно из нее прорастают сюжеты их фильмов. Д.Д. можно причислить к представителям «третьей волны» якутского кинематографа. Тем, кто пришел на смену его зачинателям, состоявшимся в девяностые (Алексей Романов, Никита Аржаков), и авторам, дебютировавшим в нулевые (Сергей Потапов, Михаил Лукачевский). Режиссеры нового поколения (Степан Бурнашёв, Любовь Борисова, Владимир Мункуев) трансформировали контекст национального кино, сменив адресата посланий: стали делать фильмы не для локальной (якутской), а для внешней (интернациональной) аудитории.

Но существует определенный набор свойств, определяющих специфический статус этого автора. Д.Д. одновременно и аутсайдер, и *переходная* (в некотором смысле консолидирующая) фигура: для одних — чужой среди своих, для других — медиатор, посредник в кросскультурном взаимодействии. Ну, во-первых, этническое происхождение: Давыдов не стопроцентный саха, а так называемый сахаляр (метис). Что позволяет приверженцам абсолютной аутентичности порицать *постороннего* за непонимание (извращение даже) исконных национальных традиций и сакральных табу. Во-вторых, Д.Д. вырос вдали от Якутска, в поселке Амга. Получил педагогическое, а не режиссерское образование. Сформировался вне столичных иерархий и корпоративных взаимосвязей культурных элит. Опирался на поддержку товарищей-односельчан, простых саха из глубинки, а не на генеалогические ресурсы (принадлежность к успешному роду-племени). Отсюда двойная — «евроазиатская» — идентичность, естественный симбиоз ментальностей.

Именно *порубежной* фигуре суждено было совершить важный прорыв — выйти за рамки нарративных стандартов якутского кинематографа, вывести локальный культурный феномен за пределы обжитого им ареала. Можно назвать точную дату: октябрь 2016. Премьера дебютной драмы Д.Д. «Костер на ветру» состоялась на МКФ в южнокорейском Пусане, самом престижном фестивале в Азии.

Сергей Анашкин (1965) — российский киновед, кинокритик и куратор фестивальных программ. Специалист по современному азиатскому кинематографу и этническому кино национальных регионов России. Окончил киноведческий факультет ВГИКа. Дебютировал в кинокритике в начале 1990-х. В разные годы публиковался в профессиональных изданиях «Искусство кино», «Сеанс», «Экран и сцена», «Премьер», на англоязычном сайте KinoKultura. Автор книг «О фильмах далекой и близкой Азии» (2015) и «Другие территории» (2024), опубликованных московским издательством НЛО.

Чем же привлек внешнюю аудиторию этот не безупречно сработанный фильм? Функцию драматургического фундамента якутского кинематографа более двух десятилетий выполняла душевная мелодрама, сентиментальный субстрат легко различим в фильмах массовых жанров, предназначенных для домашнего зрителя: будь то криминальный экшн, фильм ужасов или романтическая комедия[1]. Д.Д. оказался от бинарной логики устоявшегося канона ради более сложных жанровых конструкций, сделав выбор в пользу полноценной (а не усеченной) психологической драмы. Подкупала эмпатия автора: приязнь к заурядным вроде бы персонажам, приятие неказистых, но подлинных, деревенских фактур.

Стоит признать, что «кинематограф Давыдова» не снискал любви у якутского зрителя. Центральные темы его драм — ответственность и вина. Романтика повествователем не предусмотрена. Вместо любовных коллизий — отношения родителей и детей. Финалы не утешают, оставляют горькое послевкусие, тревожное ощущение морального дискомфорта: самоотверженность зачастую не вознаграждается, акт самопожертвования не гарантирует обретения благодати (преодоления противоречий, устранения диссонансов и дисгармонии). Разрыв с каноном скорей отпугивает, чем привлекает домашнюю аудиторию: ей хочется простых решений для сложных задач и, конечно же, счастливых финалов[2].

Больше чем драма…

1

«Костер на ветру» (2016) считается первой картиной Давыдова. Утверждение требует уточнения: до первого фильма был нулевой. В 2013 году он сделал «Топор» — гибрид комедии и социальной драмы. Но, сочтя работу недостаточно зрелой, отправил исходник в ящик стола. В том был свой резон, визуальные огрехи очевидны: неопытность режиссера и дилетантизм оператора явно влияли на самочувствие актеров-натурщиков. Им было порой неуютно в тесном пространстве кадра. Фильм, маркированный как любительский, был обнародован годы спустя — на YouTube.

Зерно сюжета «Костра на ветру» — конфликт двух стариков. Сын Игната стал виновником гибели сына односельчанина Михаила. Переехал трактором, был нетрезв. В тюрьме арестант кончает с собой. Но, несмотря на формальное разрешение ситуации — оба парня мертвы, сработал принцип «око за око», — Михаил не чувствует удовлетворения, глушит депрессию алкоголем. Возникает тема пресечения рода. Слова жены Михаила, обращенные к отцу убийцы, несут не только горький упрек, звучат как формула обвинения или даже заговор на проклятие: «У нас больше нет сына, не будет и внуков». Игнат соглашается символически компенсировать потерю наследника, внести «плату за кровь», передав потерпевшей семье своего жеребенка. Но старику не удается найти коня, находившегося на вольном выпасе. Игнат отдает Михаилу старинный якутский нож, семейное достояние, наследие предков.

Автор (во всех своих фильмах Д.Д. совмещает функции сценариста и режиссера) дает персонажу шанс на выход из тупика. Пока Михаил топит себя в пучине отчаяния, Игнат пытается обрести новый смысл жизни. Стоит отметить, что этот немолодой вдовец — обычный деревенский мужик, не

---

[1] См. раздел о якутском кино в книге: Сергей Анашкин. Другие территории. М.: НЛО, 2024.

[2] В статье анализируются только полнометражные работы Д. Давыдова. Вне поля зрения автора остались короткометражные фильмы «Девушка с сеном» (2017), «Река» (2019), «Харама» (док., 2024), «Фокус» (2025), а также новеллы из альманахов «Ыт» (2021) и «Эт» (2023), созданных в соавторстве со Степаном Бурнашевым.

святой, не мудрец, не праведник. Подвижки от апатии к возрождению постепенны, не единовременны. Игнат берет на себя заботу о подростке из неблагополучной семьи, пареньке по прозвищу Бурундук. Он «приручает» Бурундука, обучает его полезным ремеслам. А еще пытается приобщить к православию, во всяком случае, к внешним его ритуалам (крестное знамение, поклонение иконе Спасителя)[3].

Во второй половине картины возникает смысловая цезура. Вероятней всего, она не была предусмотрена автором, а явилась результатом своеобразной «эмансипации текста», когда стык событий сам начинает определять логику восприятия. Игнат отправляется за пределы деревни на поиски жеребенка, силы оставляют его, старик теряет сознание. Отключение можно принять за момент кончины. А последующие эпизоды трактовать как переход в альтернативную реальность: начальные эпизоды фильма — действительное/реальное, финальные сцены — возможное/воображаемое. Повествовательный сбой маркирует исчерпанность миссии персонажа: он выполнил долг искупления, спас беспризорного паренька.

Ускоряется темп повествования. Воспитанник возвращается в родное жилище — мать подростка бросила пить. В избе старика неожиданно появляется немолодая вдова, вероятней всего — любовь давней юности[4]. Пара вступает в брак. (Стоит иметь в виду, что якутский обиход не табуирует брак пожилых людей, вдовы и вдовца, которые некогда состояли в романтических отношениях.) Михаил не способен принять возрождения супостата, неприязнь толкает на акт мщения. В финале новоявленная вдова чинит рубаху, в которой был зарезан Игнат, бросает ее в костер, разведенный на пустыре. Ритуал изобретен режиссером.

Д.Д. строит свой фильм как систему зеркальных тропов. Вина сына перекладывается на плечи отца. Идея кровной мести (вообще-то не характерная для менталитета саха) доводится до логического предела. Игнат переносит отцовские чувства на новый объект, беспризорника Бурундука. Между платой за кровь (жеребенок) и орудием убийства (охотничий нож) устанавливается связь через замещение. Предмет, призванный компенсировать утрату, превращается в инструмент мщения. Осмысленная манипуляция тропами и сознательное использование смысловых лакун станут приметами режиссерского стиля, авторской фишкой зрелых работ Давыдова.

2

В «Костре на ветру» недостаток режиссерского опыта и сценарные недоделки компенсировались мастерством оператора. (Стоит отдать должное Ивану Семенову, который снял несколько ранних фильмов Д.Д.) Предполагаю, что повествовательные приемы отчасти выросли из операторских трюков. Вот — укрупнение одного персонажа за счет размывания остальных (только центральный герой снят четко, остальные — в расфокусе). Вот — риторика ракурса, часть вместо целого. Этот подлог вызван необходимостью: если одного из актеров нет на съемочной площадке, необходимо создать иллюзию присутствия. Он тут, рядом, просто не попадает в кадр. Семенов активно использовал эти приемы и в фильме «Нет бога, кроме меня» (2019).

---

[3] Бурундук не искушен в тонкостях православия, обращаясь к сакральному изображению, он произносит простодушное «Здравствуйте!». В фильме снималась не подлинная икона (в стиле «деревенского примитива»), а реквизит, изготовленный для постановок самодеятельного театра.

[4] Очевидная повествовательная лакуна — появление прежней возлюбленной никак не подготовлено драматургически. Полагаю, разъяснительный эпизод-связка не был снят по техническим причинам. Линия «романтических отношений» с тех пор ни разу не появлялась в фильмах Д.Д.

В этой картине Д.Д. вновь погружает зрителя в ситуацию *отложенной катастрофы*. Но кардинально меняет локации — сельский топос на урбанистическую среду. Это история о Руслане, деревенском мужике средних лет, не слишком пробивном и недостаточно образованном. О его взаимоотношениях с матерью, которая постепенно теряет рассудок. Соседи вынуждают героя ухать из родного села: старушка Мария все чаще становится агрессивной, хватается за ружье. Ради лечения матери Руслан переезжает в Якутск, снимает жилье. Так лесоруб становится кочегаром. Деменция матери прогрессирует. Мария ведет себя все более странно: выбрасывает продукты из холодильника, мочится на пол, перестает узнавать сына. Тот безропотно сносит ее выходки, являя редкий пример любви и смирения. В краткий момент просветления, чувствуя, что теряет контакт с реальностью, Мария умоляет Руслана не оставлять ее на произвол судьбы. Нарушение слова (обета) приводит к беде. Однажды герой вынужден осознать: у него уже не хватает сил для должной заботы о матери. Сын помещает Марию в частный стационар. Ускользнув из-под присмотра медперсонала, старушка теряется в чуждых пространствах, замерзает насмерть где-то на городских задворках, на пустыре.

В «Нет бога, кроме меня» окончательно оформляется важный для авторской мифологии Д.Д. образ *героя как аутсайдера*, едва намеченный в «Костре на ветру». Руслан загнан в ловушку долга, всю полноту ответственности за близкого человека он вынужден взять на себя (ключ к названию фильма: индивид одинок перед лицом обстоятельств). Происходит инверсия стандартного симбиоза родитель — ребенок. Одинокому мужику не на кого опереться, помощи от окружающих он не ждет. «Конфуцианская» преданность матери разрушила брак Руслана. Возникает этическая коллизия: дети, оставшиеся с бывшей женой, отсутствие в их жизни отца имеют право истолковать как предательство.

Сам предмет рассмотрения диктует логику повествования, его стиль и тон. Исход событий предопределен заранее: излечить деменцию не способны ни доктора, ни шаманы. Неотчуждаемый фатализм влияет на жанровую природу картины: бытовая драма приобретает экзистенциальное измерение, в повседневной рутине проступают нежданно черты высокой трагедии. Герой проявляет титанические усилия, упрямо сопротивляясь диктату судьбы. Накал эмоций высок, но аффекты загнаны внутрь: мужчина не хочет выглядеть уязвимым. Жизнь ставит перед простым человеком коварный вопрос: нести тяжкое бремя или сбросить его? У этой бытийной задачи не существует единственно правильного решения[5].

3

В дебютном фильме Д.Д. снимал непрофессионалов. Второй строился на чутком дуэте актеров из труппы Саха-Театра — Петра Садовникова и Зои Багынановой. Третий опирается на индивидуальные качества исполнительницы основной роли — певицы Валентины Романовой-Чыскыырай, имевшей сценический опыт, но прежде не снимавшейся в кино. В следующих работах режиссер будет задействовать то натурщиков, то профессионалов, порой совмещая их в кадре — в зависимости от задач конкретного фильма, от того какую реальность воссоздает: рутинную повседневность или фантасмагорию.

Фильм «Пугало» (2020) принес Д.Д. общенациональный успех, получив главный приз на «Кинотавре» (ныне не существует, но в те времена считался главным артхаусным фестивалем России). Стоит отметить, что с этой — компактной и лаконичной — картины началось сотрудничество Д.Д.

---

[5] Развернутый анализ картины дан в статье «Перед лицом судьбы: «Нет бога, кроме меня»: Сергей Анашкин. Другие территории. М.: НЛО, 2024.

с товарищем, земляком, коллегой по ремеслу (уроженцем Амги) Степаном Бурнашёвым — именно он отвечал за монтажное решение фильма.

Снова — минималистский стиль, снова — драма одинокого человека, снова отсутствие хэппи-энда. Но «Пугало» — единственный фильм режиссера, где центральной фигурой становится женский персонаж. Аутсайдер принимает облик изгоя. При всем своем моноцентризме картина дает осязаемый срез повседневного обихода якутского села, нравов, причуд и предрассудков его обитателей. Деревенская знахарка по прозвищу Пугало (имя героини не произносится) ведет асоциальный образ жизни. Односельчане презирают вечно нетрезвую женщину, глумятся над чумазой алкоголичкой, а порой пускают в ход кулаки. Но если кого-то скрутила болезнь, за помощью отправляются именно к ней. Пугало обладает удивительным даром — способностью бескорыстной самоотдачи. Делясь с пациентом собственной жизненной силой, излечивает чужие недуги. Извлекает пули из тел, излечивает заикание, облегчает трудные роды, ставит на ноги лежачих больных. Ресурсы организма небезграничны, каждый лечебный сеанс истощает животворную энергию. Наступает момент, когда не действует и алкоголь — антидот от «притянутых хворей» и человеческой неблагодарности. Примечательно, что из всех односельчан Пугало общается постоянно только с двумя мужчинами. Участковый персонифицирует власть, он время от времени прибегает к услугам знахарки для решения «административных проблем». Кочегар пребывает в особом переходном пространстве — на стыке посюстороннего и потустороннего миров (вот почему Пугало прощается с жизнью именно в кочегарке).

Органика Валентины Романовой-Чыскыырай позволяет экранному образу сплавить эксцентрику и экспрессию. Незаурядная этнопевица известна тем, что, исполняя фольклорные напевы, балансирует на грани архаики и авангарда, прибегает к трансовым техникам (превращая сценические импровизации в экстатический акт). Для раскрытия сущности персонажа Д.Д. опирается на прием невербального монолога. Безумные танцы Пугала — это немой крик, способ выплеснуть накопившиеся эмоции и аффекты.

Стоит заметить, что после премьеры этой картины Д.Д. стал объектом хейта в социальных сетях, ревнители чистоты якутских традиций обвиняли его в неверной интерпретации тайных шаманских практик[6]. Важно иметь в виду, что фигура Пугала — не этнографический факт, а *конструируемый образ*. Главная героиня — знахарка, а не шаманка. Техника исцеления остается за кадром, ясно одно: Пугало практикует тактильный контакт с пациентом.

«Пугало» — метафорическое кино. Трактовать его можно как рассказ о непризнанном гении-нестяжателе, о самозабвенном творце-аутсайдере (жизнестроительство в стиле art brut). А можно увидеть в этой истории религиозный подтекст — напряженные размышления о «парадоксах святости»[7].

---

[6] Визуализация шаманских практик табуирована в якутском кино, что связано с особым, благоговейным отношением к «посланникам духов». Некоторые из них наделяются ореолом святости, после смерти возникает культ почитания сильных шаманов. Если шаман и появляется в кадре — то ненадолго, как второстепенный персонаж. Исключение — репрезентация «черных шаманов» в фильмах ужасов, где они становятся воплощением иррациональных сил. Зло пробуждается, если захоронение чудотворца было потревожено чужаками, мертвые изводят живых, вторгшихся в их владения. В подобных историях умерший шаман проявляет себя как зловещая сущность, вливается к категорию мстительных духов.

[7] Способ существования героини можно сопоставить (но не стоит отождествлять) с православным юродством: «Каждое общество рекрутирует себе в прокуроры такого сумасшедшего, который отвечает <…> его невербализируемому чувству вины / юродивый должен быть внешне еще «гаже» окружающего гадкого мира (он терпеливо сносит обиды и акты насилия. — *С.А.*) юродство <…> анонимная святость, раскрывающаяся лишь после смерти праведника». Сергей Иванов. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М. 2019.

Дар героини неотличим от проклятия. Д.Д. вводит в сюжет тему вины: знахарка некогда отказалась от новорожденной дочери, вот только и годы спустя не способна забыть о ней. Связь между получением чудесного дара и осознанной жертвой — уклонением от материнства — несомненна, но не совсем понятно, что здесь причина, а что следствие. Трактовать этот мотив можно двояко. Самоотдача Пугала — этическая компенсация, расплата за грех. Впрочем, велика вероятность, что отказ от ребенка был своеобразным актом любви — попыткой уберечь дочь от повторения собственной доли, от передачи наследнице тяжкого бремени *чудотворства*.

4

В «Нелегале» (2021) Д.Д. вновь обращается к опыту маргинализированной персоны, препарирует травму изгойства. Это история юноши из Кыргызстана, который приезжает в Якутию на поиски отца. Контакт с ним потерян. Принципиален возрастной статус центрального персонажа: подросток. Еще не взрослый, но давно не дитя. Случайный знакомый (что примечательно — бомж) произносит емкую фразу, звучащую как приговор: «Зря ты сюда приехал. Не твоя это земля».

Очевидна отсылка к реальным событиям — межэтническому конфликту, вспыхнувшему в Якутске в 2019 году. Катализатором антиэмигрантских настроений стало резонансное преступление: выходцы из Киргизии изнасиловали якутскую девушку. Тогда в обиход саха вошла обидная кличка «небратья», обозначившая подвижки в настроениях масс — разрыв с идеей единства тюркских народов, продвигавшейся официальным нарративом.

Тема бытовой ксенофобии у представителей коренных этносов табуирована политкорректным сознанием. Неприятие чужака трактуется как психологическая защита, ментальный барьер, необходимый для сохранения языка, культуры и генофонда. Примечателен в этом контексте триллер «Айта» (2022), где режиссер Степан Бурнашев обнажил «механизмы безумия», симптоматику массового психоза: деревенский люд, одержимый жаждой праведной мести, готов линчевать носителя иной идентичности за преступление, которого тот не совершал. Простейший способ потешить «внутренних демонов» — натравить их на чужака.

Д.Д. намеренно сгущает краски, изображая стигму отчуждения. Ксенофобия представлена в фильме не как социологический феномен, а как экзистенциальный вызов: мигрант — суверенная личность — отторгается коллективным телом старожилов. Автор лишает персонажей личных имен, но стирание антропонимов — не тотальное обезличивание, а способ усиления типизации. К тому же в начале картины — во время милицейской облавы — у основного героя отбирают удостоверение личности, паспорт Кыргызской Республики. В этот момент паренек превращается в нелегала. Без имени собственного и без прав, гарантированных законом.

Метажанр «Нелегала» — конечно же, роуд-муви, трактованное Д.Д. как путешествие души, становление — через страдание. Не только хроника путешествия из Якутска в отдаленный улус, но и жанровый серфинг, последовательная смена типов повествования. Начинается фильм как социальная драма об эксплуатации подневольного труда нелегальных мигрантов: герой попадает в рабство к авторитетному соотечественнику. Трансформируется в криминальный экшн: юноша чудом спасает жизнь во время бандитской разборки. Важно отметить, что кровавый конфликт — результат столкновения интересов этнических группировок, выходцы из армянской и киргизской диаспор делят сферы влияния в столице сибирской республики. Изрядный кусок экранного времени отдан автономной новелле — *истории выживания (survival film)*. Герой, переправившись через Лену (граница урбанистической и природной среды), бредет наугад по безлюдным пространствам. Преодолевает громадные расстояния, стоически переносит голод и холод. Одежда и

обувь снашиваются до дыр. Мучительный одиночный трип задуман автором как череда экстремальных аттракционов. Пиком трансгрессии в автономном *survival film* становится встреча киргизского нелегала с компанией сельских саха: путник просит еды, а получает в ответ оскорбления и побои. Наглядна эрозия этической нормы: отброшены не только законы гостеприимства, но и базовые императивы милосердия, сострадания, человечности.

Д.Д. прибегает к самоцитате, воспроизводит одну из фабульных линий «Костра на ветру». На помощь подростку приходит старый охотник, которого тот повстречал в лесу[8]. Так начинается новый рассказ, история о наставничестве. Одинокий пожилой человек берет на себя функцию заместителя отсутствующего отца. Приютив изгоя в своей избе, защищает от ксенофобных нападок соседей. Помогает чужаку примириться с *духами места* — через обряд кормления (в сакральных местах саха оставляют съедобные подношения). Выступает своеобразным проводником на пути к возрастному и ментальному переходу, инициации. Процесс преображения завершается сменой одежды, старик покупает юноше строгий костюм, отдает ему вещи, когда-то принадлежавшие сыну.

Этапы инициации — преодоление обстоятельств, пространства, невзгод, собственных страхов уязвимости тела и слабости духа — вот фабульный стержень картины. Сюжет о поисках отсутствующего отца обретает небытовые, мифологические подтексты[9]. Выдержав все испытания, молодой герой становится вровень с воображаемым (идеализированным) отцом, масштабом своей личности сын превосходит биологического родителя.

Нелегал находит отца в уединенном аласе, но воссоединение с родным человеком не влечет за собой счастливой развязки. Оно кратковременно, иллюзорно. У мужчины другая семья, двое мальчишек. Для пришельца нет места в тесном кругу. Супруга-якутка встречает пасынка неприветливо, настороженно, не признает равноправным братом своих сыновей.

Фильм завершается многоточием, открытым финалом. И развоплощением центрального персонажа — в последней сцене юноша выпадает из кадра, превращаясь из зримого индивида в ментальный фантом. Происходит смена объекта наблюдения: теперь в объективе камеры только отец. Мужчина — на крупном плане — дрожит от утреннего морозца, он погружен в свои мысли, игнорируя дискомфорт. Запечатлен скупой внутренний монолог, разговор с собой невербальными средствами (хотя невербальные монологи в «Пугале» были куда экспрессивнее). Максимальное приближение камеры в данном случае работает как барьер, защищающий право на личную тайну (приватность и субъективность). Безмолвие непроницаемо. Остается строить догадки: велика вероятность, что изъятый из кадра сын не исчез безвозвратно — обернулся внутренним голосом, неотвязным эхом растревоженной совести.

5

В названии фильма «Чума» (2023) различима отсылка к крылатой фразе «Чума на оба ваших дома!» (формула проклятия). Вероятно, это самая аскетичная драма Д.Д., единственная черно-белая картина в официальной фильмографии режиссера[10]. Оператор Данила Степанов создает самобыт-

---

[8] Играет его не профессиональный актер, а отец известного режиссера, Степан Бурнашев-старший.

[9] Метафорический образ отсутствующего отца напоминает фигуру отдыхающего божества африканских религий: создал мир, а потом отстранился от дел, стал безразличен к судьбам своих созданий.

[10] Стоит отметить, что «нулевой» фильм Давыдова «Топор» (2013) также снимался в ч/б, но тогда отказ от цвета был обусловлен скорей интуитивным решением, чем осмысленным концептуальным ходом.

ную версию «сурового стиля», опираясь на скупость и лаконизм изобразительных средств, самодостаточную графичность. «Чума» — чисто мужское кино об искушении миражом маскулинности. Женщины не появляются в кадре. С «Нелегалом» картину объединяет каркасный мотив: поиск отца как воплощения абсолютного авторитета и проверка на прочность собственной идентичности.

Герои картины — односельчане, соседи и, что примечательно, сверстники. Отцы — Иван и Влад — мужчины среднего возраста, их сыновья Тарас и Ким — подростки. Четко обозначен временной интервал — дни летних каникул. Проблемы с учебой и заботы о репутации в коллективе перестают быть актуальными для пацанов, приоритетом становится частная жизнь, домашний быт, повседневные трудовые задачи.

Очевидно несходство детей и родителей, несовпадение физических типов и психологических профилей. У Ивана — широкая кость, Тарас строен и худ. Влад — жилист, поджар, Ким полноват, «объемен». Иван покладист, старается по возможности избегать конфликтов, Тарас то и дело дерзит. Влад привык полагаться на грубую силу, используя агрессию как таран, Ким — интроверт, добродушен, склонен к эмпатии. Иван — вдовец, Влад разведен. Матери исключены из «маскулинной вселенной», а потому нельзя оценить их генетический вклад.

Велика вероятность, что на замысел фильма повлиял «информационный вброс»: в прессе и телевизионных ток-шоу рубежа десятилетий с навязчивой регулярностью повторялся сюжет о младенцах, которые из-за халатности медицинского персонала были перепутаны в роддомах. Непохожесть сыновей на отцов наводит на мысль о подмене младенцев. Но, заронив зерно подозрений, Д.Д. предпочитает уклониться от предъявления веских улик и от окончательного вердикта.

Различие темпераментов и установок ведет к разладу в линейных парах. Влад раздражен мягкотелостью отпрыска, Тарас стыдится отца-слабака. Тинэйджеры ощущают себя аутсайдерами. Внутрисемейный конфликт разрешается через обмен отцами: оба подростка принимают авторитет того из мужчин, кто ближе по складу характера. Триггером для корректировки статусов становится акт насилия. Влад жестоко избивает Ивана, а тот не дает отпора агрессору, не пытается оказать должного сопротивления.

Тарас принимает сторону победителя, добивается расположения Влада — и покидает отцовскую избу. Немало экранного времени отдано демонстрации трудовых процессов: взаимодействию в них взрослого и подростка (починка техники, заготовка дров). Тарас намеренно не исполнял поручений Ивана, но готов вкалывать в поте лица, дабы снискать одобрение Влада. Чужак пробует подчинить себе волю Кима, вытеснить наследника из родных стен. Напрашивается фольклорная параллель — *приемыш* действует как *подменыш*. Нежить в быличках намеренно занимает место живого. Ким сопереживает Ивану: незлобивый, работящий мужик, уникальный лодочный мастер. Подросток готов переселиться к нему, чтобы найти у соседа убежище от абъюза.

Иван стремится вернуть сына домой — уговоры не действуют. И тогда мужчина хватается за ружье. Терпение лопнуло, он больше не может сдерживать ярость, «зверя в себе».

На глазах у подростков происходит распад устоявшейся оппозиции: жертва/агрессор. Иван, долго не прибегавший к насилию, одолевает альфа-самца. Влад позорно капитулирует.

Замыкается драматургический круг: история начинается и завершается вспышкой жестокости. Стоит иметь в виду: злодеев в этом кино нет. Персонажи действуют в рамках расширенной маскулинной нормы. Агрессия, скупость эмоций, стремление к доминированию дозволены и легитимны. Конфликты решаются натиском. Проигравшим в агоне считается тот, кто показал слабину, сдался.

Д.Д. испытывает на прочность житейскую мудрость «родителей не выбирают». Фигура *отца по выбору* не оправдывает себя. Тарасу приходится пережить обнуление идеала — деконструкцию маски брутального лидера (авторитетного и авторитарного). Ким теряется в серой зоне — между смирением и нахрапом, этикой непротивления и пафосом нетерпимости. Открытый финал тревожен, камера фиксирует невербальный посыл: немой крик в глазах пацанов, стигму отчаяния…

Д.Д. смог собрать органичный ансамбль, соединив в «Чуме» опытного актера (Георгий Бессонов) и самобытных натурщиков, подростков и взрослых. Секреты его режиссерских техник мне неизвестны. Ясно одно: автор не потакает артисту и типажу, он стремится раскрыть их внутренние резервы.

Смена маршрута

В следующих работах Д.Д. («Песни лета», «Граница», «Прозрачные земли») обозначилась смена жанровой парадигмы. Отбросив каноны высокой драмы, режиссер обратился к опыту массового кино — хоррора и комедии. Переходным звеном в трансформации приоритетов оказалась эпатажная «Молодость» (2022): фильм гибридного типа, стыкующий жанры и стили. Дрейф — от трагикомедии к параду абсурда.

Название фильма восходит к названию песни: «Эдэр саас» («Молодость»). Культовая в Якутии группа «Хардыы» («Шаг») играет сермяжный деревенский панк-рок, сырой и драйвовый. Искренность тут неотделима от стёба. Нет случайности в том, что фильм начинается и завершается танцами в клубе, сельский люд «уходит в отрыв» под музыку группы «Хардыы». Саундтрек из шести номеров не просто маскирует смысловые пустоты, он работает как самостоятельный нарратив — иронический комментарий к повествованию[11].

Логику фабулы определяет формула *возвращенческого кино* — «где родился, там и пригодился». Автор, однако, меняет коды, изымая благополучный финал. Релоканта подстерегает подвох: запечатленный памятью хронотоп расщепляется. Пространство осталось все тем же, а прежнее время безвозвратно ушло. Молодость миновала.

Сельская повседневность представлена в этом кино как пространство абсурда. Малолетки перенимают повадки прожженных шлюх. Стаи детин утюжат округу, ищут, кому бы намять бока. Дежурный мент в назначенный час сгоняет в кутузку всех, кто попадется под руку, без разбора, без повода, без вины. А мужики — как ни в чем не бывало — опять приходят курить к нему на крыльцо. Единственным носителем здравого смысла в округе оказывается участковый. Именно он, а не глава поселения обладает реальной властью, и только он соглашается помочь чужаку[12]. Два полицейских представляют различные лики контроля — патернализм и произвол.

Васька — комический неудачник, лузер, обреченный на проигрыш еще до того, как вступил в игру. Не трикстер, а недотепа, простак (тот, кто получает пощечины)[13]. После двадцати лет отсутствия он возвращается в родное село, куда не приезжал даже на похороны родителей. Мужчина покидает городские пространства под напором житейских проблем: неустроенность личной жизни, безденежье (алиментщик), крах тщеславных амбиций, кризис среднего возраста.

---

[11] Саундрек доступен в сети: https://vk.com/music/playlist/-25115900_11_e7bf241c53675ccad1.

[12] Сходную функцию выполнял участковый из «Пугала».

[13] Трагифарсовый персонаж во многом напоминает непутевого и неустроенного собрата из «нулевого» фильма Д.Д. «Топор», где режиссер попытался смешать разнородные жанры: комедию с драмой.

Он поселяется в пустовавшей родительской избе, устраивается кочегаром в сельскую котельную. Кочегарка — локус контролируемого огня, который примечателен своей переходностью. Мир духов и первородных стихий встречается здесь с миром людей, культурное сталкивается с природным. В параллельной реальности *пограничья миров* трусоватый герой прячется от невзгод, бытовых неприятностей и пацанских разборок. Кочегарка уже возникала в фильмах Д.Д. («Нет бога, кроме меня» и «Пугало»). Вероятней всего, превратив ее в знаковый локус, режиссер отдавал дань уважения Алексею Балабанову и экранной мифологии «Кочегара» (2010)[14].

Родичи и соседи не признают Ваську за своего, сельский люд отторгает пришельца. Он и сам чувствует отчужденность. Вводится важный для интерпретации фильма мотив стирания памяти (фильтр забвения — как аналог деменции). Василию трудно припомнить тех, с кем когда-то жил бок о бок. Индивид, страдающий амнезией сопричастности, сам, не желая того, превращается в лишнего человека.

Показателен микросюжет с привязчивым мужичком. Незнакомец просит (скорей канючит, чем требует) возвратить мотоцикл: Васька будто бы одалживал байк, взял покататься после школьного выпускного. Герой не опознает собеседника, а зритель не получает возможности вглядеться в его лицо — сцена снималась на общем плане. Происходящее напоминает галлюцинацию. Лишь ближе к финалу Васька припоминает, где стоит искать чужой мотоцикл.

Тлеющий до поры конфликт местных и постороннего разрешается радикальным маневром. Кто-то из враждебно настроенных односельчан поджигает избу Василия. Сцена пожара метафорична. Группа равнодушных зевак наблюдает за буйством огня — будто это занятный аттракцион. Соседи и не пытаются укротить разрушительную стихию, погорельцу они помогать не хотят.

Одинокий мужик попадет в западню обстоятельств, у него остается только два выхода из житейского тупика — сгинуть в родных краях или вернуться туда, откуда приехал. Д.Д. задает нестандартную цепочку ассоциаций, тип аутсайдера обрастает дополнительными характеристиками. Васька не просто никчемен — он одиночка, неудачник, чужак (чужой среди своих), посторонний (таковым себя ощущает), лишний человек (в гомогенном сообществе). Отрезанный ломоть к буханке не прирастет.

Дополнительные смыслы привносят в картину самоигральные вставные номера. Режиссер появляется на экране в ироничных камео. Он откровенно дурачится, представая в обличье местного бизнесмена — героя рекламных роликов кабельного ТВ. Владелец магазина «У Димы» предлагает сельскому люду то парики («на любой вкус»), то целебный настой («от всех болезней») и, похоже, прогорает снова и снова. Режиссер пародирует собственный статус: вместо демиурга-творца — нелепый торгаш, незадачливый коробейник, реализующий неликвиды.

Имеется в фильме также отсылка к иллюзионистской природе кино. Старший кочегар, увлеченный «искусством ловкости рук», устраивает представления для подчиненных. На глазах у озадаченных мужиков фокусник извлекает кролика из цилиндра. Рукотворная магия, престидижитация, игры иллюзий — предтечи стандартных кинематографических техник. Парадоксальный, сбивающий с толку трюк — перекидные мостки от фокуса к гэгу.

Гэг в свою очередь соединяет разнородные жанры: смех и страх. Между пугающим и комичным существует глубинная взаимосвязь — через посредство эксцентрики и экспрессии. Комедийный гэг, помещенный в зловещий контекст фильма ужасов, провоцирует шоковую реакцию, запрограммированный испуг.

---

[14] Напомню, что центральную роль в «Кочегаре» сыграл якутский актер Михаил Скрябин.

Лесная трилогия. Единство несходного

Дмитрий Давыдов никогда не заявлял, будто фильмы «Песни лета» (идиллия), «Граница» (кошмар) и «Прозрачные земли» (стык фарса и эпоса) образуют единый цикл. Объединение их в «Лесную трилогию» — решение интерпретатора, киноведческая гипотеза. Природные топосы противопоставлены тут пространствам, освоенным человеком. Чащобы из реальных экосистем — где сельский люд валит деревья, заготавливает дрова — превращены режиссером в волшебные, магические миры. Фабулы трех картин опираются на общую сюжетную схему (мифопоэтическую матрицу), но при этом исходный каркас обрастает разными смыслами.

Точка на карте — жилье на отшибе. Уединенный алас, а может быть, заброшенная деревня. Вольница, где не довлеет прессинг общественных норм, или ее перевертыш — ловушка, «осажденная крепость». Сам локус присваивает черты, присущие аутсайдеру.

Обязательно появление чужака, потустороннего гостя. Насельники сами вводят пришельца в личную зону комфорта, в обжитой микрокосм. Тот становится тенью основного героя, проекцией подсознания — помощником, наставником, утешителем или демоном-искусителем. Результатом контакта с неведомой силой становится инициация персонажа (в расширенном понимании термина) — переход из одной возрастной или статусной группы в другую.

Фильмы объединяет единый визуальный мотив: хоровод. Зримый образ единения двух миров — потустороннего и посюстороннего, связи времен — прошлого и настоящего. Автор намеренно размывает этничность, объединяя в кадре приметы различных культур. Натурщики облачены в фантазийные костюмы, их наряды выполнены в стилистике *fusion, дизайнерского этнофутуризма*. Вставные танцы и дефиле — вольно или невольно — вызывают ассоциации с архаическим жанром феерий: с «рукотворными чудесами» и «прирученным эротизмом» Жоржа Мельеса и других пионеров немого кино.

***

У персонажей «Песен лета» (2022) нет личных имен. В титрах значатся: Парень, Мужик, Старик. Стандартный сюжет о взрослении — «как я провел это лето» — переосмыслен: озорство смеховой стихии соседствует тут с мифологическими подтекстами.

Городской подросток приезжает на каникулы к деду — родители отсылают сына подальше от дома. Чудаковатый старик обитает в сезонном жилище (летник, сайылык) на границе природного и обжитого миров. Уединенный алас находится вне пределов деревни, но досягаем для гостя извне — упорного пешехода, мотоциклиста или же тракториста. Дед поручает внуку ответственное задание: возвести новый сортир, выкопать яму, соорудить кабинку[15]. Временного отрезка хватает на то, чтобы начать и закончить работу. Герой успешно проходит закалку трудом. Такова бытовая канва истории.

Обиход обитателей летника остраняет забавная мистика: на чердаке сами собой появляются яйца, хотя несушку не видел никто. Присутствие благожелательного фантома выдают только кудахтанье да звуки возни. Но настоящие чудеса начинаются с явлением Мужика. Дед и внук находят в траве обнаженного незнакомца европейской наружности, чужак поселяется в доме, делит с ними нехитрый быт. Мужик становится для подростка ассистентом, проводником: помощником в делах, товарищем в играх, конфи-

[15] Сходство сюжетных реалий с системой топосов и функций действующих лиц, описанных Владимиром Проппом («Морфология волшебной сказки»), представляется мне неслучайным.

дентом в сердечных делах. Он не поучает, а соучаствует в возрастном переходе. Исполнив свой фабульный долг, Мужик исчезает — просто прыгнув за кромку кадра.

Изъясняется он на тарабарском наречии, в котором ухо со временем опознает особый, производный от русского, «детский язык». Говорящий, используя определенный код, маскирует исходное слово добавлением лишних слогов[16]. Хозяева общаются с Мужиком на якутском.

Парень, Мужик, Старик представляют не просто разные поколения — совокупную личность мужчины. Триединство героев отсылает к опыту классической живописи с ее специфическим типом (авто)портрета — «Три возраста». Дед определяет правила жизни в суверенном пространстве. Мужик перекодирует их для подростка. И все же незыблемой иерархии в этой компании нет. Каждый из основных персонажей — на поверку — недостаточно взросл и точно уж несолиден. Старик частенько неотличим от расшалившегося мальчугана. Вдали от придирчивых глаз земляков герои вольны поступать так, как сочтут нужным, им дозволяется нарушать общественные предписания и поведенческие запреты. Дед варит забористый самогон (в гиперболизированных количествах). Мужичок и тинэйджер не упускают шанса, употребив дармовой алкоголь, потусоваться с потусторонними существами.

Режиссер предпочитает использовать невербальные средства коммуникации. Вместо развернутых диалогов — краткие реплики, междометия или универсальная лексика тела: мимика, жесты. Вводя в фильм приемы клоунады и хореографии, Д.Д. заставляет экранных актантов действовать иррационально: скоморошествовать, самозабвенно валять дурака. Комизм ситуаций задается эксцентрикой, а «пространство эксцентрики» возникает из наложения двух автономных моделей. Вкрапления пантомимы, снятой одним куском, отсылают к опыту площадного театра. Череда энергичных фрагментов, выстроенных при помощи короткого монтажа, — к раннему кинематографу (жанру Комической). Юмор в «Песнях лета» абсурден, порой скабрезен, ориентирован на низовые жанры смехового фольклора: небывальщины, нелепицы, перевертыши. Показательна сцена, где обнаженные взрослые — Мужик и Старик — для рыбной ловли используют пенисы вместо снастей.

Итогом «лета взросления» должно стать созревание юноши. Заключительному этапу — сексуальной инициации Парня — предшествует протяженный вставной эпизод: магический дивертисмент, мистическая феерия. Меняются не только темпоритм и стилевой строй повествования, происходит трансфигурация центрального персонажа — через переход от линейного, обиходного времени к циклическому времени обряда и мифа. Паренек вовлекается в ритуальные игрища духов. Д.Д. не стремился реконструировать некий аутентичный обряд — группы статистов весьма разнолики: азиатские лица соседствуют с европейскими, есть даже темнокожая девушка. Тем не менее у всенощного действа с эротической подоплекой имелся этнографический прототип. Режиссер заимствует саму матрицу купальских празднеств, неотделимых от летнего солнцестояния, маркирующих астрономический пик — макушку лета[17]. В процессе обрядовых игрищ взаимо-

---

[16] Детские языки — «<…>языки, которые создаются на основе общеупотребительного языка взрослых путем включения в нее (основу) искусственно составленных добавлений в виде слогов или заумных слов». Георгий Виноградов. Детские тайные языки, в кн. «Русский школьный фольклор». М., 1998.

[17] Купальские празднества, — достояние многих евразийских культур. Вспоминается «Сон в летнюю ночь» Шекспира, где действие приурочено к Иванову дню. В «Песнях лета» заметны временные и пространственные переклички с магическим хронотопом шекспировской комедии.

действуют силы природных стихий — огня и воды, женское и мужское начала. Стоит иметь в виду, что «лесные духи» в этой феерии — не локальные *хозяева места* вроде якутских иччи (как может показаться вначале), а образ мифологических универсалий — воплощения сил фертильности и витальной энергии. Парень находит избранницу в мире потусторонних существ. Девушка-дух поначалу отвергает ухаживания, а потом сама приходит к людскому жилью. Логика мифа осуществляется в личном выборе персонажей. Итог романтическим приключениям Парня подводит ехидная реплика деда: «Ты где шлялся ночью, где штаны потерял?»

***

Прежде чем приступить к разбору фильма «Граница», стоит упомянуть о производственных перипетиях, повлиявших на результат. Дмитрий Давыдов впервые забрел на территорию продюсерского кино, утратив полноту контроля над творческим процессом. За проект отвечал московский продюсер Анатолий Сергеев[18]. Он принял весьма спорное решение — снимать кино на усредненном, лишенном локальных примет английском. Ставка делалась на зарубежный прокат и цифровые платформы. Режиссеру пришлось преодолеть сопротивление материала, чтобы сохранить собственное лицо. Натурные съемки проходили в 2022-м, но фестивальная премьера была отложена до 2025 года. Существуют две инкарнации фильма: оригинальная версия под названием The Fence и вторичная деформация, вариант, прошедший через фильтр русского дубляжа, — «Граница». Хронометраж не совпадает, прокатная копия короче экспортной на десять минут (за счет сокращения диалогов и эротических сцен). Качество русского дубляжа вызывает серьезные нарекания: нюансы отброшены, интонации спрямлены, эмоции дикторов — трафаретны. Из-за несовпадения длительности слов реплики превращаются в смысловые обрубки (так по-русски не говорят). В речевой партитуре экспортной версии очевидна динамика — эмоциональные всплески и паузы, интонационные переходы, экстремальная драматургия чувств. При анализе фильма я предпочту обратиться к англоязычному варианту, считая, что авторский замысел в нем передается полней. Важно иметь в виду, что слова, вынесенные в названия («Граница» и The Fence), не являются полными синонимами. Первое определяет «переходную зону», второе — «физический барьер», преграду, разделяющую миры: посюсторонний и потусторонний.

Место действия сходно с сеттингом «Песен лета»: уединенный алас. Человеческому жилью противопоставлен таинственный мир природы. Но лес из обиталища благожелательных духов превращен в вотчину агрессивной нежити. Основные герои — линейная пара, Отец и Дочь. Этническая принадлежность не уточняется, для внешнего потребителя важней европейская внешность. Будем считать их русскими (по умолчанию). Сорокалетний мужчина — дауншифтер из мегаполиса, вероятней всего, прибывший в Якутию осваивать «дальневосточный гектар». Дочь-подросток, которая после развода осталась жить с матерью, отправлена в дальний край на время летних каникул.

События принимают неожиданный оборот, когда девочка совершает бессмысленный акт жестокости. Убивает собаку, стремясь доказать отцу свою самостоятельность, заслужить одобрение. Ее подводит подростковый максимализм: героиня считает, что путь к обретению силы — в преодолении слабости (жалости, сострадания). Дочь нарушает табу, грех ведет к ката-

[18] Анатолий Сергеев — уроженец Якутии, этнический сахаляр, один из пионеров якутского хоррора. Постановщик локальных хитов «Тропа смерти» (2008) и «Тропа смерти 2: Искупление» (2009). В начале 2010 года перебрался в столицу, где основал компанию «Кинологистика».

строфе. Обжитое пространство теряет защитника. Пес, согласно воззрениям традиционных культур, способен чуять и распознавать нежить.

Мужчина приводит в дом незнакомку, женщина будто бы заплутала в лесу. Гостья пытается соблазнить Отца. Хозяин не сразу осознает, что пригласил в дом опасного духа. Подол удлиненного сарафана скрывает приметы потустороннего существа — звериную шерсть на ногах и копыта. Герой выставляет нежить за дверь. Но граница перейдена, барьер уже проницаем — у обитателей летника больше нет шансов предотвратить конфронтацию с духами леса. Агрессивные твари терроризируют чужаков, ночною порой атакуют людское убежище.

Дочь поражает странная хворь — подобие скоротечной гангрены. Сначала ладонь покрывается язвами (похожими на собачий укус), а потом губительная зараза распространяется по всему телу. У больной просто не остается сил на сопротивление супостатам.

Отец готов сдаться на милость разгневанных духов. Сам приходит в лесные чащобы — в надежде перенести проклятие на себя. Потусторонние силы не дают обещаний, вербальная логика замещается действиями. Гиноморфные сущности вовлекают его в таинственный обряд[19]. Мужчина принимает ритуальное посвящение — через церемонию помазания: лицо человека покрывают субстанцией, напоминающей грязь или слизь.

Возвратившись домой, Отец находит Дочь почерневшей, без видимых признаков жизни. Мужчина хватается за топор. Но не просто совершает акт эвтаназии, сублимирует отчаяние и злость, а кромсает бездыханное тело — будто маньяк из слэшера (изображение при этом строится деликатно, «терзаемая плоть» вынесена за рамку кадра).

Раскопав захоронение пса, мужчина вгрызается в мертвечину. Маскулинная самость и суть наполняются первобытной — дочеловеческой — силой. В глазах Отца загорается хищный огонь. Он в буквальном смысле теряет человеческий облик. История закольцована — фильм начинается с убийства собаки, совершенного девочкой по недомыслию, а завершается устранением Дочери, причащением разложившейся плотью пса. Видимая мораль: не доверяйся нежити — завладеет твоим естеством, не только остовом, но и духом.

Практик «пугающей литературы» Стивен Кинг предложил в свое время трехчастную классификацию манипулятивных аффектов: «на высшем уровне — чистый ужас (Terror), под ним страх (Horror) и ниже всего — тошнота отвращения (Revulsion)»[20]. Важно иметь в виду, что в английском и русском контекстах смысловые поля совпадают не полностью. Terror — скорее не «ужас», а «саспенс»: предчувствие дурного, ожидание худшего, ощутимая, но не явленная угроза. Horror не просто страх, а реакция на активные действия антагонистов, атакующих жертву, на террор неких внешних сил. Revulsion — отвращение через шок (эмоциональная база для слэшеров). Д.Д. использует иерархическую структуру как модель нисходящей трансгрессии — от культуры к природе (инстинктам).

The Fence — наглядный пример того, что сюжет в кино не всегда тождественен фабуле. А зазор между ними создает напряжение смыслового поля. Конструкция тут опирается на контрастные пары: внутреннее/внешнее, чужеродное/коренное, мужское/женское, люди (с европейской внешностью)/духи (с азиатскими лицами). Но в трактовке событий автор уходит от жесткости оппозиций: размывает границы между нормой и девиацией, между благом и злом. Бинарность замещается амбивалентностью.

Режиссер отступает от «золотого правила» фильма ужасов — ребенок обязан спастись. Дети умирать не должны, погибать полагается взрослым,

---

[19] Мистерии самочных духов — аналог эротических игрищ из «Песен лета».

[20] Стивен Кинг. Пляска смерти (1980).

самоотверженно вставшим на защиту потомства. Но такое режиссерское решение перестанет смущать, если принять во внимание переходный статус девочки-подростка. Организм Дочери претерпевает физиологические метаморфозы, расстается с допубертатной нейтральностью, входит в пору фертильности. Ее пробудившийся эротизм становится для Отца этическим раздражителем. Примечательна сцена, где нежить принимает облик Дочери, чтобы подвергнуть героя сексуальному искушению: пацанка трансформируется в нимфетку. История противоборства с потусторонними силами превращается в миф о глубинных конфликтах мужского сознания: о борьбе внешних и внутренних демонов, о преодолении плотских соблазнов (инцестуозных, в том числе). Д.Д. предлагает зрителю идентифицировать себя не с жертвой (Дочерью), а с Отцом — двойственным персонажем, воплощением морального неуюта. Герой проходит путь мучительных метаморфоз — к трансфигурации сущности.

Revulsion (отвращение через шок) возникает в данном контексте как реакция наблюдателя на психологические перегрузки, на финальный экстрим. «Граница» во многом тяготеет к логике монофильма. Вячеслав Шатненко, русский театральный актер, живущий в Якутии, смог сделать своего персонажа энергетическим центром картины. Создать неканонический образ брутального мужика, провокативный характер-трансформер. Фильм завершается танцевальным перформансом, невербальным монологом Отца, триумфом раскрепощенной телесности. Вне семейных уз и общественных пут мужчина обретает абсолютную самодостаточность. Превращение в *дочеловека* возвращает герою его подлинный облик, истинное лицо. Восстанавливает утраченное единство первородных начал: звериного и людского[21].

***

«Прозрачные земли» (2025) — первый стопроцентно русскоязычный фильм Д.Д. и первый его проект, осуществленный вне пределов Якутии. Натурные съемки проходили в Тверской области, за процесс производства отвечали продюсеры из Москвы[22]. Мне неизвестна авторская трактовка заглавия. Нахожу в нем смысловую рифму к названию предыдущей картины, образ проницаемости миров. Сверхъестественного и бытового.

Автор создает повествовательную иллюзию, интегрируя в нарратив приемы различных жанров. Берет за основу канву фильма ужасов — мотив осажденной крепости. Пропускает фабулу через фильтр эксцентрики — комедии о деревенских чудаках. И в итоге выводит кино на уровень экзистенциальной драмы — о неизбежности жизненного финала. Умудрившись при этом сохранить цельность замысла: магический реализм.

Основные герои картины — три старика. Последние обитатели заброшенной русской деревни. Теплят нехитрый быт, помогают друг другу выжить. Вместо паспортных именований используют свойские прозвища. Эта троица воплощает фольклорный тип мужика-деревенщины. Блоха — храбрей, Вячка рассудительней, Михась простодушнее (хоть и себе на уме)[23]. Ночью к людскому жилью приходит из леса медведь-шатун, лютый зверь не дает старикам покоя.

---

[21] Сюжет поддается интерпретации через призму языческого (небинарного) восприятия мира. Уместны параллели с индуистскими представлениями о замутненном сознании: Человек не осознает, что объединяет в себе хищника и жертву: ест и будет съеден. Чистого зла не существует, а фигуры, которые будто бы репрезентируют его, на самом деле — фрагменты единой сущности. «Жизнь питается жизнью. Каждый является частью Бога». Девадатт Паттанаик. Индийская книга мертвых. М. 2024

[22] Кинокомпания «Переворот», продюсеры Александр Хант и Максим Добромыслов.

[23] Антропонимы могут быть производными как от имен, так и от фамилий героев.

Если два предыдущих фильма были скорей атопичны — действие происходило в *безместье* («где-то в Якутии»), то среда обитания персонажей «Прозрачных земель» намеренно анахронична. Обиход и наряды героев — *безвременны*, будто переместились в кадр с полотен передвижников, запечатлевших крестьян 19-го столетия. Из примет современности — только консервные банки. Старики собирают из них гирлянды, используют как шумовой инструмент, призванный отпугивать хищника.

Д.Д. вводит в рассказ нового персонажа, во многом сходного с чудным Мужиком из «Песен лета». В титрах тот обозначен как Парень. Старики извлекают из проруби заледеневшего чужака: собрались хоронить мертвеца, а тот, оттаявши, ожил. Стоит иметь в виду, что река — классический троп *порубежья*. Летом — естественная граница между деревней и лесом. Зимой заледеневший поток перестает выполнять защитную функцию. Вода сохраняет при этом статус посредника-медиатора между двумя мирами — посюсторонним и потусторонним.

Гость — фигура трансграничная. Он явно завис между возрастными характеристиками. Ребяческий ум, невнятная речь. Выглядит как новичок, что пытается вживаться в заемное тело, будто разнашивает костюм с чужого плеча. Старики передают постояльца друг другу, из избы в избу. Присутствие Парня нарушает размеренную рутину.

Перед тем как исчезнуть, благодарный мертвец (а может быть, благожелательный дух, присвоивший корпус покойника) дарит хозяевам шанс снова распробовать вкус жизни. Ставит закваску, выпекает свежий хлеб (старики о таком позабыли). Затевает ребячьи забавы — что проясняет истинную природу мужских персонажей: Вячка, Блоха и Михась не мудрые старцы, а постаревшие, но не повзрослевшие деревенские шалопаи. В награду за добрый нрав, за бескорыстие, за гостеприимство Парень приносит редкостный дар: мгновения счастья и благодати. Но волшебное существо не способно избавить людей от смертельной угрозы. Задачи дарителя и защитника не совпадают.

Враждебную силу олицетворяет медведь. Зверь абсолютно неуязвим, против него бессильно оружие: берданка, вилы, топор. Согласно воззрениям традиционных культур (русская — не исключение), фольклорный Ursus — не просто репрезентация биологического объекта, а многосоставной образ, статусный мифотип. Хозяин леса, который способен выступать как антагонистом, так и помощником человека. А возможно, он и сам — почти человек (мужик, обращенный в животное, или, напротив, тотем, первопредок двуногих).

В «Прозрачных землях» шатун не просто смертельно опасный хищник — пришелец из параллельной реальности. Посланец мира природы, что живет по своим суверенным законам, отличным от норм гуманистической этики, пространства, где верховодят не энтропия и хаос, а соподчиненность иного порядка. Велика вероятность, что агрессия зверя — воздаяние людям за нарушение каких-то поведенческих табу: провинность или оплошность[24].

Чудовище, наводящее ужас на стариков, так и не появляется в кадре. Угроза (Terror по Стивену Кингу) остается незримой, не явленной, нематериальной. Режиссер прибегает к излюбленным им тропам — часть вместо целого: звук вместо визуального образа. Такой повествовательный трюк

---

[24] Режиссер не дает явных улик, но на мысль о нарушении сакральных табу наводит явное сходство Modus operandi агрессивного шатуна из фильма и Хозяина леса из сказки «Медведь — липовая нога». Фольклористы выделяют «мотив “проведения” через медведя промысла Божия, возможно осуществление при помощи медведя божеского наказания человека за его грехи — его гибели в результате столкновения схватки с медведем». Г. В. Афанасьева-Медведева. Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири. Иркутск, 2018.

имеет очевидные параллели в ритуальных практиках архаичных культур: священного зверя нельзя называть по имени, его номинация запрещена.

Первым погибает Блоха. Он в одиночку уходит в чащобы, чтобы дать агрессору достойный отпор. Двое других стариков пытаются выбраться из заколдованного пространства. Переборов затаенные фобии, они ищут проход в большой обжитой мир. Возникает формальная перекличка с постапокалипсическими сюжетами: неизвестно, а жив ли хоть кто-нибудь за стеной бурелома. Исход предрешен: задрав Вячку, зверь смертельно ранит Михася. Перед кончиной комичные деревенские мужики проявляют нежданную доблесть: они уже не боятся неведомой силы и не хотят убегать от судьбы. Происходит акт внутренней трансформации (нечто вроде финальной инициации) — принятие смерти излечивает героев от первородного страха.

Истекающий кровью Михась идет на звук деревенского праздника. Сцены масленичных гуляний явлены в зачине и в финале картины, закольцовывают сюжет. Обрядовые игрища маркируют границу времен, предваряют начало очередного природного цикла. В «Прозрачных землях» масленичные гуляния становятся воплощением идеализированного бытия, ностальгии о давней юности, образом коллективного тела. В экстатической пляске сходятся души умерших односельчан: единство своих — в нездешней реальности.

В кадре при этом соседствуют приметы разных культур. Колеса на палках — атрибут южнорусской традиции, антропоморфные личины — отсылка к древней пластике обских угров. Строгий аутентизм замещен условностью синтеза.

Всякий оригинальный автор — вольно или невольно — привносит в свои работы сокровенные смыслы. Режиссерская мифология не всегда является результатом сознательного конструирования, не всегда соотносится напрямую с фактами биографии. Чаще она прорастает из «подсознания текста», из переклички фабул и тем. Д.Д. из фильма в фильм рассказывает истории об аутсайдерах, о конфликте индивида и социума. В каждой новой работе исходный мотив подвергается негаданной трансформации. Творческая реальность его картин парадоксальнее и объемнее, чем автофикшн или игра с концептами. Дмитрий Давыдов создает универсальный миф.

ДО ВЕСНЫ В МАТЕРИНСКОЙ УТРОБЕ

Константин Куприянов. Помолвка: Роман. — М.: Стеклограф, 2026.

Писатель, лауреат премии «Лицей» Константин Куприянов в новом романе остаётся верен уже знакомой читателям манере: хемингуэевская «рубленая» проза, множество глаголов, а в отношении стиля — бытописание, своим депрессивным (но не апокалипсическим) настроем напоминающее о «Постороннем» Камю и вообще «нулевом письме», по Барту; из наших современников не может не вспомниться Роман Сенчин. (Хемингуэй вообще служит для этой книги важным смысловым паролем — в одной из начальных сцен романа герой прижимает к груди «Фиесту», её же переписывает искусственный интеллект.) По жанру перед нами — постантиутопия, соединяющая современный контекст и тревожный прогноз о будущем, говорящая о человеке перед лицом мирового апокалипсиса и заостряющая эти проблемы внутри индивидуального авторского мировидения. Роман написан просто и доступно, в то же время есть «скрытая» техника и «скрытое» новаторство в рифмах, пронизывающих повествование на уровне ассоциативной логики; чего нет здесь — прямых ответов и деклараций. Этот роман, как всякая хорошая проза, «не лекарство, а сама боль», если вспомнить формулу, восходящую к Герцену. Такое сочетание стилевой простоты и актуальности делает «Помолвку» обязательной для прочтения — а отклик на мысли, тревожащие современного человека, вкупе с остросюжетностью заставляют внимать повествованию неотрывно.

Итак, на дворе 2030 год. «Даром что шёл две тысячи тридцатый, и мир был просвечен камерами, обсуждён и исследован со всех сторон — нарратив стал казаться смутным и заблудшим в отсутствие иерархий и выправляющего всё потока...» Россия наконец-то входит в эпоху относительного благополучия, но зловредный ИИ подменяет всё — вплоть до информации в Википедии. Всё это подмечают университетский преподаватель Глеб и его ученики. Переписанные фрагменты сетевых страниц, намеренно выключаемые во время разговоров телефоны, страхи — таковы приметы текущей жизни, хотя в романе Куприянова она порой сведена к рутинным действиям, а техногенная реальность, напротив, выпячена и прогностически зловеще абсурдизирована: «По-прежнему замечал, что информация меняется. Сравнивал по “Фиесте” у себя на полке и “Фиесте” на сайтах скачивания книг, купил даже несколько электронных версий, включая одну на английском. Ошеломительный вывод: текст в сети менялся. Целыми фразами выламывали текст Хемингуэя и вставляли свой. Сущностно как будто сюжет тот же, но нет-нет, да и проскочит чуждое словечко или строчка диалога переписана под повесточку... Как будто в знакомую рощу забрался зубастый оборотень, прячущий злую ухмылку, притворяющийся своим...».

Индивид здесь противостоит технике нейросетей с её расчеловечивающей и обезличивающей подменой. Но книга Куприянова — не проповедь, не очередное «мы умрём». В ней есть «лампада и тайный свет» — возможно, ещё более усиленные на фоне основного «техногенного» сюжетного вектора. Есть рефлексия о сущности учительства, о спасении и предназначении. И

есть беспощадная правда о времени: «Становишься взрослым такой ценой, чтобы понять: время — бог. Оно не терпит торговли и оставляет после себя лишь неудобство и огрубевшую кожу. Неудобство, неудовлетворённость, огрубевшая кожа и душа без подпорок». Куприянов работает с приёмом неочевидного синтаксического параллелизма, умея выстраивать тонкие ассоциативные ряды, рисуя контрасты — между, к примеру, «жёлтыми страницами книги» как метафорой вечности и сжигающим пламенем:

«И казалось, благодаря старым жёлтым страницам книги в распоряжение поступила целая вечность.

Но всему приходит конец.

Когда вышел из комнаты в третьем часу дня, то увидел Лину в гостиной перед телевизором. На огромной плазме подрагивающим кадром показывали высотку, охваченную клубами дыма и языками пламени. Пылала, как факел, на фоне ночного неба — красиво... Даже через экран можно было ощутить жар и ужас обречённых людей внутри.

Понял, что это не сериал, а прямой новостной эфир».

«Новостной эфир», «вечность», «жар и ужас», красота пылания — лексика здесь создаёт сложную полифоническую структуру, в которой ясны взаимоотношения явлений, но неразборчив теряющийся среди них человек. Безличный «новостной эфир» и вечность «жёлтых страниц книги» — неразрывная антитеза, где автор не делает выводов, не выдвигает немедленных ходов и решений, а предлагает заострить вопросы самому читателю. Так работает проза — образами, интонацией, перекличками «межсловесного». Есть и своеобразные «мене, текел, фарес» — беспамятство человека о прогнозе на будущее, только, в отличие от древней легенды, в контексте искусственного интеллекта.

Всему этому противопоставлен образ Лины — девушки героя, своей чистотой и неподкупной прямотой напоминающей о советских писательницах, правозащитнице Фриде Вигдоровой и прозаике Лидии Чуковской, о каком-то несоразмерном нашему времени идеализме: «Лина другая, особенная. Объяснить невозможно, но она — единственная, благодаря кому ещё ощущается лазейка к собственной уникальности. Она — единственная, кроме мамы, *свидетельница*. Благодаря её любви, давно размытой временем, всё ещё есть тыл, на который можно опереться, совершая ошибки, и куда можно вернуться. Во всём другом можно сомневаться, но если такой человек оказался рядом и сказал однажды “Я тебя люблю”... Но главное даже не это — несмотря на всю её прагматичность и трудолюбие, думал, что знал, что Лина выше всех этих денег и каменных мешков (квартир), тачек и рилзов об успехе. Разлита в ней душа, которую жаждет в ответ свидетельствовать *его* душа». В ответ на её описание меняется стиль, становясь из намеренно безличного — человечным и тёплым, чуть архаичным; впрочем, Куприянов и вообще тонко меняет регистры, создавая смысловое напряжение между «живым» и «неживым». Роман движется этими смысловыми и стилистическими параллелизмами, в основе которых — как раз рефлексия над понятием живого и неживого, их постоянные сложные соседство и контраст, позволяющие и читателю помыслить о происходящем, оставляющие ему территорию для собственных интерпретаций. Рифмы внутри пространства дают предостаточно ключей, но довольно и полунамёков и недоговорённостей, которые никогда не переходят в герметизацию.

Как писатель Куприянов включает в свой текст полемику и по линии «гениальность и семья». «Пытаться стать гением-одиночкой или всё-таки счастливым мирянином. Увы, я выбрал второе. Как и все. Ведь гением нельзя “стать”. Гений можно уловить. Под луч гения можно лечь, как птица ложится под движение ветра. Этот сродни медленному самоубийству. Ну, а иногда быстрому. Гений может не избрать тебя. Гений может явиться на один год, или один роман, или один час... А ведь когда Наташа пришла, мне уже тридцать четвёртый годок шёл... Тексты уже были написаны, ученики созданы, но гений так и не явился за мной, а я человек простой,

пугливый». Все эти проблески человечности перебиваются неизбежностью «человеческого, слишком человеческого»: «Получили хорошую ипотеку... А по-другому не получалось. Вскоре и ты потеряешь всё…» Даже перед браком герой трепещет как перед «определённым архаичным нарративом», а смерть предстаёт в контексте интереса к «пересмотру фильма, смонтированного покончившим с собой участником», «хорошо украшает» произведение и делает его «желанным»; об отце скучают «как об идее», а успокоение заключается в том, что человек «не стал писателем» (намеренная ли аллюзия на саркастические и горестные строки Сергея Гандлевского о мечтавшем стать писателем? «Вот он и стал им»). В образе отца, «труженика и патриота», возникает упоминание небрежно перевёрнутой страницы, сравнение с ней. Человек у Куприянова одинок в ситуации информационной передозировки и кризиса среднего возраста, но неверие окружающих в победившую безликую информационность усугубляет это одиночество. Точная и ненавязчивая диагностика реальности, депрессивный реализм — но без верёвки на шее.

Стихотворение Арсения Тарковского, приводимое в финале романа, здесь становится контрастным зубодробительной канцелярской лексике в разговоре о «нарративах будущего» — и вновь непонятно, что важнее. Поэзия несёт художественную ценность, уже ненужную в мире победившей прагматики, ИИ, обезличенности. Канцелярит ведёт за собой горькую правду о времени в противопоставление красивым метафорам: «Заряженность нашего периода истории характеризуется перформативностью. Если ты не продемонстрировал, то тебя, возможно, и нет. Частная жизнь без самоэкспозиции требует отдельного усилия, или специальной тренировки характера, или, в оптимальном случае, недостаточной осведомлённости», одновременно рифмуясь парадоксальным образом с концовкой стихотворения: «Без сновидений, как Лазарь во гробе, / Спи до весны в материнской утробе, / Выйдешь из гроба в зеленом венце». Стоит отметить точный авторский выбор поэтического текста — и вновь неожиданную, парадоксальную смысловую перекличку с, казалось бы, несовместимым с ней языком. В то же время языковой канцелярит пронизан авторской иронией — и чувствуется, что он опасен, он гораздо шире того, о чём писал Корней Чуковский, — проникает в самую толщу человеческого сознания, заражает бесконечной неживой прагматикой, абсолютно исключающей разговор о ценностях мира: «Наша “амбиция”, если обобщить за моё поколение (рождённые в 2000 и чуть позже), заключается в том, чтобы достичь максимального комфорта и не насильничать (*индийская ahimsa, как ты однажды учил нас*). У тех, кто обременен философскими исканиями (а может, всё дело в химии, гормонах...), встречается амбиция добавить к комфорту и ахимсе условный “смысл” — обычно он ищется на стыке самореализации и... принадлежности к какой-нибудь идее». Даже после упоминания ценностей в виде «книг и безмолвия» следуют «отточенные нарративы». Куприянов мастерски смешивает слои лексики, сочетая возвышенно-символический, как бы поэтический, ещё не подверженный соблазнам материального мира, — и характерный огрубляющей реалистичностью: «Отточенные нарративы. С тех пор как умер отец, мир поблек. Сереет с каждым месяцем, несмотря на приход лета. Раньше я бы сказал, что только текст не поблекнет никогда». В этом вечном конфликте практицизма и романтики у автора нет определённости выбора, как нет её у нас, — однако, возможно, их лобовое столкновение как раз и позволяет очертить, заострить этот невидимый в обыденной реальности спор, вновь по-чеховски негромко, но с всеведущим авторским сарказмом поднести его к носу читателя.

Другая полемика в отношении поэзии касается чего-то гораздо большего, чем просто литература, — судеб существования мира:

«Мир уж полностью перейдёт за миг, что моргнуло лето, в подчинение новой силе. Тихой и стремительной будет наследующая эпоха. Поэты ещё

поломают копья в метафизических спорах о природе великого Ума, но вскоре что-нибудь смахнёт их распри с доски — вернее всего, перемена моды. Молодость без особых затруднений прорастёт через время изменений и шагнёт далее, не обременённая копотью сомнений. Ничто в конце концов не победит расправляющего крылья человека. <…>

Поэты вернут взгляд к природе и звёздам; ремесленники любовно проведут рукой по заскучавшим инструментам; любившие поиграть — наиграются; любившие любить — предадутся сладострастию; любившие лежать и наблюдать, как тихо преобразуется свет дня, проходя сутками одни и те же, но всякий миг разные превращения — насмотрятся вдоволь; любившие царствовать над другими — утешатся властью над теми, кто любит подчиняться. Всем подопечным Он подарит лучшую долю».

Монолог произносит не герой, не автор, он предстаёт как бы в отрыве от повествования. Прогноз оптимистичен, учитывая, что «поэты вернут взгляд к природе и звёздам»? Или всё же преобладает апокалипсичность? О том судить читателю.

Хемингуэевская «глагольная» проза в «Помолвке» ловко переходит на язык нейросети — здесь очевидно мастерство тонкой стилизации. Пограничье «рубленого» бытописания и языка сухого отчёта, характерного для ИИ, не всегда заметно читателю, однако именно оно обостряется в финале романа. «Три четверти средств предоставили семьи жениха и невесты, причём больше половины — мать и тётя Аня, тогда как мама Лины пообещала отдать некоторую часть позже, но никогда не вернулась к этой теме. Одну четвёртую заплатил из своих, в основном вынужден был взять кредит, так как из сбережений, в том числе отцовского наследства, собралось менее полумиллиона…» Другой характерный для Куприянова приём — отсутствие подлежащего, оно вновь обезличивает повествование: «Ночью в спаленке Лины были уже такие уставшие (*обесточенные*, как она метко назвала), что уснули почти сразу. Тягостным свинцовым утром, совершенно иным, чем в день рождения, поцеловались без страсти и лежали, наблюдая, как загорается день». Это не просто экономия места, а важный жест, включающий человека в рутину дел, механизмов, определённой автоматизации.

И всё же главные герои дают свой ответ «великой перемене» подменённого нарратива. Какой? Не будем спойлерить. Рефлексия над этим — за читателем романа Константина Куприянова.

Борис КУТЕНКОВ

РАЗЫСКИВАЯ ГОРЕЧЬ

Полина Щербак. Пожирающий. — М.: Самокат, 2025.

Детская апокалиптика занятна. В некотором смысле и мультифраншиза «Fallout», начавшаяся почти тридцать лет назад с одной культовой видеоигры, предполагает взрослеющий, опосредованный взгляд на вещи. Инстинктивное дыхание фабулы располагает к версиям, домыслам, гипотезам. Что, если по всей планете оборудуют сеть подземных бомбоубежищ с расчётом на долгую счастливую жизнь, когда привычного мира не станет? Что, если над обитателями каждого из них проведут тайный эксперимент, схожий с теми, что проворачивали действительные японцы отряда 731 до Хиросимы и Нагасаки?

Это, безусловно, фантазии ребёнка, выдумывающего Конец Света, и весёлый болванчик с поднятым вверх пальцем — ну, чтобы понятно было, сожрёт тебя ядерный гриб или нет, — может существовать лишь в той культурной парадигме, где Инфанты и Элефанты действуют сообща.

По всем формальным признакам «Пожирающий» Полины Щербак является ровно такой повестью. За исключением, правда, домысла Элефанта:

если «Fallout», не считая пары особо странных частей, был всё же франшизой, заглядывающейся на взрослое, то «Пожирающий» делает вид, будто предельно зрел, но явно рассчитан на детское восприятие. Это фантастическая притча с экспозициями, замаскированными под внутренний монолог протагонистки, обязательными лирическими ретардациями, набранными *курсивом*, стилизованными под американу именами и одушевлённым нечто, которым здесь, понятно, выступает тот самый Пожирающий. С большой буквы, как в добрых старых фильмах ужасов: «Pumpkinhead» там или «The Thing».

Чем располагаем? Когда-то учёные ставили эксперименты по воспитанию огня, думая, очевидно, что точечно направляемая стихия поможет им в решении разного рода взрослых задач. По закону жанра, эксперимент вышел из-под контроля, и огонь постиг самосознание. Убежища тут, если что, тоже имеются. Схлестнули, в общем, Тьму и Свет, Ужас и Сажу, Чёрное и *Белую*. Оставшаяся цивилизация переживает не лучшие времена. Огонь раскусил, выкосил и закусил человечеством. Всё дурно и пахнет мангалом. Кто передаст атмосферу нагрянувшего звездеца точно и с лёгким дыханием пафоса?

Умная, обеспокоенная девочка.

«Она опускает пальцы на клавиши и выталкивает из пианино какую-то грустную мелодию. Звук идёт как будто из глубины колодца. Несколько раз Белая сбивается и начинает заново. Эта странная мелодия наполняет каждую клетку моего тела и будит уснувшие воспоминания. Мы с мамой в парке. Двор школы в мае — там цветут яблони. Мы с Ланой качаемся на качелях на детской площадке, а мамашки косятся на нас. Стэл. Он учился в параллельном классе, и мы однажды столкнулись с ним в коридоре, он сказал: “Привет, Нола”. Ещё наш двор… Мне кажется, это самая красивая мелодия, которую я слышала в жизни».

Местами и кажется, что перед нами личный дневник подростка, застигнутого врасплох посреди рукотворного Апокалипсиса. Вернее, того, что предполагается за его трубами и кимвалами. Девочка Нола мыслит бегло, порой наивно, а этого мы как бы и ожидаем; иногда прибегает к цветочкам и закорючкам, что логичны в повествовании такого рода. Ретардации носят характер воспоминания, они заведомо элегичны, и в них, как в закатном аниме эпохи Черкизона, мило играют солнечные блики. Так и вижу, с закрытыми глазами, сцены «Юной революционерки Утэны», где Мики Каору наигрывает тонкими пальцами острое, щемящее эхо «The Sunlit Garden».

Поэтическое Щербак реализует схожим образом.

Так, как и следует в детской истории.

Это не обязательно ловкая, но обязательно экстравагантная, нарочитая игра ассоциаций: «круглые коридоры из мелких серых камней, как будто змею вывернули наизнанку», «небо затянули тучи чёрного паучьего цвета», «костяной звук музыки ветра», наконец. Многие детские истории не показывают картинку, а пересказывают её — и очень часто подобная стратегия, увы, срабатывает. В случае «Пожирающего» мне видится удача пятьдесят на пятьдесят: с одной стороны, задан темпоритм, видна мифологема, но чуть потри этот лотерейный билет — и ничего правды ради не обнаружишь.

Декорации хороши. Что за ними?

В контексте огненной темы нетрудно вспомнить другую фантастическую прозу, написанную, правда, лет с десять назад. Средний из детей Стивена Кинга, взявший по внятным причинам псевдоним Джо Хилл, писатель хороший, местами отличный и почти наравне с отцом, и вот есть у него роман «Пожарный» («The Fireman»), даже завязкой очень сильно повесть Щербак напоминающий. Вестник тьмы, эпидемия «драконьей чешуи», предзнаменования, разговоры о Прошлом, которое, оказывается, всё это время было вполне хорошим, ну и прочая american tragedy во фритюрном масле.

При этом, как ни странно, я бы не сказал, что повесть Щербак хуже или, скажем, надуманней. В формате сказочного упрощения, что здесь и проде-

монстрировано, мотив думающего огня реализован порою и поинтересней. Джо Хилл чересчур опирается на батины костыли, стесняясь, однако, себе в этом признаться, а Щербак занимается честным рукоделием. Её история не претендует на глобальные новшества, не пересобирает канон детского фантастического, просто транслируя некоторые положения и ощущения.

И это, я уверен, сработает для самих детей.

«Можно забить на Белую и остаться здесь. Делать нечего — бегать за ней по острову. Но я всё-таки разворачиваюсь и иду к песчаному пляжу. Мне наплевать на Белую. Мне просто нужно избавиться от этого чувства — оно липнет ко мне, как мерзкая водоросль. Я только удостоверюсь, что всё нормально, вот и всё. С чего я вообще дёргаюсь? Но незаметно для себя я перехожу на медленный бег и под конец уже несусь на полной скорости. Не знаю, что на меня нашло. Хотя нет, знаю. Только бы ошибиться! Это не из-за Белой. Из-за лодки. Единственная лодка. Единственная связь с "землёй". Белая, она ведь не совсем дура? Она ведь не умеет плавать! Что-то там ей нашептали? Что она придумала?»

Заметно, конечно, как история спешит за киноаппаратом и хочет прилипнуть к silver screen. Совершенно нормальная перспектива. Сюжет, реализуемый с запалом, с мыслью наперёд, и ощущается поспешным, вытянутым из размеренной прозаической хронологии. «Пожирающему» это не нужно. Контуры очертили, персонажей вывели, всё, пожалуй, заготовили. Теперь дело за вами, читатели, и вашим чувством прекрасного. Как в книжке с раскрасками. Только цвета слипаются.

Самое интересное в повести как раз то, что автором не предусмотрено, оставлено без присмотра. Речевое сырьё, из которого, думаю, можно вытянуть много любопытного — сам трафарет увлекателен, принцип его взаимодействия с фабулой, — отдельные интерлюдии, акценты и кляксы жизнетворны. Лет двадцать назад Анну Старобинец восприняли как провозвестницу актуальной жанровой литературы, мастерицу хоррора и саспенса. Теперь эти гамбургские счёты кажутся забавными, но благо позиции изменились, и к Полине Щербак никто не спешит добавить поспешное и мутное «русская Корнелия Функе».

Это, право, излишне.

Голос Полины Щербак слышен, ему суждено вырасти, и вырасти неожиданно. Во время чтения «Пожирающего» я, чудеса, видел не истоптанные бумажные пустоши той же Корнелии Функе или, положим, Евы Ибботсон, но безумие под ключ. Эту историю можно разыграть иначе, взяв готовые схемы и пустив по ним ток. Гротесковому началу повести не дают разгуляться, это, извините, в глаза бросается. Внутренние монологи изящно этот горизонт странного расширяют, дают вообразить, на что способна Щербак, если отпустит поводья.

Фриковатость, которая ощущается в «Пожирающем», но им же самим не реализована, и побуждает меня сказать, что голос Щербак удивит многих, если уйдёт в гротеск снаружи и около жанровых формул. Дэниел Хэндлер, создатель Лемони Сникета и ряда других поразительных сюжетов, синтезировал *банзай* из своевременной моды на Гарри Поттера, Тима Бёртона и коммерческую готику в принципе. Привнеся, разумеется, свою родимую бесшабашность, хрипящий и повизгивающий аккордеон. Разыскать горечь Щербак ещё не смогла, но, верю, триумф случится, когда гротеск обнажит клыки.

И сделает *дико*.

«Я вспоминаю про отшельников, которые замуровывались в катакомбах, чтобы молиться. Я вот чего не понимаю — почему не молиться в лесу или у озера? И ведь эти люди до сих пор здесь, получается. Тьфу, нашла о чём думать. Я на всякий случай освещаю нишу фонарём, как будто он может отогнать призраков. Фонарь высвечивает что-то на стене у лавки. Животное. Кто-то выцарапал то ли корову, то ли лошадь. Рисунок старый, почти неза-

метный. Скорее всего, ребёнок. Может, этому рисунку уже триста лет или даже больше? Уже нет того мира, а рисунок всё ещё есть».

Кризис литературы young adult понятен: нельзя постоянно вызывать трепет и катарсис одними и теми же слёзоотоками. Ракитное детство обналичится, выветренным окажется складное чаепитие Алисы и Шляпника, и всякая доверчивая мультивселенная, тысячу раз обыгравшая и постмодерн, и метемпсихоз, окажется в никогде. Что уж говорить о детской апокалипсике, столько раз себя пересобиравшей и, чувствую, немного от этих лего измучившейся. «Пожирающий» Полины Щербак — повесть бодрая, читающаяся резво и пламенно, но в ней нет опорных конструкций. Всё слишком знакомое.

Но вот гротеск, буйный рокабилльщик, гуляет то рядом с Белой, то ещё где и явно хочет пробраться на передний план. Если ему дадут разгулять-ся, то сюжеты Щербак станут любопытней. Как оборотное зелье. Или сон купца.

Кирилл ЯМЩИКОВ

СМЕРТЬ И НЕМНОГО ЛЮБВИ

Борис Кутенков. Простите, Омаровна. — М.: Выргород, 2026.

Шестая книга Бориса Кутенкова, наверное, самая минорная. Это собрание плачей об ушедших сотоварищах, попавших в беду друзьях, о сложном времени в целом — и на фоне этого реквиема иногда прорастает весенний цветок светлого воспоминания, детской шутки, пробегает солнечный зайчик. Слишком серьезная, каковой, возможно, и не следует быть поэзии, но тематика жизненного финала уравновешивается картинами из юности и детства. Учитывая, что автор молод и здравствует, подобное настроение логичнее отнести к меланхолически-мрачноватой романтизации реальности, нежели к «естественным причинам» — измененному взгляду второй половины жизни. Как бы мы ни отрицали связь между земным и небесным, но поэт тоже человек и существует в физическом теле, прозаическая зависимость от трех возрастов неизбежно отображается на мелосе. Не только античная традиция придавала телесным проявлениям значение свидетельства о душевном состоянии человека. Но куда важнее обратное наблюдение: душевное состояние у обычного человека неизбежно связано с телом и его, если можно так выразиться, скорбями. Когда между телом и душой возрастной разлад, «старая душа» у юноши, «инфантильный взгляд» у возрастной личности, это воспринимается как нечто противоестественное и парадоксальное, нарушение природных сил.

Но поэт — это не тот, кто выбирает свой голос, скорее наоборот, поэтому претензии к тональности и даже теме бывают достаточно абсурдны.

Формально книга посвящена литинститутскому наставнику Кутенкова, Мариэтте Омаровне Чудаковой, которая вела в нулевые небольшой спецкурс для будущих выпускников. Знаменитый литературовед, она известна и как просветитель, педагог, общественный деятель. Видимо, к этой ее ипостаси и обращается Кутенков, как бы раскаиваясь в том, что не может в полной мере продолжать дело просвещения и культурной работы. Безусловно, здесь есть доля лукавства, некоторое даже евтушенковское позерство, на мой взгляд, потому что всем известно, что множество проектов и начинаний, поддерживаемых Борисом Кутенковым, уж явно не уступают по «движу» позднесоветской предшественнице. Также это можно прочесть как извинение за внутреннюю измену призванию: ведь психологически главной для Кутенкова становится его поэтическая ипостась, а вовсе не организационно-общественная. Таким образом, путь лирика как бы отделяется от пути гражда-

нина, преобладает над ним, и мы же не живем в некрасовское время, когда существовало клише о поэте-народнике, напротив, мы все отчетливее сознаем, что либо — либо. Нельзя идти за плугом и приплясывать, нельзя одновременно быть состоявшимся поэтом и вложиться в ряд других занятий, от благотворительности до политики, хотя, разумеется, исключения есть везде. Кроме того, потребность поэта в самосохранении, культивировании своего дара, даже, как пишет В.И. Козлов, в самых простых социальных и материальных условиях, мало вяжется с общественным рвением.

То есть, говоря просто, название указывает на выбор жизненного пути, поворот в сторону поэтической колеи и на сожаления, возможно, о каких-то неоправданных чужих надеждах из прошлого. Такое время приходит, и автор, пусть и оставляя за собой какие-то сопутствующие начинания, все больше центрируется на образе лирика, мастера, даже воспитателя-наставника, но что-то отсекает от себя, как Пикассо оставил политику ради живописи.

Обозначив свою стезю, автор начинает лепить свое поэтическое гнездо с теми, кто окружает его физически или *фантомно* в пространстве литературы — да, лирический герой Кутенкова всегда существует в населенном пространстве, этим и отличается. Образ одиночки-созерцателя, которому нужны, по Корнелю, «безмолвие и ночь», неожиданно сопровождается совершенно реальными сателлитами. В данном случае это недавно погибшая бурятская поэтесса Елена Жамбалова, *«лена светлая пьянчуга //горький ангел винограда»*, с которой автора объединяли моменты дружеской общности. Это вполне здравствующая ростовчанка Елена Перминова, с поэзией которой герой ощутил лирическое родство. Затем — страдалец Лев Гумилев, конфликтующий со своей «венценосной» матерью; умирающий в заключении Мандельштам — и его исследователь Дымшиц, для всеобщего советского удобства придумавший альтернативный финал классику; поэт-метафизик Андрей Тавров или поэт и религиозный философ Ольга Седакова и так далее. Густонаселенный мир, альтернативный сумеречный город-отражение, где двойники живых соседствуют с призраками ушедших, играет роль фаланстерного общежития, в котором поэту каждый рад. В каком-то смысле это вид семьи, родового древа или даже писательской коммуны своего рода, хотя, наверное, такая социалистическая аналогия меньше всего бы понравилась самому Кутенкову. Некоторые люди посещают молельный дом, потому что воспринимают его как духовную семью, ибо реальная семья отсутствует. В каком-то смысле подобный коллективный поэтический мир-лес, сплетенный Кутенковым в стихах, становится для него аналогичным пространством, которое он выделяет из себя, как шелкопряд нитку. Хотя и достаточно мрачное, трагическое на взгляд стороннего читателя, стиховое пространство играет для Кутенкова роль домашнего, в чем-то привычного, как тапочки, словно он все меньше здесь и все больше там. Город-мечта, но только это не мечта футуриста о яблоках с арбуз, а несбыточная греза о единстве в менее драматическом, утопическом мире. Где Мандельштам прыгает кузнечиком, Бахыт Кенжеев просто жив, Жамбалова смогла справиться со своим несчастьем, где «У меня была мама, а у Луи была семья», если вспомнить фильм «Интервью с вампиром». За сумеречной стилистикой скрывается тоска по счастью и детскому блаженству, что и отображается в другой ипостаси книги, в ее псевдодетских, смешливых, игреливых нотках.

Псевдодетское связано не с концом жизни, а с ее началом, когда лирический герой отождествляет себя с мышонком («сыр бул щыл, и я его мышонок»), а литературный прием с котенком («аллюзии котенок»). В балладе памяти поэта и издателя Елены Сунцовой моделируется, в сущности, трагическая ситуация — одна из последних встреч с героиней, очевидно, не надеющейся долго прожить, как бы беременной своей гибелью («смертемама»). Казус оборачивается какой-то Чукоккалой: «Издадим и кота и моллюска и свинопотама». Детское, смешное, абсурдное перемешивается с жутким и безнадежным — подобно тому, как в данс макабр идет заклинание тьмы сме-

хом, вернее, в данном случае психологическим детством. Тут же присоединяется и подростковое безобразничанье, такое неожиданное и одновременно характерное для поэтики Кутенкова, особенно учитывая ее нередко траурный контекст: «Меня убил филипп киркоров // И тело бешено вращалось». Отчасти это напоминает платоновское поедание колбасы на гробе жены и булгаковские танцы после внезапной гибели Берлиоза. Аллюзии «Пира во время чумы», пробивающихся ростков жизни, оскорбительных на фоне общей трагедии бытия, конечно же, создают двойственное ощущение. С одной стороны, это «пусть мертвые хоронят своих мертвецов», а живые радуются, пока есть возможность, — немного циничная, жизнеутверждающая истина. С другой же, это демонстрация переплетения всего в мире, неизбежности и нового начала, преемственности и парадокса, неуместности — и жестокости древнего закона существования. В целом я бы не назвала Кутенкова наследником обэриутской или концептуалистской традиции по многим причинам, и в силу мелодичности, элегичности, и в силу серьезности, сложности. Однако сам он себя поверхностно связывает с их ребячением (впрочем, тоже бывшим лишь иносказанием в целях конспирации): «язык отрезанный введенский, //лишённый голос полудетский, // языковая колбаса, смотри меня во все глаза». Чередование подросткового безобразного и пронзительно-глубокого, две стороны мира, смешная и жуткая, детская и старческая, древняя, как раз отражают античный концепт о знании. Как Зевс управлял Олимпом и одновременно превращался в гуся или быка, что сегодня скорее смешно, нежели страшно, как игра лежала в основе власти и Аполлона, и Диониса, просто это были разные игры, так и поэзия Кутенкова дурачится и играет. Хотя подспудная суть ее от этого не меняется — печальная, провидческая, фаталистическая во многом констатация хода истории.

Конечно, как о поэзии Анны Горенко говорят, что без комментариев и контекста многое в ней не ясно, так и лирика Кутенкова достаточно сложна, насыщена смыслами и загадками, как карта звездного неба, которую не все видят полностью, а некоторые не могут прочесть либо истолковывают неверно. Однако речь не про некую невнятицу, путаницу, а о достаточно гармоническом, зашифрованном полотне-гипертексте, гадательной книге, отсылающей к древнему пониманию поэзии — языку богов и рапсодов.

Анна АЛИКЕВИЧ

ВОТ ТАК В ЭТОТ МИР И ПРИХОДЯТ СТИХИ…

Ирина Колесникова. Останется: Книга стихов. — Екатеринбург, Астер, 2026.

Если вы давно не читали стихов, то новая книга Ирины Колесниковой поможет вернуться к настоящей поэзии. И, возможно, привычка читать стихи останется у вас надолго. Может быть, и с этой мыслью тоже автор назвала свою книгу «Останется». А название, выраженное глаголом, — большая редкость, но и интересная смысловая история: ведь глагол как часть речи обозначает действие, состояние. И того и другого в стихах Ирины достаточно:

Споткнулась ночь, и снег пошел,
и вздрогнул ты под одеялом,
и время по привычке встало.
Стал циферблатом круглый стол.

Но у слова «глагол» есть еще одно высокое значение — «слово, речь». А они и есть основной материал и инструмент поэта. И Ирина Колесникова здесь не исключение. Ее лирические размышления о сущности поэтическо-

го слова глубоки и точны, но при этом как-то повседневны: «В родном тебе городе возле огня слова на веревках сырые повисли». Это не пушкинское «жечь глаголом», а скорее ахматовский «сор», из которого и «растут стихи, не ведая стыда». А еще поэт словно приглашает в свою творческую лабораторию, делясь алгоритмом рождения стихотворения:

Мучительно я подбираю слова.
У этого крупная голова.
У этого маленький ростик
И сбоку невидимый хвостик.<…>
Пока безуспешно кручу и верчу.
Я самое точное слово ищу.
Знакомлюсь, играю, кормлю их с руки.
Вот так в этот мир и приходят стихи.

В другом стихотворении, посвященном Борису Рыжему, автор дает однозначное определение: «Жизнь — поэзия и только, а не то, что говорят». И это останется. Как и воспоминания о детстве, детские впечатления и ощущения.

Вот дедушка в галстуке, рядом бабуля.
Читаю стихи по привычке со стула.
И жизнь как само предвкушение чуда,
И вера в него. Все оттуда… Оттуда.

Это воспоминания-откровения. И сквозной образ отца как желание договорить — и договориться: «…вот такой я приду, чтобы робко сказать: «Папа, здравствуй».

И лирическое: «Лето стерто, как помада, с новой папиной рубашки нервно маминой рукой».

И драматическое: «…а папа решился и все же ушел».

В какой-то степени семейную тему продолжают стихи о самоопределении, о возможности понять и принять себя, свою особую женскую сущность, идущую от старших в роду женщин.

Я в зеркале вижу ее торжество.
Адамовой Евы вершу волшебство
как род и как провод, как первый родник,
Как света живого прямой проводник.

Отталкиваясь от своего детства, от семейно-родовых ощущений, поэт приходит к стихам, посвященным сугубо женскому: счастью быть любимой, быть мамой.

Мы стали счастливы с тобой
от детских колик и от плача,
от недосыпа и о даче
мечты под спелою луной,
когда гуляли по ночам,
с коляской ездили к врачам,
когда вдвоем у колыбели,
ее качая, тихо пели,
когда домашний скучный быт
был нами полностью забыт,
а на его святое место
взошли чудачество и детство…

Здесь любовь везде. Среди обыденности, «суетных вещей», без всякого пафоса.

А еще в книге обитают ангелы. А рядом вдруг появляется Солнечный зайчик, и эта, казалось бы, незатейливая картинка пробуждает в читателе глубокие детские переживания:

Солнечный зайчик запрыгнул на стенку.
Лег на кровать. Сел на чью-то коленку.
Это спит папа. Его испугался.
Ушки прижав, мимо мамы промчался
и растворился на детской щеке
в капельке теплой… В грудном молоке.

Отметим образы природы, которые хотят быть обязательными во многих поэтических произведениях, но мало у кого из поэтов выходят убедительными. Автор книги «Останется» подтверждает поэтическими строками, что преодоление клише в поэзии не только возможно, но и бытийно необходимо. Прием олицетворения у Ирины Колесниковой част и неслучаен. Как пример — «напуганные дождем яблоки», спрыгнувшие в траву.

Культура и концепция оформления книги особенно важны. Книгу Ирины Колесниковой не хочется выпускать из рук: глянцевые плотные страницы, лаконичная обложка с ведущей вверх лестницей, с простыми крючками над ней, с висящим на одном из них ключиком, который может быть символом очень многого: ключ к жизни, к творчеству, к сердцу, душе человека. Главный принцип — не взломать, не вскрыть с навязчивым филологическим усилием, а подобрать ключ. И еще один символ проходит через все издание: несколько страниц, на которых нет текста, но есть пересекающий их рисунок следов. Слова. Стихи. Стихи как следы. Следы, ведущие к человеку, к его душе. К нашей душе. Открываем книгу и видим ясные, лаконичные рисунки, сопровождающие большинство стихотворений. Иллюстратор Татьяна Боброва и поэт Ирина Колесникова счастливо совпадают в видении мира, в мироощущении. «Останется» — лейтмотив изобразительного и поэтического ряда, который сплетается в единое высказывание поэта и художника.

Замечу, эта книга может стать своеобразным дневником для каждого читателя. Каким образом? Последние страницы пусты, и автор предлагает нам самим заполнить их собой: своими словами, своими событиями, встречами, рисунками… Автор этим жестом мягко, но визуально активно провоцирует нас на создание собственного слова, подчеркивает важность и исключительность бытия каждого из нас.

Для меня книга стихов Ирина Колесниковой обернулась чудом. «Обернулась» — глагол действенный, многозначный. Связь поэта с глаголом (вербальным синонимом жизни) подтверждает ахматовскую традицию полифонии глаголов, при этом поэт Колесникова выделяет главный для себя и для нас глагол «останется». В нашей ускользающей зыбкой реальности такой глагол нам жизненно необходим.

Найдите, встретьте эту книгу стихов. На дорогах литературы происходит много встреч, но не всегда такие встречи радуют нас своей чистотой, глубиной и ясностью. Ясность не как простота, а именно «ясность» как изначальная прозрачность нашего бытия:

Что в нас останется… Когда б мы знали сами,
молчали бы не этими словами,
чтоб чудо сохранить наверняка.

Марина ШАРАПОВА

ЧЕРЕЗ МОРСКУЮ ВОДУ…

Лев Данилкин. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. М.: Альпина нон-фикшн, 2025.

«Палаццо Мадамы» Льва Данилкина — это парадоксальное произведение, в котором география служит лишь отправной точкой для гораздо более сложного маршрута: маршрута по культурным слоям, историческим фантомам и личным ассоциациям автора. Данилкин, известный как один из наиболее проницательных российских критиков, здесь выступает не столько аналитиком чужих текстов, сколько создателем собственного — фрагментарного, ироничного и глубоко субъективного книго-портрета.

Автор в названии книги заявляет о воображаемом музее, и это не просто слова: музей состоит из 38 экспонатов, каждый из которых становится ключом к очередному этапу жизни и характера героини.

Книга построена как прогулка по галерее. Каждая глава открывается репродукцией (или описанием) произведения, которое так или иначе связано с Пушкинским музеем в бытность его директором Ирины Антоновой. Дальше следует искусствоведческий разбор, биографический эпизод и авторское «соотнесение» — иногда блестяще-точное, иногда провокационно-гротескное.

Боттичеллиевская «Клевета» иллюстрирует кампанию против Антоновой, «Давид» Микеланджело — ее ужасающую в своей мощи харизму, а «Скрипка Энгра» Мана Рэя — одержимость музыкой и Рихтером.

Ирина Антонова предстает фигурой поистине титанической. Несгибаемая, как Жанна д'Арк, ледяная, как Снежная королева, неподкупная, как Робеспьер, она полвека правила Пушкинским на манер абсолютного монарха. В итоге — превратила музей в один из главных художественных центров мира, привезла в Москву «Джоконду» и «Сикстинскую мадонну», отстояла «Золото Шлимана» в споре о реституции, запустила знаменитые «Декабрьские вечера». Данилкин при этом не прячет теневые стороны ее работы в музее: авторитарный стиль управления, конфликты, сложный характер. Но именно эта противоречивость делает портрет объемным и живым, хоть и не менее сложным, а порою — противоречивым.

Может, дело в советском детстве героини и нравах времени?

«Какими бы «советскими» ни были ее семейная «закваска» и дальнейшее воспитание, — она уже тогда увидела, как выглядит альтернатива.

«Что дала мне, уже взрослому, эта пятилетняя жизнь за рубежом в детстве? Во-первых, трезвое представление о Западе, а если говорить нашим идеологическим языком — о капитализме. Я на всю жизнь получила иммунитет от двух крайностей. Первая — сугубо негативные представления о капитализме, о западном обществе, включая "обнищание" пролетариата, "имманентно присущее" этому обществу презрение к туманным идеалам и духовности и т.д. И вторая — идиллическое представление об этом обществе как о царстве всеобщего благосостояния, свободы и справедливости», — говорит Ирина Антонова.

Автор рассматривает жанр биографии как документ эпохи, психологический роман и готовое произведение искусства, формирование которого происходит на глазах у читателя.

Формально перед нами путешествие, однако, это путешествие не столько в пространстве, сколько в культурной памяти. Образ Палаццо Мадамы становится своеобразной точкой сборки — символом Европы, истории, искусства, но одновременно и декорацией для размышлений о современности. Автор сознательно уходит от линейного повествования: текст строится на ассоциациях, скачках, интеллектуальных «перебежках» от одного сюжета к другому. В переносе внимания читателя автор видит большее пространство для эстетического маневра.

Главная сила Данилкина — в его умении превращать частное наблюдение в культурный пространный комментарий. Например: «Л. Парфенов в своем парадном, к 100-летию Музея, фильме, формулируя идентичность Пушкинского, сделал упор на Щукине — Морозове и Пикассо, однако существует и альтернативная версия. Важнейший ключ к будущему музея — «Дрезден»: обладание, утрата и дальнейшая травма, которая определит характер и аппетиты ИА (а возможно, и того типа государства, которое отчасти обязано ей своей идеологией)».

Он пишет так, как будто ведет внутренний диалог — с историей, с литературой, с читателем. При этом его стиль балансирует между легкой разговорностью и академической эрудицией. Это создает эффект двойного чтения: с одной стороны, текст кажется почти непринужденным, с другой стороны — требует от читателя определенного уровня подготовки и включенности.

Особое внимание заслуживает интонация книги. Данилкин привычно избегает пафоса и академической тяжеловесности (равно как и в предыдущих своих книгах о Ленине, Проханове и Гагарине). Но почему он посвятил новую книгу Ирине Антоновой, ушедшей от нас в почти уже далеком 2020 году?

«Судьбой, не сказать проклятием, биографа — который, так никогда и не увидев ИА вживую, влюбился, что называется, по портрету — было воспринимать свою героиню словно, как сказал бы профессор Б.Р. Виппер, «через морскую воду»: не напрямую, но при посредничестве плотной промежуточной среды», — пишет Л. Данилкин.

Интонация не скатывается в банальный травелог. Напротив. Ирония автора — не разрушительная, а скорее дистанцирующая: она позволяет удерживать сложный материал в живом, подвижном состоянии. «Палаццо Мадамы» про то, как говорить о высоком без назидательности и упрощения.

Однако не факт, что фрагментарность книги выглядит в глазах читателя как ее достоинство. Читатель, ожидающий четкой структуры и законченного нарратива, может почувствовать разочарование. Текст порою распадается на отдельные эстетические блоки, между которыми не всегда очевидна логическая связь. Но, возможно, в этом и состоит авторский замысел: показать разорванность современного восприятия, невозможность целого взгляда как некой эклектики действа, эклектики общей картины.

В более широком контексте книга Данилкина продолжает традицию интеллектуального письма, в котором личное переживание пространства оказывается не менее важным, чем само пространство. Это роднит «Палаццо Мадамы» с европейской эстетикой, где путешествие — лишь повод для размышления о культуре и времени.

В итоге «Палаццо Мадамы» — это книга не для быстрого чтения. Она требует пауз, возвращений, готовности следовать за витиеватой мыслью автора, даже если она уводит в сторону от первоначальной темы. Но именно в этой непредсказуемости и заключается ценность: Данилкин предлагает не маршрут, а способ смотреть — на свою героиню, на города, на тексты и на саму реальность через призму мысли и слова.

Артем КОМАРОВ

А ВЫХОДА-ТО И НЕТ, ИЛИ ЧИТАЯ ИЛЬЮ КОЧЕРГИНА

Илья Кочергин. Запасный выход. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025.

Иногда, стоя на втором этаже и глядя на свой двор, я думаю: ну куда сюда коня? Десять соток, и все уже заняты под сарай, под плитку, под газоны, под эту несчастную малину, для которой я очистила всего одну-единственную жердь — трёхметровую. Больше не смогла. Руки болели, как будто я не жердь, а собственные границы строгала. А Кочергин, между прочим, выдюжил триста метров забора. Триста! Кажется, это вообще не про физическую работу — это про то особое строение человека, который может идти долго, ровно, упрямо.

Вот именно с этого ощущения и стоит входить в «Запасный выход». Потому что повесть нельзя читать тем, кто ждёт деревенских романов. Тут деревня не пахнет румяными пирогами, овсяным печеньем и кашей с тыквой. Она пахнет навозом, сыростью, лопнувшим шлангом, старым трактором и той внутренней правдой, которую обычно стараются не выносить на читателя. Она тяжёлая, серая, неровная. Не есенинская, а настоящая. И в этом настоящем есть что-то особенно значимое — как будто со страниц доносится не литературный образ, а запах настоящей земли, густой, вязкой, в которой не каждый сможет стоять.

Кочергин пишет, как человек, который слишком много видел, чтобы приукрашивать. Молодость лесником проявляется в каждом абзаце: он пишет не взглядом туриста, а взглядом хищника — не злого, а цепкого, который замечает всё. Это удивительный стиль: язык короткий, как вздох после долгого бега, в нём нет декоративности, но есть редкая честность. Каждая фраза стоит, как столб забора, — прямая, без завитушек. Но в то же время в тексте постоянно проступает музыка: длинные монологи, в которых человек наконец-то позволяет себе говорить. Такое впечатление, что стиль повести — это дыхание. Хрипловатое, честное, уставшее, но крепкое.

И рассказывает эта проза о человеке, который когда-то был хищником. Не в том смысле, что рвал когтями, — нет. Хищник, который идёт к горе, чтобы дважды смотреть закат. Который разделывает зверя и запекает мясо в углях, потому что так правильно, так честнее. Хищник — это тот, кто живёт на высокой внутренней скорости, не позволяя себе слишком много размышлений. Но в зрелости этот же человек сидит в деревне рядом с женой-психологом и пытается понять, почему мир вдруг перестал быть простым.

И пытается спасти коня. Это ключевой момент: всё, что было — бег, лес, мясо, выносливость, — оказывается подготовкой к тому, чтобы вступить в контакт, который страшнее любого физического испытания. Спасти другого — значит, впервые посмотреть на себя. Конь в повести — не образ, не художественный приём, не затасканная метафора свободы. Конь — это зеркало. Он чувствует страх, он чувствует ложь, он чувствует отчаяние. И рядом с ним человек не может быть прежним хищником: приходится становиться мягким.

Вот в этот момент и становится понятно, почему книга называется «Запасный выход». Выход — это не побег. Это не путь прочь от жизни. Это скорее путь в глубину жизни, туда, где прячется то, чего мы сами о себе стараемся не знать. Выход, который горит зелёной табличкой у нас в голове: «Если станет совсем плохо — вот здесь ты сможешь пройти». Но Илья Кочергин очень тонко показывает: не пройдёшь. Не потому, что закрыто, а потому, что от себя — не уйдёшь.

Поэтому в книге так много мотивов — бегства, хищничества, старения, невозможности выхода. Они не выписаны как философские тезисы, они просто есть, как грязь на сапогах или синяк на ноге. Бег — это способ

вспомнить, что ты жив. Хищничество — способ не лгать себе. Старение — способ учиться мягкости. А невозможность выхода — способ наконец-то остановиться и спросить: а что я вообще делаю?

Кочергин часто подбрасывает читателю маленькие зёрнышки знаний — про раков-отшельников, у которых вдвое больше цветовых колбочек, чем у человека, про оленей, которые меняют цвет глаз, как будто мир для них — то сводится, то расширяется. И эти странные факты работают как кнопки, которые мозг нажимает, пытаясь сбежать. Это даже не эрудиция — это вздох души, которой тесно в пределах собственного организма. Это попытка выйти наружу хотя бы мыслью.

Но чем дальше, тем понятнее: всё это не работает. Никакой ракотшельник не спасёт от бремени стареющего коня, который стоит в грязи, и от тяжести собственной вины — за то, что уже не можешь всё исправить. Человек, который когда-то бежал по горам, теперь с трудом чистит старые доски. И именно в этой слабости — всё самое важное.

Здесь невольно вспоминается Маугли, тот самый, который говорил Багире: «Я хочу бежать далеко-далеко, а потом тут же спрятаться… послушай, как стучится моё сердце». Эта фраза могла бы стать эпиграфом к книге. Потому что автор всё время хочет бежать — и всё время хочет скрыться. Хищник внутри всё ещё жив, но теперь ему мешает человек. А человеку мешает память. А памяти — возраст.

И в результате из всех возможных помощников больше всего подходит конь. Психологический со-терапевт, который сам по себе воплощает то, чего не хватает человеку: силу, терпение, молчание. Он учит автора тому, чего уже давно нет в лесничестве и бегах: контакту, мягкости, истинному присутствию. И в этом — удивительное переворачивание ролей: человек учит коня выживать, а конь учит человека — жить.

Конфликты в книге разворачиваются не как сюжетные повороты, а как внутренние рывки. Человек против себя. Человек против деревни. Человек против старости. Человек против собственного прошлого. И каждый раз кажется, что он вот-вот найдёт выход, — но нет. Потому что выход — и есть сама жизнь.

Вот почему повесть такая тяжёлая и такая честная. Она не предлагает ни утешения, ни готовых ответов. Она предлагает честный взгляд — в омут, от которого, как правило, отворачиваются. Но именно этот омут делает нас теми, кто мы есть.

И когда закрываешь книгу, то понимаешь: весь этот бег, вся эта хищность, вся эта усталость — только для того, чтобы однажды найти в себе способность взять старого коня за холку и не отступить. Видеть и принимать — вот он, настоящий запасный выход. Не зелёная табличка, не побег, не страшная свобода. А способность быть рядом.

И почему-то, глядя снова на свой двор и на одну-единственную очищенную жердь, понимаешь: каждый делает столько, сколько может. Кто-то — триста метров. Кто-то — три. Но суть в том, что в эти три метра ты вкладываешь свою жизнь.

А дальше — всё равно придёт конь.

Лидия ГОРТИНСКАЯ

ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕСЕКАЮЩИЕ ГРАНИЦЫ

Гитанджали Шри. Растворяясь в песках. / Пер. с хинди Е. Комиссарук. М.: Эксмо, Inspiria, 2024.

В Индии с её во многом сохраняющимся кастовым обществом тема социальной уязвимости стоит особенно остро. Чтобы иметь трудности, необязательно совершать дурные поступки или вести себя вызывающе. Достаточно просто принадлежать к низкой по статусу социальной группе. Феминизм учит женщин бороться за свои права в странах, где с этими правами и так все в порядке, а что же в Индии? Положение женщин своей страны исследует современная индийская писательница Гитанджали Шри (р. 1957), которая за свой пятый роман в 2022 году была удостоена Международной Букеровской премии. На хинди (это язык оригинала) роман называется «Песчаное самадхи», в английском переводе «Песчаная могила», а в русском — «Растворяясь в песках». Все названия близки по смыслу, потому что здесь пожилая женщина обретает что-то вроде медитативной истины, когда приходит умирать в пустыню. Впрочем, несмотря на угрожающе растущий масштаб страданий и неизбежность смерти, это роман скорее жизнеутверждающий. Личного бессмертия может и не быть, но есть вечный круговорот жизни и никогда не кончающиеся истории.

Начинается всё с черной депрессии. В казённом доме чиновника, готовящегося выйти на пенсию, его пожилая мать отказывается принимать участие в семейной жизни. Целыми днями она лежит на кровати в своей комнате, повернувшись лицом к стене и спиной к родным, входящим её расшевелить. На все попытки побудить её встать она коротко отвечает «нет». Усилия бесполезны, потеря слишком велика для этой женщины — ушёл из жизни ее муж. Дом чиновника между тем шумен и гостеприимен, двери его всегда открыты. Кто сюда только не приходит — и родственники, и соседи, и просто разные люди.

У впавшей в депрессию пожилой женщины, которую автор называет просто «мать», есть еще дочь, образ которой тоже очень важен. Уже в самом начале Гитанджали Шри говорит, что книга будет посвящена женщинам, пересекающим границы. Эти женщины и есть мать и дочь. Дочь в детстве была очень непослушна и делала всё наоборот. Она выросла чрезвычайно свободолюбивой, но мать не мешала ей в этом и, несмотря на косые взгляды других членов семьи, сама по вечерам открывала ей окно, чтобы та могла сбежать к любовникам. Позже дочь покинула дом, оставив о себе впечатление как о заблудшей и отпавшей от семьи девушке, долго была бедна, но потом нашла доходную работу журналиста-фрилансера, купила жильё и, периодически находя не мужей, а гражданских партнеров, спокойно зажила одна. Но с матерью контакта не потеряла и время от времени возвращалась в дом скорее как гостья. Однако сейчас никто не может вытащить мать из депрессии — ни сын-чиновник, уходящий на пенсию, ни дочь.

Всё меняется, когда внук из заграничной поездки привозит ей трость с изображенными на ней бабочками. Мать неожиданно оживает, а потом вообще уходит из дома. Депрессия прошла, но возникли другие проблемы. Матери восемьдесят, не все способны понять особенности её поведения и её речь, хотя они наполнены смыслом. После исчезновения ее находят, и некоторое время мать живёт у дочери, где начинает всё теснее общаться с подругой-хиджрой, то есть индийским трансгендером, официально признанным в Индии третьим полом, который имеет многовековую историю и никак не связан с западным движением ЛГБТ[1]. А потом мать неожиданно объявляет немыслимое — она хочет поехать в Пакистан. Это примерно как

[1] Международное движение ЛГБТ признано в России экстремистским, его деятельность на территории РФ запрещена.

если бы северокореец решил поехать в Южную Корею, или наоборот. Тем не менее дочь берётся её сопровождать. Смысл этого путешествия не туризм и не новые впечатления. Он в преодолении границ, которые прочертили невежды и безумцы.

Несмотря на светлые истины о любви и перерождении, все в этой книге не так просто. Между матерью и дочерью есть немало непонимания, потому что родственная любовь не только питает их, но и съедает. Вся жизнь дома всегда держалась на матери, и теперь она просто болезненно устала от семейных забот. Так же и сын-чиновник может легко поругаться с женой из-за еды, потому что они родились в разных частях Индии и привыкли есть разные блюда. Они называли друг друга «Д», сначала имея в виду «дорогой» и «дорогая», а с годами «дурень» и «дура». Долгое время кажется, что вся книга будет посвящена только этой семье, где в суете рождается не только любовь, но и конфликты. И даже это может показаться проблемой исключительно бытовой психологии, потому что если кто и огорчён, то все равно не чувствует себя обиженным смертельно. Кроме того, поначалу представляется, что Гитанджали Шри не интересуют вопросы истины и лжи, социальной справедливости и путей Индии. Её интересует только музыка жизни. Но тема книги стремительно расширяется, когда мать решает отправиться в Пакистан. Тогда читатель узнает о по-настоящему масштабных катаклизмах во времена разделения Британской Индии — о разлуке и уводе девушек в рабство, о насилии и военных преступлениях, о власти безумцев и искусственных границах. Оказывается, что поездка в Пакистан для матери — это не старческая прихоть, а попытка на закате дней вернуть моменты счастья из прошлого. При этом все как-то неопределенно, например, совершенно отсутствует ненависть к британским колонистам. Единственное обвинение по их адресу связано с воровством археологических находок.

Не будет преувеличением сказать, что мать доживает последние годы, ведь ей уже 80 лет. Но не похоже, чтобы смерть стала для нее концом. Гитанджали Шри вообще пытается описать не самые стандартные эмоции. Речь не просто о радости и грусти, а о радости и грусти в момент перерождения. На закате жизни мать смотрит на мир вокруг и слушает его, и от этого её тело раскрывается и начинает цвести. Её внимание к миру орошено любовью. Парадокс в том, что с возрастом она все ближе не к земле и могиле, а к свету и солнцу. И дети связаны с ней даже не любовью, а какой-то более прочной связью, чем-то фундаментальным и предшествующим чувствам, как если бы в самом их существовании было заложено её присутствие.

Эта книга состоит из колебаний, порывов ветра, звуков и света. Здесь всё говорит: деревья, цветы, ветер, дороги, птицы. Любой предмет может внезапно ожить и начать рассказ. Мир одухотворён не как абстрактное целое, а в каждой своей конкретной детали. Всё является сущим и как сущее получает равные права. А если все могут говорить, то и истории становятся бесконечными. Да и сам рассказ — это живое существо, принимающее черты того, о чём повествует. Он воплощает свободу, потому что волен течь куда ему вздумается, о чем говорит и сама писательница. Она утверждает, что любая история очень своенравна, но до постмодернистских игр здесь не доходит, потому что в повествовании довольно много прочности традиционного реализма — постоянства семьи, значений символов и человеческих устремлений. Смерть автора действительно происходит вне постмодернистского мироощущения, а скорее в духе Спинозы, если разлитости Бога в вещах дать возможность говорить. «Растворяясь в песках» — это хор живых и неживых вещей, которые вместе поют песню своей истории. И вообще то, что мы читаем, в каком-то смысле даже нельзя назвать критической работой мысли, потому что вся рациональность этой мысли растворена в вездесущих потоках света.

«Растворяясь в песках» в итоге оказывается и семейной драмой, и социальным свидетельством, и философским трактатом. Роман напоминает семейную сагу, но его построение не похоже на традиционные длинные рассказы о людях, связанных родством. Нет той плавной поступи мед-

ленно развертывающегося сюжета, все как-то прыгает с места на место. Многие главы начинаются с универсальных наблюдений о том, как дует ветер, и о том, какие поступки совершают люди. Эти наблюдения хорошо ложатся на события, описываемые в романе, даже несмотря на то что в них нет совершенно ничего захватывающего. И, конечно, свет и любовь не помогают полностью решить все проблемы непонимания. Гитанджали Шри прямо говорит, что понимание невозможно, и неясно даже, что значит понимать. Поэтому и дочь заявляет, что в истории матери ей нет места, и вообще как-то наивно полагает, что мать просто завидует ее свободе. Что касается социального свидетельства, то читатели могут много узнать о положении хиджр в Индии, которое мало чем отличается от положения неприкасаемых, несмотря на признание со стороны государства.

Если попытаться выразить коротко послание этого романа, то, конечно, главное в нем — это призыв пересекать границы. Разделение Индии и Пакистана — это не столько политическая, сколько философская ошибка, когда понятию границы придали неправильный смысл. Правильная граница должна вызывать влечение к тому, что за ней, а не ненависть. Границы должны украшать мир, а не разрезать его на части. Когда мать произносит свой монолог о границах, это своего рода её нагорная проповедь. Растворение в песках означает распад тела на атомы и тоже своего рода исчезновение границ. Но отказ от тела — это в каком-то смысле высшая степень медитации, а значит, мать, в сущности, совершает путь Будды. Её уход в пустыню, чтобы раствориться в песках, похож на уход старого животного с человеческих глаз, чтобы окончить свои дни подальше от людей. Но в этом уходе нет покорной пассивности, наоборот, в самом её стремлении уйти есть какое-то биение пульса жизни, а значит, смерть не конец, а начало нового пути в виде части большого целого, коим является само мироздание.

В неменьшей степени эту книгу можно назвать песней во славу историй как таковых. Границы есть почти везде, но их нет у воображения. А значит, истории для того и нужны, чтобы можно было придумывать что угодно. Даже интересно поставить вопрос о соотношении вымышленной истории и реальной жизни в этом романе. С одной стороны, печали и радости, описанные в книге, неподдельны, а с другой, автор говорит о важности воображения в любом рассказе, поэтому здесь трудно избежать обвинений в простом сочинительстве. Она и сама утверждает, что рассказчики лучше историков, потому что могут описывать всё, что душа пожелает. То есть точность истории не важна. Но обвинять всё же не хочется. Гитанджали Шри пронесла свое грустное, страшное и светлое слово с простой целью — сохранить то, что может исчезнуть, несмотря на бесконечность историй. И, конечно, это слово посвящено женской свободе, только без агрессивности западного феминизма. Феминизм вообще плохо объясняет стремление матери к свободе, потому что феминизм — это во многом свобода от мужчин, а мать, наоборот, хочет вернуться к своему первому мужчине. И одновременно похоже, что, если сбросить все социальные статусы вроде жены и матери и избавиться от всех забот о других, мать и обретёт подлинную самость. Цель пересечения границ — это как раз и есть не эпатирующая трансгрессия, а обретение самости. Впрочем, очень трудно сказать, стремится ли писательница превратить такой путь к самости в совет всем женщинам Индии. В конце концов, не будь мать счастлива с мужем, впала бы она в депрессию после его смерти?

Сергей СИРОТИН

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2025 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: https://www.pressa-rf.ru/ или https://www.akc.ru/ (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также
в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город»
по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130,
телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

18+

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:
Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам
Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития
Константин Богомолов — ответственный секретарь
Андрей Ильенков — зав. отделом прозы
Юрий Казарин — зав. отделом поэзии
Валерий Исхаков — литературный сотрудник
Александр Зернов — литературный сотрудник
Татьяна Сергеенко — корректор
Юлия Кокошко — корректор
Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:
О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков

Адрес издателя: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
Адреса электронной почты: editor.ural@mail.ru, poetry@uraljournal.ru (для поэзии)

Телефоны:
376-57-49 — главный редактор
376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики
376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики
376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Подписано в печать 20.05.2026
Дата выхода в свет 27.05.2026
Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6
Тираж 1100 экз. Заказ № 8407
Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

http://uraljournal.ru/
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
http://magazines.russ.ru/ural/

Марина Цветаева

***

Гордость и робость — родные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.

«Лоб запрокинув!» — гордость велела.
«Очи потупив!» — робость шепнула.

Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость.

20 сентября 1921

ISSN 0130-3449 Урал. 2024. № 7(8)

Журнал «Урал» вы можете приобрести
в екатеринбургских магазинах:
«Дом книги» (ул. Антона Валека, 22),
«Екатеринский» (ул. Бориса Ельцина, 3, Ельцин Центр, 2 этаж),
а также
в Музее изобразительных искусств (ул. Воеводина, 5),
в Музее «Литературная жизнь Урала XX века» (ул. Пропагандская, 38)
и в Свердловском академическом театре драмы.

Подписывайтесь на журнал «Урал» с любого месяца.
Это делается так:
- на сайтах: https://www.pressa-rf.ru/ или https://www.akc.ru/
(для юр. лица по желанию подписчика заключается договор
и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

а также в электронном каталоге «Почта России»,
в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ»,
направив заявку по электронной почте: zakaz@akc.ru
или позвонив по тел.: (495) 680-99-71
(для юр. лица по желанию подписчика заключается договор
и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также
в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России»
Приходите, называйте индекс ПС429 — и вас подпишут!

Подписку на журнал «Урал» по горячему можно оформить
и в Центре подписки и доставки ООО «Урал Пресс Групп»
по адресу: Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130,
телефоны: 262-65-63, 262-76-98.

Информационные спонсоры журнала «Урал»:

УРАЛ
URALJOURNAL.RU

Областная газета

им. В. Г. Белинского

КУЛЬТУРА УРАЛА · РФ